

11.086к

ИВАНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

11

ОБЛГИЗ — ИВАНОВО — 1949

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

150/94-2
28/04/96

13/5-98-177639

14.04.99 № 19130
от 04. вкл

3 ТМО Т. 3.600.000 3 1653-91

ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИВАНОВСКИЙ
АЛЬМАНАХ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

И.086к.

91

-- 2010

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1949

BOOKS COLLECTION OF THE
LIBRARY OF THE
STATE UNIVERSITY OF
MOSCOW

АЛМАНАХ
ИВАНОВСКИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

-- 5010

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОГО РАЙОНА

А. КОЗЛОВ

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ

I

Солнечный день, и все вокруг озарено светом счастья, дышит теплом, молодостью. Торжественность момента чувствуется и в кратких восклицаниях, и в крепких рукопожатиях, и в простых душевных приветствиях пахарей, сеяльщиков, машинистов, животноводов. То и дело звонит телефон, и Василий Федорович слышит в трубке голоса своих товарищей, друзей: «С наградой!»... Поток телеграмм — из Москвы, Иванова, Фурманова, Кинешмы и даже из Сибири. Пишут профессора, художники, агрономы, трактористы, ткачи, солдаты. Они гордятся им, Смирновым, радуются его успехам, шлют добрые пожелания.

Почту он бережно складывает в тетрадь. На ее обложке лежит телеграмма от летчика-капитана Трофимова Алексея Ивановича.

— Кто такой, откуда родом летчик Трофимов? — обращается Смирнов к председателю сельсовета Леониду Соловьеву и колхозному агроному Василию Ивановичу Любимову. Фамилия вроде знакомая, а где ее слышал, никак не вспомню.

Соловьев, Любимов и сидящие тут в кабинете колхозники теряются в догадках.

— Может быть, он родом и не из нашего района.

— Может...

— А не учился ли летчик вместе с твоим сыном в академии? Ведь Александр майор?

— Нет, Саша теперь подполковник, в министерстве работает, — замечает Василий Федорович.

— А Клавдия-то в Калининграде?

— Там она учительствует. Вот собираюсь к ней. Правда, далековато до Калининграда, а все-таки съездить хочется. И сыновей в Москве навестить надо.

— Если сейчас поедешь, то до страды вернешься...

Собеседники вспомнили и о других детях Смирнова: о Евгении, который окончил авиационный институт и теперь работает инженером на заводе, Евдокии, которая получила образование в горном институте, о двадцатидвухлетнем Леониде, который учится в сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Вспомнили о многих других уроженцах приволжских деревень, крестьянских дочерях и сыновьях, получивших высшее образование. Вспомнили и о том, что в царское время были неграмотными две трети крестьян. А потом снова возобновился разговор о неизвестном летчике.

— Трофимов? Так. А не с той ли стороны Волги он?

— Там есть такие фамилии, — добавил не то бригадир Неробеев, не то тракторист Зайцев.

«Поздравляю с присвоением звания Героя. Желаю успехов на благо нашей Родины. Летчик капитан...» — прочитал вслух агроном и, чуть помолчав, добавил: — «в Москве подана».

А минутой позже с того берега Волги связисты передали еще несколько телеграмм от незнакомых лиц...

II

Пырешево, где Василий Федорович родился и прожил не одно десятилетие, раскинулось на возвышенном месте возле Меры, левого притока Волги. В нескольких километрах от деревни, по гористому правобережью великой русской реки, воспетой народом в песнях и прославленной героизмом советских патриотов, вытянулась Кинешма с ее фабриками и заводами.

Испокон веков было так, что пырешевские мужики, да и не только они, вели своеобразный полукочевой образ жизни: числились жителями деревни, а работали больше в городе.

Да и как можно было жить иначе, если лучшие земельные массивы принадлежали барину-фабриканту! Крестьяне теснились на узких полосках, своим хлебом им едва удавалось прокормиться до половины зимы. Тяжелая нужда, как смрад, гнала их из своих изб на ту сторону Волги, на поиски спасительной «отдушины», на поиски куска хлеба для себя, для своих семей. Отходники возвращались домой, когда надо было посеять или убрать урожай, подплести лапти ребятишкам или зарыть в могилу близкого человека...

Василий Федорович прочно обосновался в деревне лишь тогда, когда земля и леса уже не служили источником наживы для фабрикантов, а перешли в собственность советского государства, стали всенародным достоянием. Он почувствовал себя настоящим хлеборобом и приник к земле, загорелся любовью к ней, когда большевистский трактор стальным плугом перевернул между с ее бурьяном, и на слом пошел старый уклад деревенской жизни.

На заре становления новой жизни, в разгар острой борьбы за упрочение ее он вышел на передовую линию как командир: в первые месяцы существования колхоза стал его председателем.

Он взялся за руль управления с желанием, но не без робости. Только робость та скоро прошла. Новое, непривычное дело кажется чрезмерно сложным и трудным, пока его не поймешь умом и не полюбишь сердцем, а потом оно становится все легче, все увлекательнее и возбуждает человека, как самая лучшая песня.

Подпасок. Ученик штукатура в Петербурге. Кашевар на волжской бирже. Ткач на фабрике в Кинешме. Это — его и отрочество, и юность, и годов тридцать жизни после совершеннолетия. Это — его доколхозная трудовая дорога. Это — его «университет», где он черпал народную мудрость. Советская фабрика, ее рабочая семья дали ему первые уроки строительства жизни на началах доброго товарищества, трудового коллективизма.

Борьба за перестройку деревни увлекла Смирнова, стала главной целью его жизни. Как оружие, пригодились ему и опыт, накопленный за многолетнюю жизнь, и закалка, пройденная в рабочей семье на текстильной фабрике.

III

Мягкий диван. Хорошие стулья. На стенах портреты вождей. На столе, покрытом добротным зеленым сукном, стоят телефонный аппарат, чернильный прибор, настольная электрическая лампа. На окне — белоснежные занавески.

Так по-городскому выглядит его рабочий кабинет, небольшой, уютный.

Председатель колхоза склонился над картой севооборотов, освещенной мягким электрическим светом.

— Вот наши владения, — говорит он. — Мы занимаем территорию, равную сорока квадратным километрам. Государство передало нам на вечное пользование около 1300 гектаров пахотной земли, 850 гектаров лугов и пастбищ, сотни гектаров лесов. Захочешь обойти в один день — не обойдешь, поднимешься в воздух — и с самолета не окинешь одним взглядом все наше богатство, которое дала нам советская власть, которое создали мы своими руками на общественной колхозной земле...

Не сразу таким стал колхоз. В Чегановском сельсовете, кроме Пырешева, есть еще тринадцать деревень: Морозово, Долматово, Шарониха, Мартыниха, Чеганово, Коротиха, Вашкино, Волчиха, Зяблово, Кинино, Вершинино, Михайловское, Алексинно. И в каждой из них почти в одно и то же время — в начале тридцатых годов — была создана сельскохозяйственная артель.

Чегановцы, как ныне называют себя колхозники всех здешних деревень, рассказывая историю колхозного строительства, говорят так:

— История очень проста. Четырнадцать, семь, два, один — вот, можно сказать, и вся тут наша история.

Четырнадцать деревень — четырнадцать самостоятельных колхозов. Это начало, первое приобщение к коллективному труду.

Объединение одной деревни с другой — это второй этап.

В 1933 году произошло новое укрупнение. Вместо семи стало два колхоза — Чегановский и Первомайский. Так продемонстрировали хлеборобы свое понимание общности интересов, пришли к единому выводу — добиваться зажиточной и культурной жизни путем механизации труда, осуществить которую легче в крупном общественном хозяйстве.

Последнее укрупнение произошло в 1940 году. Чегановцы приняли в свою семью первомайцев. Завершилось объединение всех селений сельсовета в одну артель имени XVII партийного съезда. Сейчас колхозники двух-трех деревень составляют одну бригаду. Чеганово, Шарониha и Мартыниha — первая бригада; Коротиха и Вашкино — вторая; Волчиха и Зяблово — третья...

История колхозного строительства тесно связана с именем бывшего ткача Василия Федоровича Смирнова, — вот уже восемнадцать лет почти бессменно он стоит у руля управления артелью.

За это время выросло новое поколение хлеборобов, поколение, не видавшее ни фабриканта, ни косули, ни межи, ни убийств из-за клочка земли.

«Вот наша земля — 2.800 гектаров!»...

IV

Много пройдено, много пережито.

В год, когда Василий Федорович руководил колхозом в соседнем сельсовете, в Чеганове сменилось четыре председателя. Дела шли плохо. Часть урожая осталась в поле. Продуктов на трудодни колхозникам пришлось ничтожно мало. Некоторые люди упали духом, пошли на разрыв с колхозом. К моменту возвращения Смирнова в родную деревню из артели уже выбыл ни один десяток семей.

Надо было во что бы то ни стало разбить сомнения, ободрить слабых духом, помочь осознать ошибку людям, испугавшимся временных трудностей.

Вместе с колхозным активом, с коммунистами Смирнов укреплял в людях веру в колхоз, в его счастливое завтра, увлекал массы на преодоление трудностей. День ото дня Чеганово набирало силы для разбега, для скачка и вскоре вырвалось на

широкий простор, на дорогу роста. Артель перешла на травопольную систему земледелия, и перед тружениками полей открылась радостная картина плодородия.

Четыре года войны. Нехватка рабочих рук. Недостаток машин и живой тягловой силы. Было очень трудно. И все-таки колхоз не запустил землю, не уронил свою добрую славу. Он вырос, окреп, похорошел.

Женщины, старики и подростки Пырешева и Коротихи, Долматова и Морозова — каждой деревни большую часть плодов своего труда посылали фронту и рабочим городов. Выдача продуктов на трудодень уменьшилась, но колхозники не роптали и духом не падали. Невиданной собранностью своих сил они сделали то, о чем раньше только мечтали: во всех деревнях зажглись яркие электрические огни.

Перед тем, как начать тянуть линию электропередачи, Смирнов все обстоятельно продумал, взвесил и вышел на мир с точными расчетами.

«Всеми силами мы помогаем фронту, стране, — говорил он тогда на собрании. — Для распределения по трудодням оставляем минимум того, что каждому из нас требуется, и даже при таких трудных обстоятельствах мы не можем не поступиться средствами на электрификацию.

Установим моторы, и это облегчит наш труд, ускорит подъем нашего общественного хозяйства. Не сейчас, так потом сторицей окупятся наши расходы на лампочку Ильича...»

И линия была протянута.

V

За преданность народному делу любят и уважают колхозники своего вожака. Он умеет блюсти государственные интересы — всегда организует досрочное выполнение обязательств перед страной; умеет постоять за артельные интересы, защитить законные права колхозников. Он расчетлив, бережлив. О нем говорят колхозники: «Зря колхозной копейки не истратит».

Прошлой осенью чегановцы собрали богатый урожай картофеля. На каждый трудодень пришлось по 10 килограммов. Председатель задумался: «Что же делать с картофелем — отвезти в город и продать излишки или как-то иначе поступить?» Посоветовался с бригадирами, животноводами, и вместе нашли решение:

«Превратим картошку в сало! Поставим на откорм побольше свиней».

А через некоторое время он пришел к секретарю парторганизации Любимову с новым предложением:

— Работники промышленности ведут поход за экономию, берегут сырье, средства... Мы же отстаем. Как ты думаешь?

— Более жесткий режим экономии? За это и нам нужно бороться, — ответил секретарь.

— И я говорю об этом же. Куда годится дело, когда в некоторых бригадах на санях ездят один сезон, много денег тратим на колесную мазь, веревки, стекло, упряжь, грабли, косы, лопаты... Я думаю, что нужно дать бригадам лимит.

— У нас есть лимит. Каждая бригада знает, что на обработку гектара земли ей дается строго определенное количество трудодней. И доход распределяется с центнера полученного урожая. Пора идти дальше. Перевести бригады на хозрасчет — хорошая мысль. Поддерживаю, — сказал Любимов.

И очередное общее собрание колхозников дружно приняло решение о режиме экономии, дало правлению наказ установить бригадам лимит и обеспечить действенный контроль за расходованием средств на производственно-хозяйственные нужды.

Экономить в большом и малом, пресекать малейшие попытки расточительства — так сформулировал свой призыв к хлеборобам председатель колхоза.

Василий Федорович, которого называют талантливым самородком, инициативен, заботлив и скромнен. Он глубоко анализирует состояние дела и видит перспективы развития общественного хозяйства. Его сила в стократ умножается в повседневной тесной связи с народом, с общественностью. Он советуется с партийными, советскими работниками, агрономами, бригадирами, трактористами, плотниками, конюхами, доярками, во-время замечает и во-время же поддерживает инициативу, идущую снизу.

На заседании правления колхоза, в исполкоме сельсовета, в партийном бюро часто говорят об инициативе отдельных бригадиров и колхозников с той целью, чтобы почин одного быстро сделать достоянием всех колхозников. Как-то председатель коротко, деловито доложил об организации труда во второй бригаде. Эта бригада в полтора-два раза успешнее других ведет и заготовку удобрений и перевозку семян. А почему? Бригадир Сергей Амплеевич Неробеев по-новому организовал работу на вверенном ему участке. Если колхозники едут в город, он не разрешит им отправиться без того, чтобы не захватить попутно какой-то груз. Из других деревень на торфоболото едут порожняком, неробеевцы нагружают подводы навозом и, сложив его в поле на полпути к болоту, едут за торфом...

Вскоре почин Неробеева стал достоянием всех семи бригад. Лучшее использование тягловой силы ускорило проведение работ.

VI

Смирнов учит членов правления, бригадиров, актив, обогащает их практикой хозяйствования и, что не в меньшей мере важно, не упускает случая для повышения своего политического и культурного уровня. В дни зимней учебы он регулярно посе-

щает лекции агронома, зоотехника, бухгалтера и сам читает лекции колхозникам об Уставе сельскохозяйственной артели.

Чеганово хорошо связано с городом и получает от него разностороннюю помощь в пропаганде передовой агротехники, в организации массовой политической и культурной работы. Колхозники радушно встречают ученых, писателей, художников, артистов, лекторов. При всей занятости председатель найдет время и лекцию послушать, и по душам поговорить с ученым, скажем, о ветвистой пшенице, которая дает сказочно большие урожаи, и посоветоваться с работником райкома партии, как лучше провести очередную хозяйственно-политическую кампанию. Не любят здесь тех «уполномоченных», которые приезжают в деревню лишь затем, чтобы полюбоваться красотами природы, «толкачей», которые, не вникая в жизнь артели, пытаются командовать и подменять председателя или агронома...

Артель раньше всех в области ввела новую систему оплаты труда. Уже в течение ряда лет доходы распределяются по трудодням с центнера полученного урожая. Кто больше дал продукции колхозу — тому больше начисляют трудодней, больше выдают хлеба, картофеля, овощей, денег, кормов.

Система эта позаимствована в одном из передовых колхозов Горьковской области.

Года три или четыре назад Смирнову довелось съездить на Кубань, близко ознакомиться с деятельностью артели «Красный борец». Ему очень понравилась кубанская станица, с замечательными аллеями, скверами, общественными постройками. И там у него родилась мысль: «А что, если и нам, вместо четырнадцати деревень, разбросанных по разным сторонам, создать благоустроенный колхозный поселок с фруктовыми садами, с новыми общественными постройками... Сил, пожалуй, хватит».

И вскоре та идея овладела всеми чегановцами. Выбрали место для будущего поселка недалеко от берега Волги. Приехали архитекторы, составили проекты, и в 1948 году началось строительство.

Узнал председатель, что в «Красноволжье», колхозе на правом берегу Волги, применили простейшую механизацию на огороде и тем самым облегчили труд колхозников и сократили расход трудодней. В «Красноволжье» поехал чегановский агроном.

«В чужом доме побывать — в своем гнилое бревно увидеть» — любимая поговорка Василия Федоровича. И он не только повторяет эту поговорку, но и применяет ее на деле. Он часто бывает у своих соседей, внимательно следит за газетами, живо интересуется опытом колхозного строительства на Кубани, в Сибири, на Украине, в Подмоскovie и все ценное переносит на свои поля, огороды, фермы, подсобные предприятия.

— Девушки, дайте, пожалуйста, новую сводку о надое молока...

Из соседней с его кабинетом комнаты приходит девушка. Она кладет на стол лист бумаги, испещренный цифрами.

— Прибавили или нет? — осведомляется председатель.

— Вчера надоили побольше, — отвечает счетовод.

— Проняли все-таки! — радостно восклицает секретарь парт-организации Любимов. — Вы, Василий Федорович, опять вчера ездили на фермы?

— Ездил. Наш Мокшанов мудрит: бумажку напишет и говорит, что он выполнил решение партбюро. Дояркам не рассказывал, как вести раздой. Концентраты дают поровну всем коровам.

— Сколько за сутки прибавили? — поинтересовался Любимов.

— Тридцать два литра.

...Партийное бюро поставило на обсуждение вопрос о повышении продуктивности общественного скота. Зоотехник Мокшанов так и этак доказывал, что при существующих нормах кормления нельзя получить больший надой молока. Партбюро согласилось с его предложением — поставить на раздой группу лучших коров. Оно обязало правление выделить фермам дополнительно несколько сот пудов овсяной муки.

Заседание было вечером в субботу, а утром в понедельник председатель колхоза дал распоряжение о выделении концентратов. Через несколько дней он сказал Мокшанову:

— Я ждал, что овсяная мука превратится в молоко. И вы, Василий Петрович, обещали, что так и будет. А что видим? Нет прибавки.

— Рано еще, подождать надо, — уклончиво ответил зоотехник.

На следующий день Смирнов поехал на фермы — сначала на первую, где бригадиром Макарова, а затем на вторую к Неробеевой.

— Сколько коров поставили на раздой? Каким животным даете усиленную подкормку?

— Кормим, Василий Федорович, как всегда. Никакого усиленного рациона нет, — ответила Макарова.

— Овсянку получили?

— Нет еще.

Неробеева подтвердила то же самое.

Спустя двое суток он снова появился на фермах. Овсянка завезена и уже дается. Только без учета продуктивных качеств животных. Все коровы получают поровну — по килограмму. Нет ничего похожего на раздой, о котором договорились на партийном бюро.

Через три или четыре дня еще проверил выполнение своих

распоряжений. Подкормка организована правильно, но удои почти не растут.

— Знаете, Василий Федорович, ведь овсянка... она не может дать значительной прибавки, — оправдывался зоотехник.

Фермы получили полторы тысячи килограммов жмыха. Шли дни. Удои то поднимались, то снижались. Василий Федорович вновь заинтересовался работой животноводов. Оказалось, что животноводы не сумели подвезти грубые корма, допустили нарушение режима кормления скота. Вопрос был вынесен на обсуждение правления.

И вот надои молока стали расти изо дня в день.

— Скота у нас много. И скоро будет еще больше. Я думаю, Василий Иванович, автопоилки установить на ферме. Дело выгодное, — проговорил Василий Федорович.

— Безусловно выгодное. Животноводов надо собрать и поговорить с ними, выслушать их критику и предложения. Надо закрепить первые успехи раздоя, — сказал Любимов.

— Правильно. Пора проверить выполнение социалистических обязательств. Как животноводы добиваются получения 2500 литров молока от каждой коровы — об этом следовало бы рассказать в стенной газете.

— Это сделаем. Я скажу редактору...

Повседневный контроль за работой зоотехника, бригадиров-животноводов, соревнование доярок, настойчивая борьба за выполнение решения партийного бюро — все это дало положительные результаты. А Смирнов недоволен: «Маловата прибавка».

Не топтаться на месте, вперед идти — к большему, к лучшему — характерная черта коммуниста — вожака колхоза.

VIII

«Мы, руководители, должны быть чисты, как хрусталь».

Об этом он часто напоминает членам правления, бригадирам.

Высокая сознательная трудовая дисциплина — вот, что он считает главным для успеха дела. За такую дисциплину он борется ежедневно, ежечасно, настойчиво и непримиримо.

Однажды на правлении рассматривался материал о проступке сторожа Петра Виноградова.

Участковый милиционер, проверяя ночью охрану центральных складов, не нашел человека на посту. После длительных поисков милиционер зашел в помещение добровольной пожарной дружины. Там крепким сном спал Петр Виноградов.

Члены правления, строго осуждая этот проступок, высказались за то, чтобы оштрафовать нерадивого колхозника. Последним взял слово председатель.

— Мы, — заявил он, — доверили Виноградову охранять склады — богатство артельное, плоды нашего труда. Я предлагаю — не только оштрафовать на три трудодня, но и не начислять ему за эту ночь положенный трудодень. Виноградов спал, а за сон нигде не платят, и, разумеется, не будет платить и наш колхоз.

Так и порешили.

В колхозе не дают поблажек разгильдяям и лодырям. Коммунисты зорко стоят на страже сталинского Устава сельскохозяйственной артели. Ни один факт нарушения трудовой дисциплины не проходит незамеченным. Нарушители подвергаются общественному воздействию, несут материальную ответственность. Для повышения политической сознательности колхозников многое делают и колхозная партийная организация, и депутаты сельсовета, и колхозный актив. Каждый случай нарушения правил внутреннего распорядка рассматривается как «чрезвычайное происшествие», и таких случаев становится все меньше и меньше.

— Василий Федорович Смирнов? Интересно, слышали мы о нем. Видимо, дельный человек. А какой он из себя, молодой или уже в годах? спрашивали меня колхозники с Соболева, Юрьеvecкого района.

Он среднего роста, крепкого телосложения, с усиками, седых волос не видно. Выглядит он так, что не подумаешь, что ему шестьдесят четыре года. Он всегда поглощен артельными делами: без суетливости, спокойно, быстро решает дела в правлении, то на лошади, то на легковой автомашине, купленной колхозом в прошлом году, ездит по бригадам, следит за порядком на фермах, проверяет работу подсобных предприятий, строителей.

...На окраине села жужжит круглая пила. Вокруг навалены бревна, тес.

— Нам очень много потребуется лесоматериалов. Колхозный поселок строим! Видели наш первенец — двухэтажный дом? Скоро туда правление переедет. Дом предназначен для конторы, а в старом, где мы сейчас помещаемся, будет дом отдыха. Этой осенью собираемся клуб заложить.

Василий Федорович с увлечением рассказывает о том, каким будет поселок, который займет площадь в сто с лишним гектаров. Вслед за конторой и клубом развернется строительство мастерских, школы, больницы, домов колхозников, бани, гостиницы, хлебопекарни, столовой, детского комбината, дома для престарелых колхозников. Филналы поселка — животноводческое и элитно-семеноводческое хозяйства — также получат новые просторные помещения. Уже теперь в колхозе есть электричество, радио и телефон. В новом поселке, куда переселятся колхозники всех деревень, намечено построить водопровод, создать большой фруктовый сад.

Вот оно будущее колхоза. Вот оно уничтожение грани между городом и деревней. Вот оно шествие коммунизма!

На осуществление грандиозного плана строительства потребуются большие средства. Об этом знают и Смирнов, и Любимов, и колхозники. Они твердо верят в свои силы, надеются на крепость экономики артели, знают, что от счастливого сегодня к более счастливому завтра путь один — стахановский труд всего коллектива, дружные согласованные действия всех хлеборобов.

«Крепко стоят на земле и далеко видят наши люди». Так метко выразил свои чувства старейший хлебороб Аким Макарович Кузнецов еще тогда, когда только начинали разрабатывать проект поселка.

Строительство началось, и люди во главе с испытанным вожаком думают, как лучше организовать труд, чтобы сделать его более производительным, как практичнее хозяйствовать на общественной земле, чтобы еще радостнее была картина плодородия, чтобы элитно-семеноводческий колхоз имени XVII партсъезда получал дохода не один миллион, как было до сих пор, — а два-три миллиона рублей в год.

Чтобы увеличить денежные доходы, колхозники осуществляют жесткий режим экономии. Они повышают культуру земледелия, животноводства, подтягивают отстающие участки своего хозяйства, развивают подсобные предприятия, пускают в ход резервы, которые до сих пор не использовали.

Беспокойные, трудолюбивые, далеко видящие люди живут заботами о новом росте могущества советской отчизны, своего родного колхоза-миллионера, слава о котором идет по всему ивановскому Поволжью, по всей области и за ее пределами.

...Василию Федоровичу Смирнову присвоено звание Героя Социалистического Труда за получение в 1948 году 29 центнеров ржи с гектара на площади 75 гектаров и соблюдение всех других требований — выполнение колхозом обязательных поставок и контрактации по всем видам сельскохозяйственной продукции, натуроплаты за работу МТС и обеспеченность семенами всех культур в размере полной потребности для весеннего сева 1949 года.

Так сказано в Указе Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

«За все, что сделал для государства, для колхоза за восемнадцать лет председательствования, он заслужил высшую награду» — добавляют колхозники.

Звание Героя Социалистического Труда присвоено колхозникам сельскохозяйственной артели имени XVII партсъезда трактористу Заволжской МТС Дмитрию Михайловичу Зайцеву, бригадиру тракторной бригады Анатолию Михайловичу Смирнову.

Орденом Ленина награждены: звеньевые Клавдия Волкова, Евдокия Дианова, мать Героя-тракториста Анфиса Зайцева, бригадиры Иван Груздев, Дмитрий Яковлев, агроном Василий Любимов. Десятки чегановцев награждены орденами и медалями Советского Союза за получение высокого урожая.

...Солнце сияет над землей. Куда ни взглянешь—всюду кипит трудовая жизнь. К новым вершинам, к новым подвигам идут члены большой славной колхозной семьи.

**

В дни, когда Смирнов собирался в Калининград, в гости к дочери, он получил приглашение в Польшу на съезд Союза крестьянской взаимопомощи. Перед отъездом в Варшаву агроном Любимов, бухгалтер Шув, колхозники напутствовали Василия Федоровича:

— Передавай привет нашим польским друзьям!

— Обязательно расскажи им о нашей счастливой, колхозной жизни.

— Пусть знают польские крестьяне, какую силу мы обрели в колхозе. Ведь они тоже строят новую жизнь и им может пригодиться наш почти двадцатилетний опыт.

— Скажи польским крестьянам, чтобы смелее они шли новой дорогой. Если будет нужна им помощь, советские люди, Сталин дадут ее. Так и скажи...

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

МАСТЕРИЦЕ ЛЬНА

Посвящается Герою Социалистического Труда звеньевой колхоза „Третий решающий год пятилетки“, Пучежского района, Варваре Степановне Антипиной.

Ты прими, Варвара Степановна,
Ты прими наш низкий поклон
За работу твою неустанную,
За высокий, за частый лён!

Не тебя ли ранняя зорюшка
Заставала у борозды,
И не ты ли с колхозного полюшка
Не хотела уйти до звезды?

Ты могучую силу науки
На подмогу себе призвала.
С нею крепче рабочие руки,
С ней скорее идут дела.

Ты отборное семя посеяла,
Всходам на ноги встать помогла.
Словно малых детей, их лелеяла,
Удобряла их, берегла.

Вот и вырос твой лён: головастый
Да высокий — такой молодец!
— Здравствуй, лён наш колхозный, здравствуй,
Наш рощеный ленок-долгунец!

Для уборки ты выбрала времечко:
Теребила ленок по росе, —

Не хотела единого семечка
Потерять на своей полосе.

Никогда не искала ты славы,
Да сама тебя слава нашла,
И награду отчизны по праву
Ты за доблестный труд приняла.

Светит вешнее солнышко молодо.
В книге доблести трудовой
Есть строка из червонного золота —
Имя пучежской звеньевой.

Посмотри-ка, Варвара Степановна,
Солнце снова зовет весну.
Скоро в поле на пахоте заново
Ты покажешь дорогу звену.

Ярко небо цветет васильковое
Над широким простором полей.
Выполняй обещание новое:
Урожай богатырский взлелей!

ПЕСНЯ О ЛЬНЕ

Там, где поле под уклон,
Наш колхоз посеял лён.
Ой, ты лён, зеленый лён,
Уродись длинён, силён!

Подростал он, расцветал,
Волокнистым, длинным стал.
Ой, ты лён, зеленый лён,
Ты удачен, ты силён!

В чистом поле всем звеном
Мы трудились надо льном:
Начинали теревить,
После стали колотить.

Возле речки до темна
Расстилали пряди льна,
И трепали мы его,
И чесали мы его.

В шуме фабрик из ленка
Пряжа выпрялась тонка.
Бьется-мечется челнок —
Новой тканью стал ленок.

Наши знатные ткачи
На работе горячи.
Ты, родная сторона,
Будь обновлениями славна!

ДОЯРКА

С пылающим от холода лицом
Она в коровник входит спозаранок
Наполнить ясли доверху сенцом,
Донть Красавок, Зорек и Пестрянок.

Раскладывает сена облака,
Вздыхают шумно за едой коровы,
И тоненькие струйки молока,
Звеня, как струны, бьют в подойник новый.

Надой хорош. Не зря из года в год
Она молочных телок отбирала,
Не зря колхозный улучшала скот,
Породистое стадо создавала.

Вокруг ее питомицы мычат.
Ей руки лижет ласково Буренка
И бык, по имени Аристократ,
Гроза двора, при ней смиренней теленка.

Семнадцать лет она дояркой тут.
Накапливала опыт год за годом,
И, видно, не спроста её зовут
Колхозники своим животноводом.

Название ей пристало. Далеко
Её коровы славятся удоем.
Их сладкое густое молоко
Дивит хозяек редкостным устоем.

Успех ей новой силы придает —
И вновь доярка за любимым делом:
Колхозное богатство создает
Своим трудом, старательным, умелым.

ТКАЧИХА

От полей с перелесками
Из родного села
На текстильную фабрику
Я работать пришла.
Познакомилась в корпусе
С молодым пареньком,
И цветет сердце девичье
Золотистым цветком.

То не солнышко выглянет —
Милый рядом пройдет.
Словно роща весенняя,
Зал поет и гудёт.
Молодая, умелая
Я стою за станком.
Ткань широкая, белая
Расцветает цветком.

Завлекательно вечером
Мне со смены ходить:
Меня милый старается
Каждый раз проводить.
А на утро мы в корпусе
Соревнуемся-ткём
И цветет-распускается
Наше счастье цветком.

М. КОЧНЕВ

ТРУД И ПЕСНЯ

Много старинных русских городов раскинулось на живописных берегах красавицы Волги, издавна прославленной в стихах и песнях, в преданиях и легендах.

Одним из таких светлых городов был до войны Ржев. Зеркальная гладь реки разделяла его на две части: Ржев первый и Ржев второй. На одной из солнечных улиц города жила дружная семья Гаецких. Отец и мать работали, а четверо детей учились в школе. Старший брат Тони Гаецкой кончил семилетку и поступил в ремесленное училище. Он давно мечтал стать хорошим мастером на заводе. Тоня училась в семилетке. После собиралась поступить в техникум. Но война нарушила все мечты и планы, война разбросала дружную рабочую семью по разным городам.

...К Ржеву подходили немцы. Старший брат вместе с ремесленным училищем эвакуировался в Куйбышев. Семья Гаецких не успела выехать и оказалась в плену у немцев.

Красивый город превратился в развалины, небо над Волгой заволочило тучи дыма. По вечерам багрово пламенел горизонт от пылавших в окрестностях пожарниц. Тоскливо стонал в оборванных проводах ветер, изнывали под пятой у немцев советские люди. Немцы принесли голод, несчастья, мученья, надругательства над жителями.

Город словно вымер. Не стало работы, у каждого порога стояла голодная смерть, она ежедневно уносила в могилу десятками и сотнями свои жертвы.

Все, что было найдено у Гаецких, они продали, променяли на кусок хлеба, на котелок мороженой картошки. Тоня вместе с сестренкой и братом ходила побираться по миру, но почти всегда возвращалась ни с чем, так как все в городе сидели голодными.

Голодной смертью умер отец. День и ночь несчастные люди с нетерпением ждали Красную Армию.

Она возвращалась. Гремела, все ближе и ближе подкатыва-

ясь к Ржеву первому, мощная артиллерийская канонада, сотрясая земля от бомбовых ударов, бои завязывались на подступах к городу.

Немцы насильно выгнали жителей за Волгу, на тот берег, в другую часть города. Семью Гаецких выдворили тоже. Мать и четверо детей приютились в окопе. Их всех шатало ветром, силы иссякали. Последняя надежда на спасение была утрачена. На том берегу у Гаецких осталось несколько гряд, с великим трудом весной засаженных картошкой и капустой... Проникнуть на тот берег не представлялось никакой возможности; сообщение через Волгу было запрещено.

На одних травяных щах несколько дней жили Гаецкие.

Но вот однажды двенадцатилетний брат сказал Тоне:

— У одного моего товарища есть лодка. Он очень надежный, он нас переправит на лодке на тот берег, и мы привезем картошки со своего огорода.

В окопе с матерью осталась самая младшая сестренка. Тоню и ее брата их сверстник, маленький перевозчик, вечером переправил на другой берег.

Выбиваясь из последних сил, они тащили, пригибаясь к земле, мешок с картошкой и капустой...

Но когда радостные они вернулись в окоп, мать и маленькую сестренку за это время немцы выгнали из окопа неизвестно куда. Долго в напрасных поисках Тоня со своим братом блуждала по городу.

Им посчастливилось встретить подругу матери тетю Таню. Тетя Таня взяла бесприютных ребят к себе.

Под ударами Красной Армии немцы отходили от Ржева. Уцелевших людей немцы гнали на запад. За тетей Таней пошла и Тоня Гаецкая вместе с братом.

Кровяные мозоли горели на ногах. В пути тете Тане удалось уйти от конвоя, она нашла знакомых людей в одном селе около Сычевки. В это село привела она вместе со своими детьми и Тоню с братом. Маленький братишка остался здесь, а Тоня попала в сборный дом в Сычевке, которая была еще оккупирована.

Этот дом в Сычевке называли «детской мертвецкой». Ужаснулась Тоня, войдя в грязный холодный коридор, заплеванной, затоптанный. Дом казался вымершим.

Она была тринадцатая. Исхудалые, валяясь на полу, одни плакали, другие бредили, в бреду просили кусочек хлеба.

Обмерло сердце у Тони. Здесь ей предстояло жить.

— Убегу, не стану я здесь пропадать заживо, — подумала Тоня...

Она была очень голодна, но, когда дали на обед щей из силосной капусты и одну мороженую картошку вместо хлеба, она попробовала и отвернулась.

А через ночь троих девочек вынесли из комнаты мертвыми.

Каждый день пригоняли сюда осиротевших детей, но жителей в дому не прибывало, одного за другим подкашивала болезнь, уносила смерть.

8 марта 1943 года — памятный день в жизни Тони Гаецкой. В этот день в Сычевку пришла Красная Армия. Тоня и ее подруги вновь оказались на воле.

20 мая 1943 года Тоня вместе с другими девочками приехала в Иваново. Еще в поезде юные пассажиры много говорили о городе, в который они впервые ехали.

— Мы постарше, мы на фабрику, в школу ФЗО пойдем, а вы поменьше, вас пока в детский дом, — рассуждали старшие девушки со своими младшими спутницами.

Их встретили приветливо, показали город, водили по фабрике; одних привлекала больше всего работа ткачих, других манили под свои шумные своды просторные прядильные корпуса.

— Нет, я все-таки останусь в прядильной. Здесь светлее, — говорила Тоня о ватерном цехе, — здесь чистота такая приятная и машины веселые..

Но больше всего привлекали новичков сами работницы — все молоденькие, жизнерадостные, проворные, сметливые; глядя на их работу, можно было догадаться, что они довольны своим трудом, что любят свое дело, свою фабрику.

Тоня поступила в группу прядильщиков в школу ФЗО при прядильно-ткацкой фабрике имени О. А. Варенцовой.

Эта фабрика отличается от других фабрик тем, что на ней работает исключительно молодежь.

В общежитии чисто, светло, во всем распорядок, в комнатах после работы звенят песни, есть библиотека, книги, журналы. После страшного «сиротского дома» в Сычевке девушкам как-то даже не верилось, что теперь они всегда будут сыты, обуты, одеты, постоянно окружены заботой и вниманием.

С Тоней жили еще четыре девушки. Они сюда прибыли тоже из Сычевки.

Многое, что они увидели при посещении фабрики, не только радовало, но смущало, беспокоило: хватит ли сил, понятности, чтобы все познать, выучиться управлять сложнейшими первоклассными машинами. Мастерство прядильщиц сложное, оно требует большой выучки и прочных знаний.

Но преждевременное беспокойство исчезало по мере их общения с машинами. Собралась дружная спаянная группа прядильщиц, группа разделилась на две подгруппы, каждой подгруппе дали своего инструктора — опытнейшую прядильщицу.

...В класс вошла инструктор Клавдия Устиновна Новосельская. С первого взгляда она показалась строгой. Класс притих. Все первое занятие ушло «на разговоры», что некоторым даже не понравилось. Даже кто-то шепнул:

— Так-то нас будут учить?!

Но лишь потом стало ясно, что Новосельская с волнением следила за порученным ей большим делом — делом подготовки молодых рабочих, осторожно подходила к новичкам как опытный, вдумчивый педагог, она пыталась как можно скорее проникнуть в душу, в характер каждой девушки, чтобы знать каждую и уметь к ней «подойти».

Через несколько дней Тоня под присмотром инструктора работала на пяти веретенах! Пять веретен, а на сторонке их почти три сотни! Но сколько радости принесли эти пять веретен девушке! Она почувствовала себя распорядительницей над ними! Сначала не верилось, что веретена крутятся, думалось, что они стоят неподвижно; так быстро они вращаются, несколько тысяч оборотов в минуту! С катушки спускались к веретенам белые ровные шнурочки, проходя через вытяжной аппарат, вытягивались в тончайшее волокно, которое никло к веретену, вращающемуся с непостижимой скоростью. Волокно на веретене превращалось в нить!

Не замечала ученица, как пролетали четыре часа. Каждый день приносил новую добрую радость, радость постижения мастерства.

Через несколько дней в распоряжение Тони отвели целый валик. На валике веретенное семейство вдвое больше, здесь только успевай следить за каждой ниточкой, но глаза еще не привыкли к зоркой орлиной хватке, с которой бросает взгляд, проходя мимо сторонки, опытная прядильщица, и руки были не наметаны, пальцы не расторопны и не гибки. Порой оборванная нить то прилипала к пальцам, то не кленлось дело с узелком, с присучкой, не хватало смекалки и нужного спокойствия, а движения были не размерены, охватывала излишняя торопливость, вредящая делу.

Полтора десятка учениц рассыпались по сторонкам, но ни одна из них не ускользала из-под зоркого взгляда Новосельской.

— Торопиться надо не спеша, — говорила она, останавливаясь около ученицы, показывая, как лучше присучивать нити. Кончики нитей в ее пальцах будто сами, по ее желанию, захлестывались одна с другой и прочно срастались.

Но вот и с валиком, т. е. с десятью веретенами, освоилась Тоня. После работы она иногда простирала перед собой руки и смотрела на них с лукавой улыбкой.

— А ведь привыкают помаленьку, день ото дня пальцы становятся смелее, понятливее, послушнее.

От десяти веретен дорожка вела к половине машины. Под командой у девушки оказался большой веретенный «взвод», около полтора десятка веретен. И, действительно, веретена казались похожими на маленьких солдатиков, стоящих в ровном строю.

Встав на полсторонки, Тоня поняла, что теперь она должна быть во много раз и зорче, и расторопнее, и внимательнее.

Даже тревожно затокало сердце, когда она увидела, что пря- дильщиц на всей сторонке остается всего две, а давно ли стояло здесь пятнадцать учениц? Другие ушли на соседние машины.

«Неужели не справлюсь? Нет, должна справиться», — подумала она.

Руки не подвели, зоркие глаза не обманули девушку, во всякую трудную минуту поспевала ученице на помощь опытная направляющая рука Новосельской.

— Хорошо обращаешься с машиной, — обычно скупая на похвалы, подбадривала Тоню Новосельская.

Она знала, что в сердце у хорошего учителя строгость и ласка к своему ученику должны жить всегда рядом.

Тоня особо чутка была к ласковому, ободряющему слову: добрый отзыв учителя будто прибавлял сил, уверенности.

Хорошо работала девушка на половине машины. Она успевала сделать и свое дело и даже помочь подруге.

И вот уже Тоня стала полноправным командиром целой сторонки. Судьбу 280 веретен вверили ей! За полторы недели девушка так привыкла к своему маршруту, что могла найти с закрытыми глазами каждое веретено. Теперь она не узнавала свои руки, легкие, проворные, как крылья резвой ласточки.

Теперь Тоня и сама понимала, что мастерство прочно ложится в ее руки.

Все шире и шире раздвигалось поле трудовой деятельности. Больше полтысячи веретен обслуживала Тоня. Часто над ее прядельной машиной вспыхивал, словно маковый цветок, показательный кумачевый флажок. Этой чести удостаивались самые лучшие ученицы в подгруппе. Этот флажок был похож на огонек, который все ярче и ярче освещал перед Тоней дорогу к высокому мастерству. По этой дороге комсомолка Тоня Гаецкая шагала упорно, твердо веря в свою большую удачу в труде.

Когда Тоне предложили встать на три сторонки, она не испугалась, лишь сказала:

— Я сама об этом думала, кажется, пора уже.

Озарялось смуглое лицо Тони, отсверки играли в ее черных глазах, с радостью смотрела на своих учениц прядельщица-инструктор Новосельская. Труд ее не пропал даром, золотая нить мастерства не утрачена, она от старой мастерицы принята в надежные молодые руки, которые пронесут ее через всю свою жизнь, усовершенствуют, прибавят к ней свое золотое волокно, добытое практическим опытом в содружестве с передовой советской наукой, и передадут его дальше тем, кто придет им на трудовую смену.

Лишь в глубине сознания появилась немножко грустная мысль:

«Ну вот, птенцы, поднялись на крыло, скоро-скоро совсем не нужен будет вам инструктор», — глядя на молодых раб- ботниц, думала Новосельская.

Двоим инструкторам, действительно, стало нечего делать. На обе подгруппы остался один инструктор.

Прекрасно работая на трех сторонках, Тоня успешно, одной из первых, закончила полуторагодичное обучение.

Школа дала девушке большое почетное право — первоклассной мастерицы. Учеба в фабричной школе хороша тем, что она с первых дней была подкреплена практической работой, поэтому перед девушкой не стоял волнующий вопрос:

— А как-то у меня дело пойдет на работе?

Свое дело она знала в совершенстве, знала тот цех, где предстоит работать самостоятельно, даже знала машины, на которых придется работать.

И все-таки стало грустно покидать комнаты школьного общежития.

Всей пятеркой, дружной, слаженной, переселились девушки в рабоче общежитие.

Комсомолка Гаецкая смело встала за четыре сторонки. На каждой сторонке 280 веретен. Но в первый же день пришлось молодой работнице столкнуться с непредвиденной трудностью, которая немало озадачила и встревожила Тоню.

В школе все время она училась на прядении основных нитей, а здесь ее сразу поставили на уточные. Работа на утке гораздо сложнее и тяжелей, она требует от прядильщицы безукоризненного мастерства и исключительного внимания.

«Вдруг да не справлюсь с утком? Не лучше ли на первое время попроситься на основу?» — подумала Тоня, приступая к работе.

Начальник цеха Щербинина Елизавета Филипповна будто прочитала мысли девушки, глянув в ее черные смысленные глаза, спросила:

— Что стусевалась? Может, на основы перейти желаешь?

И лишь потому спросила Щербинина, что у нее у самой было сомнение: справится ли молодая прядильщица.

— Нет, я буду работать на утке, только бы начать по-доброму, а там наладится.

Тоне не пришлось краснеть перед начальником цеха. Она скоро поравнялась с лучшими работницами. Щербинина внимательно, особенно в первые дни, наблюдала за ее работой, за полетом ее неустанных рук.

— Дивлюсь, Тоня, как это ты все быстро освоила? Сознаюсь, опасалась я за тебя, когда ставила на уток, думала придешь ты ко мне со слезами. А теперь, не боясь, скажу: золотые у тебя руки, умные, надежные.

Одобрительное слово начальника цеха и обрадовало и еще больше вдохновило прядильщицу.

Прядильщицу Тоню комсомольцы выбрали своим вожаком, комсомольским группоргом.

Большое доверие оказали ей, прибавилось заботы и хлопот.

но она любит хлопотать и заботиться о своих подругах. Там, где требуют интересы дела, — она умеет твердо постоять за свое, поспорить, потребовать от администрации цеха, не боится сказать правду в лицо, покритиковать горячо, по-комсомольски, своих товарищей, не обижается, а, наоборот, бывает благодарна своим товарищам, когда они подскажут ей что-нибудь интересное, новое в работе.

* *
* *

...Весь четвертый этаж на фабрике называется комсомольско-молодежным. Самый веселый и солнечный этаж. Здесь вершит все дела молодежь. Девушки — хозяйки этого просторного помещения, девушки — распорядительницы над первоклассными машинами, изготовленными на советских заводах.

Неумолчно жужжат и гудят тысячи веретен в непостижимом стремительно-быстром вращении. С сотен белых катушек, издали напоминающих бутылки с молоком, тянутся ровные крученые ленточки к веретенам. От ослепительной белизны множества катушек в прядильной кажется светлее и праздничнее, чем в других корпусах, и лица работниц веселее и ласковее, будто чистота нитей отражается на лицах девушек, а улыбочность и ласковость взоров девушек придает живой блеск белоснежным волокнам.

Когда запели многоголосную песню торопливые веретена, дремать некогда!

Весь этаж залит ярким электрическим светом. Яркий свет в прядильной — необходимое условие для успешной работы.

Ибо глаза прядильницы все 480 минут рабочего времени за сотнями веретен и нитей наблюдают неустанно, стремятся, чтобы каждое работающее веретено хоть на полминуты не стало «гуляющим». Гуляющее веретено — враг прядильницы, работающие веретена — ее друзья...

...Дневная смена еще не закончила работу. На белом циферблате больших часов черный уголок стрелок показывает девять часов тридцать минут вечера. В десять заступают в «ночную».

Раньше всех около раздевалки появляется Тоня. На черных бровях ее, на берете и воротнике пушинками хлопка блещут февральские снежинки, принесенные с улицы. Скинув туфли, Тоня обувается в легкие, удобные тапочки, надевает фартук.

Она уже готова к делу. Тоня подходит к своим прядильным машинам, придирчиво поглядывает на работу своей сменщицы, все ли в порядке. Эти дни Тоня особенно требовательна к своей сменщице...

— Не сидится ей дома, опять раньше всех прилетела, — не то шутя, не то всерьез, быстро проходя мимо Тони, говорит ей сменщица.

Но и сама сменщица, когда принимает смену, не менее требовательна к Тоне.

...Вот уже в просторной светлой комнате на четвертом этаже собралось больше двух десятков прядильщиц. Молодые, жизнерадостные лица, озаренные взоры, на каждой хорошее, аккуратно сшитое по моде пальто, оживленные разговоры, улыбки, смех. Невольно сравниваешь фабричную «раздевалку» с коридором института в утренние часы перед началом лекций. Рабочая молодежь внешним своим обликом, одеждой, манерами напоминает студенческую молодежь, и не только внешним — здесь тоже почти каждая учится, занимается в вечерней школе или в каком-нибудь кружке.

Вокруг комсорга Тони оживленный диспут: кто первый выполнит взятое на себя обязательство?

Черные глаза Тони поблескивают.

— Знаете, девушки, надо вывесить в прядильной краткие, но ясные плакаты. Секретарь партийного комитета вчера привел один очень выразительный пример. Точно подсчитано:

«Если одно веретено прогуляет смену, то потеря — 100 граммов пряжи».

А если месяц, то два килограмма!

— Тоня, ты требуй своего, сходи к Звездину, пусть придет к нам на собрание, поможет обсудить. Чего это помощника мастера, словно шахматную фигуру на доске, передвигают с места на место, — подсказывают Гаецкой девушки.

До начала смены она успевает зайти в партийный комитет к секретарю Дмитрию Ивановичу Звездину и переговорить о всех наблевших вопросах.

Там, где комсомольцы не в силах разрешить тот или иной вопрос сами, они всегда прибегают за советом к партийной организации.

Внимательно выслушав Тоню, секретарь сказал:

— Приду. Собирай собрание после смены. На месте лучше разберемся.

...Дневная смена сдала работу. Новые люди вошли в цех. За окнами темень. А здесь светлота, блещут стальные плечи прядильных машин, катятся тележки с катушками. Другие тележки отвозят цевки с наработанной пряжей — сотни и тысячи белых огурчиков с черными сердечками. Каждый огурчик вырос на расторопной прядильной машине в несколько минут. Из этих белых огурчиков слагаются килограммы и тонны пряжи. Шумят и жужжат веретена. Кипит работа. Сейчас не до разговоров прядильщицам.

Достаточно отвлечься на минуту-две, как сразу начнет «колыхать», исчезнет слаженность, прядильщица выпадет из ритмичного хода работы и может не наладить его в продолжение всей смены...

Тоня встала на привычную дорожку к своим прядильным ма-

шинам. Она обходит одну за другой четыре сторонки. У нее есть свой строго продуманный маршрут, рассчитанный на то, чтобы как можно чаще «встретиться» с каждым веретенем.

Веретено, как живое, любит к себе внимание. Чем чаще взглядывает на него хозяйка, тем оно услужливее, веселее.

Сосредоточенным стал взгляд Тони, исчезла улыбочность с ее лица, все ее внимание сейчас устремлено и отдано этим белым катушкам, нитям и веретенам, наблюдению за машиной, за чистотой ее механизмов, за чистотой своего рабочего места.

С каждой секундой тает белая ленточка на больших верхних катушках, с каждой секундой наливается и заметно прибывает белое нитяное платье на тоненьких нижних шпулях.

* * *

Работа прядильщицы тесно связана с работой съемщицы. Если съемщицы не могут влиться в тот ритм, с которым трудятся прядильщицы, то дело не заладится и у прядильщицы.

Не обижаются Тоня на планщицу комсомолку Тамару Ронтову и на ее бригаду. Тамара Ронтова умеет так расставить людей и рассчитать работу, что прядильщице не приходится терять ни одной минуты на ожидание.

Вот она быстро подошла к прядильной машине, чуть склонилась, взялась за ручку рычага, но не повернула его, она медлит какихнибудь две-три секунды, потому что видит, что не наступил момент для «съема».

Но вот уверенный и быстрый поворот рычага — и в одно мгновение замерли обе сторонки, перестали крутиться сотни веретен, по обеим сторонам машины рассыпались съемщицы девчушки: Малышева Лида, Ронтова Валя, сестра Тамары, Корсакова Мария, Ширшова Рая, Богачева Аня, Анисимова Соня.

Фактором скоростных навыков в прядильной одинаково дорожат как прядильщицы, так и съемщицы.

Тот, кто овладел скоростными навыками, всегда окажется впереди всех.

Железная тележка с двумя «закромами» вместе со съемщицей передвигается вдоль машины. В одном закрое быстро вырастает горка сработанных цевок, из другого работницы берут пустые цевки и надевают на веретена.

И вновь шумит прядильная машина. А планщица уже взялась за рычаг соседней машины, а ее бригада съемщиц вновь готова к съемам.

Здесь знают высокую цену секунде, потому так дорожат временем.

На присучку нитки по норме полагается пять секунд. Тоня эту операцию производит значительно скорее. На подставку катушки с ровницей предусмотрено девять секунд, она ставит катушку значительно скорее. Каждая минута отдана работе.

Если нет «гуляющих» веретен, не требуется подставлять катушки с ровницей, Тоня берет щетку и лишний раз обходит машины, обметает пух с механизмов, с нитей. Загрязненная машина может загрязнить нити, а Тоня старается вырабатывать только первосортную пряжу.

Особенно нужно быть зоркой и заботливой к машине сейчас. На всех прядильных машинах в комсомольско-молодежной бригаде повышены скорости. Повышенные скорости требуют от прядильщицы большей затраты сил и внимательности.

Норма на одну машину за смену — 50,8 килограмма пряжи. Но Тоня Гаецкая, как правило, обычно вырабатывает на каждой машине 73 килограмма пряжи за смену. К тридцатилетию комсомола она выработала сверх плана 4,5 тонны пряжи.

Тоня соревнуется с Хороховой Тоней и Яшкиной Тамарой.

Они как-то собрались вместе и стали обсуждать свои планы на дальнейшее и свои возможности.

Обсудили и решили: вместо того чтобы подводить итоги, они взяли новые повышенные обязательства в честь большого комсомольского праздника — XI съезда ВЛКСМ.

* * *

...Еле заметно брезжит на востоке. Еще горят фонари на улицах, но город уже просыпается, к фабричным воротам стекаются люди, они скоро примут утреннюю смену.

Тоня устала. Восемь часов она беспрестанно двигалась, руки ни на минуту не ведали покоя. Когда остановились прядильные машины, девушка вдруг почувствовала, что ее клонит ко сну, но все-таки она сейчас испытывает отрадное чувство.

— Ни одно веретенце нынче «не гуляло», — говорит Тоня своей сменщице.

— Боятся тебя веретена.

— Не боятся, а хорошо слушаются, — поправляет Тоня сменщицу и спешит к себе в общежитие.

Сладко спится на заре..

...Гаецкая — вожак молодежи в своей молодежной группе. Можно отлично работать, выполнять и перевыполнять план, но уважения со стороны своих товарищей не купишь.

Чтобы тебя любили, надо еще быть настоящим советским человеком, чутким товарищем — честным, искренним, справедливым и смелым.

Гаецкая настойчиво учится в повседневной комсомольской работе ответственному делу руководителя.

Внимание, чуткое отношение к своим подругам и в жизни, и в работе — она считает главным.

...Однажды Тоня услышала жалобу на молодую прядильщицу Аню Гуринович. Аня работала в то время на третьем этаже.

До этого Тоня знала Аню как хорошую работницу, скромную, трудолюбивую девушку.

А тут пошел разговор:

— Аня Гуринович плетется в хвосте.

Это встревожило Тоню.

— Аня, что с тобой? Говорят, у тебя дело не ладится? В чем причина? — спрашивала Тоня подругу.

— Плохо работаю, это верно, и оттого мне самой себя стыдно, но разве это только моя вина? Я раньше неплохо работала, когда мне давали постоянное оборудование. А теперь переводят по цеху с места на место, с машины на машину, вот и сбилась с дорожки, — с горечью, но совершенно справедливо, рассказала Аня причину своего отставания.

Гаецкая не прошла мимо этого факта, не осталась равнодушной к судьбе подруги.

Честь и трудовая доблесть Ани Гуринович для Тони были дороги.

Она посоветовалась с членом комитета комсомола Никулиной, с другими девушками комсомолками из своей группы и решила во что бы то ни стало помочь Ане Гуринович.

Она рассказала обо всем сменному мастеру Барныкову.

— Мы, комсомольцы, обращаемся к вам не только как к мастеру, но и как к коммунисту, и просим нам помочь.

— Не обратим во-время внимания на Аню, значит, — потеряем одну хорошую прядильщицу, поможем, значит, вернем ей вновь почетное место. А для этого надо опять дать Ане постоянное оборудование.

Коммунист Барныков не остался глух к голосу комсомольцев.

Ане Гуринович дали постоянное оборудование.

Теперь Аня Гуринович работает хорошо.

Вместе с вестью об успехах Ани Гуринович все этажи облетела и весть о заботе комсомольцев о своем товарище.

Всякая ценная инициатива, которая зарождается у комсомольцев, всегда находит твердую поддержку со стороны коммунистов фабрики, со стороны административно-технических руководителей.

Забота о своей подруге, об успехах ее работы — это забота о чести всей фабрики. Общие результаты складываются из результатов всех работающих на фабрике.

...Комсомолки прядильщицы Зинякова Тамара и Ходкевич Маруся работали на четырех сторонках.

На четвертом этаже все их знают как хороших мастериц. Но сменщицы их работали на трех сторонках, создавалось некоторое неудобство при сдаче и приеме смены. Тамаре и Марусе приходилось сдавать смену двум работницам и принимать от двух.

Казалось бы единственно правильным поступить так: по-

мочь работающим на трех сторонках освоить работу на четырех.

Но администрация цеха непродуманно почему-то решила хороших прядильщиц Марусю и Тамару с четырех сторонек поставить на три.

На такое распоряжение справедливо обиделись Зинякова и Ходкевич, так как решение связывало их инициативу, мешало им идти вперед, оно тащило их назад, к давно пройденному этапу.

Недовольство девушек разделяли все комсомольцы. Не согласной с таким решением осталась и Гаецкая.

Комсомольцы вынесли этот вопрос на обсуждение комсомольской группы, пригласили на собрание и Барныкова.

Все как один выступили в защиту справедливых претензий своих подруг:

— Маруся и Зина работали на четырех сторонках и должны на них работать. Взяв у каждой по сторонке, мы взяли у фабрики несколько десятков килограммов пряжи за смену. Лучше всего подобрать подходящих сменщиц.

Зинякова и Ходкевич вернулись каждая на четыре сторонки, и сейчас за их работу комсомольцам не приходится краснеть.

Девушки хорошо работают.

Подобных примеров можно было бы привести много.

Каждый день приносит новое. Интересна и содержательна работа комсорга на фабрике, она многому учит, обогащает большим ценным опытом.

Тоня Гаецкая на фабрике неодинокa. Во всех цехах, на всех этажах, и в прядильной, и в ткацкой много работает девушек-комсомолок, таких же трудолюбивых, активных, грамотных, заботливых.

Здесь вошла в обычай хорошая привычка: старшие сестры, породнившись с фабрикой, полюбив свою работу, ведут по своему пути и своих младших сестер.

Так планщица Ронтова Тамара обучила мастерству сьемщицы свою младшую сестру Валю. Сейчас сестры работают в одной бригаде.

Энергичная, инициативная комсомолка, одна из лучших прядильщиц, Тоня Луконина вслед за собой привела в школу свою младшую сестру.

Сейчас ее сестра работает в ткацкой. Сестры Луконины умеют работать по-стахановски, умеют своим примером зажечь огонек в сердцах подруг.

Интересно поговорить с Тоней Лукониной. Смышленные глаза ее приветливы, но порой в них будто сверкнет искорка властности.

— Мне как-то Дмитрий Иосифович Звездин, секретарь нашей фабричной партийной организации, заметил, что будто

есть во мне партизанщина. Я задумалась: а в чем же она? Может, она и на самом деле во мне есть, тогда я постараюсь от нее избавиться, но требовательности к себе и к комсомольцам моим не убавлю.

Мне как-то сказали, — вспоминает она, — что я иногда на нердивых шибко покрикиваю, не умею извинительным тоном говорить. Бывает, что и прикрикнуть кое на кого следует: чтобы все считались с комсомольской организацией.

Был у меня такой случай, я замещала секретаря комсомольской фабричной организации. Время-то горячее, жмем изо всех сил, чтобы из графика не выйти, а тут один наш юноша является в комитет и начинает «важничать», фасониться, хоть с ложечки манной кашей его корми. И получается так, что будто он взятое им обязательство не ради своей, а ради чьей-то чужой чести выполняет. Действительно, тут нехватило у меня терпенья, я слушала, слушала и, будто сама себя не помня, встала и даже по столу пристукнула:

— Здесь тебе не детский дом, уговаривать я тебя не намерена. Ты комсомолец или нет? Ты выбирал меня в члены комитета? Выбирал! А если выбирал, будь добр выполнять мои указания.

Все равно после-то друзьями остались, и дело в срок было завершено.

Тоня Луконина, как и Тоня Гаецкая, в первую очередь агитирует молодежь силой своего личного примера в труде.

Молодежь и комсомольцы на фабрике им. Варенцовой высоко держат трудовое знамя. Под руководством партийной организации, в тесном содружестве и с постоянной помощью со стороны инженерно-технических работников они уверенно идут вперед.

Фабрика на подъеме, на подъеме и творческая инициатива ткачей и прядильщиков. Комсомольцы выступают застрельщиками многих жизненных мероприятий на фабрике.

Комсомольцы в своей работе всегда опираются на всю фабричную молодежь. На весь коллектив фабрики.

Горячий зачин комсомольцев обычно подхватывает вся молодежь.

У комсомольцев возникла идея: взять по-бригадно индивидуальные повышенные обязательства.

Ценная мысль нашла одобрение в партийной организации.

Оживленно гудел общефабричный митинг. Молодежь обратилась ко всем рабочим фабрики встать на стахановскую вахту!

Молодое слово ткачей и прядильщиков услышал весь коллектив и делами отозвался на дружный призыв.

Молодые ткачи и прядильщики фабрики им. Варенцовой в прошлом году обратились ко всей текстильной молодежи области с призывом закончить годовой план не к первому декабря, как намечалось раньше, а к седьмому ноября.

Фабричная молодежь области пошла за варенцовцами, на цеховых и фабричных собраниях вновь и вновь подсчитывали свои силы, возможности.

На всех участках и в ткацкой и в прядильной развернулась широким фронтом борьба всего коллектива за экономию хлопка — этого «белого золота», что дало значительное снижение себестоимости, позволило фабрике отказаться от государственной дотации, обеспечило получение значительных сверхплановых накоплений, дало возможность дополнительно выработать много пряжи и тканей, способствовало росту производительности труда, следовательно, и росту заработной платы, повышению материального благосостояния каждого рабочего.

Комсомольцы объявили поход за экономию и бережливость. Большую роль в этом деле сыграли контрольные комсомольско-молодежные посты.

Угары в прядении и ткачестве уже больше не выбрасывались в утиль, ими стали дорожить.

В борьбе за экономию хлопка участвует весь коллектив, и в первых рядах идут стахановцы-комсомольцы в тесном содружестве с инженерно-техническими работниками.

Когда спорится работа, когда частица усилий каждого труженика дорогой каплей вливается в могучий трудовой поток, когда с каждым днем в большом и малом мы видим, как крепнет наше государство, становится богаче и радостнее жить, — хочется трудиться еще лучше.

Тоня Гаецкая и ее подруги довольны своей судьбой и своей профессией, они породнились с фабрикой, она стала для них родным домом.

На широкое трудовое поприще вывела советская страна обездоленную войной девушку. Страна заботливо воспитала ее, выучила, вооружила стахановским мастерством.

А мастерство принесло ей настоящее большое счастье. Радость труда помогает ей скорее залечить раны, оставленные в ее сердце войной.

Тоня, как и ее подруги, знает, что каждый лишний килограмм высококачественной пряжи помогает государству в великой работе по восстановлению народного хозяйства страны.

* * *

По-весеннему приветливо заглядывает в окна мартовское солнце. С крыш, сверкая, падает жемчуг капли. По мостовой из-под снега вырываются первые, еще робкие ручейки. Грач заботливо улаживает на березе под окном обветшалое за зимние каникулы гнездо.

Тоня после утренней смены успела отдохнуть. Вместе с газетами почтальон заносит письмо. Это пишет брат из Куйбыше-

ва. Он окончил там ремесленное училище, теперь работает на заводе. Он стал хорошим мастером.

Он металлист и почему-то немножко снисходительно пишет, что, мол, вот мы, металлисты, а у вас там в ситцевом краю, что нового, интересного...

— Ах, ты горделивый, — читая письмо, качает головой Тоня, — да текстильщики тоже не уступят вам. Ты о своем мастерстве пишешь, и мне есть чем тебе ответить.

Да, тоже есть о чем рассказать брату.

По почину помощника мастера Александра Чутких на текстильных фабриках все больше создается бригад отличного качества. Ткачи Варенцовки также борются за высокосортную ткань. Еще больше требований стали предъявлять они к приговорителям, в том числе и к прядильщикам.

Прядильщицы-комсомолки не хотят остаться в долгу перед ткачами. И в этом деле на долю комсомольцев выпало почетное дело: стать заповалами в борьбе за высокое качество на всех участках фабрики.

Тоня Гаецкая и рассказывает об этом своему брату в последнем письме.

* *

От молодежных общежитий до фабричного клуба рукой подать. Около прядильных и ткацких корпусов свой маленький рабочий городок.

Под березами на лавочках сидят три девушки, у одной из них на коленях лежит портфель. Вниз по склону сползает вглубь фабричного двора широкая мостовая, въезжает в ворота грузовик, стогом груженный кипами хлопка. Драгоценный груз доставлен сюда на север из солнечного Туркестана.

Навстречу тяжело подымается в гору «ЗИС», на нем под брезентом готовая пряжа, ее увозят отсюда на соседнюю ткацкую фабрику.

На березах выстрельнули сегодня первые зеленые сережки. Грачиная сходка не умолкает.

Со ступеней проворно сбегает девушка, увидев сидящих на скамье, кричит им:

— А-а — это вы тут? А к нам?

— Сейчас. Мы немножко подышим. Больно берез здесь много, хорошо, как в саду.

Тоня здоровается с девушками. Это явились «шефы» — студентки текстильного института. Между жителями молодежного общежития и студентками установилась давнишняя прочная дружба. Девушки из текстильного института — частые и желанные гости здесь.

— Пойдемте, пойдемте скорее, а мы вас ждем, — торопит Тоня трех подруг.

Уж вечер. Из сотен окон льется электрическое половодье.

В красном уголке общежития, несмотря на то, что так привольно на улице, много девушек, цветут платья и повязки, сверкают по-весеннему глаза девушек. Еще прибывают. Вот пришли с вечерней смены, некоторые прямо в рабочих халатах заглянули сюда, да так и остались.

Кипит диспут по прочитанной книге, девушки азартно обсуждают повесть «Чайка».

Сколько читателей, столько и мнений, а читали книгу почти все.

Каждому хочется сказать свое слово.

Желающих много. Еще Тоня не успела высказаться, глаза ее задорно поблескивают, она не согласна с тем, что говорит сейчас ее подруга.

Она встает, порывается прервать, но говорящая успокаивает:

— Не перебивай, ты потом свое скажешь.

А Тоня торопится. У нее хороший голос. Она участвует в хоровом и драматическом кружках при клубе.

Сегодня очередное занятие кружка. Опаздывать не хочется. Она вообще не знает, как это можно куда-либо опаздывать. Уже, наверно, пришел руководитель — композитор из областного Союза композиторов.

Как же быть? И высказаться по книге обязательно надо; надо доказать, что выступающая кое-что не так поняла. Торопится неугомонная Тоня. Она еще собирается сегодня успеть перечитать конспект по истории партии.

А тут из-за спины выступающей поднимается чья-то рука:

— Дайте мне!

— Ой, нет, ты второй раз, сначала по первому, — неуступчиво возражает Тоня.

Когда она обихаживает прядильную машину, тревожится ее сердце за каждую ниточку; когда она читает хорошую книгу, каждая строчка находит отзвук в ее сердце, в ее чувствах и сознании.

Она много читала, она любит читать. Поэтому всегда на таких диспутах выступает толково, слушают ее с интересом.

Кто-то в шутку замечает:

— А ну-ка, Гаецкая, ты, как преподаватель, скажи свое мнение.

... Диспут еще продолжается. Шефы затерялись среди хозяев. И если бы вошел посторонний человек сюда, он бы не сразу разобрался по выступлениям: кто из них студентки, кто фабричные девушки.

Окна клуба распахнуты. Звуки рояля несутся в голубую ночь. И вот на их крыльях вылетает на просторы улицы из клуба:

Меж крутых бережков

Волга речка течет...

Какой чудесный молодой голос!

Две работницы выходят из фабрики, на минуту останавливаются:

— Кто это поет?

— Тоня Гаецкая. Как Волга, разливается ее голос.

Фабрика шумит. До фабрики от клуба несколько шагов. Труд и песня живут рядом.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Вы окидываете взором зал, и душу охватывает светлое волнение, чем-то сказочным веет вокруг. Но особенно отрадно становится, когда думаешь, что все это прекрасное сделано старательными молодыми руками наших мастеров, родилось под тонкой кистью художника в фабричной художественной мастерской, отпечатано, изготовлено на наших фабриках. Все ярко и цветисто в этом зале. На стендах развешены образцы различных тканей. У каждого стенда хочется подольше постоять, полюбоваться необычайно яркими, сочными, свежими расцветками. Майя, сатины, ситцы Большой Ивановской Мануфактуры давно завоевали себе почетную славу. От потолка и до пола свешиваются цветущие отрезы. Легко тряхните ленту, и цветы на ткани будто на миг оживут, словно по майской лужавине пробежит легкий ветерок и качнет травы.

Новая Ивановская Мануфактура также имеет все права, чтобы поспорить красотой своих ситцевых рисунков со своей соседкой.

«Красная Талка» и «Сосневская фабрика» представлены не менее живописно, ярко, светло и красочно. Набойка по фланели, сделанная на Сосневской фабрике, радует нежностью и новизной, привлекательна по рисунку, будто ткань улыбается, наполняет душу человека бодростью и силой. Это образцы тканей, изготовленных ивановскими фабриками за последние полтора года.

Но, пожалуй, самое оригинальное, необычайно смелое по художественному замыслу и безукоризненное по мастерству, по технике выполнения, т. е. переведения рисунка на ткань, — являют собой юбилейные ткани БИМ!

Смелые поиски нового талантливыми молодыми художниками БИМ увенчались бесспорным успехом. Прекрасный подарок Родине, трудящимся приготовил коллектив фабрики в честь славной даты — тридцатилетия Великой Октябрьской революции.

Художники создали смелый тематический текстильный рисунок. Они сумели сочетать в новых юбилейных рисунках ясно выраженную идею величия нашей Родины.

Интересный замысел художников удачно воплощен в текстильном рисунке, в искусном сочетании красок, фигур и линий.

Действительно, по-праздничному нарядно лицо этих тканей, среди других тканей они заметно выделяются. Чтобы представить себе всю прелесть юбилейных рисунков, нужно увидеть эти ткани своими глазами.

* * *

...К назначенному часу нарядный зал заполняют мастера со многих фабрик Иванова и других городов области: художники шуйской фабрики, кохомской мануфактуры, тейковского комбината. Многолюдно и оживленно становится около цветистых стендов. Художники всматриваются в образцы новых рисунков, делятся своими замыслами, опытом, обсуждают то, что еще только представлено на утверждение художественного совета, и то, что уже переведено на ткань и теперь пущено в производство.

Глядишь на этих молодых мастеров, на их светлые одухотворенные лица и невольно думаешь: какие прекрасные люди выросли в нашей стране.

— Вы знаете, — с волнением говорит молодой художник Борис Иванович Бумагин, — ведь оглянитесь, почти все, чем пользуется человек в работе, в быту, в жизни — все это создано трудолюбивыми руками. Сами собой приходят слова благодарности мастеру, когда берешь сделанную им хорошую вещь. Потому хочется, когда берешься за кисть, создать такой рисунок, которым потом полюбовались бы люди, чтобы он тому, чей будет радовать взор, передал мою любовь к человеку. Советский человек достоин, чтобы для него потрудиться.

Заседание совета открывается. В светлом зале становится тихо. За столом директора фабрик, главные инженеры, колористы, заведующие фабричными художественными мастерскими, старые мастера, опытнейшие граверы, руководители главка, представители торгово-бытовых организаций.

На скамьях для художников все места заняты. На скамьях больше девушек-художниц.

Старые мастера вспоминают, что до революции было бы дивом увидеть в фабричной художественной мастерской «за конторкой» девушку-художницу. Специальность мастера ситцевика-художника издревле считалась специальностью мужской. Очевидно, старые мастера полагали, что тончайшая кисть окажется непослушной девичьим рукам. И уж, конечно, нечего и говорить о том, чтобы женщина в прежнее время являлась руководительницей художественной мастерской.

А сейчас поглядите на скамьи! Кто занял их?

Преимущественно девушки-комсомолки. Они пришли сюда, как на праздник, хорошо и опрятно одетые, веселые, и будто дыхание весны они принесли с собой! Это и есть замечательные мастерицы, все, что на тканях кипит, играет красками, что покоряет искуснейшими извивами линий, необычайной нежностью и свежестью цветовых гармоний — все это создано их молодыми руками!

Как правило, все девушки-художницы со средним образованием.

Художники текстильного рисунка по сравнению с миллионной армией текстильщиков количественно являются самым малочисленным отрядом в рядах текстильщиков, но отрядом очень ценным и нужным, незаменимым.

За столом художественного совета на высоком широком щите, перед взорами собравшихся — взошло необычайное солнце, сияющее, веселое! Взгляды всех прикованы к нему. Минута молчания. И вот уж на щите, одно над другим, рядами разместились двадцать солнц, не похожих между собою.

Перед нами «кроки» — образцы новых рисунков, заключенных в круги. Большая Ивановская Мануфактура имени Молотова выставила на утверждение художественного совета больше двух десятков рисунков.

— Мне больше всех этот вот нравится, — обмениваются впечатлениями две подруги художницы.

Одно за другим уходят узорные солнца со щита, путешествуют из рук в руки по рядам, вновь возвращаются к ведущему заседание совета.

— Принять и отметить, — раздаются одобрительные голоса художников с разных мест.

Ни одного слова возражения. Действительно, рисунок достоин похвалы, а молодой художник, автор, заслуживает поощрения. Всего тремя красками он сумел создать такой радостный, яркий, свежий рисунок, который оставляет впечатление рисунка многокрасочного. Такой рисунок и красив, и очень удобен с точки зрения производственно-технической для перенесения его на ткань. Создала этот рисунок молодая художница-комсомолка Зыкова.

С одобрением принимается привлекательный новый рисунок Б. Бумагина.

Всеобщее восхищение вызывает новый рисунок художницы Л. Н. Проворовой.

Проворова — опытейшая художница текстильного рисунка.

Она юной девушкой пришла на фабрику и все свои силы отдала любимому делу. Она училась у таких «королей ситцевого узора», как старый ивановский художник Леонов!

В совершенстве постигнув мастерство своих учителей, она не осталась в плену какой-либо манеры признанных мастеров старого поколения, она настойчиво искала свой стиль в рисун-

ке. И она его нашла. Проворова — подлинный новатор в своем деле. Каждый ее рисунок безукоризненно совершенен по мастерству, по филигранной технике выполнения и всегда нов по теме.

Сам по себе рисунок разработан так, что ткань, на которую он будет перенесен, благодаря узору заиграет и заластится приятными цветами и оттенками.

Упорным трудом, высокой требовательностью к себе, настойчивыми поисками нового в своем мастерстве — талантливая художница добилась блестящих успехов.

Как руководительница одной из лучших художественных мастерских, в которых работают главным образом молодые мастера кисти, она добивается в первую очередь общего подъема мастерства всего коллектива. Ее усилия оправданы блестящими результатами, с которыми обычно приходит на художественный совет дружный, крепко спаянный коллектив художников Большой Ивановской Мануфактуры.

Молодые художники БИМ заслуженно держат за собой первенство! Они удерживают его за собой благодаря тому, что никогда не останавливаются на достигнутом, постоянно ищут новые пути.

Заслуживает внимания работа молодой художницы Новой Ивановской Мануфактуры М. Абрамовой. Ее новый рисунок «Красная шапочка» привлекает своей задумчивостью и смелостью замысла, новизной темы. Художница задалась целью создать рисунок для детской ткани.

С поставленной целью она успешно справилась. Ее новый рисунок получился радостным, сказочным. Она сумела прочувствовать и воссоздать в рисунке светлую, солнечную фантазию широко известной сказки о «Красной шапочке». Но это отнюдь не пересказ сказки в отдельных эпизодах и фигурах.

Нет, сказка навеяла ей свои художественные образы, и в этих-то образах она сохранила все солнечное сияние сказки.

Перед взорами яркий алый белоземельный рисунок (весь он выполнен одной краской по белому полю). Вы вглядываетесь пристально в розовые лепестки и листья, в красные пятнышки земляники, будто вышитые красным шелком, тяжелые гроздья ягод, ветки, обрамленные орнаментом, и сам рисунок зовет пристально присмотреться к нему. И вот, будто от легкого дуновения ветерка, чуть кольхнулись цветы и ветви, и из причудливого узорного сплетения смотрят на вас: и лесной домик, и красная шапочка, и лесная полянка, и даже грибок в красном картузе.

М. Абрамова, молодая художница, своим рисунком сделала хороший подарок нашим детям! Кроме того, как несомненную заслугу художницы следует отметить, что рисунок получился ярким, колоритным, образным и народным по своему характеру, по лиричности, в нем много света, простора и фольклорного аромата.

Кстати сказать, что среди отдельных членов художественного совета проявляется ничем неоправданное и несколько недоверчивое отношение к некоторым рисункам, в которых художницы смело отходят от традиционной манеры и вносят свое, новое, может быть несколько необычное, но зато не трафаретное, не избитое.

На доске перед столом председателя выставили заключенный в овал новый рисунок, изготовленный на той же фабрике.

Сразу воцарилась тишина. Взоры всех устремились к яркому многокрасочному диску на доске. Еще длинный путь предстоит пройти этому привлекательному рисунку, прежде чем мы увидим его на ткани, а потом и на легком летнем платье. Но искусная рука художника оживила рисунок, согрела его теплом своего сердца, и мы невольно забыли, что эти краски еще не на ткани, а только на бумаге.

Молодая художница, глаза которой оживленно поблескивали от волнения, а щеки пунцово рделись, тихо шепнула своей подруге:

— Определенно этот рисунок заслуживает того, чтобы его «отметили».

— Сколько теплоты, света в нем, сколько радости, — подтвердила подруга.

— Как вы узнали автора на безымянном рисунке? — спросил старый гравер девушку.

— Очень просто. У ее цветов всегда свое светлое лицо, которое трудно спутать с другими, — уверенно ответила молодая художница.

Она оказалась права. Новый рисунок Проворовой был единодушно одобрен и «особо отмечен» по давно заведенной традиции среди художников текстильного рисунка.

Десятки ярких разноцветных солнц загорались на большой доске, одну фабрику сменяла другая, каждая из них представляла на художественный совет свои новые текстильные рисунки. В цветении узоров каждого рисунка можно было видеть волнение и цветение души художника, его создателя.

Но вот вновь стало тихо. Из рук в руки по рядам передавали лист с рисунком «маргаритки». Наконец, он очутился на доске. Оживленный разговор послышался среди присутствующих, лишь молодая художница с Новой Ивановской Мануфактуры, та самая, которая недавно так настойчиво и твердо выступала за то, чтобы отметить рисунок Проворовой, сейчас смолкла. Она взволнованно глядела на доску, щеки ее стали еще розовей, глаза озареннее. Сама того не замечая, она кусала губку, а пальцы ее блуждали по кружевной оборке на кофточке.

Рука председателя скользнула по доске и остановилась около рисунка:

— Сорт такой-то, летняя легкая ткань, какие будут предложения?

Предложений не послышалось. Молодая художница чуть подалась вперед плечами, казалось, она вот-вот подыметесь с места и что-то скажет. Но она так и осталась в этой позе, — может быть, потому, что услышала, как кто-то из старых мастеров заметил не совсем одобрительно:

— Да-а, свежо, но сомнительно, как-то этот узор пойдет в работе!

И вдруг, в нарушение установленного правила, шутливым тоном кто-то спросил:

— Скажите, кто автор?

— Читайте по почерку, — ответил председатель, не отводя указки от рисунка, и переспросил:

— Какие же будут предложения?

И тут-то девушка с кружевными оборками смело встала:

— Предлагаю принять.

Она встала и приложила ладони к пылавшим щекам, будто испугалась сказанного.

— Принять, отметить, — раздались вдруг голоса с разных мест.

Других предложений не поступило.

... Автором этого колоритного рисунка, очень интересного по замыслу, не похожего на чей-либо другой, сделанного совершенно в новой манере, и явилась та девушка в кофточке с оборками.

*
*
*

В вечернем небе седоватыми гривами тянулся над городом фабричный дым. По дороге домой художница с волнением рассказывала о себе, о своих подругах, о труде, который требует от мастера любви к своему делу, неустанных поисков, настойчивости, уверенности в себе, кропотливости и большого технического совершенства.

— Ведь мы, — говорила она, — все, что были сегодня на совете — молодое поколение мастеров! Мы о городском знаем только по книжкам. Нас вырастила и воспитала советская власть. Нас учили старые мастера. Заботливо учили. За это спасибо им. Они нам отдали то, что приобрели сами за многие годы творческой работы. Мастер без своей манеры, без своего творческого лица немислим. У каждого хорошего мастера есть своя «особинка», свой «завиток», по которому его сразу отличишь. Не напрасно же Леонова, старого художника, звали «королем сарафанного рисунка». В этой области ему не было равных.

— А теперь, я в этом убеждена, пришла пора нам, молодым, советским мастерам, к золотому зерну мастерства, полу-

ченному в наследство от старших, прибавить свое новое зерно и слить их воедино. Я так скажу: если я сегодня сделала хорошо, значит — завтра могу сделать еще лучше.

Пламень заката пронизывал золотыми полосками облака. Отблески солнца порой всплескивались в озаренных глазах художницы.

— По старым тропинкам идти легче, чем новые прокладывать, — продолжала она. — Я сама знаю, некоторые, даже хорошие, мастера иной раз предпочитают, чтобы и мы, молодые, шли проторенной тропой. Поэтому они иногда настороженно принимают новое. Только если веришь в себя, ищешь новое, всегда найдешь его. А все то новое, чему помогла появиться сама жизнь, никогда не увянет, оно пробьет себе дорогу. Надо только верить в себя, в свои силы.

Почему я первая высказалась за свой рисунок? Сейчас даже трудно объяснить. Я так волновалась, мне показалось в ту минуту, что я находилась с глазу на глаз со своим рисунком и ничего не замечала. Вот сейчас бы я, пожалуй, и не решилась сама себя защищать, сердце остыло. А тогда оно было горячее.

Я этот рисунок даже во сне видела, он так мне дорог, потому что много сил я ему отдала.

Если рассказать историю его рождения, много времени понадобится. Он очень трудно дался мне. Но я знаю, если художнику трудно работать над рисунком, значит — покупателю будет приятно, когда он увидит готовую ткань в магазине. Когда трудилась над этим рисунком, думала, как закончу его — целый год буду спокойна, но едва успела провести последний штрих, как новое беспокойство постучалось в сердце, еще неотступнее прежнего.

Зашла я как-то в детский сад. Увидела загорелых малышей и так захотелось порадовать их. И опять новые поиски; чуть свернула с проторенной дорожки и вижу перед собой много вопросов, сомнений, но знаю, что во что бы то ни стало я должна их преодолеть.

Это нелегко. Мне захотелось порадовать ребят сказкой о «Красной шапочке», чтобы солнечность, завлекательность народной сказки ожили в ласковом рисунке, который бы украсил платьице ребенка, оживил детский уголок в квартире, чтобы он лишний раз напоминал ребятам о «Красной шапочке».

С тематическими рисунками в свое время многим не повезло, но, на наш взгляд, виноват тот метод, с каким брались художники за это новое дело. Мне хочется подойти к этому по-своему. И верится, что я сделаю.

Среди миллионной армии советских ткачей нас, художников текстильного рисунка, сравнительно небольшая кучка.

Наш труд нужен миллионам людей! В сотнях миллионов метров ткани наши цветы расходятся по всей советской стране.

И когда подумаешь об этом, так светло и радостно становится на душе, так хочется жить и работать для своей Родины, которая ценит тебя, бережет и помогает тебе в труде, неустанных поисках, вдохновляет тебя.

Вот сегодня новые рисунки утвердили на художественном совете. Пройдет несколько месяцев, и те «маргаритки», которые я принесла из фабричного сада к себе на «конторку» и долго мучилась, прежде чем они расцвели в моем рисунке, — миллионами зацветут в добротных кусках легкой летней ткани. И так хочется вслед за мечтой своей облететь наш необъятный Союз, побывать на Урале, на Кавказе, в Туркмении, в Риге, в Москве, в Ленинграде — везде, где мои цветы встречены с лаской и приветом! Увидеть их как друзей своих, встретиться с ними и поклониться им!

Одно меня всегда тревожит, когда слышу, что о нашем деле говорят иногда как о прикладном искусстве. Пусть это и так. Но не надо смешивать труд наших советских рисовальщиков с холодным ремеслом. Когда я читаю хорошую книгу, я верю, что она согрета теплом сердца человека, ее создавшего. Когда я смотрю на прекрасный ковер, я понимаю, сколько труда, заботливости, любви к своему делу вплела в него ковровщица вместе с шерстяными нитями. И здесь грань между искусством вообще и прикладным искусством почти исчезает.

Да и во всяком предмете человеческого труда, если этот предмет сделан с любовью, навсегда оставлена частица богатого человеческого сердца.

* * *

Художники текстильного рисунка скупы на похвалы. Эта скупость прежде всего объясняется их высокой требовательностью к себе, к своим товарищам по труду и высокой взыскательностью к мастерству, горячим ревностным отношением к своей кропотливой работе, к чести, славе своей профессии. Но если они единодушно похвалят своего собрата по почетному ремеслу, такая похвала дорого стоит. Такой похвалой дорожат, особенно молодые художники.

В одобрительном слове мастера заключается признание высокого тонкого мастерства. Похвала их — это своего рода аттестат на зрелость, на безупречное совершенство.

Молодого художника Бориса Ивановича Бумагина художники называют именно «мастером тонкой кисти». Как к сияющим вершинам науки ведут тяжелые каменистые тропы, так и к тонкому мастерству нет готовых, легких, проторенных троп. Тонкое мастерство не сразу и не само пришло к Бумагину, оно завоевано им горячей любовью к труду, к своему делу, настойчивой учебой у лучших мастеров, самоотверженным трудом, творческим отношением к работе.

Кипучая жизнь фабрики, города, советской страны, вопросы внутренней и международной политики его интересуют и волнуют не меньше, чем, скажем, судьба новых его рисунков, которые предстоит утвердить на очередном художественном совете. В этом нет ничего необычного. Таков кругозор каждого передового советского человека, тем более человека, выросшего и воспитанного под благотворным солнцем советской жизни. Широкий кругозор помогает художнику в его творческой работе, способствует росту и совершенствованию.

Удивительно черные с резким отблеском глаза его необыкновенно зорки от природы, а годы учебы и работы еще больше обострили зоркость, «чутье» к краскам, оттенкам, тонам и переливам, к прихотливым тончайшим извивам и изгибам линий, к иероглифам многокрасочных орнаментов.

Новички-художники, особенно студенты колористического техникума, которые обычно не пропускают ни одного заседания художественного совета при текстильном главке, обычно удивляются, когда слышат, что Бумагина называют мастером тонкой кисти. Удивление их в какой-то мере оправдано. Бумагин совсем не стар. Ни в фигуре его, ни в осанке нет ничего «важного», чтобы придавало особую «солидность», присущую высококвалифицированному знатоку своего дела. И по годам и по внешности его скорее всего можно принять за молодого человека, который только что вчера покинул студенческую скамью.

Но это только на взгляд. Почти десять лет ушло у Бумагина на то, чтобы встать в первом ряду лучших признанных мастеров. Вот в самых кратких чертах его путь к мастерству.

Бумагин со школьных лет питал горячий интерес к живописи. Его увлекала и область прикладного искусства, в частности работа над созданием текстильного рисунка.

Совсем молодой художник в 1940 году впервые пришел в прославленную далеко за пределами области своими превосходными расцветками художественную мастерскую Большой Ивановской Мануфактуры имени Молотова.

Эта мануфактура с давних еще дореволюционных лет задавала тон своими рисунками. Здесь работали лучшие художники. Такие виртуозы тонкой кисти, как старейший художник Петр Леонов и его товарищ Александр Медведев, начавшие свой трудовой путь при старых порядках на купеческой фабрике.

Бумагин слышал много рассказов, некоторые из которых в изустной передаче обрастали новыми и новыми деталями и подробностями и превращались в легенды о первоклассном мастерстве, о сказочной технической изощренности, о необыкновенно высокой требовательности к молодым художникам и, особенно, к ученикам со стороны двух старых «королей» — красе и гордости отделочной мануфактуры.

До этого Бумагин технического знакомства с текстильным рисунком не имел. Не без душевного волнения переступал он по-

рог художественной мастерской. Он, зная вкус и высокую требовательность к своей смене двух старейших чародеев «умельцев» тонкой кисти, не обольщал себя особо радужными надеждами.

Сомнения были небезосновательны. Он слышал, сколько приходило сюда юношей с таким же горячим желанием посвятить себя цветам и краскам, созданию неблекнущих нарядов для людей, но немногим посчастливилось остаться здесь. И в том виноваты не были ни Леонов, ни Медведев. Они оба по своему опыту хорошо знали, что стать художником текстильного рисунка не так-то легко и просто, эта профессия не всякому по плечу, для нее недостаточно одного горячего желания. Желание без одаренности, без таланта, без призвания ничего не даст: у ученика отнимет только напрасно время, силы, а в награду ему даст горькие минуты разочарования.

Поэтому в мастерской не заведено было обольщать несбыточными надеждами тех, кто приходил сюда «без врожденной искорки», без обостренного чутья к тонкой кисточке, острой, как игла.

«Мастер сарафанных рисунков» Петр Леонов тогда заведовал художественной мастерской. Он, вопреки предположению, встретил новичка приветливо. Но когда узнал, зачем тот пришел, старик сразу стал сдержаннее, настороженнее даже в разговоре с кандидатом в художники. Будто он сейчас в душе раскаивался, что так любезно отнесся к пришедшему.

Он долго и придирчиво рассматривал рисунки Бумагина, немножко хмурил брови, словно старался скрыть свое недовольство, и первые минуты будто не замечал стоящего рядом с ним молодого художника, у которого токало сердце от нетерпеливого и тревожного ожидания — приговора неоспоримого судьбы, непрекаемого авторитета.

Потом старый художник стал взглядывать то на рисунок, то на его автора, затем, отодвинув рисунки, он сказал Леонову:

— Из этого парня толк выйдет. Не напрасно займет место у «конторки»!

Бумагин давно лелеял мечту стать учеником Леонова. Но желанию его не было суждено исполниться. Вскоре работников художественной мастерской постигло большое несчастье — умер старейший художник Леонов.

Заведовать художественной мастерской стал «мастер сорочечного рисунка» — другой старый художник Александр Семенович Медведев. И Медведев и Леонов явились представителями одного и того же направления в стиле текстильного рисунка, но каждый имел свою манеру письма, свой художественный почерк, своеобразие которого может сразу уловить лишь опытный наметанный глаз.

Александр Медведев стал наставником, учителем Бумагина, под его руководством Бумагин постигал тайны мастерства.

Вспоминая свои первые шаги на этом поприще, Бумагин говорит:

— Я часто и подолгу с восхищением смотрел на сорочечные рисунки своего учителя, на его крепкую точную руку, в которой кисточка будто оживала и становилась способной творить чудеса. Приемы работы его на первый взгляд были такими же, как и у других, и трудно, очень трудно было разгадать, почему же его рисунки всегда лучше, чем у других. Из простейших фигур, иногда двух-трех квадратиков, в сочетании с двумя-тремя линиями рождался превосходный рисунок.

Мне не верилось, что я сам тоже смогу сделать нечто подобное. Я неоднократно пытался сам создавать этого рода рисунки, но у меня не получалось. Иногда даже зарождалось сомнение в своих способностях, в правильности избранного пути.

Не ошибся ли во мне Леонов, когда он принял меня в семью опытных мастеров.

Это были тяжелые минуты!

Но Медведев был чутким человеком, он умел по рисунку разгадать состояние души своего ученика и во-время бросить в нее светлый луч ободрения. Подходя к конторке ученика, просматривая его работы, он неизменно твердил:

— День прошел, к победе ближе. Идет дело, идет. Сорочка, она неподатливая, ее скоро не покоришь. Терпенье и труд все перетрут, главное не унывать.

От таких слов становилось легче. Бумагин вновь и вновь пристально, неумолимо приглядывался к каждому малейшему движению Медведева, как он работает, изучал все его приемы, стараясь запечатлеть их наизусть и повторить с микроскопической точностью.

Часами он просиживал молчаливо над медведевскими рисунками, вчитываясь в каждую искусную крапинку, в каждую точку, стремился не только сознанием, но и сердцем, чувством своим воспринять поющую гармонию красок, свободную симметрию фигур в геометрических рисунках.

Прилежание, труд, терпение, перемчивость помогали художнику с каждой неделей подниматься ступень за ступенью, выше и выше.

Но началась Великая Отечественная война. Бумагин уходил на фронт. На прощанье Александр Семенович говорил своему ученику:

— Закончишь свое дело, винтовку сдашь, не забывай нас, твои кисти я в свой стол положу, до твоего возвращения. Ты уж крылья раскинул по-настоящему, теперь-то только бы и работать.

Вернувшись с фронта, Бумагин не нашел старого художника.

Медведев умер во время войны. Завещание своего учителя не забыл молодой художник.

Он с грустью постоял около «конторки» своего учителя, опытнейшего мастера, на месте которого теперь работала молодая художница, девушка, пришедшая в мастерскую во время войны.

— Спасибо тебе, мой друг и учитель Александр Семенович, не забыл я твое отеческое теплое слово, вернулся к своим кистям, — с грустью подумал демобилизованный воин.

И другая мысль невольно вкралась в сознание: нет Леонова, нет и Медведева, в мастерской осталась одна молодежь.

Заведует художественной мастерской одна из талантливейших учениц Леонова — Любовь Николаевна Проворова.

Сумеет ли мы идти без вашей заботливой помощи дорогой золотого мастерства, которую вы нам завещали, которую вы нам оставили как самое дорогое наследство, как трудовой отчет старого уходящего поколения, славно поработавшего на своем веку, молодому поколению, только еще вступившему в трудовую жизнь.

— Мы обязаны не только идти вашей дорогой, но и приумножить славу мастерства.

С таким твердым решением вновь сел за высокую «конторку» у окна вернувшийся с войны художник.

В огрубевших руках, после автомата и винтовки, маленькая кисточка казалась невесомой и непослушной. Или потому, что слишком волновался он, впервые обмакнув острие кисти в краску, или потому, что за четыре года отсутствия утратил многое из приобретенных навыков, но ему в этот первый день, день возвращения к мирному труду, показалось, что ушли старые учителя и унесли с собой свои «секреты», потому-то и непослушлива кисточка, потому-то и нежности прежней нет в красках.

Но если нет в живых замечательного мастера, то осталось живым его дело, его труд, воплощенный в цветы на тканях.

Но прочитать эти цветы и роскошные рисунки сумеет лишь тот, кто подойдет к ним с таким же озаренным волнением в сердце, с таким же горением души, с каким создавал их сам старый художник.

Толстые альбомы один за другим раскрывал Бумагин, перелистывал страницы с наклеенными на них образцами, вереницей перед его взорами проходили десятки сорочечных рисунков — живая, вечно юная память о Медведеве. Он увидел и тот последний рисунок Медведева, который еще был незаконченным, когда Бумагин уходил на фронт.

Какой превосходный рисунок!

Внимательно вглядываясь в него, кропотливо изучая технику сорочечного рисунка, молодой художник невольно чувствовал присутствующим около его «конторки» самого Медведева. Как-то не соглашалось сознание при виде рисунков, что больше нет на земле их создателя. И хотелось во что бы то ни стало

добиться своего, встать вровень с мастерством Медведева, чтобы потом так же вот неизвестный молодой художник, который придет на это место неведомо в каком будущем году, в красках и линиях почувствовал бы живое дыхание человека, и захотел в труде своем быть похожим на него, стать равным ему.

С еще большей, поистине фронтовой, напористостью Борис Бумагин взялся за детальное углубленное изучение техники «медведевского сорочечного рисунка». Он не жалел ни времени, ни сил. Уже давно кончились часы работы. Он брал образцы тканей домой и дома продолжал изучение.

Много вариантов самостоятельных рисунков для сорочки скопилось у него в папках, но ни один из них он еще не решался представить как свой самостоятельный рисунок.

С фронта он принес еще более углубленное чувство ответственности за свой труд перед своими товарищами, перед фабрикой, перед народом.

Но вот наконец он решил попробовать создать свой рисунок. Взялся за дело горячо. Но ни первый, ни второй, ни третий и не сороковой варианты его не удовлетворили. Он сделал ни один десяток вариантов, пока не почувствовал себя полностью овладевшим приемами работы и тонкой техникой.

С этого времени он стал самостоятельно создавать «сорочки». На одном из заседаний фабричного художественного совета, когда отбирались новые рисунки, молодой художник услышал, кто-то сказал о нем:

— Второй Медведев появился у нас!

С тех пор стали Бумагина называть «вторым Медведевым». В этой доброй шутке есть свой немалый смысл. Традиции Леонова и Медведева не утратились, они нашли достойных восприимчивых и продолжателей.

У художников принято говорить: «Что на кисть легко дается, то покупателю по сердцу не придется!»

В этом есть немалая доля правды. Потому-то художники любят именно те из своих рисунков, при создании которых «душу вымотало».

В старое время на иваново-вознесенских ситцеотделочных фабриках был очень широко распространен декоративный стиль рисунка, так называемый «тюльпан». И по настоящее время он не утратил своей славы, пользуется большой любовью у потребителя. В народе этот рисунок принято называть... «рисунок огурцами». Печатается он обычно по сатину и по ситцу. В товаре он очень красив, привлекателен, солнечнен и весел.

Но сложились обстоятельства так, что на некоторое время он исчез с тканей, ситцепечатники забыли о «тюльпане», хотя спрос на него никогда не прекращался.

И вот однажды по заданию главного инженера фабрики Батькова, прекрасного знатока текстильного рисунка, было поручено художникам изготовить несколько рисунков в манере

«тюльпана». Рисунок в стиле «тюльпана» отличается большой, очень утонченной сложностью композиции, изяществом фигур и тонкостью художественной техники.

Чтобы исполнить подобного характера рисунок, нужно непременно обладать хорошей техникой, т. е., как говорят колористы и художники, надо быть настоящим «мастером тонкой кисти».

Как-то вскоре Бумагин зашел к своим соседям граверам. Гравер, раклист и колорист — первые друзья художников в работе, без их заботливого участия, как бы ни был хорош рисунок, он не ляжет на ткань таким, каким его хотел видеть художник.

Старый, убеленный сединами гравер, около пятидесяти лет бесменно проработавший на фабрике, постукивая граб-штихелем по матрице, сказал не без лукавства:

— В наше время уж нет таких художников, как раньше, давно не вижу таких рисунков, их нет и не может быть. Не сделают наши, как раньше делали старики.

— Почему не сделают? — не без волнения спросил Бумагин.

— Молоды, зелены, рука не наметана, да и жилка золотая вами потеряна. Где старики-то в вашей мастерской? Нет их больше!

— Ну, что ж, мы еще молоды, это правда, — спокойно проговорил он, — справедливо и то, что и опыта у нас мало.

Он на минутку замолчал, потом с блестящих удивительно черных глаз сверкнуло то, что принято считать напористостью.

— Хоть нас и хаёт кое-кто, но мы попробуем все-таки сделать, да так, чтобы после не говорили о нас, что вывелись порядочные мастера, что в наше время никто не нарисует «тюльпан».

— Вот бы посмотреть, ну прямо рука соскучилась по настоящему тюльпану... Ждем — не дождемся, — кто-то из старых мастеров подливал масла в огонь.

— Дайте срок, — отшутился Бумагин.

После этой беседы еще больше захотелось изготовить рисунок, по которому соскучились руки граверов.

О размовке с граверами, о дружеском споре Бумагин рассказал художникам в своей мастерской.

— Это граверы-то о нас такого невысокого мнения? Неужели так сказали? — горячо вступилась в разговор молодая талантливая художница Таня Масалова.

— Так и заявляют, что никто из нас не сумеет сделать что-нибудь стоящее из категории тюльпанов, — подзадоривал Бумагин своих товарищей.

— Ну, нет, товарищи, дальше так нельзя, — твердо заявила Таня, — тут вопрос чести всей мастерской. Надо браться за дело, надо доказать, что мы умеем работать.

— Сделаем, девушки! — заявил Бумагин.

С каждым днем жарче разгорался трудовой азарт в худо-

жественной мастерской. При всех товарищах между двумя молодыми художниками Борисом Бумагиным и Таней Масаловой было объявлено пари, своего рода маленький конкурс, кто сделает тюльпан чище и лучше.

Больше двух недель работал Бумагин над созданием нового рисунка. Ему нехватало времени на фабрике, он брал рисунок домой, дома сидел над ним до поздней ночи, все было забыто, и отдых и досуг. И все время, пока он работал, не знал покоя и удовлетворения сделанным, но еще не законченным.

— Во все время работы, — говорит художник, — во мне жило какое-то беспокойное трепетное состояние, как будто у меня в душе что-то горело, тревожило, звало вперед, не давало никак успокоиться и забыть кисть и краски, хотя бы на несколько часов. Много душевных сил поглощает такое состояние, но оно в то же время и приносит отраду.

Волнения и тревоги художника не остались бесплодными. Таня работала над своим рисунком. Но все-таки пари выиграл Бумагин. Немножко грустно сделалось девушке, но и малейшей зависти не было в ее мыслях, она радовалась за успех товарища, а еще больше была довольна тем, что выиграл не только Бумагин, а вся мастерская. Теперь уж не отважатся старые граверы так снисходительно и недоверчиво говорить о способностях молодых мастеров тонкой кисти.

Когда главный инженер Батьков узнал о споре Бумагина с граверами, о его пари с Масаловой и потом посмотрел на сделанное, одобрительно заявил:

— Молодец! Вот это правильно. Какие бы зубастые ни были критики, за этот рисунок будем драться, воевать!

Но воевать с зубастыми критиками не пришлось. На художественном совете главка рисунок Бумагина был встречен ласково и одобрительно, его единогласно приняли и «особо отметили».

На художественном совете вместе с художниками присутствовали ведущие опытные граверы.

Когда еще цветистое солнце не было снято с доски, инженер Батьков заявил, обращаясь к жюри:

— Смотрите, как превосходно задумано и ловко сделано, не хуже старых мастеров.

Убеленный сединами гравер, который когда-то восхищался мастерами старого поколения, встретился взглядом с Бумагиным, по щекам гравера соскользнула к белеющим усам улыбка. И вдруг он поднялся и добавил:

— Не только не хуже, чем делали старики, но, пожалуй, и лучше! Не без умысла мы тогда плеснули масла в огонь, хотели узнать, какой закалки молодежь, близко ли к сердцу им легло свое дело.

А теперь и без слов все видно! Одно у меня замечание, дайте этот рисунок гравировать мне, уж я постараюсь!

Гравер сел, а потом через ряд протянул руку Бумагину.

Отзыв старого мастера и инженера Батькова, большого знатока и замечательного колориста, был в тот день для художника не только лестной похвалой, но и самой большой наградой.

Действительно, когда рисунок попал в граверную, много было желающих взяться гравировать его. Рисунок достался в гравировку одному из опытных граверов фабрики Торопову. Он будто подарок принимал новый рисунок и внимательно рассматривал его, а потом от души сказал:

— Замечательный рисунок. С радостью, с желанием поработаю над ним.

— Над таким и я бы с радостью похлопотал, — заметил старый гравер Яманчиков.

Теперь этот рисунок выпущен в ткани, он разошелся в миллионах метров по всем городам и селам, по всем уголкам Советского Союза. И в детском доме, и на южном берегу Крыма, и на сельской гулянке можно встретить колоритные, веселые бумагинские «тюльпаны». Ткань с этим рисунком неизменно пользуется большим спросом у населения.

Успех ободрил и окрылил автора всеми признанного «тюльпана». Он стал вынашивать замысел нового рисунка в том же стиле.

Второй «тюльпан» Бумагина, более сложный по замыслу, по формам и композиции, приняли на художественном совете так же горячо, как и первый.

Принимая рисунок в гравировку, старый гравер Яманчиков сказал:

— Ну, вот теперь у меня под окном праздник. Давно поджидал этот до последнего лепестка наш русский цветок.

Бумагинский «тюльпан» быстро и пышно расцвел, скоро семена его разлетелись по многим отделочным фабрикам области. После появления на художественном совете бумагинского «тюльпана» во многих фабричных мастерских стали создавать рисунки в этом стиле. Так молодые, старательные руки художников текстильного рисунка продолжили и подняли еще выше дело старых художников.

Самообольщение во всякой работе пагубно, оно мешает росту мастерства, оно приводит к застою. Но без уверенности в своих силах тоже работать нельзя.

Был у Бумагина такой любопытный случай. Он изготовил рисунок для майи в три вала, т. е. всего в три краски. Фабричный художественный совет с удовлетворением принял его новую работу.

Но на художественном совете главка вокруг этого рисунка возник спор. Некоторые члены жюри настойчиво предлагали отклонить рисунок, не пускать его в производство, причем критики не привели обоснованных аргументов.

Вообще очень редко случалось, чтобы рисунки Бумагина от-

клонялись. Если бы оказалось затронутым лишь самолюбие автора, то едва ли бы он стал выступать в свою защиту. Он выступил и сказал:

— Этот рисунок должен оправдать себя. Я уверен, что он найдет дорогу к потреблению. Для производства он будет очень экономичен, он потребует всего три краски, по характеру он весьма прост, но отнюдь не упрощен, и удобен для колористических разработок. И не маловажное его достоинство заключается в том, что при своих трех красках он смотрится многокрасочным.

После, когда рисунок уже был выпущен в ткани, при просмотре на художественном совещании в Министерстве текстильной промышленности он был признан первоклассным рисунком и особо отмечен, как безусловная творческая удача художника.

Художник не ошибся, ткань с этой расцветкой пользуется большим спросом. Выпускается такой ткани очень много. К настоящему времени ее выработано несколько миллионов метров.

Вся работа художника состоит в неустанных поисках нового.

Художников текстильного рисунка иногда упрекают в том, что они мало создают рисунков из орнаментов геометрического характера, т. е. из геометрических фигур.

Безусловно, и это признано самими художниками, в области цветочного орнамента гораздо проще и легче разработать рисунок, хотя и это тоже очень трудно.

Сложность и трудность работы над геометрическим орнаментом состоит в том, что его составные композиционные компоненты, отдельные детали (круги, угольники, квадраты и т. д.) несомненно труднее уравновесить, привести в гармонию, соединить, переплести между собой, чем, скажем, цветы или листья.

Но перед такой трудной задачей не остановился любознательный и пытливый художник. Он настойчиво принялся за изучение и создание геометрических фигур. Работа кропотливая, тяжелая, она требует усидчивости, настойчивости, большого внимания.

Путь к удаче был тот же, как и при создании «тюльпана». Художник передал десятки вариантов различных орнаментов из геометрических фигур. И здесь он достиг несомненных успехов. Несколько таких рисунков было утверждено художественным советом.

Но требовательный художник так говорит о своей работе:

— Все-таки это только мои попытки, окончательного решения я еще не добился, продолжаю разведку, поиски, в победе своей не сомневаюсь, но однако она сама не придет ко мне, предстоит еще большая работа.

В начале рассказа уже упоминалось о привлекательных юбилейных тканях, экспонированных в просторной аудитории Главного управления.

Любопытна история ее появления на свет.

В марте 1947 года руководством Большой Ивановской Мануфактуры имени Молотова был получен приказ Министра текстильной промышленности СССР. Министр призывал художников фабрики к тридцатилетию Октябрьской революции издать юбилейные декоративные рисунки, достойные этой великой даты.

Директор Якимов и главный инженер Батьков обещали создать для художников максимально благоприятные условия на весь период работы над выполнением задания министерства.

Тогда первым из художников взял слово Бумагин:

— Здесь сидят и молодые коммунисты и комсомольцы, кому же как не нам показать пример остальным.

Молодые художники Масалова и Беднякова присоединились к предложению Бумагина.

И так они втроем приняли ответственный новый заказ. Условились, что каждый из них создает свой юбилейный рисунок.

Над этим рисунком молодой художник трудился вдохновенно.

Вспоминая дни кипучей творческой работы, он говорит: «Когда весь материал был собран, я сел вплотную за рисунок. В течение месяца я работал с огромной нагрузкой, начиная с восьми часов утра и кончая в час-два ночи ежедневно. Иногда я просыпался и среди ночи проверял свои сомнения или вновь обдумывал разрешение какой-нибудь композиционной детали.

Все время до завершения работы над рисунком я был в каком-то торжественно-приподнятом настроении. Правда, были иногда сомнения, что я делаю не то, что надо, что рисунок забракуют, не примут, а, может, и обругают еще автора. Наполовину сделанный рисунок я принес на предварительный просмотр. На просмотре, кроме дирекции, присутствовал главный художник министерства. Рисунок признали хорошим, замечания последовали по ряду незначительных второстепенных деталей. Позже рисунок был утвержден без поправок и с отличной оценкой Главным управлением и просмотровой комиссией министерства.

Вскоре рисунок вышел в ткани. Рисунок в ткани прекрасно разработал колорист А. Батьков.

Весь коллектив отделочников Большой Ивановской Мануфактуры имени В. М. Молотова с большим подъемом и сознанием важности выполняемого дела трудился над завершением этой работы.

Рисунок, за исключением нескольких незначительных деталей, можно считать большой удачей молодого мастера.

Много достоинств имеют юбилейные рисунки молодых художниц Масаловой и Бедняковой.

Путь молодого художника Б. И. Бумагина интересен и тем, что на примере Бумагина мы видим, что советская фабрика,

условия нового социалистического труда не превращают человека в одностороннего специалиста, а, наоборот, дают возможность работнику проявить в полной мере все свои способности и непрестанно идти вперед.

Бумагин, работая в фабричной художественной мастерской, много занимался живописью, посещал художественную студию, настойчиво учился, пополнял свои знания, совершенствовал живописное мастерство. Кроме способностей превосходного мастера текстильного рисунка, он показал себя как одаренный художник-живописец.

Сейчас Бумагин является членом Союза советских художников, работает как художник-станкист.

На последней республиканской художественной выставке экспонированы семнадцать лучших полотен молодых ивановских художников.

Среди этих картин три картины принадлежат кисти Б. И. Бумагина.

Так в нашей жизни начисто стирается грань между «искусством прикладным» и искусством с большой буквы.

Можно было бы рассказать много интересного и о других представителях молодого поколения — художниках шуйских фабрик, тейковского комбината, кохомской мануфактуры и других текстильных предприятий.

На смену старшим мастерам пришло замечательное поколение, новые советские мастера, они дорожат славой тонкой кисти своих дедов и отцов. Честь своей фабричной марки они берегут как личное достоинство. Они своими усилиями, настойчивым трудом двигают с каждым днем вперед трудное и кропотливое мастерство текстильного рисунка.

Не велика семья фабричных художников. Их всего сотни. Но их тонкие, как игла, кисточки, их ум, прилежание успевают ежегодно давать нашему покупателю много новых расцветок.

Их цветы в многочисленных миллионах метров расходятся по всем просторам необъятной советской страны.

И в каком только уголке, селе, городе, кишлаке, ауле мы не встретим их?

Неуклонно повышается культурный уровень советского человека, растут его запросы, покупатель хочет иметь ткань только отличного качества, ткань с радостной, бодрой, оригинальной расцветкой.

Этот запрос потребителя во многом и в первую очередь зависит от той тонкой кисти фабричного художника, от его зоркого глаза, от его меткой руки, от его беспокойного сердца, от тех красок, которые лежат перед ним в мастерской на высокой фабричной «конторке».

Ивановские художники, как старые, так и молодые, не хотят успокаиваться на достигнутом. Многие ими сделано, но они хотят сделать еще больше и лучше.

И. МАРТЬЯНОВ

АННЕ ЛЬВОВНЕ

Вы ошиблись, дорогая,
Вы ошиблись, Анна Львовна:
Ваши добрые надежды
Не сбылись на этот раз...
С той поры, далекой, школьной,
Десять лет минуло ровно,
Но она близка все так же
Сердцу каждого из нас.

Вспоминаю я прощальный
Классный вечер, вспоминаю
Вашу теплую улыбку,
Прядь серебряных волос...
Нет, не стал я инженером, —
У меня судьба иная, —
Много трудностей в походах
Мне увидеть довелось.

Шли бои за землю нашу,
Счастье нашего народа.
Много стран прошел я разных
С автоматом на ремне.
Много стран прошел я разных
За четыре долгих года,
И профессию иную
Жизнь подсказывала мне.

Может быть, рассказ прочтете
Вы в журнале или в газете,
Может быть, язык рассказа
Вам покажется знаком,

И припомните, родная,
Что писавший строки эти
(Как промчалось время быстро!)
Вашим был учеником.

И мгновенно перед вами
Много лиц возникнет сразу, —
Моряки, врачи, шахтеры, —
Люди разного труда.
— «Что ж, — вы скажете, подумав, —
И поэмы и рассказы, —
Это тоже людям нужно,
Как машины и руда.

Слово учит правде жизни,
Учит строить.
Безусловно,
Все профессии почетны,
Все работы хороши...»

Нет, вы вовсе не ошиблись,
Дорогая Анна Львовна, —
Стать решил я инженером
Человеческой души!

ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Сверкают снежинки на мраморе сером...
Не статуей мертвой,
Не камнем бездушным, —
Глашатаем жизни встает он над сквером,
И жизнь
Его планам верна и послушна.

Такой же, как прежде —
Живой и нетленный,
Он смотрит вперед с высоты пьедестала.
А время меняет обличье вселенной,
История много страниц пролистала.

Народам грозили фашистские орды,
Над Родиной туча прошла грозовая,
А он —
Все такой же, спокойный и твердый,
Вставал,
Нас на битву с врагом призывая.

И будто послушны руки его знаку,
Как клятву, твердя незабвенное имя,
Бесстрашно мы шли в штыковую атаку,
Отчизну прославив делами своими.
Он к нам приходил на коротком привале,
Беседовал с нами на Шпрее, на Висле,
Мы в сталинском слове всегда узнавали
Его — Ильича — сокровенные мысли.

Он вел нас вперед,
Непреклонный и строгий,
Чтоб знамя победы взвилось над рейхстагом.
...И снова идем мы по мирной дороге
Под сталинским стягом,
Под ленинским стягом!

К заводам и пашням вернулись солдаты,
Хорошее, мирное время настало.
И все,
Что он в жизни предвидел когда-то,
Увидел теперь
— наяву —
с пьедестала.

М. ШОШИН

ШУМИТ ПШЕНИЦА

Повесть

Старый председатель колхоза «Новое Казаркино» Савелий Петрович Смолокуров передал по телефону сводку об окончании весеннего сева, уронил трубку и, не подняв, тихо прошел к окну. Колхозники переглянулись. Счетовод тяжело вздохнул и повесил телефонную трубку на рычажок.

Савелий Петрович опустился на стул, дрожащей рукой открыл окно и зажмурился: день такой солнечный, что на волю нельзя смотреть, не прищурив глаз. Савелий Петрович высунул голову в окно и стал дышать часто-часто, жадно вбирая в себя свежесть чудесного весеннего дня. Капли холодного пота выступили на лбу; седые волосы прилипли к вискам.

Отдышавшись, он заговорил:

— С первого дня создания колхоза служу... И еще бы послужил, но стар... Силы мало...

— Это ты на севе иззаботился, — старались успокоить его колхозники.

— Вот отдохнешь и опять...

— Нет, — возразил Савелий Петрович. — Давайте мне смелу! Ищите другого.

В это время из деревни на реку шла молодежь. Она сегодня гуляла по случаю окончания весеннего сева. Весело играла гармонь, парни и девушки пели частушки. Вот группа молодежи подошла к прогону и остановилась перед воротцами загорода. Гармонист сжал мех гармошки, сунул ее подмышку, резким движением руки крепче натянул на голову картуз и, с короткого разбега, легко перескочил через эти воротца. Перепрыгнув, он засмеялся и громко закричал:

— О-го-го! Ребя, прыгай за мной!

Но прыгать через воротца никто не решился. Один из парней, белокурый, высокий, неторопливо подошел к воротцам и открыл их перед девушками. Первой прошла в открытые ворот-

ца Настя. Она была в группе девушек верховодом. Белокурый взял ее под руку. Гармонист с завистью посмотрел на белокурого, вновь заиграл, но в его игре не было уже прежней веселости.

— Вот этого и ставьте на мое место! — кивнул Савелий Петрович.

— Этого, который воротца открыл? Гордея Кленова?

— Нет, нет, того, который через воротца перепрыгнул — Игната Коробова, — посоветовал Савелий Петрович.

— Разухабист очень...

— Ничего... Это от кипения молодости... от избытка сил... Потом войдет в русло, выровняется. Силы в нем много, энергии. Если он ее в дело произведет, то наша артель станет много сильнее... И ум у него есть, хорошее соображение.

— Савелий Петрович, а может, лучше вот этого, который ухаживать горазд, — Гордея Кленова?

— Нет, не подойдет. Парень он хороший, но нет в нем кипения, он к покою склонен, а Игнаха любит дело, движение. Он — сила... Я давно к нему приглядываюсь и думаю: вот бы его председателем! Это мое мнение, а дальше как хотите: глядите, думайте и выбирайте того, которого считаете лучшим. Игнат приподымет вас своей энергией!.. Если же вы тихонько жить хотите, выбирайте Кленова.

С мнением Савелия Петровича колхозники согласились и перед сенокосом выбрали председателем двадцатилетнего Игната Коробова.

Он энергично принялся руководить колхозом, но тут скоро началась война; его — молодого, полного сил, в первые же дни мобилизовали на фронт.

Игнат участвовал во многих боях, тяжело был ранен, но выжил, поправился и вернулся домой здоровым и крепким.

Во время войны Савелий Петрович нашел в себе новые силы и опять стал руководить колхозом. Он работал честно, старательно, по мере своих сил, но уже без прежней энергии, инициативности и немедленно стал просить отпустить его опять на отдых по старости, как только Игнат вернулся с фронта.

Молодой председатель принялся поднимать все силы колхоза. В предвесенние дни он вызывал то одного, то другого колхозника, с каждым беседовал отдельно, наставлял, вдохновлял. Вызвал он и Настю Кленову, о которой тайно вздыхал в молодости.

— Потолковать надо с тобой, — заговорил он, как только Настя присела к столу.

— Интересно, о чем это ты задумал со мной толковать? — испытующе усмехнулась Настя.

— Вот о чем: во время войны вы трудились здесь неплохо, за это вам честь и хвала, но теперь — после войны, хозяйевать надо лучше! Савелий Петрович руководил по мере своих сил;

он стар и слаб, с него больше и спрашивать нельзя. Я молодой, с меня больше спросят, мне надо в ближайшее время усилить колхоз, и ты мне, Настенька, должна помочь...

— Я тебе не Настенька!

— Ну, извини. Я все еще по старой памяти, когда в молодости вместе гуляла. Бывало я: Настя, Настенька, а она и смотреть на меня не хочет.

— Ой, неправда, — мило усмехаясь, возразила Настя. — И не говорил ты мне ничего. Только бывало все стоишь и смотришь на меня, как на новые ворота, да своим чубом встряхиваешь. Не подходил даже...

— Подойдешь к тебе, когда ты все равно, что ёж... Уколешься.

— Другие умели подходить, не укалывались.

— Знаем, что умели. А мы не умели. Что же нам, неумелым, делать?

— Делайте, что хотите, меня это не касается, я вам не учительница. Ладно, Игнат, оставим пустяки...

— Оставим. Будем говорить о деле. Настасья Марковна...

— Вот теперь так!

— Настасья Марковна, ты возмись нынче руководить звеном. И сделай его таким, чтобы оно другие звенья подталкивало, пример им показывало, вело за собой. Передовым, сама знаешь, у нас считается звено Анны Тюкаловой, но она успокоилась на своих небольших достижениях, ее надо встряхнуть. Ты вызови ее на соревнование. Сразу бери высокий темп, веди звено бодрее, смело занимай во всем первое место; тогда не только Тюкалова, но и другие звеньевые задорнее дела поведут и научат своих людей не только указания выполнять, но и свое в каждое дело вносить, от своей души, из своей головы...

— Я возьмусь, — согласилась Настя. — Но кого вы мне в звено дадите... С кем работать-то мне придется?

— Ты сначала подруг и соседок своих позови, а потом людей мы тебе добавим и на правлении звено утвердим. По соседским домам походи, из ближних набери, чтобы люди постоянно у тебя под рукой были. Сама сообразишь.

— Сообразить я соображу, но мне, чтобы удобрений всяких вдосталь было! Особенно минеральных.

— Достану и минеральных, — пообещал Игнат.

Шура Дымова сбрасывала снег с крыши. Он скатывался вниз сырыми глыбами и рассыпался, отливая на солнце мутной голубизной.

На припеке тикала капель, как бы отсчитывая секунды, и оттого вся улица напоминала часовую мастерскую с тиканьем десятков отремонтированных часов.

Ворота дворов открыты. Вот выбежали на солнцепек три

ягненка, взбрыкнули, пободались и наперегонки пустились опять в глубину двора.

Увидев Настасью Марковну, Шура Дымова крикнула с крыши:

— День-то какой! Так теплом и обдает.

— Скатывайся на землю! — требовательно проговорила Настя. — Мне кое-что сказать тебе надо.

Шура воткнула лопату в снег, соскочила прямо в сугроб.

— Настя, — говорила она, выбираясь из снега. — Какая ты опять красивая стала.

— Я и раньше была красивая.

— Теперь еще лучше...

— Наскажешь ты... Вот зачем я к тебе: организую звено! Ты, я думаю, пойдешь ко мне? Помнишь, как до войны мы с тобой дружно работали. Ты тогда еще девчонкой была годков шестнадцати...

— В твое звено?! Я рада-радешенька...

И весенний день, и встреча с Настей, и приятное воспоминание привели Шуру в восторженное настроение. То было радостное лето, когда она еще подростком работала вместе с Настей в одном звене. Как они радовались тогда, узнав, что намолотили ржи больше других. Особенно радостным был тот вечер, когда ей и Насте преподнесли по отрезу на платье.

— Сегодня я побываю у всех, кто у меня будет в звене, а потом и к делам приступим, начнем удобрения собирать. Для весенней подкормки нам его много надо.

— Соберем! — приподнято воскликнула Шура. — Все дворы обшарим, все выгребем.

— Так ты, Шурочка, будешь у меня в звене правой рукой. Мы с тобой...

— Мы с тобой, как рыба с водой, — громко рассмеялась Шура. — Мы с тобой чудес натворим, про-ославимся.

Она ловко стала взбираться на крышу, а Настасья Марковна направилась к Маше Ладовой.

Ладовы только что пообедали. Небольшая юркая Маша легко, весело порхала от стола к печке, от печки к столу. Дело у нее подвигалось быстро: минут через десять она все вымыла, убрала и подмела пол. Прасковья Федоровна, мать Маши, сидела на лавке у окна и держала на руках мальчика.

— Ходит? — спросила Настя, присев к Прасковье Федоровне.

— Не ходит, а бегаёт.

— А, ну-ка, пусти! — попросила Настя.

Прасковья Федоровна опустила внука на пол. Малыш стремглав бросился к двери, запнулся ногой за ногу, упал, тут же поднялся и вновь побежал. Добежав до двери, он схватился ручонками за косяк и, обернувшись лицом к бабушке, довольно засмеялся: вот, дескать, как я умею.

— Молодец! — похвалила Настя. — Вот молодец-парень вырос!

— И все бегом, и все бегом, — восхищенно заговорила бабушка, любуясь внуком. — Прямо того гляди убьется. И в кого он у нас такой торопыга?

— В мать, — подсказала Настя.

— Мать ловка, расторопна, но не торопыга.

— Тогда в отца! В кого же больше?!

— Отец-то еле-еле поворачивается около своих тракторов, — вмешалась в разговор Маша.

— Неповоротливый? — спросила Настя.

— Разве ты его не знаешь?

— Нет. А кто он?

— Тракторный бригадир Павел Кочетов.

Прасковья Федоровна подкинула внука на руках и, любуясь им, воскликнула, как бы возражая кому-то:

— Никакого отца мы не знаем. Верно, Борька? Ты будешь — Ладов! Борис Ладов. Он и в сельсовете записан на нашу фамилию, а отчество дано по дедушке: Иваныч. И будет наш Борька Борисом Ивановичем Ладовым. Вот как будет зваться наш Борька.

Маша в последние годы войны и некоторое время после войны работала в МТС трактористкой; пришла оттуда домой по беременности, а после родов осталась в колхозе. Говорили, что Павел Кочетов бросил Машу и женится на другой.

После минутного молчания Настасья Марковна обратилась к Маше:

— Я пришла звать тебя, молодайка, в свое звено.

— Она бы с радостью, — ответила за нее мать. — Только вот куда ей своего бегуна девать? Он ей совсем руки связал.

— Летние ясли скоро откроются, — напомнила Настя.

— А пока до яслей ты с ним поводишься, — просительно сказала Маша матери. — Иногда и на ферме он у тебя может посидеть.

— Посидит, — согласилась мать. — Бабушкам уж так положено с внуками возиться. Придется тебе, Борька, со мной больше, видно, дружбу водить.

Поблизости от Ладовых жила бабка Конева. Ее единственный сын погиб на фронте. Сноха после войны вышла замуж. Внука Витеньку бабушка оставила при себе.

— Для продолжения фамилии! — заявила она снохе. — Надо ее поддерживать, а то памяти о ней не останется.

Высокая, сухощавая Анна Андреевна Конева славилась по всей округе добропорядочностью, редкой работоспособностью и суровой прямоотой характера. Она не любила сплетничать и умела говорить всем правду в глаза.

Выслушав Настю, она неторопливо заговорила:

— С Игнатом наша артель должна еще выше подняться: он

вожак надежный. Ты — бабочка дельная, и я к тебе вступаю. Оба с Витенькой станем работать. Он в пятый класс переходит, парень ладный стал, пора его к делу приучать.

Витенька — рослый и красивый мальчик, готовил уроки и не вмешивался в разговор.

По соседству с бабкой Коневой жили старики Шмелевы.

Настя поздоровалась с ними и заговорила о том, что в звене надо пахать, бороновать и сеять особенно хорошо.

— Это я могу, — понимая, к чему она ведет разговор, откликнулся Герасим Иванович.

— Он все умеет, — подтвердила Марфа Евсеевна, маленькая, толстая старушка.

— Если уж по-настоящему сеять в звене, то крест-на-крест. Перекрестный сев значительно повышает урожай, — продолжала Настя. — В звено надо хорошего сеяльщика.

— Это я могу, — прогудел Герасим Иванович.

— Он может, — восхищенно глядя на мужа, подтвердила Марфа Евсеевна.

— Искусственное опыление попробуем применить, — мечтала Настя.

— Что ж не применить, — толковал с ней Герасим Иванович. — Применим. Растянули вдвоем веревку, взялись за концы и ходи да ходи. Это я видал и могу...

— Он все может, — заверила Марфа Евсеевна.

— Так я тебя, Герасим Иванович, в свое звено впишу!

— Если писать, так пиши меня сам-друг. Сама знаешь, что мы с Евсеевной друг без друга никуда.

— Если Марфа Евсеевна пожелает, — спохватилась Настя.

— Как же не пожелать... Пожелает!

Настя тут же присела к столу и крупно вписала двух новых членов звена. Простилась и пошла на волю. Тихо прикрывая за собой дверь, услышала тонкий встревоженный голосок Марфы Евсеевны:

— А Захар-то что на это скажет? — робко спрашивала она мужа. — Мы ведь старики, много ли нам надо.

И уже за дверью, в сенях, дошел до слуха Настасьи Марковны гулкий голос Герасима Ивановича:

— Настя — бойкая, она в обиду не даст.

«Здесь потруднее будет, — думала Настасья Марковна, направляясь к Лизе Новодашковой. — Избаловала ее мать. Она единственная у нее дочка».

Лиза лежала на кровати и читала книгу. Девушке было жарко (весеннее солнце светило прямо в окна); щеки ее пунцовели, на верхней губе выступили капельки пота.

Был обеденный час, и мать Лизы собирала на стол.

Настасья Марковна, войдя в избу, присела около кровати и заговорила с Лизой о звене.

— Не охоча она до полевой работы, — вздохнула мать.

— А что мне полевая-то, — сказала Лиза.

— Такая вот она и выросла, — продолжала разговор мать. — Хоть реви с ней. Толкует об умственной работе, а учиться не поехала.

— Я знаю тебя, Митревна, — обратилась к ней Настя. — Ты вот сейчас бранишь, а вечер придет, соберешь гулять, да еще выйдешь любоваться на нее.

— Так ведь жалко: одна дочка-та...

— Вот это «жалко» ее и губит.

Настя повернулась опять к Лизе и, повысив голос, сурово заговорила:

— Вот, Лиза, слушай: тебя определили в мое звено и я тебе спуску не дам! В звене найдется тебе и умственная работа. Вырастить большой урожай — немало ума требуется. Тут надо и руками делать и мозгами шевелить...

— Так, так ее, — поощрительно заметила мать.

— Ту и другую работу станешь делать. Все будешь уметь, ветерком побегивать. Ты у меня уже в списке, читай: Лиза Новодашкова.

— Так, так, — опять одобрила мать.

— На днях у нас собрание звена будет, — продолжала Настасья Марковна. — Ты приходи обязательно.

— А я не пойду, — неожиданно отрезала Лиза.

Настасья Марковна нахмурилась и ничего не ответила.

— И что с ней делать? — сокрушенно развела руками мать. — Ума не приложу.

«С ней надо по-другому говорить», — подумала Настасья Марковна.

Она поднялась и уходя утешила мать:

— Ты, Митревна, не беспокойсь: Лиза ведь это шутит. Поддразнивает меня. Она в моем звене будет работать.

От Новодашковых Настасья Марковна направилась в избу Баранцевых. Сима Баранцева, высокая чернобровая девушка, собиралась в это время в дорогу. Она уже обула высокие калоши и теперь завязывала что-то в узелок.

— Куда ты? — спросила Настя.

— В районный центр, платье в мастерскую...

— Ты же недавно только из района вернулась. Вот как тебе понравилось. Смотри: закружисься совсем...

— Ой, Настя, верно я закружилась. И не заметила, как дни в городе пролетели. Тетка моя, у которой я гостила, говорит мне: — Закружилась ты совсем. А у меня верно — голова кругом, кругом... По вечерам в доме культуры играет то радиоло, то аккордеон, а Павел только все со мной, со мной и со мной. Районные девушки сначала разглядывают меня, дескать, чья, откуда, потом покашиваются на меня, потом бросают сердитые взгляды. Я говорю Павлу: — «Почему ты только со мной...»

— А кто этот Павел?

— Неужели не знаешь? Всем известный бригадир тракторной бригады Павел Кочетов. Да где тебе слышать... Ты никуда дальше околицы не выглядываешь, ничего не видишь и не слышишь. Знаешь: какой он интересный! Волосы русые с желтым отливом...

— Рыжий?

— Нет, не рыжий, а так, знаешь, помесь русого с белокурым. Плечи — в-во! Щеки полные, нос с горбинкой. Си-иль-ный... Танцевать с ним легко.

— После районного центра в деревне тебе, поди, показалось скучно. У нас ведь тихо...

— Нет, мне и здесь весело. Слетно мне говорит...

— А кто этот Слетно?

— Николай Артемьич. Он же после каждого слова слетно прибавляет вместо следовательно. Так он мне говорит: «Симочка, где вы пропадали?» И все около меня вьется. Я говорю: «Где была, там меня нет». А мама мне говорит: «Кто это тебя провожал?» Я усмехаюсь и спрашиваю: «А кто по-твоему? — Не знаю, говорит, глядела, глядела да так-таки и не разглядела».

— Кто же это был? Слетно? — спросила Настя.

— Нет, не Слетно. И мама думала, что Слетно, а это был Игнат.

— И-Игнат? — крайне удивилась Настя. — Не может быть?!

— Вот и мама не поверила, а это было так... Рассказала бы еще, да идти надо. Пойдем со мной в центр? Пора тебе оживать! Горюй не горюй, а все равно своего Горечку не вернешь.

— Оживать-то надо, — вздохнула Настя, — но в город мне незачем идти. Ты, наверно, ладишь опять...

— Нет, я в швейную мастерскую. Хочу платье на лето сшить. Надо бежать, а то меня Игнат только на полдня отпустил. Я у тетки переночую, а рано утром завтра приду. Я знаю, ты зачем ко мне. Насчет звена?

— Да. Согласна ли ко мне?

— Нет. Я свое звено... Мне так и председатель сказал: «Организуй, Серафима, свое звено».

— Тогда я тебя на соревнование вызову!

Сима ничего не ответила и стала торопливо одеваться.

«Оживать мне, верно, надо, — думала Настя, возвращаясь домой. — Может быть, мне тоже на лето сшить новое платье. Давно я себе никаких нарядов не шила».

Дома она торопливо скинула пальто и достала со дна сундука отрез крепдешина. Легкий голубой кусок шелка навеял светлые воспоминания молодости. Сколько ей было тогда? Только девятнадцать! Весной она вышла за Гордея Кленова; все лето жила и работала в каком-то радостном возбуждении. Зимой на отчетном собрании ее премировали отрезом. Тогда она убрала

его, решив будущим летом сшить из него платье. Весной несколько раз говорила себе: надо сшить, надо сходить к портнихе, но не могла выбрать свободного дня, а потом фашисты вторглись в страну, началась война, и Настя совсем забыла о премиальном куске шелка: на шестой день войны муж отправился на фронт, и молодой солдатке стало не до нарядов. В конце войны, когда то и дело приходили вести все о новых и новых победах Советской Армии, Настя совсем было решила сшить себе новое платье, но получила известие из госпиталя, что Гордей умер от тяжелых ран. Вдова! Для чего теперь шить платье, перед кем в нем красоваться? И кусок голубого шелка еще три года покоился на дне сундука.

Боль непоправимой утраты приутихла в послевоенные годы, и жизнь звала... «Оживать надо, — подумала Настя. — Ведь мне всего еще только двадцать пять лет». Она развернула кусок шелка перед зеркалом, прикинула его на себя, представляя, какое это будет платье.

В избу вошел председатель колхоза Игнат Коробов. Увидев Настю с отрезом материи перед зеркалом, Игнат почувствовал себя неловко, схватился за скобку двери, как бы собираясь уйти, и спросил:

— Можно?

— Вошел, а спрашиваешь.

— Я могу повернуть.

— Можешь повернуть, дело твое... Ты Симу Баранцеву что ли ищешь? Она сегодня в город ушла.

Игнат пожал плечами, потоптался на месте и растерянно заговорил:

— Симу Баранцеву? Сима мне не нужна. Я с тобой потолковать пришел. Что ты сегодня какая?

— Такая, как всегда.

Настя свернула шелк и пошла убирать его в сундук, а в мыслях, вызывая досаду, неотвязно мелькала фраза, сказанная Симой: «Мама тоже думала, что Слетно, а это был Игнат».

— Это тот самый шелк, которым мы тебя перед войной премировали? — спросил Игнат.

— Он самый. Памятливый ты. Сколько лет прошло с тех пор, а ты все еще не забыл.

— Я все помню. Что же ты его в дело не произведешь?

— Сам знаешь: жизнь моя сложилась так, что не до нарядов было.

— Шей платье, а то шелк так и истлеет у тебя в сундуке.

— Не к спеху... Сошью когда-нибудь ради большой радости, если такая придет. — Она заперла сундук и подала Игнату стул:

— Ты о чем толковать-то со мной пришел?

Игнат тряхнул чубом, отбрасывая его с левой брови на висок, и грузно опустился на стул.

— В звено людей не подбирала еще? — спросил он.

Настя разочарованно вздохнула и покачала головой:

— Какой внимательный?.. На дом прямо прикатил. Насчет этого можно бы, я думаю, меня в правление вызвать.

— Я попутно забежал...

— Попутно и слухи пойдут: председатель к молодой вдове наведывается.

— Наскажешь ты, — отмахнулся Игнат. — У нас народ не такой, чтобы сплетничать. Все знают, что я по делу. Насчет звена... Сколько у тебя народу набралось? Что — список есть? Вот это хорошо. Порядочек! Восемь человек, девятая звеньевая. Мы еще несколько человек тебе добавим, на правлении подберем. Ты отхватила себе самых надежных.

— Все в соседях у меня живут.

— Это хорошо, когда члены звена поблизости, — одобрил Игнат. — Можно живо их известить, в любой час собрать. Со звеном немедленно начинай работу. Собирайте удобрения, составляйте вместе с бригадиром план-задание, на правлении потом его мы утвердим. Будешь работать в бригаде Гузенникова! Он бойкий, и ты бойкая — сработаетесь. Действуй!

— Буду действовать. Все?

— Кажется, что еще не все. И посидеть уж с тобой нельзя. Человек, может, зашел душу отвести, а ты его выпроводить стараешься. И в молодости такая была, и теперь ко мне не потеплела. Да. А почему ты в свое звено не включила Серафиму Баранцеву?

— Я звала, но она мне заявила, что сама станет звеньевой.

— Какая она звеньевая?! Разве ты не знаешь ее.

— Знаю, но она гордо заявила мне, что ты поручил ей организовать звено. Я поверила.

— Ничего я Серафиме не поручал, — возразил Игнат. — Фантазерка она большая. Она должна быть в твоём звене. Я сам с ней поговорю, скажу, чтобы она выдумывала поменьше разных разностей. Вот теперь, кажется, все.

Бригадир первой бригады Николай Артемьич Гузенников переменял немало мест: работал в кооперации, был секретарем сельсовета, финансовым агентом и еще кем-то. На каждой такой должности он работал горячо, умело, честно, но недолго. Пройдет, глядишь, год, другой, и Николай Артемьич вдруг и неожиданно уйдет с работы.

— Николай Артемьич, что же вы? — спросят его.

— Не ценят, — тяжело вздохнет Николай Артемьич. — Что это за работа, когда не ценят.

Когда Гузенникова выдвинули в колхозе бригадиром, председатель Игнат Коробов прямо заявил ему:

— Я, Николай Артемьич, такой человек: за успехи превознесу, за недостатки-непорядки разнесу. Знай и помни!

— Вот это и надо! — обрадовался Николай Артемьич. — А то работаешь, стараешься, а тебя не превозносят и не разносят.

Он узкоплеч, сухощав, среднего роста, ходит сутулясь, всегда куда-нибудь торопится; говорит часто, в каждую фразу вставляет слово — «следовательно». В его скороговорке оно слышится как «слетно», а поэтому по-заглазам о нем говорят так: «Слетно приходил... Слетно говорил... Слетно сейчас побежал куда-то...»

Во время войны у Николая Артемьича умерла жена. После возвращения с фронта он четвертый год жил холостяком с маленькой дочуркой и матерью старушкой.

— Николай Артемьич, когда женишься-то? — спрашивали его.

— Вот невесту когда найду.

— Долго больно ищешь.

— Хорошо-то не скоро выберешь. Я вот первый раз скоро нашел, а она меня, слетно, и подвела.

— Так ведь смерть никому не заказана.

— Верно: никому не заказана, но вопрос, слетно, когда? Надо выбрать такую, чтобы пожила, а то ведь выходит одно расстройство чувств; только привыкнешь, только жизнь на линию поставишь, и на вот тебе — авария.

Это был человек исполнительный и честный, и председатель во многом полагался на него. А Игнат часто в эти дни отлучался из колхоза. Он ездил, хлопотал, приезжал в колхоз, отдавал распоряжения и вновь отправлялся куда-нибудь. Николай Артемьич (он замещал председателя) рассылал подводы, и колхозники привозили семена, минеральные удобрения, новые машины, колеса, сбрую, веревки.

«Игнат развертывается, — думала Настя. — По размаху узнаешь его».

Однажды во второй половине дня к Насте зашел Николай Артемьич.

— Вчера вечером председатель приехал, а сегодня опять уехал, — сообщил Николай Артемьич и на какой-то миг замешкался.

Насте показалось, что бригадир вкладывает в эти слова какое-то особое значение, думая, что оно важно для нее, и решила показать свое полное безразличие к председателю.

— Пусть приезжает и уезжает, мне не жалко, — усмехнулась она.

— Погоди, слетно, дай сказать, — нахмурился Николай Артемьич. — Ты словами чувство не загораживай...

— Какое чувство? — вспыхнула Настя.

— А-аа, — торжествуя протянул Николай Артемьич, видя ее смущение. — Стрела в цель попала. Мне известно, сколь

тебе жалко и сколь не жалко. Но это к делу, слетно, не относится. Всю почти ночь он мне распоряжения отдавал, слетно, настаивал, что и как делать. В числе прочих он дал указание всем звеньям отвести участки. Обувай кожаные сапоги, пойдем в поле: я тебе для звена хозяйство выделю.

Настя собралась, и они вышли на улицу. Настя огляделась и спросила:

— Николай Артемьич, а где же другие звеньевые?

— Я уже им отвел, а сейчас мне лично с тобой захотелось пройтись. Смотри: солнышко как играет...

— Если ты идешь любоваться игрой солнышка, то я домой вернусь.

— Я же говорю, что участок для своего звена ты должна принять.

— Тогда давай без всяких «лично».

— Вот и поговори с тобой, — беззлобно возмутился Николай Артемьич. — Коса ты острая... Нельзя и пошутить.

Пришли в поле. Солнце припекало. На редких проталинках низко и еще безжизненно стелилась озимь. Она еще как бы чувствовала на себе груз снега и не находила пока сил подняться. Настя шла за Николаем Артемьичем след в след и говорила недовольно:

— Ты меня утопить что ли надумал, Николай!

— Ты погоди со своими шпильками, ты слушай! — крупно шагая по талому снегу, теперь уже строго и повелительно говорил Николай Артемьич. — Вот отсюда начинается, приметь, и вон до того куста тянется Озаровский клин. Он отдается твоему звену.

— Ну, ну! Примечу!

— В плане звена запиши: Озаровский клин — восемь гектаров и четыре сотки ржи.

— Запишу.

— Шагай теперь за мной дальше. Сельский хозяин никакой слякоти не боится, слетно, и ты не бойся. Смело выходи на полевой простор, выращивай, слетно, невиданный урожай.

— Вырастим, Николай Артемьич, постараемся.

— Такие вот слова я люблю, а дела подстать им еще больше.

— За словами и дела будут, Николай Артемьич.

— Знаю, что на одних словах ты не остановишься, оттого об этом с тобой и говорю. Теперь опять примечай: начинается поле под названием Голубеево. И в этом Голубееве девять гектаров и восемьдесят пять соток озимой пшеницы отдается твоему звену на догляд. Корми ее, лелей, выхаживай, расти. Голубеево, по всему видать, скоро совсем очистится от снега и на нем тебе можно будет начинать хорошие дела.

— Николай Артемьич! — Настя воскликнула и запнулась, будто раздумала говорить то, что только что хотела сказать бригадиру.

— Я тридцать пять лет Николай Артемьич, дальше-то что?

— Николай Артемьич, тут и всходов-то даже нет, — недовольно договорила Настя.

— Сегодня солнышко-то ярко светит, ослепило тебя; ты промижись и увидишь их, — нето в шутку, нето серьезно посоветовал Николай Артемьич.

— Вот промигалась и вижу, что тут между крушьями какая-то темная паутинка... Такая, что еле разглядишь.

— Вот это озимь и есть, Настасья Марковна. Твое дело вдохнуть в нее жизнь. Боронуй, подкармливай, пропалывай и опять подкармливай, вот она, слетно, у тебя и раздышится. Тут семенная пшеница посеяна нового сорта; за ней наука ведет специальное наблюдение.

Настя остановилась и сдвинула брови:

— Хоть она пшеница и специального наблюдения, а не возьму.

— Ты не дури, Настасья Марковна, — спокойно осадил ее бригадир. — Ты только взглянула на озимь... Она еще не ожила, вот оттого и неприглядна. Если за ней поухаживаешь, она пойдет.

— Нет, ты лучше отдай этот участок Тюкаловой. Она звеньевая опытная.

— Тюкаловой мы решили участок Сандомирки отвести. Она привыкла за Сандомиркой ухаживать.

— И я привыкну.

— Никто не говорит, что не привыкнешь, но правление решило тебе новую пшеницу препоручить как боевой передовичке, надеясь, что ты сумеешь выходить ее. Повторю: мы всем правлением нашли, что ты лучше всех способна стараться по указаниям науки на пользу государства.

Настя покраснела и задумалась.

— Ла-адно, — тихо произнесла она.

— Что ладить-то? — разгоряченно подхватил Николай Артемьич. — Я тебе говорю с точки зрения правильного понимания науки.

Настя повысила голос:

— А я тебе говорю: ла-адно, хватит! Я все поняла. Беру!

— Еще бы ты не взяла. Правление не хуже тебя соображает; оно, слетно, думало и прикидывало так и этак...

— Вот и хорошо, что прикидывало. Что мне еще на догляд определено?

— Замечу: обрывиста ты, Настя...

— Я тебе не Настя...

— Тогда замечу снова: обрывиста ты, Настасья Марковна. Только заведешь речь, ты обрываешь, до точки договорить не даешь; характерец у тебя, слетно, не дай бог... Да! Будет тебе, Настасья Марковна, еще яровая пшеница, но в каком поле и

сколько, правление еще не решило. Все это выяснится, слетно, немного погодя.

Повернули к деревне и долго шли молча, погруженные в свои думы о предстоящих весенних и летних работах. Молчание нарушил Николай Артемьич.

— Хочу еще, Настасья Марковна, убеждения добавить?..

— Добавляй.

— Да, добавлю: работать много надо нам, чтобы привести к расцвету артель, но трудности большие. Не все наши работники вернулись с фронта, актив поредел, слетно, надо новый растить. Вот мы тебя и решили активной сделать. Поможем тебе расти и подыматься.

Настасья Марковна заглянула в окно избы Новодашковых: Лиза медленно и лениво расчесывала перед зеркалом длинные косы. Матери дома не было. Настасья быстро вошла в избу и ласково заговорила:

— Лизочка, нам надо провести звеньевое собрание. В правлении сейчас людно, а у вас тихо, просторно. Можно провести собрание здесь? Я пойду всех кликну, а ты расставь стулья, покрой стол скатерткой... Мы недолго поговорим: полчаса, час... Ты здесь хозяйствуй, а я пойду.

Она исчезла так же быстро, как и появилась. Ее простота, ласковость подкупили Лизу. Она наскоро закончила прическу и принялась прибираться в избе. Постелила на стол новую скатерть, принесла из горницы стулья.

Собрание звена было назначено в правлении. Там уже все собрались.

— Опоздала я, — заговорила Настасья Марковна, слегка запыхавшись. — Заходила к Новодашковым. Идемте к ним. Проведем собрание там... Почему не здесь? Я вам открою свой секрет. Мне хочется растормошить Лизу, увлечь ее нашим делом. Вы скажете, что можно увлечь ее и здесь. Можно, но не так. Там она на правах хозяйки поактивней будет, лучше расшевелится.

В избу Новодашковых Настасья Марковна вошла первой и быстро, повелительно шепнула Лизе:

— Приветливей встречай стариков! Усаживай их.

Дверь широко распахнулась, вошли люди, раздались голоса:

— Здравствуй, молодая хозяйка!

— Встречай дорогих гостей.

— Добро пожаловать, — приветливо ответила Лиза. — Присаживайтесь! Арина Андреевна, вы сюда: этот стул поудобнее. Герасим Иваныч, Марфа Евсеевна, вот здесь можно вам сесть рядышком. Сима, что ты стоишь? У нас стульев хватит да еще вот скамейка есть. Ах, я и забыла предложить вам раздеться, у нас тепло.

Настасья Марковна села за стол и заговорила:

— Николай Артемьич, ваше место здесь. — И показала рукой на стул около себя. — Звено здесь в полном составе. Начнем! Николай Артемьич, как бригадир и наш руководитель, поясни нам поподробнее наши задачи!

Николай Артемьич готовно поднялся:

— Да, я сам собирался первое слово сказать, чтобы дать направление. Товарищи, моя бригада всегда занимала первое место, и ваше звено, которое входит в мою бригаду, должно быть передовым. Люди подобрались в него умелые, заботливые, радивые, и, я думаю, что дело здорово пойдет. Лентяям тут не место! Если же кто станет лень проявлять, то она живо объявится, — бойко продолжал Николай Артемьич. — В звеньевом труде, при индивидуальной сдельщине на виду работа каждого, так что тут за чужой спиной, слетно, не отыграешься. Первым делом вашему звену мы выделили Озаровский клин. Осенью на нем всходы ржи были такие хорошие, что я собирался подкормить их, но не решился. Если подкормку да хорошую колу озимь от вас получит, то можно, слетно, надеяться на богатырский урожай. Еще вам дано Голубеевское поле. Там посеян новый сорт пшеницы. За ним следят ученые, слетно, вам за этим полем придется поухаживать поболее! Семена новой пшеницы дошли до нас с опозданием, посеяли мы их перед холодами, а оттого всходы осенью, прямо скажу, были неважные. Но вы не думайте об этом, ухаживайте со всем старанием и помните о науке! Она хитрая, мудрая, а, слетно, и явить может что-нибудь интересное. И еще на уход и догляд вам дадим участок яровой пшеницы. Сообщаю: председатель достал порядочно минеральных удобрений. Удобрения ценные: сульфат аммония и суперфосфат. Ими хорошо можно поля порадовать! Но вы на одни минеральные не надейтесь; ищите и собирайте все местные, они тоже злаком много питания дают. Надо тем и другим посевам подбадривать. Я буду постоянно с вами, помогу, но и вы сами в каждом деле смекалку применяйте! — Николай Артемьич оглядел присутствующих, будто видел их всех впервые, и тихо опустился на место.

— Участки нам отведены, — заговорила Настасья Марковна. — Звено создано, теперь примемся за дела. Если кто не имеет особенного желания быть в моем звене, говорите об этом сейчас, чтобы потом остановки не получилось. И предупреждаю всех: сама я стану стараться изо всех сил и таких же стараний потребую от каждого члена звена. Первой в списке Шура Дымова. Я ее хорошо знаю: это будет надежный член звена. Дальше по списку Маша Ладова. О ней то же самое можно сказать. Следующая Сима Баранцева. Сима, ты решай окончательно: или себе звено станешь просить, или в моем работать?

— В твоем! — почтительно ответила Сима.

— Вот и хорошо! Теперь о Лизе Новодашковой вопрос! —

многозначительно объявила Настя. — Лиза не выражает особенного желания работать у меня в звене, но я ее зову!..

— Мать изо всех сил трудится, но если от дочери помощи нет, ей прискорбно, — ловко вставила Марфа Евсеевна.

Ее поддержала бабка Конева:

— Не бойсь, Лиза, в труде не потеряешь своей красоты, а еще краше станешь и живее; в тебе каждая жилка заиграет.

— Я буду стараться, — смущенно заявила Лиза.

— Так-то вот, Лизаветушка, лучше! — легко вздохнула сердобольная Марфа Евсеевна. — Будешь стараться, и тогда все тебя станут уважать.

— Дальше у меня в списке Герасим Иваныч и Марфа Евсеевна Шмелевы. Они оба поохотились ко мне в звено. Еще: Арина Андреевна Конева. Ее мы все хорошо знаем.

— Ты как меня записала? — спросила Арина.

— Арина Андреевна Конева с внуком.

— Не так записала. Внука надо записать отдельно. Рядом со мной! Он в силу вошел и годков немалоросло. Пиши его отдельно — Виталий Максимович Конев. И заведи ему отдельный счет трудодней, чтобы он чувствовал себя настоящим работником.

— Тогда я запишу отдельно, — согласилась Настасья Марковна.

Виталий Максимович Конев сидел прямо, неподвижно и румянился от легкого смущения.

В избу вошла Маргарита Тюкалова, крупная, статная женщина. Следом за ней вошли ее подруги, такие же крупные, как она.

— Вот и они! — обрадованно воскликнул Николай Артемьич.

— А мы вас ждали, ждали, — приветливо проговорила Настасья.

— А мы вас искали, искали, еле нашли, — в тон ей сильным грудным голосом протяжно отвечала Маргарита Тюкалова.

Герасим Иваныч, бабка Конева с внуком, Сима, Шура, Николай Артемьич поднялись и предложили пришедшим свои места.

— Не беспокойтесь — мы постоим, — церемонно проговорила Маргарита.

— Нет уж, присаживайтесь, будьте гостями!

— Какие мы гости...

— Раз пришли к нам, значит — наши гости, а мы придем к вам, — вашими гостями будем.

Лиза быстро наносила из горницы стульев, и тогда только и гости, и хозяева все сразу сели.

— Маргарита Дорофеевна, — обратился к Тюкаловой Николай Артемьич, — договорок-то изготовила?

— Набросала вкратце, — ответила Маргарита, подавая бу-
мажку.

Бригадир развернул и стал читать бумагу, в которой говорилось, что звено Маргариты Дорощеевны Тюкаловой вызывает на социалистическое соревнование звено Настасьи Марковны Кленовой. В конце договора звено Тюкаловой давало обязательство собрать по семнадцать центнеров озимой пшеницы с каждого гектара. Закончив чтение, Николай Артемьич усмехнулся:

— Семнадцать у Маргариты Дорощеевны самая любимая цифра. Каждый год она эту цифру проставляет... И ни туда и ни сюда; ни больше ни меньше. Не хочет расставаться с любимым числом.

Маргарита Дорощеевна широко и смущенно улыбнулась:

— Николай Артемьич, так ведь это самый аккуратный урожай: семнадцать на шесть — сто пудов и даже с лишечком. Чего еще надо?

— Надо побольше, Маргарита Дорощеевна!

— Надо бы, конечно, но у нас не чернозем.

— Каждую землю можно подогнать под чернозем и заставить давать черноземные урожаи.

— Нелегко заставить-то!..

— Верно: нелегко, но можно. Настасья Марковна, может, ты обязательство побольше возьмешь?

Настасья Марковна подумала и отрицательно повела головой:

— У меня еще опыта нет. Маргарите Дорощеевне лучше знать...

— Маргарита Дорощеевна, стронься с облюбованного числа, сделай полшажка вперед — запиши хоть девятнадцать.

— Это будет целый шаг, Николай Артемьич. Нелегко так шагать. Так и быть — на полшажка тронемся: возьмем восемнадцать.

— А мы на целый шаг двинем: берем обязательство снять девятнадцать центнеров с гектара! — решительно заявила Настасья Марковна.

— Только придется лишний раз подкормить озимку, — слышался в тишине голос Герасима Ивановича: — И девятнадцать будет у нас.

Так и порешили оба звена взять по девятнадцати.

«Ловка, смекалиста, — думал Николай Артемьич, направляясь к избе Захара Панкратова. — Тонко она подъехала к Лизе Новодашковой. Вот и мне Захара надо также встряхнуть. Настя привела все звено, чтобы усостить девку. Ну, а мне не вести же к Панкратову целую бригаду. Попробую поговорить с ним один на один».

Захар Панкратов на артельную работу выходил редко. Он жил на заработки сына — колхозного пастуха, и на деньги от продажи сена.

— Я смекать умею, — хвалился он перед соседями, — и в месяц зарабатываю больше, чем вы за целый год.

Как это?

— Да так... Вот увидишь как... Я с него сена накошу (приусадебный участок он запустил под траву и полагал, что сделал очень умно), продам и выручу больше, чем с того, что дадут гряды. И еще есть выгода: спину не ломай.

Спина у него была самой уважаемой частью тела и он берег и холил ее. Чуть только завернет холодок, Панкратов сладко зевнет, почесет под лопатками и скажет:

— Надо спину погреть. — И пойдет на печь.

Своей бани у него не было. Только взовьется над чьей-нибудь баней дымок, Панкратов бежит уже к хозяину:

— Скоро ли истопится? Мне бы спину попарить!

Забывал он о своей спине только в сенокос. Захар тайком косил в лесах и возил сено по ночам. Он заискивал перед лесничим, бегал по лесам с литром в кармане, набиваясь в дружбу к лесникам.

Вот к этому человеку и направлялся сейчас Николай Артемьич. Утро было холодное. Низко шли мрачные облака, дул сильный северный ветер. На улице было безлюдно. Только мелькали то там, то тут колхозники из звена Настасьи Кленовой. Они собирали удобрения по дворам.

Николай Артемьич вошел в избу Панкратова и огляделся. В переднем углу за столом сидел дюжий парень и читал книжку:

— Здравствуй, Парфеша! Чего читаешь?

— Я все про животный мир...

— А отец где?

— Спину греет.

Николай Артемьич помолчал и услышал свистящий носовой звук. Кивнул в ту сторону:

— Уснул, видно. Придется побудить. Мне с ним поговорить надо.

— Буди, если очень требуется, только спросонья он плохой разговорщик. Вскинется, пожалуй.

— Кто там? — раздался с печи голос Захара.

— Вот! — обрадовался Николай Артемьич. — И будить не надо, сам проснулся.

Усмехаясь, Николай Артемьич подошел и заглянул на печь: Захар лежал вверх лицом, подложив руки под поясницу.

— На работу звать пришел? — спросил Панкратов, глянув сверху вниз на бригадира. — Угадал?

— Нет, не угадал, — быстро заговорил Николай Артемьич. — На работу и незванный придешь. По лесам траву обкашивать мы нынче тебе не дозволим, а на заработки сына тебе жить рано, ты сам еще мужик в силе. Конечно, о работе я должен тебе напомнить. Четвертый месяц в этом году идет, а у тебя только шестнадцать с половиной трудодней; разве это, Захар

Гаврилыч, работа? Подумай-ка! Раскинь мозгами! У меня бригада передовая, а ты тянешь ее назад, и мне это очень при-
скорбно.

— А для чего, бригадир, лезть нам с тобой вперед? —
осклабился загадочной усмешкой Захар.

— Чтобы хлеба больше собирать, жить лучше! Вот выра-
стим большой урожай и заживем, слетно, хорошо.

— «Заживем, слетно, хорошо», — медленно повторил Пан-
кратов. — А семена заемные, отдавать надо.

— Семена обязательно отдавать надо! Необходимо выра-
стить такой урожай, чтобы хватило расплатиться и на трудодни
порядком выдать. Конечно, если вот на печи лежать...

— А тебе какое до этого дело? — вскинулся Панкратов.

— А такое, что ты в моей бригаде!

— Если я в твоей бригаде, так ты думаешь, что власть
надо мной имеешь? Не признаю я твоей власти. Я сам себе на-
чальник.

— Начальник, говоришь... Тогда пусть с тобой разговари-
вает сам председатель. Он сумеет с тобой поговорить.

— А что мне председатель? Я сам в десять раз умнее его.

— Как-нибудь смеряем ваши умы, тогда ясно станет, кто
из вас умнее, а пока давай закурим, остынь маленько, а то рас-
калнлся жарче печки.

— Папироска? — обрадовался Захар. — Вот это я пони-
маю. Сразу видать, что бригадир!

— По папиросе узнал бригадира, а в лицо узнавать не хо-
чешь и подчиняться не желаешь. Смотри: до председателя дойдет
дело, тогда туго тебе придется. Савелий Петрович очень стар
был, ты при нем и распустился, а этот возьмется, так подвер-
нет. Ох, и подкрутит. Рука у него молодая, крепкая, ум изво-
ротливый. Хоть ты, Захар Гаврилыч, и умен, а он умнее тебя.
Он придумает такое, что тебе никогда не придумать. На, при-
кури! Ох, если Игнат Стратоныч насядет...

— У меня тоже котелок варит.

— Оно, конечно, варит, но ты — пых, пых и выдохся, а он
памятлив, постоянен, станет точить и точить тебя и дойдет.
Ты образумься и втягивайся в работу.

Настасья Марковна поднимала свое звено с зарей.

Шура Дымова встала свежая, бодрая. Ее радовало пред-
стоящее дело.

— Начинаем! — говорила она, быстро одеваясь. — Веду-
ди, Настя! Мы с тобой гору своротим.

Сима Баранцева тоже поднялась охотно, но сначала задум-
чиво пошла бродить по избе, что-то разыскивая.

— Чего ты ищешь? — спросила Настасья Марковна.

— Не знаю, что одевать.

— Нарядов-то много, так не скоро и выберешь, — усмехнулась Настасья Марковна. — Одевай, что похуже: удобренья будем вносить.

Машу Ладову она увидала у колодца и крикнула ей:

— Приходи сейчас к складу; сегодня подкормку начинаем.

Когда Настасья Марковна вошла в избу Новодашковых и заявила, что Лизе сейчас надо собраться на работу, мать тяжело вздохнула:

— Не знаю, встанет ли. — И принялась осторожно будить дочь. Лиза выставила из-под одеяла голову:

— Чего ты? Еще не рассвело.

— За тобой пришла Настасья Марковна...

Услышав эти слова, Лиза выскользнула из-под одеяла и стала одеваться.

— Вот так-то лучше, — ласково и обрадованно заговорила мать. — Пораньше будешь вставать, голова перестанет болеть.

— Приходи к складу, где лежат минеральные удобрения, — сказала Настасья Марковна и торопливо вышла из избы.

Бабушка Конева терла картошку, готовилась топить печку. Звеньевая поздоровалась с ней и объяснила:

— Сегодня заморозок сильный и я решила...

— Понимаю, — заторопилась Арина, прикрыла картошку тряпицей, поднялась на припечку, перегнулась на полати и что-то там пошентала внуку. Паренек моментально поднялся и стал одеваться.

— Поди, делай свое дело, — сказала Конева звеньевой, — а мы живой минутой туда придем.

Старики Шмелевы проснулись, очевидно, давно и оба хлопотали по дому. Когда Настасья Марковна сообщила о цели своего прихода, они переглянулись и помолчали.

— Вы, может, отдумали у меня в звене состоять? — спросила звеньевая.

— Не отдумали, но одна препона есть, — угрюмо проговорил старик.

— А что за препона? — встревожилась звеньевая.

— Не знаю уж и сказывать ли? — задумался Герасим Иванович.

— Надо сказывать, а то Настасья Марковна нивесть что про нас подумает, — решительно вступила в разговор Марфа Евсеевна. — Я сама лучше скажу. Мой-то, Настасья Марковна, и стар, и смирен, Панкратов-то увидел, что мой совсем ослаб и отпору дать не может, вот и застращал, и на работу не выпускает...

— Как это не выпускает? — не поверила Настя.

— А так вот: а-аа, говорит, в звено записались, вам больше всех надо; на дополнительную наметились, хотите все зерно себе заграбастать!.. Я вам, пожалуй, заграбастаю, узнаете у меня, почем сотня гребешков...

— Вот я председателю скажу. Он его возьмет в руки. Герасим Иваныч, ты бери на конюшню подводу и приезжай к складу с удобрениями, — распорядилась звеньевая, — а ты, Марфа Евсеевна, пойдем вместе со мной.

Минут через пять Настасья Марковна открыла склад. На воле дул ледяной ветер, и колхозники вошли в помещение погреться. Здесь крупными кусками и целыми глыбами блестел глянцевитой белизной сульфат аммония.

— Сахарок! — воскликнула Шура Дымова. — Колоть его станем?

— На сегодняшнее утро наколот, — кивнула звеньевая на мешки. — А на завтра наколем вечером. Сейчас мы немедленно отправимся в поле, чтобы воспользоваться заморозком и поработать подольше.

Подъехал Герасим Иваныч. На подводу нагрузили мешки с удобрениями, корзины, носилки и отправились на участок.

Лужи и ручьи за ночь покрылись толстым льдом, дорога звенела под ногами и колесами.

Выехали в поле. Ветер здесь был еще сильнее. По небу неслись большие мутные облака, сталкиваясь друг с другом. Они громоздились, разрывались. Одни из них тучнели и наливались темной синевой, другие редели и расплзались клочьями.

Герасима Иваныча и бабушку Коневу звеньевая послала рассеять сульфат аммония, а других повела разносить и раскладывать на другом участке мелкий навоз.

Через полчаса навестил звено бригадир. Настасья Марковна пошла с ним проверять, правильно ли производится подкормка.

— Поторапливаться надо, — говорил всем Николай Артемьич. — Хоть и холодно, но все равно часам к девяти солнце сгонит черепок (так в Казаркине называли ледяную корку, которой покрывается земля во время утренних заморозков), земля станет мазаться и тогда придется отправляться домой.

Проходя мимо Лизы Новодашковой, Николай Артемьич спросил:

— Ты что приуныла?

— А с чего тут веселиться? Навоз да холодище.

— Верно, Лиза, — подхватила Настасья Марковна. — Веселого тут мало, но в теплой избе урожая не вырастишь.

— Я знаю, что не вырастишь, но мне хотелось заняться умственной работой.

— Умственной работой у нас занимаются не только за столами, но и в полях, — добавил Николай Артемьич.

— На этой умственной обморозишься, — проворчала Лиза.

— А ты шевелись проворнее — живо нагреешься, — бойко посоветовала Настя.

— Откуда у нее такие рассуждения? — спросил Николай Артемьич.

— От Панкратова. Она с его сыном гуляет...

— А я слушаю и думаю: что-то знакомое...

— Тебе нет никакого дела до того, с кем я гуляю, — с сердцем заявила звеньевой Новодашкова. — Если ты меня так будешь затрагивать, я тогда уйду из твоего звена.

— Вот испугала. Эх, дурочка ты этакая! — проникновенно, с ласковой снисходительностью воскликнула Настасья Марковна. — Думаешь, что без тебя мы не справимся? Справимся. Я же для тебя стараюсь и говорю тебе: нельзя жить без увлекательного дела.

— Пронежились, — громко крикнула Шура Дымова.

— Проспали, — еще громче повторила Сима Баранцева.

Настасья Марковна оглянулась: недалеко полевой дорожкой направлялось на свой участок звено Маргариты Тюкаловой.

— Не проспали, а долго собирались, — с обычным своим невозмутимым спокойствием ответила Маргарита и поклонилась всем: — Доброго здоровья!

— Через час корочка растет, — заметил ей Герасим Иванович. — В кашлицу превратится наш черепок.

— Пусть тает, — ответила Маргарита, удаляясь. — Для нас еще дни будут.

— Ей хоть родной дом гори, так она и то не поторопится, — покачал головой Николай Артемьич.

Настасья Марковна послала Герасима Ивановича бороновать озимь на участке звена. Польщенный ее доверием, он охотно собрался, поехал в поле, но вернулся с дороги.

— Что ты? — удивилась звеньевая.

— Не разрешают бороновать-то...

— Кто не разрешает?

— Захар Панкратов. Я, говорит, не дозволю озимь портить, она еще не просохла. Вы, говорит, ее всю сvezете, мы без хлеба останемся.

— Какой радетель нашелся! — возмутилась Настасья Марковна. — Где он? Поезжай обратно! Я тебя провожу.

Герасим Иванович повернул коней и поехал обратно в поле. Настасья Марковна пошла вслед за ним.

Захар Панкратов сидел в своей избе у открытого окна.

— Почему ты, Захар Гаврилыч, старика в поле не пустил? — строго спросила звеньевая.

— Я только сказал ему, что поосторожнее, мол, там, не сvezи, мол, всходы, не рано ли с боронами поехал. У меня ведь тоже сердце болит за посевы. Просохла ли земля, не повредить бы озимь? Вот что меня тревожит!

— А ты бы вышел в поле да и поглядел — просохла ли? Что никуда не выходишь? Из окошка ведь немного увидишь.

— Не можется мне, Настасья Марковна, — жалобно проговорил Захар.

— Не можется? — с притворным участием спросила Настя.

— Не можется... Тянет и тянет всего, будто в меня распорки вставлены. Я помню, что зимой одна я сильно простыл; вот теперь и отзывает во всем теле.

— Поправляйся, а то протянешься — без трудодней останешься; тебе самому хуже будет. Нехорошо ты со стариком обошелся. Землю на участке нашего звена не видел, а говоришь, что рано бороновать. Неужели мне интересно всходы портить. Неужели я хуже твоего знаю, когда нужно бороновать. Я по два раза в день ходила на участок, чтобы определить, готова ли земля для боронованья, а ты сидишь у окошка и больше меня знаешь. Канительный ты человек.

Каждый вечер Николай Артемьич созывает звеньевых своей бригады и узнает, что они намерены завтра делать на своих участках. Если там очередная работа произведена, а следующая — не завтра, то бригадир дает звеньевым задания вести людей на поля общеколхозные (так в Новом Казаркине называются поля, которые остались вне звеньевого ухода). После этого звеньевые идут к членам своего звена и сообщают им, что они будут делать завтра. Настасья Марковна получила задание бригадира, побывала у всех членов звена и возвращается домой.

Час поздний. В низком темносинем небе плывут лохматые дымчатые обрывки тучи. Накрапывает мелкий дождик. Тепло. Тихий ветер несет с полей запахи волглой земли. Из-за реки Казарки доходит ровный шум трактора. Другой, вторя ему, шумит за молочной фермой.

В дождливых сумерках вечера Настасья Марковна видит вдалеке человека и узнает в нем Павла Кочетова, бригадира тракторной бригады, которая только что появилась в Казаркине. Он бредет тихо, вглядывается в окна, отыскивая по каким-то приметам чью-то избу. Настасья Марковна хочет помочь ему. Она спрашивает:

— Вам дом Симы Баранцевой нужно?

Бригадир недоволен тем, что его заметили и остановили; он озадаченно и хмуро спрашивает:

— Си-имы? Какой это Симы?

— А она... — хотела пояснить Настасья Марковна, но осеклась, вспомнив, что Сима любит прихвастнуть.

Павел чем-то раздражен, недоволен. Он отрывисто спрашивает:

— Что она?

— Она дома.

— Пусть и сидит дома. Я никакой Симы не знаю. Мне нужно избу Ладовых.

Настасья Марковна указала избу и, направляясь во-свояси, подумала: «С Машей, наверно, идет повидаться».

Прошло часа полтора. Настя после ужина послала мать старушку спать, а сама принялась убирать со стола. Раздался стук в крылечную дверь. Настасья Марковна выглянула в сени и крикнула:

— Входите, не заперто еще...

В избу вошел Павел. Он, видно, долго бродил по дождю: с его одежды текла вода. При свете лампы Настасья Марковна увидела его страдающее лицо.

Павел огляделся и счел почему-то нужным спросить:

— Тут никого нет?

— Если меня не принимать за человека, то никого, — поддела Настасья Марковна, испытующе посмотрев на вошедшего.

— Нет... — Павел смешался. — Я извиняюсь... Кроме вас, говорю, здесь никого нет?

— Одна я... В чем дело, Павел... как вас по батюшке-то?

— Петрович.

— Присаживайтесь, Павел Петрович, и рассказывайте.

Он присел и несмело заговорил:

— Хорошо, что мы с вами встретились сегодня на улице. Мне тяжело... Я долго думал и решил с вами поговорить. Мария Ладова, я слышал, состоит в вашем звене?

— Состоит... А что?

— Хорошо работает?

— Неплохо... А что?

— Нет, я совсем не о том... Надо уж прямо сказать.

Предварительно попросив держать все в секрете, Павел смущенно стал рассказывать. Он ходил сейчас к Маше, но она встретила его неприветливо и всердцах заявила, что не хочет даже разговаривать с ним. Она очень обижена. И что теперь делать?

— Еще бы ей не обидеться, — заговорила Настасья Марковна. — И вполне понятно, почему она вас так встретила. Ну, сами посудите... Вы бы на ее месте обиделись бы? То-то вот и оно! Маша такая красивая, расторопная... Лучше ее вам не найти! Я не понимаю, почему вы оставили ее с ребенком?

— Родители, понимаете... — Павел густо покраснел.

— Что родители?

— Да, понимаете, другую нашли... Дом... Одна, понимаете, дочка у отца с матерью. Знаете, как еще иногда старики мыслят.

— А вы погнались за приданым? — язвительно спросила Настасья Марковна.

— Я не гнался... Просто не хотелось ссориться со стариками.

— Не стал ссориться и женился на той, которую они нашли?

— Нет, не женился. Почувствовал, что без Марии мне нет жизни, и ослушался... Ссора со стариками вышла; тяжело, конечно, но пришлось пойти наперекор родителям.

- И что же вы теперь намерены делать?
- Вот я и пришел посоветоваться. Без нее мне жизнь не в жизнь... Скажите, как мне быть?
- Поговорите с ней!
- Да она же со мной не хочет разговаривать.
- Ждите тогда, когда она сменит гнев на милость.
- А сменит ли? Я прошу вас: разведайте, как она ко мне, все-таки, настроена; стоит ли хоть надеяться-то?
- В разведку меня посылаете... На фронте в бой ходили, наверно, смелее, чем теперь к любимой с сыном?
- Смелее, — подтвердил Павел.
- Разведчиком были?
- Нет, танкистом.
- Так, так... Ну хорошо — я узнаю. Все обойдется, наверно, и образуется. Надо же Маше сердце отвести! А вы работайте лучше, пащите хорошенько.
- Я хорошо пашу: трактористы у меня стараются.
- А вы пащите лучше хорошего! А мы станем нахвалять: вот Павел Петрович хорошо вспахал, вот замечательно; у Маши-то сердце к вам вновь и затеплится.

После случая со стариком Шмелевым председатель позвал Захара Панкратова в правление и попросил подождать. Он заканчивал разговоры с бригадирами и звеньевыми о ходе посевной. Панкратов нетерпеливо ерзал и ломал голову: зачем председатель его позвал? Минут через десять Игнат пригласил к столу старика Шмелева и обратился к Панкратову:

— Захар Гаврилыч, у нас есть к тебе большая просьба! Дедушке Герасиму надо на участке своего звена ячмень посеять; ты разреши ему завтра утречко поработать.

Словно листа большого дерева под сильным порывом ветра, прошелестел смех, но на широком открытом лице председателя нет даже следа усмешки. Он спокойно, серьезно смотрел в глаза Панкратову. Тот покраснел и забормотал растерянно:

— Я не разрешаю...

— Опять не разрешаешь, — горестно воскликнул председатель и сокрушенно покачал головой. — Что же нам теперь делать, дедушка Герасим, как быть? Вот положение! Захар Гаврилыч опять не разрешает тебе работать. Бе-еда!..

Смех колхозников прошелестел сильнее.

— Не я разрешаю, — поправился Панкратов. — По мне хоть день и ночь работай, я не останавливаю.

— А дедушка Герасим говорил нам, что останавливаешь: озимь бороновать не разрешил? Не разрешил. Теперь старик бонься, что и ячмень сеять не разрешишь.

— Что до озими, то верно: был у нас разговор. Я ему сказал, что, дескать, не испортить всходы, не рано ли...

— Стало быть, дедушке Герасиму ячмень завтра сеять можно?

— Можно, — с деланной веселостью ответил Панкратов и постарался сам рассмеяться, но смех получился жалкий, нарочитый.

— Вот, Герасим Иванович, — обратился председатель к старику Шмелеву. — Захар Гаврилыч разрешил тебе ячмень сеять, скажи ему спасибо.

Колхозники громко смеялись. Панкратов сорвался с места и быстро ушел.

Через несколько дней Панкратова вызвали на заседание правления.

— Тебе придется погодить, — сказал председатель. — Твой вопрос не первым будет разбираться.

Панкратов сидел и ждал. Ждал долго. Несколько раз он порывался встать и уйти, но какая-то сила удерживала его. Наконец, в десятом часу, председатель неспеша заявил:

— Вот, кажется, мы во всем и разобрались. Остался один небольшой вопрос. Он касается Захара Панкратова. Захар Гаврилыч, сядь сюда поближе, чтобы тебе нас было видно, а нам тебя. Тут вот садись! Так! Дело вот в чем: колхозник Панкратов в этом году выработал только... Сейчас посмотрю справку и точно скажу. От зимы у него шестнадцать трудодней, да на весеннем севе осилил восемь, всего двадцать четыре трудодня с половиной. Правление хочет знать, Захар Гаврилыч, почему ты мало работаешь?

— Одна зима я сильно простыл, — затынул свое, всем надоевшее, Захар. — Простуда, видно, застарела и вот теперь тянет и тянет всего... Будто распорки во мне...

— Мы в этих распорках слабо разбираемся... Надо справку от врача принести, Захар Гаврилыч. Разбираться, где у тебя тянет и почему тянет, не наше дело; на это у нас больницы есть. Так решим, товарищи члены правления: пусть принесет справку, что не может заниматься колхозным трудом. Если же Панкратову такой справки не дадут, определим ему месяц на исправление. Не втянется через месяц по-настоящему, опять вызовем на правление. Так ли, товарищи?

— Тогда можно исключить.

— Там видать будет.

— Посмотрим. Дадим ему возможность одуматься, все взвесить. Исключить всегда успеем. Легче, конечно, исключить человека, чем исправить, но мы за легкостью ни в чем не гнались и не погонимся, а постараемся исправить человека. Все, Захар Гаврилыч, можешь идти.

Захар Панкратов медленно и безмолвно вышел.

— Игнат Стратоныч, — обратился к председателю Николай Артемьич. — Я думаю Панкратова в звено Настасьи Марков-

ны определить, чтобы скорее наладился. У Настасьи Марковны характерец...

— Да, характерец у нее есть, — договорил председатель. — Что ж определи; может она на него повлияет.

От большого тепла и обильной влаги озимь буйно пошла в рост. На высоком голубом небе стынет белая пряжа облаков. Если присмотреться, то покажется, что чья-то невидимая рука сматывает ее. Сматывает так быстро, что вскоре виднеются уже только отдельные нити, но они заметно укорачиваются. Низко стелется ветер по полям. Шелковистая озимь пригибается к земле, а жирные сорняки с толстыми стеблями только покачиваются.

Настасья Марковна ведет свое звено на прополку, вглядывается в озимь и кивает на сорняки:

— Ветер показывает нам наших врагов.

Недалеко от дороги на пашне стоит трактор. Толстые, красноватые пласты суглинка похожи на поваленные стволы вековых сосен. Тракторист поднял капот и черными руками что-то вертит, крутит в моторе.

— Что — поломался? — спрашивает Настасья Марковна.

— Да-а, — опечаленно говорит тракторист. — Что-то случилось, никак еще не разберусь.

— Позови бригадира, он скорее разберется.

— Его нет, он ушел сына на свою фамилию переводить. У него сын, оказывается, в этой деревне есть. Записан, оказывается, на фамилию матери, а Павлу-то обидно, и охота на свою перевести.

— А кто ему разрешит? — разгневанно спрашивает Маша.

— Я не знаю, как это делается, но Павел все время твердит и твердит, что, мол, переведу сына на свою фамилию; вот я и полагаю, что он ушел насчет этого... Больше некуда.

— Мало ли что он твердит, — хмурится Маша. — Твердить можно сколько угодно, но только без разрешенья тут ничего не выйдет.

— А ты разреши, — склоняет ее Настасья Марковна.

— Разреши, — вторит ей бабушка Конева. — Пусть мужик на себя заботу о сыне берет.

— Я сама позабочусь...

— Что ты хорохоришься, — останавливает ее Настасья Марковна. — Ведь любишь его, Павла-то! — Маша густо краснеет. Молчит. — Ты осторожнее с ним, — продолжает Настасья. — Поучить его за провинность, конечно, надо; поучить его поучи, но не оттолкни коим грехом совсем, помни, что у тебя сын!

Пришли на участок. Пшеница, тонкая, с узкими листьями, похожая на молодую осоку, ласково припадала к ногам земледельцев.

Настасья Марковна выделила всем членам звена по участку для прополки, и люди начали кропотливую работу. Надо наклониться и вырвать каждый стебель овсяга, колючки, осота, сурепки. Колхозники работают напряженно, молча. Ведь у каждого свой участок; надо выполоть его чисто и не отстать от людей.

Дня через два зашел в звено на прополку председатель. Он был без фуражки, и ветер перебирал его густые темнорусые волосы. Широкое лицо густо загорело, и на темном фоне загара еще светлее и моложе выглядели его большие голубовато-серые глаза. Он был широк костью, дюж, плечист, но ходил быстро и легко.

Председатель громко поздоровался со всеми и добавил:

— Пришел пшеницу посмотреть.

— Погляди, полюбуйся, — отозвались первыми старики Шмелевы и бабка Конева.

— Не ахтительная она у нас что-то выходит.

— Ростиком мала...

Председатель посмотрел на всех членов звена и резко повернулся к Насте.

— А Панкратов где?

— Удобренья под пары возит.

— Выполняет твои указания.

— Выполняет, но туговато. Заведет сначала вольнку о спине, о простуде, о каких-то распорках...

— Ты не слушай его; сказала и уходи, а не станет выполнять, тогда мы с ним поговорим с гвоздем.

— Это как же с гвоздем? — заинтересовалась Настя.

— А это значит, что каждое слово будет ровно гвоздем прибито. Навек запомнит! Ну, довольна ли ты своей пшеницей?

— Довольна ли?! — горько усмехнулась Настасья Марковна. — Нечем довольной-то быть. Мы ее два раза подкармливали, второй раз пропалываем, а она слабо отзывается.

— Вся такая низенькая? — спросил Игнат.

— Еще ниже есть.

— Не может быть, — встревожился Игнат и двинулся вдоль участка. — Идем посмотрим. Что же это такое? Почему она на подкормки не отзывается. А-аа? Невиданное дело... Чем же ее к росту побудить? Надо подумать.

Игнат казался таким озабоченным и близким в тревоге за судьбу пшеницы, что Насте захотелось сказать что-нибудь ласковое ему. Когда они очутились на другом конце поля, она тронула рукой колодку с орденскими ленточками на запыленном пиджаке и ласковым, в сердце проникающим голосом проговорила:

— Дай-ка я ленточки переверну на другую сторону, а то они выцвели на весеннем-то солнышке.

Игнат взглянул на нее. Ладная, крепко сбитая, с темными, широко распахнутыми бровями над смуглым небольшим лицом, она стояла перед ним.

Взгляд ее темных глаз, суровый и требовательный, светящийся каким-то необычно приятным ласкающим светом, моментально выражает все, даже самые малейшие изменения в ее настроении. Игнат с трудом отвел глаза в сторону, но какая-то сила притягивала его взор, он опять и опять взглядывал на нее и думал: «Вот она еще когда только расцвела в полную силу. Бывают такие женщины: все, кажется, обыкновенно, но все сочетается в такой соразмерности, что диву даешься, не понимаешь, глядишь и никак не разглядишь: где-то чуть-чуть убавлено для красоты и что-то, опять же чуть-чуть, прибавлено для прелести. Не высока и не широка, а дышит вся мощью; не строга, не сумрачна, не горда, ласкова и внимательна, а невольно становишься рядом с ней смиренным, покорным и даже мешковатым. Покоряет чем-то!»

Игнат зарумянился от неожиданной ласки, решительно снял колодку и передал Насте. Она приняла одним незаметным движением, другим также незаметно убрала. Настя увидела, что Игнат повеселел, и сама оттого оживилась.

Они обошли кругом поле и остались недовольны пшеницей.

— Смотри! — указала Настя. — Она во впадинах желтизной отдает. Здесь желтая круговина, тут и вон там... Много их, таких круговин.

— «Сандомирка» у Тюкаловой в таких впадинах еще хуже, а местами совсем вымерзла, — сказал Игнат. — Но зато у нее на основном массиве пшеница и выше и сильнее.

— У нее пшеница лучше, — вздохнула Настасья Марковна. — Я сама ходила смотреть. Лучше! — повторила она. — А у меня только все шире стелется, а в рост не идет. Думаю я еще раз ей помочь. Вот эти желтые круговины надо особо подкормить, чтобы они зазеленели и подравнялись ко всему массиву. Давай мне еще суперфосфата!

— Бери. Я его достал; хватит и на подкормку и останется положить под озимое, — сообщил председатель.

— После прополки сразу же весь участок подкормлю калием, чтобы колос сильнее был. Неужели моя пшеница и после этого будет хуже, чем «Сандомирка» у Тюкаловой. Мое звено ведь вдвое, пожалуй, больше положило трудов на свой участок, чем звено Маргариты на свой...

— Труды не пропадут, — старался обнадежить председатель. — На большие труды земля щедро ответит. Действуй, проявляй свою инициативу. Эта пшеница перезимовала хорошо, несмотря на то, что была с опозданием посеяна: у нее выпадков меньше, чем у «Сандомирки». Зимостойкость, стало быть, хорошая, что для нас много значит. За этот сорт мы должны ухватиться обеими руками. Так что ты все старания приложи!

Ровно через месяц Захара Панкратова опять пригласили в правление.

— Мы давали колхознику Панкратову месяц для исправления и раздумья. Что же мы теперь видим? По сведениям бригадира, за месяц Панкратов выработал девятнадцать трудовых дней. Это немного, но подходяще.

— Для него и то велико дело, — заговорили члены правления.

— И дисциплину он стал понимать.

— Слов нет, он выполняет указания, но всегда с разными оговорками, — продолжал председатель. — Захар Гаврилыч, ты человек не без головы, брось эти рассуждения о своей спине. Спина у тебя не хуже, чем у других: широкая, крепкая. Привыкай, проявляй больше колхозного старания. Товарищи, дадим ему месяц для полного исправления.

— Я замечаю, что он малость переменился, — сказал Николай Артемьич. — Ему надо теперь побольше доверять и дать два месяца.

— Бригадир предлагает два! Ему лучше знать, он ближе к нему стоит, а поэтому следует согласиться с ним, — заключил председатель.

Правление согласилось с бригадиром.

Настасья Марковна часто заглядывала на участок звена Маргариты Тюкаловой и сравнивала ее пшеницу со своей. «Сандомирка», высокая, с толстым стеблем, выглядела гораздо внушительнее «Ульяновки»; поэтому после каждого осмотра Настасья Марковна приходила к печальному заключению:

— Моя отстаёт. Я ее и кормлю почти с ложечки и холю, как любимое дитя; два раза подкармливала всю целиком, потом частично по желтым круговинам, два раза пропалывала, потом вносила калий, а она растёт что-то не больно быстро: низенькая такая и тонкая. Чего ей ещё надо?

А в колхозе слышались уже такие разговоры:

— У Маргариты пшеница лучше, чем у Настасьи.

— По всему видно, что Маргарита Настасью обставит.

— Теперь ясно, что опередит.

— И удивительное дело: Маргарита и заботилась меньше, и труда положила самую малость, а пшеница у нее лучше; вот что значит — хорошие семена.

Женщины говорили Насте:

— Растёт она у тебя такая, что поглядеть не на что: листья узкие, стебель короткий. Ну и детище. Холеное, а малорослое. Да, бывают такие детища... Много страдания примешь ты с этой пшеницей, Настасья Марковна. Возни сколько с ней было, а она так и не входит в силу.

И сама Настасья Марковна с разочарованием смотрела на

малорослую и тонкую пшеницу, которая низко склонялась от малейшего дуновения ветерка. Думала: «Лучше бы мне ухватиться за яровую пшеницу, а не за эту неизвестного рода-племени озимку. Яровую-то мы только один раз подкармливали, а она не хуже этой».

Шли дни. В одно время с рожью «Ульяновка» выбросила небольшой безостый колос. На конце он резко обрывался и казался обрезанным. «Словно обстригли его, — думала звеньевая, неласково рассматривая на ладони коротенький колосок.» Настасья Марковна опустила руку, и колосок, как с отлогой горки, неохотно съехал с ладони и упал под ноги на тропку.

Настасья Марковна пошла прочь от «Ульяновки» и не заметила, как очутилась на участке звена Маргариты Тюкаловой.

«Сандомирка» выбросила тяжелый колос и высилась по плечо Настасье. Сердце ее сжалось от какого-то неприятного чувства. Что это? Разочарование? Зависть? Крушение надежд? Признание своей неудачи? В этом чувстве, что щемило ее сердце, было всего понемногу. «Вот и бери высокий темп, веди звено бодрее, — припоминала она слова председателя, сказанные им весной, — занимай во всем первые места. Маргарита всего-то один раз подкормила, а у нее вон какая пшеница вымахала, а я сколько раз подкармливала, пропалывала, целые недели свое звено на участке томила и... на вот тебе... вырастила такую, что людям показать стыдно. Что теперь еще можно предпринять, чтобы она была лучше? Подкормки, прополки — все это сделано-переделано. Еще раз вносить удобрения теперь уже поздно: пшеница выколосилась. Что еще можно сделать? Искусственное опыление? Это надо применить! Зерна тогда будет больше. Сдаваться, быть позади Маргариты не хочется. Ой, не хочется. Искусственное опыление — это уже последнее мероприятие, которое можно предпринять. Дальше останется только ждать результатов».

Через неделю, когда пшеница зацвела, Настасья Марковна привела на участок самых умелых и толковых работников своего звена: Герасима Иваныча с женой, бабу Коневу, Машу Ладову, Шуру Дымову. Они разделились на четыре пары (Настасья сама бралась первой за каждое дело) и стали ходить туда и сюда, осторожно задевая растянутыми веревками с пришитыми к ним короткими полотнищами мешковины за верхушки стеблей. Пристально вглядываясь, можно было заметить, как цветочная пыль курилась от прикосновения и падала на колосья.

Лето приближалось к середине. Пришла покосная пора.

В сенокос мужчины одевали вышитые рубашки, женщины яркие кофточки. В лугах часто слышались песни, а по вечерам в деревне особенно задушевно заливались гармошки.

Игнат так любил косить, что сам каждый год выходил в

луга. И нынче он сел заблаговременно отбивать себе косу. Мимо проходил Николай Артемьич и завернул к председателю покурить. Сел, взяв папиросу, спросил:

— Косу налаживаешь?

— Да, надо отдохнуть, — ответил Игнат.

— Нешто ты покос считаешь отдыхом? — удивился Николай Артемьич.

— От бумажек, заседаний, разговоров и переговоров для меня это самый лучший отдых!

— Это, пожалуй, верно, — согласился бригадир. Помолчали. Николай Артемьич заметил: — Коса у тебя очень велика.

— Девяти рук. — Игнат откинулся назад и полюбовался косою. — По моей силе в самый раз.

Николай Артемьич измерил косу: в ней действительно было девять обхватов мужской руки. Так здесь было принято измерять косы.

— У меня восьми рук и то, слетно, велика, — молвил Николай Артемьич.

— Ничего не велика, — возразил председатель. — Восьми рук средняя, на мой взгляд коса...

— Так ведь силаща-то у тебя какая, — ввернул бригадир.

— Зато у меня и коса-то девяти рук, кос длиннее такой нет. Да, покосим в свое удовольствие. Не забывай, Артемьич: всем на покос идти! И бригадирам, и конюхам, и сторожам, и дояркам. Косить будем не только по утренним, но и по вечерним росам. Косилки пустим от зари до зари. Клевер с тимофеевкой они могут и без росы стричь. С покосом надо покончить быстро, а то рожь стала белеть, вот-вот уборка подоспеет.

Игнат вышел отдыхать с бригадой Николая Артемьича.

Луг вытянулся по низкому берегу реки Казарки. Веснами она заливала его водой и трава здесь росла высокая. Попадались часто мелкие и глубокие впадины; в глубоких до сих пор еще светлела вода. Там и сям виднелись невысокие бугорки. В нескольких местах луг пересекали оросительные каналы.

Над речкой висел ночной туман. Солнце уже поднималось над лесом, а туман все еще держался, уцепившись за кусты. Роса на заливаемом лугу была такая обильная, что ноги у всех стали мокрыми по колено.

Игнат встал на бугорок и крикнул:

— Кто хочет от души покосить — все ко мне!

Первым «от души покосить» вызвался старик Шмелев.

— Герасим Иваныч, ты стар, — молвила Арина Конева.

— Хоть и стар, а охота потягаться.

— Он не силой так сноровкой возьмет, — сказала Марфа Евсеевна, убежденная в необыкновенных способностях своего мужа. — Он ни за что не отстанет.

Подошли два парня и встали рядом с Герасимом Ивановичем.

— Вот молодым-то надо свою силу испытать, — одобрительно заговорили колхозницы. — Молодцы ребята! Не отстанете от Игната Стратоныча, девушки вас будут любить.

Подошел к ним Николай Артемьич:

— Мне уж по штату положено быть рядом с председателем.

— Захар, — крикнул Игнат, — становись с нами в ряд.

— Не выдержу, — тоненько затянул Захар. — Одна зима простыл я...

— Слышали, слышали, — раздалось со всех сторон.

— Это ты сто первый раз нам говоришь.

— Мы твою волынку заучили наизусть.

— Разогреешься с косой, как рукой все снимет.

Захар нехотя присоединился к охотникам «покосить с душой».

— Игнат Стратоныч, ты не шибко веди, а то мы живо упаримся, — попросил он председателя.

— Я не шибко, — обещал председатель и обратился к бригадирю: — Николай Артемьич, выделите нам участок побольше.

— Вот этот угол весь наш, — кивнул Николай Артемьич. — На все утро хватит.

Игнат отвел пятерней свой чуб с левого виска назад и прихлопнул его над ухом. Потом шаркнул брусом по траве, чтобы смочить его росой, и наточил косу. И весь ряд косцов смочил бруски росой и наточил косы.

Игнат опустил на бедра пояс, широко расставил ноги и полукругом провел косой по траве. Передвинулся на полшага вперед, и коса уже увереннее пробежала еще полукруг. Ярко блеснув, она вернулась назад и снова врезалась в траву. Вскоре трудно было уже заметить, когда Игнат делает полушаги, отводит косу в исходное положение и срезает траву: все эти движения сливались в один взмах.

Следом за ним шел Николай Артемьич. Он изредка взглядывал на толстый пласт травы, тянувшийся за председателем, на широкий прокос и говорил себе: «Вот это прокосище! Хоть на тройке поезжай, как по широкой дороге. Никому из нас такой пласт не взять. Вот сила!»

Восходящее солнце выбросило вверх мощные ветви света и походило на огромный огненный куст. Роса хрупко заиграла приборадами хрустальных капелек в лучах утреннего солнца. От пластов травы густо запахло чебрецом, валерьяной и диким клевером. Разноцветные рубахи и кофточки напоминали огромные фантастические цветы, покачивающиеся с боку на бок.

Игнат уходил все дальше и дальше от Николая Артемьича и следующих за ним косарей. «Разве за ним угонишься, — думал Николай Артемьич, торопливо размахивая косой. — Тягаться с ним трудненько».

Словно прочитав его мысли, Игнат оглянулся через плечо, увидел, что ушел далеко вперед, и стал водить косою медленнее. Николай Артемьич употребил все усилия, чтобы приблизиться к председателю. За ним быстрее потянулся весь ряд косцов. В конце луга, на повороте с поперечного на продольный прокос, Игнат остановился точить косу. И всем косарям показалось, что их косы притупились, и луг зазвенел пронзительным звоном тонкой стали. Наточив косу, Игнат посмотрел на Захара Панкратова и похвалил:

— А ничего ты косишь! Видать, что в деревне вырос. Разогрелся ли?

— Горячей кровь стала; чувствую в себе больше владенья.

— Вот видишь: труд лечит.

И опять вжикали косы. Цветистый луг с высокой травой становился как бы глубокой низиной, вдоль и поперек, словно плотинами, перегороженной толстыми пластами травы. Поднималось солнце, большое, жгучее, и наполняло низину влажным изнуряющим теплом. Роса высыхала, косить становилось все труднее и труднее. От пластов белыми гребешками поднимался пар. Косцы стали чаще останавливаться, переговариваться.

Невдалеке, на сече, показалось стадо. Молодой пастух Парфений Панкратов вышел из леса вслед за стадом, уселся на пенек и застыл.

— Вот парень, кажется, нашел свое место в жизни, — кивнул на него председатель. — Смолоду полюбил это дело.

— И в кого он у меня такой? — спросил себя вслух Захар, глядя на сына. — Так вот просидит хоть целый день и не шелохнется. Видно, что в мать-покойницу. Та бывало...

— Хорошо, что не в тебя, — прервал его рассуждение Герасим Иванович и повторил. — Счастье его, что не в тебя.

Ближние косцы рассмеялись.

— А, пожалуй, что и верно, — согласился Захар Панкратов. — Я часто собой бываю недоволен. Накричишь, нашумишь, а потом стыдно станет...

— Книжку вынул, читать хочет, — удивленно воскликнула Шура Дымова. — Зачитается, и не увидит, как скотина вся разойдется.

— У него не разойдется, — неожиданно раздался протестующий возглас Лизы Новодашковой.

Все, кто был поблизости, рассмеялись.

— Вон ведь откуда услышала, что про ее парня разговор идет.

— Слух, видать, у нее хороший.

— У него не разойдется, — раскрасневшись, продолжала Лиза. — Над скотом он власть имеет и одним взглядом может порядок навести.

— Верим, верим...

— Тебе лучше знать.

— Сходила бы к нему, проведала...

— Не гляди на него, что он молчун, — начал опять рассуждение о своем сыне Захар, — а вон какую девицу себе отобрал — любованье... И она в нем души не чает...

Когда солнце поднялось высоко и роса высохла, Николай Артемьич громко объявил:

— Кончай косьбу! Разбивать пласты-ы...

Через полчаса луг покрылся ровным слоем скошенной травы. Игнат вскинул на плечо косу и пошел широкими шагами к деревне. За ним гурьбой потянулись колхозники.

— Укромно нам за его широкой спиной, — пошутила Арина Конева.

Настасья Марковна крикнула из последних рядов:

— Игнат Стратоныч, запевай!

— У меня голос негибкий.

— И у нас не особенно гибкие.

— У тебя запев правильный, приставать легко.

— Раз правильный, тогда запою. — Он подтянул пояс, вскинул голову и заявил. — Что ж, давайте погудим. Запою свою любимую «Зореньку». Я ее с юности люблю. Пойте все! Какой же сенокос без песен.

И он низким оглушающим басом затянул:

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?

Могучий бас его, подобно колыхающейся ниве, клонился долу, стался по земле и уходил по широкому полю в луговые низины. Десятки женских голосов, сильных и рокочущих, тонких и пронзительных, обрадованно подхватили песню. И мужчины, одни надтреснутыми басами, другие — неожиданно чистыми тенорами, поддерживали запевалу:

Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой?

Тихие нивы прислушались к песне, исполняемой с такой проникновенной искренностью.

Игнат набрал полную грудь воздуха и своим рокочущим басом осторожно намекнул:

Есть для тебя у нас кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху.

Хор поддержал этот намек и дал твердое заверение красавице:

Будешь ходить ты вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху.

Дорога подходила к участку «Ульяновки» и взоры всех устремились в ту сторону. О неудаче заботливой и трудолюбивой

Настасья Кленовой в колхозе ходило столько разговоров, что у всех пробудился особенный интерес к этой пшенице. А она стояла, низко и кротко склонив свои колоски, наливающиеся тяжелым зерном.

Я ль виноват, что тебя, черноскую,
Больше, чем душу, люблю! —

недоуменно и сожалительно пропел Игнат и свернул с дороги на поле «Ульяновки». Хор еще с истовым старанием повторял эти слова, а председатель низко склонился над «Ульяновкой» и взгляделся. К нему поспешила Настасья Марковна и с виноватой ноткой в голосе невесело пошутила:

— Я вот ее больше, чем душу, люблю, а она, видно, меня не любит — плохо растет. Но хоть она и неважно растет, а я ее все равно люблю.

— Да, матушка, за хилое дитя мать больше болеет, чем за здоровое, и всю свою материнскую любовь ему отдает, — многозначительно проговорила бабка Конева. — Поэтому ты так и страдаешь за нее...

— Ты, говоришь, Настасья Марковна, растет, а по-моему, она уже выросла, видишь, белеть начинает, — указал Герасим Иванович. — Больше она на волосок вверх не подыметься.

Утро было тихое и пшеница стояла недвижимо, склонив короткие, словно обрубленные на концах, колоски.

— С нее, видать, не разживешься, — раздались позади председателя голоса колхозников.

— И неприглядна, и колосок мал.

— Калием бы ее еще подкормить.

— Подкармливали.

— Ее всем уже потчевали.

— Вместе с рожью принялась зерно набирать.

— Не выросла еще полностью, а отцвела и наливается.

— А уж кормили ее, холили, не давали ни одному сорняку к ней прикоснуться, а вышло одно недоуменье.

— Да-а, — вздохнул кто-то в задних рядах. — Звено хорошее, а пшеничку неважнецкую вырастило.

— Наука нам ее рекомендовала, — слышался разубеждающий голос Николая Артемьича. — А раз наука ее продвигает, слетно, в этой пшенице есть что-то...

— И наука может ошибаться, — возразил Захар Панкратов.

— А ты видел, как она ошибается? — приступил к нему Николай Артемьич. — Что мы не применяли из науки, все себя оправдало.

— Все не ошибалась, а тут, может, и ошиблась, — защищался Панкратов. — Ведь вот пшеница тут вся на виду: гляди на нее, разглядывай... Чего от нее ждать хорошего?

— Подождем, — стоял на своем Николай Артемьич. — Уви-

дим. Пшеничка невысокая, а плотная и хулить ее, по-моему, еще рано.

Председатель сорвал колосок, положил на широкую ладонь и долго разглядывал. Потом задумчиво проговорил:

— Колосок у нее зернистый, но только короткий.

Все двинулись домой. И шли до самой деревни без песен.

На околице, поодаль от дороги, под старыми березами стояли Маша с Павлом. Они о чем-то разговаривали. Больше говорила Маша. Павел слушал, склонив голову, а Маша о чем-то говорила, говорила...

«Обиду свою, видно, высказывает», — подумала Настя.

В «Новое Казаркино» пришел участковый агроном Арефий Арефич. Он остановился у порога в доме правления, огляделся и, ласково улыбаясь, раскланялся. Затем он переступил порог и, не торопясь, с подчеркнутой почтительностью пожал всем руки.

Председатель поставил ему стул рядом со своим: и пока он ставил и просил присаживаться и чувствовать себя как дома, Арефий Арефич беспрестанно раскланивался и говорил: спасибо, спасибо...

Председатель послал подвернувшегося под руку подростка за Николаем Артемьичем, Настасьей Марковной и Маргаритой Дорофеевной.

— Скажи, что в поле пойдем урожай определять. — Председатель подумал один миг и, вкладывая в слова особенный смысл, добавил: — Скажи, что Арефий Арефич прибыл!

Арефий Арефич был польщен. Он слегка приподнялся на стуле, слегка поклонился и сказал председателю:

— Благодарю вас.

Участковый агроном Арефий Арефич Лисов происходил из крестьян-опытников. Он давно окончил трехгодичную сельскохозяйственную школу и второе десятилетие работал на участке. Первое время охотно посещал колхозы, ставил опыты, но потом остыл и работал теперь главным образом в «Коллективисте» — передовом колхозе сельсовета. «Приласкали его там», — говорили колхозники.

Арефий Арефич когда-то вообразил, что главный признак интеллигентности — это приятное обращение. Он считал себя очень культурным человеком, всегда заботился о том, чтобы выглядеть подлинно интеллигентным, и оттого в отношениях к людям был чрезвычайно любезен, внимателен, почтителен и любил, чтобы и с ним обращались почтительно и ласково.

Арефий Арефич явился сегодня сюда чисто выбритым, в хорошо выгуженных холщевых брюках и в белой рубашке. Белая седина его волос сливалась с белизной летнего картуза и была почти неприметной.

Вскоре подросел заведующий сельскохозяйственным отделом райисполкома Селиверстов, плотный, небольшого роста человек, с короткой шеей и бритой головой. Он не старался быть приятным, выглядел буднично и незаметно.

Селиверстов поклонился колхозникам, которые были в это время в правлении, пожал руки Игнату и Арефию Арефичу и присел к столу.

В правление явились Николай Артемьич, Настасья Марковна, Маргарита Дорофеевна. Арефий Арефич приподнялся на стуле и с особенной ласковостью поздоровался с женщинами.

— Можно идти в поле, — сказал председатель. Все поднялись.

— Сначала отправимся в первую бригаду, — продолжал он, собирая со стола бумаги. — Определим урожай в первой, бригады и звеньевых отпустим и вызовем людей из второй, если в этом будет надобность. В той бригаде урожай послабей...

В деревне тишина. На вековых деревьях не шелухнется ни один листок. Темные величественные кроны бросают широкие тени на крыши домов. Внизу около старых деревьев ширятся зеленые купы молодых. Это все плодовые деревья, посаженные при колхозном строе.

В жарком безветрии томятся поля. Белеет рожь на громадном пространстве. Гордо красуется овес, распустив свои зернистые серьги. Ветки гороха, увешанные стручками, обнимают друг друга.

На высоком голубом небе остановились мелкие облака. Они похожи на белые льдинки, тающие в голубой воде.

Будничный и на первый взгляд флегматичный Селиверстов оказался впечатлительным человеком. Он остановился на том месте дороги, где она поднялась на изволок, посмотрел на Казаркино, на его окрестности:

— А здорово красиво здесь!

— Красиво? — удивилась Настасья Марковна. — А мы и не замечаем, что красиво. Пригляделись.

— Нет, — возразил Игнат. — Когда я с фронта приехал, так сразу заметил и залюбовался. И теперь меня эта красота за сердце трогает. Иду, иду полями и вдруг жалко станет, что путь кончается. Хочется тогда повернуть назад и опять идти, идти... А зелени-то у нас сколько! — Председатель показал на деревню. Из-за листвы едва проглядывали то железные, то драчные, то соломенные крыши. — Деревни в зелени-то почти не видно, — продолжал восторженно Игнат, — и тут же рядом лес. Вон он, ровно сизым дымом дымится.

На опушке леса курилась легкая синеватая дымка и придавала ему какую-то дремную задумчивость.

Двинулись дальше. Подошли к полю спеющей «Ульяновки». Все хотели видеть новую пшеницу рослой и колосистой красавицей, а она красавицей не выглядела. Низкорослая, с короткой

и крепкой шейкой, она держала свои небольшие колоски торчком и ершилась вся, словно подстриженная под бобрлик.

Долго молчали.

— Незавидная, — нарушил молчание председатель, высказав мнение всех, — ростом не взяла и колос короток.

«Незавидная, — мысленно повторила Настасья Марковна. — Все, наверно, думают, что я виновата в том, что она незавидная».

Настасья Марковна провела рукой по колосьям и бойко заговорила, чтобы рассеять невеселое настроение:

— Вот она — моя любовь и мое страдание. Я хотела вырастить ее великаншей, а она вышла малышкой.

Все заговорили, только Маргарита Дорофеевна молчала, решив ничем не задевать самолюбие своей соперницы.

— Неужели наша наука тут чего не подумала, — задумчиво и озадаченно начал Николай Артемич. — Этот сорт, наверно, сначала испытывали на опытном поле...

— Рассказывай, звеньевая, почему так получилось, — мягко, с ободряющей улыбкой проговорил Селиверстов, помня, что разговаривает с трудолюбивой колхозницей, которая положила немало сил и стараний, чтобы вырастить хорошую пшеницу.

— Я не могу объяснить, почему она у меня такая... — Настасья Марковна потупилась, помолчала, потом слегка вскинула голову, и взгляд ее темных глаз стал суровым и требовательным. — Может, я лишку возилась с ней; может, чем перекормила ее? — И она рассказала о подкормках, прополках, искусственном опылении.

— Более лучшего ухода и требовать нельзя, — выслушав ее, сказал Селиверстов. — Непонятно, почему этот уход так мало сказался на пшенице.

Он перевел взгляд на Арефия Арефича и спокойно обратился к нему:

— Объясните нам, агроном, в чем тут, по вашему мнению, загадка!

— Извините: я наблюдаю за этой пшеницей первый год, — начал Арефий Арефич несмело, — и твердого суждения о ней не имею. Говорю об этом прямо. Все думают, что агроном такой человек, который пришел, увидел, победил... Нет. Ему приходится много походить, поглядеть и долго ломать голову, шевелить мозгами, чтобы узнать особенности и качества нового растения. Осенью я буду иметь более точные данные об этой пшенице, когда соберу сведения, а сейчас... Ну, что я могу о ней сказать? По виду она мне не нравится, вид у нее нерадующий... Но не суть важно, что она низкоросла... Главная печаль в том, что колос у нее мал.

— А в «Коллективисте» она какова? — спросила Настасья Марковна.

— Не лучше этой... Пожалуй, еще хуже...

Не зная еще что сказать, Арефий Арефьич вопросительно взглянул на Селиверстова.

— Продолжайте, продолжайте, — ответил тот на вопросительный взгляд Арефия Арефьича. — Я не агроном... В районе недавно... Суждения не могу иметь. Нам интересно ваше мнение.

— И мне трудно иметь о ней определенное суждение, — увереннее заговорил Арефий Арефьич. — Я наблюдаю «Ульяновку» первый год. Что я знаю о ней? Немного. Особенно восторженных отзывов о ней не приходилось слышать. Знаю, что она выведена для Сибири. Сибирский климат сходен с климатом наших мест, а потому этот сорт пшеницы и дали сюда для опробования. «Сандомирка», которую мы здесь культивируем многие годы, дает много выпадов после суровых зим и весенних заморозков. «Ульяновка» отличается от «Сандомирки» зимостойкостью и лучше переносит засухи. И то, и другое очень важно. У нас дождей вообще-то бывает много, но их часто нехватает в период произрастания злаков. Также и в Сибири. Листья у этой пшеницы узкие, благодаря чему она испаряет мало влаги. Кроме того, она скороспелее «Сандомирки». Вот посмотрите!

Арефий Арефьич сорвал колосок, размял его на ладони, выстроил зерна в ряд и, трогая их ногтем, заявил:

— Она поспеет вместе с рожью.

Все взяли с ладони агронома по зернышку, размяли их и согласились, что «Ульяновка» поспеет одновременно с рожью.

Арефий Арефьич прищуренным взглядом окинул поле и задумался.

— Во сколько центнеров определили урожай «Ульяновки» в «Коллективисте»? — заинтересовалась Настасья Марковна. — Она заметно была взволнована, загорелое лицо ее необычно румянилось, взгляд был печален и голос срывался.

Маргарита Дорофеевна сделала вид, что не замечает этого, и держалась подчеркнуто спокойно, старалась даже казаться безразличной ко всему, что происходит и говорится вокруг ее.

— С определением видового урожая там получилась такая история, — медленно начал Арефий Арефьич. — Собственно говоря, никакой истории не получилось, а вышла одна неопределенность. Ходили, глядели, прикидывали, подсчитывали и, в конце концов, спрашивают меня: сколько записывать? Я говорю: «Извините, я эту пшеницу наблюдаю первый год и никакого определенного мнения о ней еще не составил. Смотрите: она вся перед вами на виду. Может быть, я плохой агроном?! Возможно. Я о себе невысокого мнения... Делаю, что могу... Но вы сами большие знатоки сельского хозяйства. Определяйте!» Комиссия совещается и определяет видовой урожай в четырнадцать центнеров с гектара.

— А здесь по-вашему сколько будет? — спросил Селиверстов.

— Здесь она получше и почище; Настасья Марковна, видать, потрудилась над пшеничкой изрядно, но сколько зерна таит в себе это поле? Трудно сказать. Это можно сказать, тайник...

— Арефий Арефич, — обратился к нему Селиверстов. — Видовой урожай определяется в среднем и тут вполне простительны просчеты на несколько центнеров и в сторону завышения и в сторону занижения.

— И я это великолепно знаю, — отвечал Арефий Арефич. — Я мог бы назвать вам цифру даже почти точную, если бы это был знакомый сорт, но этот сорт для нас новый, неизвестный. Смотрите: пшеница низкорослая, но густая. Может дать много зерна? Может. Но густая пшеница зачастую бывает не зерниста оттого, что плохо опыляется и наливается...

— Рассуждать так можно без конца, — остановил его Селиверстов. — Вы, все-таки, назовите свою цифру!

— В «Коллективисте» записали четырнадцать. Здесь у Настасьи Марковны пшеница лучше, и я записал бы шестнадцать.

— Вот и все! — оживленно заключил Селиверстов. — Ваше мнение, стало быть, шестнадцать, а мое: восемнадцать центнеров! Надо, по-моему, так и записать.

— Можно записать, — медленно проговорил председатель и придирчиво спросил:

— Но будет ли восемнадцать-то?

— На мой взгляд — будет! — решительно ответил Селиверстов.

Помолчали.

— Интересно... Я просто ради интереса хочу спросить: почему вы так думаете? Какие имеете в виду основания?

— Плотность, на мой взгляд, необыкновенная. Часто вы ее, видать, посеяли! Видите, сколько колоса! Колос на колосе висит. Пшеница вообще-то, надо сказать, хорошая, но только она не выдерживает наших высоких требований, — быстро и горячо говорил Селиверстов. — Следует добавить, что самых высоких требований! Мы хотели здесь видеть рекордный урожай, а его нет, есть только хороший. Вот и все!

Председатель обратился к звеньевой:

— Настасья Марковна, а по-твоему как?

— Мне больше агронома и вас, руководителей, знать не дано, — грустно ответила Настасья Марковна, и все почувствовали, что она тяжело переживает неудачу. — Я мечтала вырастить много и сейчас в разочаровании, не знаю, что и сказать. Все мои надежды прости прощай... Решайте сами.

Настасья Марковна печально развела руками и тихо побрела вдоль участка.

Арефий Арефич посмотрел ей вслед, снял белый картуз и вытер платком ершик седых волос. Он показался председателю чем-то встревоженным.

— Как вы думаете, Арефий Арефич? — спросил его председатель.

— Пишите восемнадцать... Плотность, в самом деле, необыкновенная, и могут быть неожиданности.

Перешли на участок звена Маргариты Тюкаловой.

«Сандомирка» стояла совсем зеленая, колосья держала высоко.

Невысокий Селиверстов вплотную подошел к пшенице, и колосья легли ему на плечи, коснулись подбородка.

— Хороша! — восхищенно проговорил он. — Вот это пшеница!

Высокий Игнат глянул на участок и сказал:

— Хороша, но прогалины есть. Во впадинах она вымерзла.

— Где? — не поверил Селиверстов.

— Вон оттуда будет виднее. — Игнат отвел его на более высокое место и показал. — Вон пустота и вон пустота. И еще там есть. Правда, небольшие, но есть. А на поле «Ульяновки» таких пустот нет. Правду, значит, агроном говорит, что «Ульяновка» лучше переносит зимнюю стужу и весенние заморозки.

— Пишите семнадцать, — довольно улыбаясь, заметила Маргарита Дорофеевна. — Это мое любимое число, и Настасья Марковне не обидно будет...

— Этим меня, Маргарита Дорофеевна, не утетишь, — сурово ответила ей Настасья Марковна. — Я ведь понимаю, что твоя пшеница по виду лучше моей, и тут будет больше семнадцати.

— Больше! — радостно подхватил Селиверстов. — Здесь двадцать наберется.

— А пустотки? — напомнил председатель.

— Пустотки незначительные, они мало портят общую картину. Как по-вашему, Арефий Арефич?

— Сорт этот мне хорошо известный, и я могу вполне определенно сказать, что двадцать будет, — твердо ответил агроном.

— Тогда так и запишем, — согласился Игнат. — Пшеница хорошая. Против ее ничего не скажешь.

Поздно вечером в окно избы Кленовых заглянула Маша Ладова. Мать Насти вытаскивала в это время из печки горшки и вытряхивала из них горячий творог в сито.

— А Настя где? — спросила Маша.

— На сеновале. Сегодня последки сена убирала, так она устала больно и пораньше легла. Пройди к ней. Она только сейчас отсюда ушла.

Сеновал находился на дворе. Маша отыскала там звеньевую и ласкательно спросила:

— Не уснула еще?

— Только сон глаза стал смежать... Не успела уснуть. Ска-зать что-нибудь пришла? Не было тебе дня-то.

— Днем-то все народ около тебя, а хотелось посоветовать-ся с тобой тишком. Дело такое... При всех-то говорить нелов-ко... Замуж меня зовет тракторный-то бригадир.

— Вот и хорошо. Так и быть должно. Решай и выходи!

— Я уже решила.

— Решила, а советовать-ся идешь.

— Для твердости решенья. Раз ты советуешь, так я боль-ше и сомневаться не буду.

— И нечего тут сомневаться.

На сеновале было темно. Только в щели тесовой крыши проникал сумеречный свет вечернего неба.

Настя лежала неподвижно, но Маша никак не могла найти для себя удобное положение и под ней то и дело шуршало сено.

— Что ты все ерзаешь?

— Волнуюсь.

— Не все сказала что ли?

— Не все... Хочу еще тебя на свадьбу позвать.

— Когда свадьба?

— В следующее воскресенье.

— Что скоро? До осени подождали бы. Там свежие про-дукты появятся, легче будет свадьбу устраивать.

— Павел не хочет ждать. Он для свадьбы все от себя соби-рается предоставить. Приходи! Мы тебя первой гостьей считать будем!

— Самой, конечно, главной... Без меня какая может быть свадьба. — В темноте Маша не видела лица звеньевой, но по той интонации, с какой были сказаны эти слова, угадала, что Настасья Марковна в это время усмехнулась. Она любила по-шутить над собой.

— Еще бы Игната Стратоныча позвать, да не смею я что-то его.

— Павла пошли к нему. Зовите больше народа, свадьба ве-селее выйдет.

В субботу Настя встретила председателя и передала ему ко-лодку с орденскими ленточками:

— Вот тебе к завтрашнему веселью.

Разглядывая колодку, которая опять блестела яркими цве-тами боевой славы, Игнат спросил:

— Ты к свадьбе платье-то сшила ли?

— А с какой стати я буду шить? С шестнадцати центнеров немного радости.

— Не шестнадцать, а восемнадцать, — поправил Игнат.

— Арефьич назначил шестнадцать: это Селиверстов накнул два центнера неизвестно для чего. Смеяться люди станут: Настя шестнадцать центнеров вырастила и теперь с радости не знает, куда деваться, сшила себе новое...

— Шестнадцать так шестнадцать, — недовольно перебил ее Игнат. — Так и запомним. Дальше-то что?

— Ничего, — резко ответила Настя. — Сам ты недоволен моими достижениями, не только я. — Она повернулась и ушла.

Игнат посмотрел ей вслед и подумал:

«Сама не своя наша Настасья Марковна из-за этих шестнадцати центнеров. И где только достали эти семена. «Сандомирка», бывало, если к году придется и не вымерзнет, такая выдобрееет, что любо на нее поглядеть. Высокая, колосистая; сразу видать, что зерна в ней много. А эта самая «Ульяновка» растет, ровно недоношенная. Чего-то тут, видно, не учли, когда на станции новый сорт выводили».

В воскресенье в избе Ладовых с трех часов утра варили, жарили, пекли. Потом носили от соседей столы, стулья и уставляли их рядами.

Сенокос в Казаркине закончили, жнитво еще не начинали, колхозники в то воскресенье отдыхали и под вечер группами двинулись к избе Ладовых смотреть на свадьбу. Особенно любопытные глядельщики пробирались прямо в избу, но их останавливали:

— Ничего еще нет, кроме пустых столов.

— Что же не начинаете?

— Гости не приехали.

Павел был родом из «Коллективиста». Оттуда ждали его родственников.

— В «Коллективисте» все важные, — говорил Панкратов. — Их по-ождешь...

В расчете на даровую чарку он с ног сбился, помогая Павлу в подготовке свадебного стола. Захар считал, что заслужил угощение, горел нетерпением и теперь досадовал на важных родственников жениха.

— Может, они обиделись, что Маша не согласилась там свадьбу устраивать, — говорили колхозники, дожидаясь начала.

— Какая может быть там свадьба, когда Павел решил здесь приютиться.

— Настасья Кленова сегодня что-то невеселая, — гуторили колхозники, усевшись широким кругом на лужайке.

— Дело не веселит. Маргарита Тюкалова победила ее. Слышали? Комиссия определила на маргаритином участке урожай больше, чем на настасьином. Вот это Настасью и растревожило.

— Правильно определила. Разница и на глаз заметна. Маргаритина пшеница ровно лес, а настасьина много ниже.

— Настасья Марковна, наверно, переживает.

— По всему видать, что переживает.

— Неприятно. Расстроилась.

— Марковна тут невиновата. Она все силы положила, но что будешь делать, если никак не растет.

От группы колхозниц отделилась бабушка Конева и немного погодя подошла к Настасье Марковне.

— Пшеницы-то записали осмнадцать? — спросила она.

— Да. А что? много по-твоему?

— Не-т. Я думаю, что двадцать наберется.

— А почему ты думаешь, что наберется?

— Та-ак... Глаз подсказывает.

Подошел Герасим Иваныч и заговорил об этом же:

— Комиссия-то ошиблась маненько: тут свыше двадцати центнеров потянет.

Настасья Марковна ничего не ответила, подумала только: «Это они мне для утешенья говорят. Неужели заметно, что я больно переживаю неуспех? Стараются посочувствовать, утешить. Так было, когда я о смерти мужа получила известие».

Наконец-то приехали и гости из «Коллективиста». На передней подводе сидели родители жениха — старики Кочетовы, строгие, молчаливые, с каменными лицами.

Игнат посмотрел на стариков и сказал окружавшим его колхозникам:

— Ну, братцы, от коллективистов веселья ждать нечего; старики, видать, приехали только посидеть. Придется нашим казаркинским веселье поддерживать.

— Им любя была другая невеста, а сын их не послушался, не стал жениться на ней, — говорили колхозники.

— Сын поставил на своем; старики и недовольны.

— Вот они и приехали только приличие соблюсти.

Бойкая Настасья Марковна быстро познакомилась с родственниками жениха. Среди них оказалась молодая звеньевая, которая нынче тоже ухаживала за «Ульяновкой». Та проговорила, что думает собрать центнеров по двадцать с гектара.

— Арефий Арефич сказывал, что видовой у вас определен в четырнадцать, — вспомнила Настасья Марковна.

— Видовой, — засмеялась звеньевая из «Коллективиста». — Это только наметка. Надо не глазом, а счетом определять видовой-то! Посчитать, сколь «Сандомирки», сколь «Ульяновки» на квадратном метре. Для такого подсчета много времени надо, а комиссия только похаживает и прикидывает на-глазок.

Насте вспомнилось «осмнадцать» бабушки Коневой, «свыше двадцати» Герасима Стратоныча; рассказ звеньевой из «Коллективиста» подтверждал их предположения, и Настасья Марковна

повеселела. Она смешалась с группой казаркинцев, живо очутилась рядом с председателем и задорно спросила:

— Плясать-то станешь ли?

— Какой я плясун... Подо мной земля, пожалуй, провалится, если я затопаю.

— Не провалится...

— Нет, я лучше на аккордеоне сыграю.

— Да ведь с тобой его нет.

— Я за ним сбегаяю — только пляшите.

Позвали к столу. Первыми усадили гостей из «Коллективиста». Они сидели все в ряд по правую руку от жениха, чопорные и молчаливые, считая невысокой для себя честью гостить в бесславном Казаркине. Да и невеста, слов нет, на личико хорошенькая, но только красотой, кажется, и взяла; работала трактористкой, но бросила, теперь всего-навсего только рядовой член звена и никаких особенных достижений у нее не предвидится.

Потом стали усаживать гостей из Казаркина. На высокого, плечистого, могучего Игната с длинной колодкой орденских ленточек гости из «Коллективиста» сразу обратили внимание.

— Вот это мужик! — зашептались они.

— Кто это?

— Здешний председатель.

— А которая тут его жена?

— Он холостой.

— Ну не может этого быть!

— Он же молодой еще совсем.

— А сколько ему?

— Годов двадцать пять с чем-нибудь.

— Да, не стар... Ну и детинушка!

Игнат хотел сесть за стол недалеко от двери, но к нему поспешила Настасья Марковна:

— Игнат Стратоныч, твое место не здесь.

Подоспела мать Маши Ладовой:

— Ты у нас будь заместо отца, садись рядом с невестой; тут и место оставлено. Проходи, проходи туда.

Приготовленное место для широкого Игната оказалось тесным; соседям пришлось сдвинуться. Зашевелились даже родители жениха и заулыбались перед таким внушительным и почетным гостем. А он уселся прочно, локти поставил на стол и, подперев руками широкий, до синя выбритый подбородок, смело громовым басом оглушил зажиточных гостей:

— Жатву у вас еще не начали?

Гости из богатого «Коллективиста» молчали, предоставляя честь вести разговор с председателем, занимающим место отца невесты, родителям жениха.

— Нет, еще не начали, но собираемся, собираемся, — отвечал старик Кочетов, и голос его по сравнению с басом Игната

показался визгливым, а ответ торопливым и смущенным. — Не завтра, так послезавтра выборочно приступим... Начнем! Да!

— Урожай хорош у вас, наверно? — деловито продолжал Игнат.

Старик Кочетов постарался овладеть собой и ответить по-солиднее:

— Не жалуемся... На урожай мы не жалуемся.

— Беда только в том, что рожь сверх меры высока и жирна, — вступила в разговор мать жениха. Она проговорила это распевно и важно поджала губы.

— Кабы не эти полегания, зерна бы ноне собрали несметное число, — в тон ей протянул старик Кочетов и даже закрыл глаза, словно старался представить себе, какое «число зерна» они бы собрали в «Коллективисте», если бы не полегания.

— Ее не докормишь — плохо, и перекормишь — нехорошо, — вздохнула старуха Кочетова. — А у вас полеганий-то нет?

— Наша рожь лишнего жиру не нагуляла и вся выстояла.

— Может так-то и лучше.

— Лучше или хуже трудно сказать, но рожь у нас все-таки плотная, колосистая; денька через два собираемся пустить прямо жнейки: поспевают сплошными массивами. А вот интересно: «Ульяновка» у вас какова?

— Ра-а-зное о ней говорят, — затянула старуха Кочетова. — Непонятная она для нас пшеница...

— Вид показывает неважный, — вступил в разговор старик Кочетов. — Я сам на нее несколько раз ходил глядеть: не радуется... Нет, не радуется... Вид неважный, а некоторые, между прочим, ждут от нее чего-то особенного... Судить о ней пока затруднительно, вот уж на молотье поглядим, каково она порадует зерном-то...

Полуторогодовалый внук не дал старику высказаться до конца. Малыш сидел на руках матери-невесты, дотянулся до рюмки, стоявшей перед Игнатом, и грохнул ее на пол.

— Ай умен, — засмеялась Маша и стукнула сына по ручонке. — Ни капли еще не выпил, а начал скандалить.

— Верно умен! — восторженно подхватил отец. — Он понимает, что такому большому дяде нельзя ставить маленькую рюмку. Ему надо чайный стакан!

За столами широко раскатился смех. Какая-то расторопная сваха услужливо поставила стакан, но Игнат тут же протянул его обратно:

— Прошу заменить, — сказал он. — Я хоть и велик собой, но пью из рюмочки.

Настасья Марковна заменила стакан рюмкой, и смех затих.

Открыленный первым успехом, несмышленный сын жениха и невесты тянулся к столу с разбойным намерением сбросить все, что перед ним стояло.

— Иди-ка сюда, разбойник, — сказала Настасья Марковна,

протянув руки через стол. — Молод еще на свадьбе гулять. Ты матери тут покоя не дашь. — И она выхватила ребенка из рук Маши так быстро, что над головами гостей только мелькнули его розовые ноги.

К столу подошла мать Маши:

— Игнат Стратоныч, вы здесь за хозяина, начинайте пир.

Когда рюмки были налиты, Игнат поднялся над столом и поклонился молодым: — С законным браком поздравляю! — Выпрямился и громко заговорил:

— Счастливы те люди, чья любовь проходит сквозь все препятствия и неудачи невредимой. Счастливы те супруги, которые любят и ценят друг друга до конца своих дней. Такими мы хотим видеть в жизни и наших молодых. Выпьем за их счастье!

За первой рюмкой последовала вторая, третья; скоро счет им был потерян, и начался тот свадебный шум, когда гости быстро знакомятся и заводят разговоры на самые разнообразные темы. Проходит еще полчаса и, глядишь, невозможно уже уследить, кто с кем разговаривает и кто кому чего доказывает. Только вот слышно, как один упорный казаркинец без конца твердит своему соседу из «Коллективиста»:

— Мы тоже на линию теперь встали и с Игнат Стратонычем подыдемся, может, повыше других и тоже будем показывать вид, что-де знай нас и помни...

Толстая гостья из «Коллективиста» громко сообщала казаркинским женщинам новости из своего колхоза и каждое сообщение ловко сводила все к одной и той же концовке:

— Мы нынче запланировали на трудодень по четыре килограмма и обязательно получим; у нас никогда не срывается.

Знатный конох из «Коллективиста» говорил безвестному коноху из Казаркина:

— Вот бы вывести нам с тобой такую лошадь, чтобы силой была тяжеловоз, а на кормежку вятка. В этом и состоит наша с тобой мечта.

— С нынешнего года мы на черные пары целиком и полностью переходим, — слышался чей-то голос от задней стены. — При черных парах без урожая не останешься.

Захар Панкратов сидел «изрядно хватя» и вопил, высоко задирая голову:

— Го-орько... Го-о-орько-о...

Настасья Марковна появилась перед столом веселая, молододоразрумянившаяся и остановила искристый взгляд на председателе:

— Игнат Стратоныч, не пора ли за аккордеоном?!

— Пора так пора... Может, ты меня проводишь?

— Один, наверно, дорогу знаешь...

— Знаю и один, — с едва заметной обидой ответил Игнат.

Он отодвинул стол, вышел и отправился домой.

В избе было душно и гости стали выходить на лужайку под столетней ивой. Вслед за ними вынесли под иву стулья и скамейки. Первый стул подали гармонисту; он уселся и заиграл на хромке плясовую.

Вскоре в конце деревни послышались переборы аккордеона.

— Игнат заиграл, — обрадованно заговорили казаркинцы.

— Игнат сюда идет.

Сыграв несколько отрывочных мелодий, Игнат сомкнул инструмент и после недолгого молчания вновь растянул его и запел, приглушая своим голосом все звуки в деревне:

Если на празднике с нами встречаются

Несколько старых друзей...

— Свою любимую запел, — говорили колхозники.

— На самом деле хорошая песня.

— Он сказывал, что на ихнем фронте была сложена.

Приближаясь к свадебному гулянию, Игнат гремел:

Выпьем за Родину нашу привольную.

Выпьем — и снова нальем.

Свадебное гуляние еще больше оживилось; пляски то и дело сменялись песнями и песни плясками.

Забота о пшенице осаждала Настасью Марковну. Почти каждый вечер, окончив работу, заботливая звеньевая заходила посмотреть на пшеницу и однажды, в надвигающихся сумерках, увидела на участке женскую фигуру. Какая-то женщина тихо бродила, вглядываясь в «Ульяновку».

Настасья Марковна подошла поближе и узнала Шуру Дымову:

— Шурка, ты зачем здесь?

— Зачем и ты, — грустно обронила Шура и задумчиво замолчала.

— О чем ты задумалась?

— О звене! Насть, неужто мы маргаритиному звену уступим?

— Это еще неизвестно, — медленно заговорила Настасья Марковна. — По-разному об этой пшенице судят. На свадьбе я разговаривала со звеньевой из «Коллективиста». У нее определили видовой урожай «Ульяновки» только в четырнадцать центнеров с гектара, а она смеется. Тертый, видать, калач эта звеньевая, не растерялась. Надо говорит, подсчитать, сколько колосев на каждом метре, потом перемножить, а не на глазок определять. Вот я сейчас и думаю, не подсчитать ли нам с тобой. А что, Шура? Давай подсчитаем. Только вот метровки здесь с нами нет. Можно приблизительно...

— Мои полтора шага — ровно метр, — оживилась Шура. — Я это вымеряла. Вот сейчас. В эту сторону шаг и полшага... Отмечай тут! И в эту сторону.

Они отмерили квадратный метр и стали с увлечением подсчитывать. Насчитали шестьсот десять стеблей.

— Что-то уж очень много, — усомнилась Настасья Марковна. — Не верится... Ты, Шура, наверно, отмахнула метра два.

— Да нет, — старалась разуверить ее Дымова. — Мои полтора шага ровно метр. Ты гляди, велико ли пространство-то.

— Тогда надо еще на маргаритином участке подсчитать для сравнения. Пойдем туда, — позвала Настасья Марковна. — Только отмеривай точно такой же метр.

Они перешли на участок Маргариты Тюкаловой и там на квадратном метре насчитали двести девяносто стеблей.

— А ты, Шура, здесь не меньше квадратный метр отмерила? — придиричливо спросила Настасья Марковна.

— Точно такой же!

— Что-то мало мы здесь насчитали. Разница большая.

— Наша гуще! — восторженно заговорила Шура Дымова. — У нашей колоски меньше, но их больше; вот наша и выйдет на первое место.

Сумерки сгустились. На скотных дворах колхоза зажглись огни. В стороне от деревни поднялось облако пыли: пастух гнал домой стадо.

На пути к деревне Шура сказала:

— Сколько забот об одной только пшенице.

— Так и должно быть, — ответила Настасья Марковна. — Жизнь без забот не интересна. Жизнь без забот как вот это поле, — показала она на огромный массив земли, приготовленный для посева озимых. — Оно одного цвета... Глаз уловить ничего не может... О нем сказать даже нечего. Серое поле — вот и все... Поле украшают растения, а нашу жизнь дела и заботы.

Дня через два в Казаркине неожиданно появился Арефий Арефьич. Он разыскал Настасью Марковну, почтительно поздоровался с ней и, ласково улыбаясь, заговорил торопливо и увлеченно:

— Разгадал я «Ульяновку»-то! Глядел, глядел да и разглядел! То, что наверху, — немудрено разглядеть, а что в земле, — нелегко увидеть. Наш взгляд сквозь землю не проникает... Корень-то пшеницы в земле — его невдруг разглядишь. Идемте в поле — покажу вам секрет этой пшеницы. Интереснейшая вещь! Такой пшеницы я еще не видывал. Вы можете теперь радоваться. Все ваши агротехнические мероприятия пошли в дело, и вы свою подругу в соревновании опередите... Это такая пшеница, которая может обогатить колхоз. Она может дать нам, северянам, вдоволь пшеничного хлеба. Она вынесет и жестокую зиму, и весенние заморозки, и засуху, «вынесет все, что господь ни пошлет» — так, кажется, говорил Некрасов Николай Лексенч.

Они поспешили на поле «Ульяновки».

Дул знойный ветер. Пшеница шумела.

Арефий Арефьич посмотрел на нее любовно и улыбнулся:

— Шуми, матушка...

Он припал на колени, будто хотел послушать, о чем шумит пшеница, умело выкопал пальцами корень «Ульяновки», потом поднялся и, поставив его на ладонь правой руки, поддерживая левой стебли, подошел к Настасье Марковне.

— Видите: от одного зерна выросли три стебля и три, стало быть, колоса. В «Коллективисте» я находил даже и по четыре. По-научному такое явление называется высокопродуктивной кустистостью! А мы все твердили: густая, густая. Вот оттого она и густая. От высокопродуктивной кустистости она такая плотная. Все просто, а поди вот догадайся. Корень-то в земле... А в колхозах теперь семена заделывают хорошо... Можно ли подумать, что все эти три стебля растут из одного места. Видишь, как они разошлись. Рожь «Вятка» кустится, а кустистых пшениц я не знал. Первую вижу...

Настасья Марковна внимательно разглядела корешок. Сомнений не было: из одного зерна выросло три стебля. От корня они шли в стороны, а потом поднимались вверх.

Арефий Арефьич положил кустик «Ульяновки» на землю, выхватил из кармана складной метр:

— Теперь подсчитаем количество стеблей на квадратном метре!

— Мы считали, Арефий Арефьич, — сообщила Настасья Марковна. — Вот уголок-то смят... Тут и считали. И на участок «Сандомирки» ходили...

— И сколько той и другой на квадратном метре?

— «Ульяновки» шестьсот десять, а «Сандомирки» двести девяносто.

— Вот! — складывая метр, воскликнул Арефий Арефьич. — Правильно. Такую же разницу мы и в «Коллективисте» между этими пшеницами обнаружили. Урожай будет великолепный. За эту пшеницу надо ухватиться. Нынче сейте ее больше. Она не подведет!

«Ульяновка» поспела одновременно с рожью. Настасья Марковна решила скорее жать ее. Пшеница еще мало знакома; может, ее колос слабо держит зерно; начнешь жатву поздно, оно и потечет на землю. Вот тебе и урожай. «А я не допущу никаких потерь, все до последнего зернышка соберу, — думала звеньевая. — Лучше начать жатву пораньше; пшеница в суслонах выснопеет, зерно зачерствеет, тогда на душе будет спокойнее. Нельзя допускать малейшей утечки зерна».

Настасья Марковна пришла в правление и потребовала на участок своего звена жнейку. Председатель был чем-то озабочен и ответил сухо:

— Надо сперва рожь...

— Ты думаешь, что моя пшеница подождет?

— Подождет.

— А если она, ржаной ты человек, ждать не может.

— Почему? Если ты причисляешь себя к пшеничным, то должна знать, что пшеницу у нас убирают после ржи. И не гляди ты на меня, не волнуйся, не беспокойся, не пропадут твои шестнадцать центнеров. Ничего из них не утечет, так и останется шестнадцать.

— Шестнадцать говоришь?! Почему же ты записал восемнадцать?

— Знаешь почему! Сама говорила, что Селиверстов неизвестно почему набросил два центнера.

Настасья Марковна обиженно отошла в сторону. «Все понятно, — думала она. — Игнат недоволен тем, что я не вырастила большой урожай. Достижения моего звена он считает средними и нашим участком интересуется столько же, сколько и всеми полями артели, не выделяет его, не считает особенным. И вот сегодня он воспользовался случаем, чтобы сказать об этом».

Николай Артемьич отозвал Настасью Марковну в сторону и тихонько посоветовал:

— Пока начинай серпами, а потом жатку подкинем, слетно дело и пойдет без останова.

Настя ухватилась за эту мысль:

— И верно, Николай Артемьич! Я начну... Я надеюсь на эту пшеницу и не хочу ни одного зернышка потерять. Я лучше знаю, поспела ли и когда ее убирать надо, потому что всей душой с ней живу.

На другой день Настасья Марковна вывела свое звено на участок «Ульяновки». Жатва пошла ходко.

— Жать-то ее одна утеха, — радовалась бабушка Конева. — Как схватишься, так целая горсть; стебель к стеблю вплотную примыкает.

— Ни одной травинки, — раздался восторженный голос Шуры Дымовой. — Ведь это мы ее очистили.

— А кто же кроме нас!

— Она невысокая, сорняки ее без нас прямо бы смяли.

— Нажиниста, — глянув вокруг себя, заключил Герасим Иваныч. — Ой, нажиниста. Поглядите: ведь сноп на сноп ложится. Десятка три снопов я нажал и с места не сдвинулся.

— Нажиниста-то, верно, нажиниста, — как бы не соглашаясь со стариком Шмелевым, заговорил Захар Панкратов, — да уж очень прижимиста: к земле так и прижимает. Высокую жниву оставлять — снопы коротки выходят; низко брать — спину в три погибели сгибать приходится.

— Опять о спине, — засмеялись колхозницы.

— Он влюблен в свою спину.

— Деревянная что ль у тебя спина-то? — сказала, смеясь, бабушка Конева. — Никак ты ее всю жизнь сгибаться не научишь.

— Ты, Захар, спину бережешь, а Герасим Иваныч стар, — заговорила Настасья Марковна. — Сходите-ка домой, возьмите косы...

— Вот, звеньевая, какую заботу о твоей спине проявляет, Захар Гаврилыч, — насмешливо проговорила Шура Дымова. — Чувствуй.

Захар повесил серп на плечо и почесал в затылке:

— Оно, конечно, хорошо бы, но у меня косы-то с гребенкой нет. Попросить бы, что ли, у кого?

— Пойдем! — крикнул ему Герасим Иваныч. — У меня найдется коса и для тебя.

Они резво направились к деревне. Старуха Шмелева поглядела им вслед и ухмыльнулась:

— Дру-ужки... Игнат Стратоныч подтянул этого Захарку, и он поласковой стал.

Дружки долго не возвращались.

— Где же вы, мальчики, так долго пропадали? — весело и вместе с тем придирчиво спросила звеньевая.

— Косы-то целый год на крюку провисели, — ответил старик Шмелев. — Их отбить нужно было.

— А-аа... Ну, ну... Тогда извиняюсь... Начинайте косить. Лиза, Сима, вставайте за ними на вязку снопов! — приказала она Новодашковой и Баранцевой.

— Почему же нас, а не других? — недовольно спросила Сима.

— Потому, что вы медленнее других жнете.

— Вот тебе и раз, — Сима до того опешила, что больше ничего не могла вымолвить.

Шура Дымова успокоила подруг:

— Звеньевая у нас смелая: правду прямо в глаза лепит, а на правду обижаться нельзя. Идите! На вязке снопов больше заработаете.

Девушки послушно направились к пластам скошенной пшеницы.

— Захар, спине-то лучше теперь? — крикнула Шура Дымова.

— Спина при такой постановке в полном покое.

Солнце жгло немилосердно. Горячий пот заливал лица. Рубахи прилипали к потным спинам.

Два ястреба в жаркой синеве делали широкие круги над полем и надоедливо свистели.

Невдалеке стрекотала жнейка. Лошади беспрестанно качали головами и махали хвостами, отбиваясь от оводов. Иногда они останавливались и били по своим животам задними ногами.

Стая грачей в изнеможении опустилась позади жниц.

Черные, тяжелые птицы стояли в свежей стерне и не двигались. Бабушка Конева замахнулась на них серпом и припугнула: «ш-ши», но они только недовольно покосились на нее. Тогда ее внук Витенька ринулся на стаю. Грачи испуганно привскочили и через силу потянулись над самой землей в прохладу луговой низины.

— Нашей пшеницы им захотелось, — сказал паренек, возвращаясь к своему месту в ряду жнецов.

Время подвигается к полудню; жара становится невыносимой. Вон и жнейка перестала стрекотать.

— Снопы в бабки и обедать, — объявила звеньевая.

После обеденного перерыва жара стала еще нестерпимее. Жгло не только сверху, но и снизу: земля накалилась и обдавала удушливым теплом. В теле появилась обессиливающая немота. Жнецы жадно и глубоко дышали, но горячий воздух, казалось, только обжигал грудь. Косари вяло водили косами.

— Теперь бы в речку, — протяжно молвила Лиза Новодашкова.

— Что же ты в обеды-то не выкупалась?!

— Я купалась, а теперь опять мне томно.

— Не одной тебе томно, — осадил ее Маша.

Долго ждали предвечернего часа с желанной прохладой. Но вот, наконец, он пришел. Тени от вековых деревьев, осеняющих Казаркино, переступили через огороды и протянулись по лугу, стараясь достичь приречных зарослей. Жнейка застрекотала ровнее, косы завжикали чаще, время, казалось, полетело быстрее.

Вот уже и солнце низко висит над лесом, и лучи его не жгут, не упираются прямо в землю, а только скользят по ней, лаская все мягким теплом.

Парфений Панкратов выгнал скот из леса и пустил по скошенному лугу, намереваясь исподволь подвести стадо к деревне.

— Только хорошо работаться стало, а тут надо домой идти, коров загонять и доить, — заговорили колхозницы.

— Сейчас за один час больше нажнешь, чем днем за два.

Настасья Марковна повесила серп на плечо и направилась к Лизе Новодашковой.

— Лизочка, — с подкупающей ласковостью обратилась к ней звеньевая, — прогуляйся к своему парню и скажи, чтобы до темноты не гнал стадо домой; мы подольше сегодня поработаем.

Лиза пригладила волосы, прихорошилась и медленно, наслаждаясь прогулкой, направилась к пастуху.

Лиза вернулась вскоре довольная, улыбающаяся:

— Он сказал, — начала она, но заметив, что не все ее слышат, остановилась и заговорила громче:

— Он сказал: для вас все! Стадо, говорит, не погоню до тех пор, пока сами не скажете...

— Вот и хорошо, — также громко, чтобы все слышали, одобрила звеньевая. — Давайте хорошенько приударим до темки-то!

Серпы стали яростнее врезаться в пшеницу, руки скорее хватали все новые и новые «горсти»; Герасим Иванович с Захаром повели более широкие прокосы. Звено примолкло. Только слышался хруст сухих стеблей пшеницы под серпами и косами.

Солнце скрылось, но еще посылало вверх длинные лучи и освещало край неба. Над горизонтом застыли тысячи мелких облачков. Освещенные снизу красными лучами, они напоминали огненнорыжие кудри.

— Я, надо быть, никогда не видела такого заката, — воскликнула Шура Дымова.

— А ты жни, жни, а то скоро стемнеет, — прикрикнула на нее Настасья Марковна. — О деле-то не забывай.

Первыми потемнели заросли ивняка в низине и вековые деревья над Казаркиным. Казалось, что сумерки клубами нависали на листья. Вскоре и в полях все померкло. Только бабки свежих снопов светились вблизи.

— Того гляди руку серпом обрежешь, — молвила бабушка Конева. — Совсем темно стало.

Настасья Марковна дождала сноп, медленно, с приятным ощущением разогнула спину и повесила серп на плечо:

— Снопы еще можно различать; ставьте их в суслоны. Участки утром обмеряю, а сейчас границ их не видно. Гектара два с половиной смахнули сегодня.

— Будут и все три, — послышался из темноты голос Герасима Ивановича. — Вон какую палестинищу прошли. И опять же скажу: плотная пшеничка; суслон к суслону прижимается.

— Хорошо сегодня поработали, — похвалила звеньевая. — По сему случаю придется песенку, видно, спеть.

— А стадо-то! — напомнила Лиза.

— А я и забыла, — спохватилась звеньевая. — Беги скорее, скажи, чтобы стадо домой гнал.

Звено закончило трудовой день и тесной группой направилось к деревне.

— Какую запоем? — спросила Настасья Марковна.

— «Тонкую рябину», — ответила за всех Шура Дымова. — Нашу девичью.

— Это не девичья, а вдовья.

— Она и девушек и вдов хватает за сердце.

Что стоишь, качаясь,
То-о-онкая рябина...

Проникновенно, звонким молодым голосом спросила Настасья Марковна и замолчала, словно ожидала ответа.

Звено дружно, в один голос добавило:

Головой склоняясь
До самого тына.

И все смолкли и задумались.

Они шли полями по теплой вечерней дороге, таившей в пыли остатки дневного зноя, отдыхали и думали о той одинокой женской душе, которая сравнивала себя с тонкой рябиной.

Там через дорогу,
За рекой широкой

На этот раз тихо, словно намекая на что-то, пропела звеньевая и опять смолкла, словно давала время своему звену подумать и догадаться.

Тоже одиноко
Дуб стоит высокий.

Громко, неторопливо пропело свою догадку звено.

Глухо гудел Герасим Иванов, сиповатым тенором заливался Захар Панкратов, пронзительным подголоском подхватывала Маша Ладова, сильными грудными голосами вторили Шура Дымова и Сима Баранцева, истово подтягивали на старинный лад бабушки Конева и Шмелева.

Входя в деревню, звеньевая откровенно уже высказывала намерение одинокой женской души:

Как бы мне, рябинке,
К дубу перебраться?

И звено с трогательной душевностью досказало ее заветную мысль:

Я б тогда не стала
гнутья и качаться.

Чувствительная Шура Дымова покачала головой и сладко вздохнула:

— До чего ж хорошо спели! Сердце еще и сейчас замирает.

На улице встретились доярки:

— Молодой наш пастух там не помер случаем?

— Нет, жив... Сейчас пригонит...

— Долго он что-то сегодня пасет, мы двинулись его разыскивать. А вы с радости-то готовы всю ночь работать.

— С какой радости?

— А-аа — скрываете?! Что скрывать, когда всем известно.

И мы слышали.

— Что вы слышали?

— Слышали, что вы маргаритино звено победили; на каждом стебле три колоса вырастили.

— Три колоса?! — изумленно воскликнула Шура Дымова. — Что ты городишь?

— Не так ты сказала, — поправила другая доярка подругу. — Из каждого зерна вырастили по три стебля и на каждом, конечно, по колосу.

— Это все равно, — ответила первая. — Все равно, что гривенник, что десять копеек. Маргарита Тюкалова гоголем ходи-

ла, а теперь стала задумываться. Невеселая. А ты, наоборот, опять повеселела...

— Рано ей задумываться, — сдержанно ответила Настасья Марковна. — Еще ничего путем неизвестно. Сколько мы соберем? Не знаю. Обмолот покажет.

На другой день на участок «Ульяновки» пришел бригадир.

— Председатель надумал и решил жнейку вам дать, — сообщил он и прищурился, пристально вглядываясь в лицо звеньевой.

— Вот обрадовал, — насмешливо ответила Настасья Марковна. — Куда нам теперь от радости деваться? — Она наклонилась, продолжая работу. Медленно связала сноп, отложила его в сторону и разогнулась:

— Передай председателю, что мы и так управимся... Если он жатки для нас пожалел, так мы руками сожнем. Дня через три закончим.

Николай Артемьич горячо встал на сторону председателя:

— Настасья Марковна, ведь у него не одно ваше звено, слетно, он расчет делает на весь колхоз, на все хозяйство...

— Я понимаю, Николай Артемьич, это, но мне другое неприятно. Я тогда к нему за жаткой ласково обратилась, а он мне рывком ответил да еще насмеялся над моими пятнадцатью центнерами: они, говорит, от тебя никуда не уйдут. Он недоволен, что только пятнадцать, а я нешто довольна? И подкормки, и прополки я ведь во-время и старательно провела. Мне и так-то неприятно, а он еще с насмешками...

— Ах, вот в чем дело! — заулыбался бригадир. — Какие еще тут, слетно, тонкости! Ишь ты, подишь ты...

— Да-а, тонкости, Николай Артемьич. Я за тонкости в наших отношениях. Ему надо повнимательнее быть в обращении с колхозниками, особенно с женщинами.

— Он хорошо обращается, — возразил Николай Артемьич. — Тебе это обидно показалось потому, что тут примешан личный вопрос... Несколькo, слетно, особые отношения между вами.

— Возможно, Николай Артемьич, — прямо ответила Настя. — Возможно и особые отношения, но все-таки передайте ему, что рано еще надо мной смеяться; может быть, у меня здесь с гектара не пятнадцать центнеров будет, а все тридцать. Может, мне придется посмеяться над ним.

— Три-и-дцать? — не поверил Николай Артемьич. — Высоко ты хватаешь!..

— Ничего... Невысоко... Посмотри, какая она нажинистая: сноп на снопе!.. Так по всему участку.

— Верно: нажиниста, — согласился Николай Артемьич, — но тридцати центнеров не будет; ты погорячилась...

— Может, и погорячилась, но скоро увидим, сколько будет.

«Лето близится к концу, — задумалась Настасья Марковна. — В делах и хлопотах незаметно пролетит осень, а там наступят холода, полетят белые мухи; станем опять жить ожиданиями весны... За лето я так переволновалась с этой «Ульяновкой», что мне как-то даже не по себе. Или это оттого, что Игнат на меня досадует. Хорошо, конечно, что он так близко к сердцу принимает каждое артельное дело, но теперь, наверно, видит: тут не пятнадцать центнеров, а много больше... После второго прихода агронома он мог бы уже свое мнение изменить».

Кузнец Иван Сазонов со своим подручным установил на току молотилку и закрепил ее на земле так, чтобы она во время работы ни на один сантиметр не сдвинулась с места. Кузнец солиден и молчалив. У него такой вид, будто ему одному известны все тайны техники.

Солнце заливает бригадное гумно мягким золотистым светом. На берегу тока, на лужайке, сидит Герасим Иванович с группой колхозных ребят.

Они безмолвно следят за каждым движением кузнеца. Николай Артемьич ходит около молотилки и осторожно подает кузнецу советы.

С поля привозят три воза снопов. С первого снимают гнет и подвертывают телегу так, что снопы всей массой сваливаются на чистый ток.

Возчики быстро разгружают телеги и отправляются опять в поле за снопами.

Герасим Иванович встает и начинает класть скирду на широкую току. Ребята резво подносят и подают ему снопы.

Приходят два плотника с досками, брусьями и принимаются рядом с молотилкой устанавливать стол, на котором завтра один из колхозников будет разрезать ножом пояски снопов.

На другой день с утра здесь уже ходят по кругу две лошади, вертится шестерня, веретеном крутится привод и рассыпчатым звоном заливается молотилка; потоком течет из нее зерно и клубками золотистых нитей катится солома.

Настасья Марковна в эти дни еще более деятельна и расторопна. Ей хочется поскорее обмолотить «Ульяновку», но об этой пшенице и бригадир, и председатель ничего теперь не говорят, что Настасью Марковну озадачивает.

Пароконная молотилка шумит на гумне с утра до полуночи, но производительность ее невелика, и молотьба идет медленно.

— И на молотьбе у пшеницы вторая очередь, — недовольно бросает бригадиру Настасья Марковна.

— Рожь все ж таки везде первой пшеницы молотят, — отвечает Николай Артемьич. — Порядок есть порядок.

— А-аа, понятно, — с иронией произносит Настасья Марковна. — Председатель привил тебе свои взгляды на пшеницу. А если мы захотим есть только пшеничный хлеб и сеять только пшеницу, тогда как?

— Тогда пшеницу будем молотить в первую очередь, — смеется бригадир.

— Так можно ее и теперь в первую очередь молотить. Она у меня вторую неделю в поле стоит, как забытая. Ее, того гляди, дожди прибьют или птицы расклюют, тогда и пятнадцати-то центнеров не соберешь. Надо хоть снопы на гумно перевезти. Вы все на «Сандомирку» еще равняетесь. Равняйтесь, равняйтесь, вы ее любите, видно, за то, что она вперед ржи не суется; она только поспела и ее до сих пор еще не сжали.

Настасья Марковна решает перевести снопы «Ульяновки» на гумно. Герасим Иваныч славится в колхозе особенным умением складывать скирды, но она ему по привычке говорит:

— Ты сложи скирдочку получше.

— Для своего звена сложу такую, что ни одна дождинка на ней не задержится... скатится, как с железной крыши.

Вскоре на бригадном гумне высится уже редкой красоты шестигранная скирда, но она блистает своей красотой всего только несколько дней. Николай Артемьич подходит к Настасье Марковне и кивает на скирду:

— Прощайся со своей красавицей и завтра с утра вставай со своим звеном молотить.

— Заканчивайте молотьбу ржи, а потом... — неохотно отвечает Настасья Марковна. — Пшеница заскирдована, сердце у меня за нее спокойно, можно и подождать. Я не требую для своей пшеницы особенного внимания...

— Эх, и сердитая ты, — усмехается Николай Артемьич. — Но мы тебя бояться не будем. На самом-то деле душа у тебя добрая, сердце ласковое. Мы ведь тоже интересуемся этой пшеницей, слетно, и мне, и председателю не терпится узнать окончательно результаты и разгадать ее тайну.

— Давайте тогда разгадаем, — соглашается Настасья Марковна.

С первыми проблесками зари на току начинается кипучая жизнь. Утро ветренное, холодное, но ясное. Утренний холодок обжигает руки и ноги. Колхозники стараются работать быстрее, чтобы согреться.

Усталые лошади, впряженные в воробы молотилки, ходят вяло. Они отдыхали на конюшне только середину ночи. Погонщики кричат на них, часто подстегивают; барабан молотилки крутится то быстро, то медленно.

Солнце поднимается выше, утренний холодок медленно уходит.

На току появляется Николай Артемьич. Он подходит к Герасиму Иванычу, который отгребает солому от молотилки. Старик давно что-то заметил; тихо, словно по секрету, он говорит бригадиру:

— Соломы немного, а зерна поток; недавно начали молотить, а гляди — какой ворох.

Николай Артемьич долго и молча смотрит то на руки Настасьи Марковны, подающие пшеницу в барабан, то на зерно, льющееся из молотилки.

— Стоп! — неожиданно кричит он погонщикам лошадей.

— Что такое? — пугается Настасья Марковна.

— Надо зерно от молотилки отгрести, а то сыпаться ему больше некуда.

— Аа... Я думала изломалось что...

Быстро насыпают мешки и относят их к веялке, которая стоит на току в стороне от молотилки.

Николай Артемьич в это время незаметно исчезает. Вскоре он опять появляется на току, на этот раз вместе с председателем, указывает на мешки, наполненные зерном, на новый ворох зерна около молотилки и что-то говорит, говорит... Председатель останавливает веяльщиц и велит им пропускать охвостье через веялку два раза. Потом он идет в амбар, осматривает весы и велит строго учитывать каждый грамм пшеницы.

— Мы и так хорошо учитываем, — говорит кладовщик, встревоженно глядя на председателя.

— На этот раз надо учитывать точнее точного.

Председатель заглянул на склад, и вот уже кладовщик несет на ток целую кипу новых мешков. Зашел председатель на конюшню, и конюх уже ведет к молотилке пару сильных коней и заменяет ими усталых. Барабан молотилки перестает крутиться, и Настасья Марковна придирчиво спрашивает бригадира:

— Что это все значит?

Николай Артемьич понимает, что она имеет в виду хлопоты председателя, смену лошадей, и отрывисто отвечает:

— Зерна много.

Бригадир сегодня необычайно серьезен и озабочен, в его голосе различимы повелительные нотки:

— Отдохни, а я постою у барабана. — В его словах Настасья Марковна чувствует и заботу о ней, звеньевой, и власть бригадира, и беспрекословно уступает ему свое место у молотилки.

Новые сильные лошади тянут не рывками, а спокойно, ходко; барабан молотилки вращается с бешеной скоростью, и второй ворох зерна раслет быстрее первого. Председатель ходит и во все глядывается. Вот он заметил, что один из колхозников прошел со снопами по травянистому берегу тока. Игнат остановил подносчиков и сказал им, что снопы надо носить только по расчищенному месту. В траве выпавшие зерна потеряются,

а на току они не пропадут, их можно подмести. Он поднял клоч соломы, помял его в руках: солома «Ульяновки» была мягка и шелковиста, и велел метать ее в особый омет: на корм пригодится. Если ее зимой запарить да посыпать отрубями, коровы хорошо станут есть.

Игнат ушел в правление и вскоре опять вернулся на ток. Посмотрел: насколько убывла скирда, справился у весовщика, много ли заприходовано намолоченной пшеницы.

Он приходил на ток несколько раз в течение дня, а поздно вечером почему-то сам встал у молотилки подавать пшеницу в барабан.

Много мешков с зерном отправили на весы, а потом в амбар. Кладовщик несколько раз уже выносил новые связки порожних мешков.

После ужина принесли фонари «Летучая мышь», а в молотилку впрягли других лошадей. Все теперь понимали, что в этой пшенице есть что-то особенное, и оттого работали порывисто, самозабвенно, и чувство у всех было такое, будто они открывали что-то новое.

— Тут, пожалуй, будет побольше двадцати, — мимоходом сказал председатель Настасье Марковне.

— Обмолотим — узнаем, — сдержанно ответила она.

Глухая ночь. В безграничном небесном просторе бродит луна. В деревне стучит молотилка, словно сверчок в дремной избе, освещенной тусклым светом керосиновой лампы; рябью на реке переливается листва деревьев в загадочном свете луны; в лесу ухает филин.

Проходит ночь. Утром на ток приходит новая смена молотильщиков, впрягают новых лошадей. Молотьба продолжается опять весь день и опять всю ночь.

На третий день к вечеру «Ульяновку» обмолотили и проверяли. Председатель, бригадир и звеньевая ушли к весам, а колхозники принялись убирать ток.

Вскоре ток подмели, убрали, можно было отправляться домой, но уходить никому не хотелось. Сидели на лужайке и нетерпеливо переговаривались между собой:

— Что-то они долго...

— Подсчитывают.

— Нешто подсчет очень труден?

— Труден не труден, а не скоро итог подведешь.

Наконец показалась Настасья Марковна. За ней Николай Артемьич. Последним шел председатель, задумчиво и, казалось, смущенно потупив голову. На лице Настасьи Марковны то вспыхивала, то угасала довольная улыбка. Так мог улыбаться только счастливый человек, сдерживающий свою радость, чтобы не выглядеть самодовольным. Николай Артемьич на коротком пути от амбара на ток несколько раз сбивался с шага.

Звеньевая и бригадир опустили на траву рядом с колхоз-

никами и приготовились слушать. Что им скажет теперь председатель?

Колхозники встретили его вопросом:

— Игнат Стратоныч, сколько? — В их голосах звучало нетерпение; хотелось скорее узнать результаты своего труда.

Игнат остановился перед группой дожидавшихся его колхозников, вскинул голову, и все увидели его смущенно улыбающееся лицо.

— Погодите, он сначала поулыбается от радости, — сказала звеньевая.

— Верно: от радости. Радость большая. Но и еще отчего-то... Отчего? — председатель щелкнул пальцами и замолчал, как бы прислушиваясь к внутреннему голосу. — Трудно даже определить отчего. Здорово нас эта «Ульяновка»... Я бы ни за что не поверил, если бы мне при видовой оценке урожая сказали, что она столько уродит. Такая она на вид была скромная. Кто из нас мог разгадать?!

— Мы что... Вот агроном-то!

— Он разглядел вскоре.

— Чего он разглядел?

— Что она кустится.

— Скажите — сколько? Не томите! — звывала Шура Дымова.

— Я все время думал и говорил, что наука не подведет, а вы не верили, — укоризненно заявил Николай Артемьич.

— Кто не верил?

— Это вон только Панкратов не верил.

— Вали все на Панкратова, — возмущился тот. — А кто восемнадцать центнеров определил? Может, тоже Панкратов.

— Хватит вам, а то еще поругаетесь, — прикрикнула бабушка Конева. — Скажите, из-за чего хоть спор затеяли: намолотили много, что ли?

— Двадцать восемь целых тридцать пять сотых центнера с гектара, — расстановисто сообщил председатель. — Урожай неслыханный еще в нашем колхозе. Намолотили намного больше того, сколько предполагали. За эту пшеницу нам надо, как говорится, и руками и ногами ухватиться; посеять раз в пять больше прошлогоднего. Она будет давать каждый год верные урожаи, и мы будем иметь в ближайшие годы вдоволь пшеничного хлеба!

— Не стоит ее так много сеять, — неожиданно возразила Настасья Марковна. Все оглянулись на нее. Председатель сделал большие глаза и спросил:

— По-очему?

— А потому, что она мала, неприглядна и урожай дает...

— А, поддела... Старое вспомнила... Ну, извини меня, Настасья Марковна, если я тебя тогда по поводу жнейки обидел. Верно: не очень дальнзорким я оказался, признаю свою ошиб-

ку. Но ты сейчас, наверно, за то, чтобы на будущий год «Ульяновки» больше посеять?

— Я бы все поля этой пшеницей засеяла, — весело заговорила Настасья Марковна, и взгляд ее засветился необыкновенно приятным, ласкающим светом. — Не будем старое вспоминать и портить себе настроение, я не злопамятная. Пшеница обмолочена, зерно в амбаре, подсчет проверен, в общем — урожай большой. Ради такой радости, Игнат Стратоныч, сыграй ты нам вечерком на аккордеоне, а мы попляшем; ведь у нас сегодня в звене праздник.

— Вот сыграю, так сыграю, — готовно отозвался председатель. — Хоть всю ночь вам буду играть, только веселитесь.

После ужина в «Новом Казаркине» заиграл аккордеон, в уснувшие поля понеслись отзвуки веселого гулянья.

Колхозники соседних деревень прислушивались и спрашивали друг друга:

— Ради какого праздника казаркинские сегодня так разгулялись?

— Свадьбу, наверно, справляют.

— У них то и дело свадьбы.

— Это хорошо: живут, значит, и жить хотят.

— У них председатель холостой, может, он женится?

— За звеньевой, говорят, все ухаживал.

— Может, столковались?

— Наверно.

В удобных случаях Захар Панкратов останавливал то одного, то другого и говорил:

— Рифметику знаешь? Из двадцати восьми отнять восемьдесят, сколь будет?

— Десять.

— А где они десять-то? Тю-тю... Плакали. Давай опять за рифметику возьмемся. Сколь гектаров «Ульяновки»-то было?

— Без мала десять гектаров.

— Множь десять на девять, сколь будет?

— Девяносто.

— Плакали наши девяносто центериков. Тю-тю...

— Почему?

— Игнат, Настасья и Арефий их цап-царап...

— Не может быть. Куда они девают этакую прорву? Ведь это полтыщи пудов.

— На-а-йдут место.

Слух об этих разговорах дошел до председателя. Он сокрушенно вздохнул:

— Никак он не уймется — елова голова.

... Выдавали деньги на трудодни, и колхозники весело тол-

пились в правленческой избе. Пришел и Захар Панкратов. Председатель встретил его, как дорогого гостя:

— Захар Гаврилыч, здравствуй! Как здоровье? Спина не болит? Вот и хорошо. Давно я тебя не видал. Иди сюда, присядь, мне с тобой поговорить надо.

Панкратов сделал вид, что не слышал приглашения, но колхозники расступились, очистили путь к председательскому столу и укоризненно заговорили:

— Один ты у нас, Захар Гаврилыч-то...

Захар нехотя повернулся и подошел к столу.

— Садись, — сказал председатель. — Чего ты стесняешься.

Панкратов огляделся, хотел сесть подальше, но Герасим Иванович услужливо поставил ему стул рядом с председательским.

Председатель дочитал какую-то бумажку, отыскал в кармане ключ и отпер несгораемый ящик. Достав оттуда печать, он постучал о подушку, дохнул на печать и приложил ее к бумажке. Затем быстро приподнял руку: бумажка потянулась за печатью, но сейчас же отлепилась и упала на прежнее место. Председатель откинул голову, взгляделся и остался доволен: печать вышла хорошо. Потом он убирал печать, запирали несгораемый ящик, а Панкратов в это время ерзал на стуле, теряя терпение.

Подписав бумагу, председатель пожаловался:

— Возни сколько с ними... Все проверяешь: складно ли написано, да правильно ли оформлено. Ручка тоненькая, печать маленькая, а иной раз, глядишь, и бумажка-та крошечная, а ручища у меня, как лопата, вот и орудуй...

— Игнат Стратоныч, а ты скажи строительной бригаде, чтобы тебе ручку потолще вытесали, — пошутил Герасим Иванович, рассмешив всех.

Послышались веселые голоса:

— И чернильницу они тебе покрупнее выдолбят.

— И к печати деревяшку выточат соответственную, чтобы хвататься было способнее.

— Да, придется, пожалуй, заказать такое оборудование, — смеясь согласился Игнат.

Он передал подписанную бумажку счетоводу, убрал печать, штемпельную подушку, сдунул пыль со стола и обратился к Захару:

— Ты, говорят, сигнализируешь кой о чем... Это хорошо, что ты душой болеешь о колхозном добре. Но по стороне вести разговоры мало толку, ты скажи прямо, кто у нас на руку не чист, чтобы можно было своевременно принять меры.

Захар густо покраснел и проговорил невнятно:

— Я не знаю кто...

— Не знаешь или забыл? — спокойно спросил Игнат.

— Может, не знал, а может, и забыл, — увильнул от прямого ответа Захар.

— Тогда давай вместе припомним, если забыл. Тут, навер-

но, есть люди, которые слышали, о ком ты говорил. Есть члены правления. Вот Герасим Иваныч. Он неправду говорить не станет. Герасим Иваныч, о ком он говорил?

— Я чистую правду скажу... Захар будет потом на меня злиться, но я за правду постоять могу. Он говорил, что ты, — Игнат Стратоныч, Настасья Марковна и агроном... Они, дескать, оттого и показали урожай в умалении...

Захар уперся взглядом в старика:

— Когда ты это слышал?

— Недавно... И не один раз слышал.

— Не отпирайся, Захар, — насели на него колхозники. — Все слышали, и вот потребовали тебя к ответу.

— Ты вторую неделю об этом твердишь.

Видя, что увильнуть нельзя, Захар вскинулся раздраженно:

— Твердил и буду твердить! Где разница по десяти центнеров с гектара? Говорят: ошиблись при оценке урожая. Не-ет, здесь не ошибкой пахнет. Председатель, звеньевая и агроном и еще какой-то товарищ целый день ходили, глядели и ничего не заметили.

— А ты заметил?

— Заметил.

— Тогда сказал бы, что вот, мол, товарищи, в чем тут дело; поправил бы.

— Я не люблю, чтобы меня поправляли и сам никого не поправляю.

— Эх, Панкратов! — Зачем ты неудовольствие в артель вносишь?

— Исключить его! — раздались голоса. — Отставить в сторону, чтобы не мучил.

— Захара Гаврилыча исключать нельзя! — решительно и громко сказал председатель. — За что его исключать? Мы его исключим, а он пойдет и скажет: меня исключили из артели за то, что я за артельное добро душой болел, вора мешал.

— Что же тогда с ним делать?

— Надо доказать ему, что мы не воры. Тогда он поймет...

— Пойму, — глухо пробурчал Захар, глядя в сторону.

— Все, Захар Гаврилыч. Иди получай деньги на свои трудни.

Казаркино — небольшая деревня. Здесь нет ни клуба, ни избы-читальни, в библиотеку надо идти в село за три километра. В одной из комнат дома правления оборудован красный уголок. Зимними вечерами здесь людно: колхозники читают газеты, слушают радио...

Председатель оглядывает всех, замечает Николая Артемьича и останавливает на нем свой взгляд. Перед бригадиром лежит раскрытая книжка, но он не читает ее, а рассеянно смотрит в

окно. Игнат приглашает Николая Артемьича в свой угол, где стоит председательский стол, и усмешливо начинает:

— Ты, наверно, задумался опять о том, что твою работу не ценят?! Вот скоро будет отчетное собрание — превознесу тебя... Ты минувшим летом хорошо действовал!

— Не в этом дело, Игнат Стратоныч, — тихо говорит бригадир. — О жизни я задумался. Наша жизнь зависит от колхоза, а потому я о нем и задумался. В «Коллективисте» вон грузовую и легковую машины купили.

— Зачем им легковую-то?

— Председателю по полям ездить.

— Грузовик нам надо купить, клуб постронть, библиотеку завести, — пустился в рассуждения Игнат. — Это нужные дела! А легковую машину?.. Нам форсить рано. У нас в колхозе культурная работа еще не налажена. Не обращали мы на это внимания. Не подумай, что я хочу сказать: Савелий Петрович был плох, а я очень хорош. Не в этом дело. Я себя хвалить не хочу и Савелия Петровича не порицаю, но он кое-чего не доучитывал, считал, что жили без клуба и опять проживем, а читать колхознику некогда, ему надо работать; он, дескать, и без книжек старается. Верно: Савелий Петрович создал хозяйство, но... Вот из-за этого «но» и разговор такой приходится вести. Надо нам больше культуры... Колхозник, владеющий знаниями, станет больше стараться и колхоз тогда будет много сильнее. Возьмем к примеру Настасью Марковну. Она молодец! Цепко берется за каждое дело, сердцем прикипает, а дай ей знания, она не хуже агронома дело поведет. Знания и колхозное усердие — это двойная сила. Настасью я только для примера упомянул. О каждом колхознике можно то же сказать. Вот в этом путь нашего роста. В культуре. Грузовичок купим, а легковая машина нам без надобности... Ну, какой толк будет из того, что я летом от бригады к бригаде, от звена к звену стану кататься по полям на машине. Колхозники скажут: «Милый, дорогой, ты бы пешечком походил, а то ноги у тебя отсохнут». Конечно, есть большие колхозы, где поля простираются на многие десятки километров, машина там к месту, а все угоды нашей артели в одно утро пешком можно обойти. Так ли я говорю, Николай Артемьич?

— С точки зрения нашего колхоза так. У каждого ведь колхоза свой масштаб, а, слетно, свои и установки.

В тот вечер пришла в красный уголок Настасья Марковна.

Она была в праздничной шубе, дорогом пуховом платке и белых валенках. Игнат посмотрел на эти валенки и подумал: «Какая у нее маленькая нога». Настя стукнула нога об ногу у порога, обивая снег, расстегнула воротник шубы, поклонилась всем и хотела пройти туда, где колхозники читали газеты, но председатель окликнул ее:

— Настасья Марковна, зайди сюда!

Он вышел из-за стола и подал ей стул:

— Забыла и дорогу в правление с той поры, как из-за жнейки...

— Не в жнейке, Игнат Стратоныч дело. Просто так... Иной раз соберешься зайти и вдруг подумаешь: зачем?

— Зачем все-то ходят? У нас тут газеты, радио, а недавно я книжек целую пачку привез, есть теперь пока чего почитать.

Они поговорили о самочувствии, о зиме, о состоянии посевов под снегом. Потом Игнат спросил:

— Как живет твое звено?

Настасья Марковна держалась скромно, сдержанно, чувствовалось, что она вышла отдохнуть, настроение у нее было мирное, и она тихо ответила:

— Живет... Удобрения собираем. Много собрали. Учиться бы моему звену надо, но кто у нас может учить?

— Кто станет учить? — повторил Игнат и задумался. — А вот кто: Арефий Арефьич. Я съезжу к нему и с гвоздем напомню, что в его агрономический участок входит не один только «Коллективист».

Настасья Марковна посмотрела на председателя ласковым, ободряющим взглядом и проникновенно, просяще проговорила:

— Верно — съезди-ка! Хочется нам подучиться. Время сейчас есть...

— Непременно! Приеду и скажу: два вечера каждую неделю отмеривай для нашей Казарки: люди учиться хотят. Он много всего знает и рассказывает хорошо. Старик почет любит, уваженье, и я скажу ему, что сами колхозники просят! И что транспортом обеспечим: лошадку подадим всегда во-время и отвезем обратно тотчас же после каждого занятия.

В холодный зимний вечер к Захару пришел бригадир и сухо проговорил:

— На правление тебя вызывают!

— Не пойду! Ни за что не пойду, — закричал раздраженно Захар.

— Как это не пойдешь? — повысил голос Николай Артемьич. — Там тебя ждут.

— А на что я? Без меня обойдутся.

— Вот и не обойдутся, — настойчиво продолжал Николай Артемьич. — Сам должен понимать, что дело важное, раз за тобой бригадира прислали.

— Хоть и важное, а не пойду, — теряя самообладание, заупрямился Панкратов. — Я итти не могу! Я однава простыл...

— Если идти не можешь, сейчас лошадь пришлем, — спокойно проговорил Николай Артемьич, одевая шапку. — Доведем. Правление без тебя этот вопрос не может разрешать.

— Ладно, — крикнул Панкратов. — Дотащусь как-нибудь, но потом, если что, вы за меня в ответе будете.

— Ответим, — медленно говорил Николай Артемьич, пока Захар собирался. — Мы за все отвечаем и за тебя ответим.

Захар сунул ноги в валенки, нахлобучил шапку, одел полушубок и решительно двинулся на улицу.

В деревне мелькали редкие огоньки. Дул резкий ветер и бросал в окна пригоршни снега. Ветер свистел в застрехах, крутил по улице полотнища поземки. Снег слепил глаза. Жмурясь, оступаясь, Панкратов спросил:

— Опять Игнат чего-нибудь придумал?

— На его месте придумаешь... Ты словами-то кидаешься, но соображая, к чему это ведет. Умел кричать, слетно, умей и отвечать.

Первым появился в правленческой избе Николай Артемьич, за ним Захар. В большой комнате за столом сидели — председатель, рядом с ним Арефий Арефьич, дальше члены правления, а вокруг бригады, звеньевые, колхозники-активисты. Слышался веселый говор и смех, и Николай Артемьич понял, что заседание правления не началось.

— Давайте разрешим его вопрос первым, — заговорил председатель, как только Захар появился на пороге. — Заседание правления считаю открытым. Хоть все это знают, но для порядочка надо суть дела пояснить.

Пока председатель докладывал, Захар исподлобья разглядывал присутствующих. Больше всего его смутило присутствие Арефия Арефьича. Ведь этого чистенького интеллигентного старика, который осыпает всех приветствиями, он, Панкратов, нехорошо оговорил. Что ему скажет этот учтивый старик. «Больнее всех он скажет, — подумал Захар и от стыда сжался весь. — Что я ему отвечу? Тут нечего на рожон лезть, надо просто каяться и прощенья просить. Вот еще Настасья сидит. Она скажет что-нибудь едкое».

Закончив краткое вступление, Игнат предоставил слово председателю ревизионной комиссии. Опрятный, застегнутый на все пуговицы, с аккуратно подстриженными усами и бородой, бригадир строительной бригады Кисельников положил руки на бумаги и, отчеканивая каждое слово, проговорил:

— Со всей ответственностью председателя ревизионной комиссии могу заявить, что произведенная ревизия нашла все дела в полном порядке. Акт ревизии читать?

— Непременно, — ответил председатель и обратился к Захару: — Что ты у двери встал? Садись. Каждый раз тебя все приглашать надо.

Панкратов смиренно добрался до свободного стула, присел на краешек.

Прочитав акт ревизии, Кисельников заговорил об «Ульяновке». Она почти вся пошла на семена. Сами размахнулись и в

шесть раз больше посеяли прошлогоднего, а потом поделились с колхозами-соседями. Обменяли им на рожь. Ведь каждому колхозу хочется разжиться хорошими семенами. Мы им помогли, и они нам в случае помогут. Все эти действия правления ревизионная комиссия считает правильными. Вот нынче посеяли много, в будущем году пшеницы на трудодень будет выдано больше.

Председатель предоставил слово Арефию Арефичу. Старый агроном медленно поднялся над столом, взял в руки блокнот с записями и начал о том, что «Ульяновка» — пшеница с хитрецей, отличается не красотой, а жизнестойкостью и урожайностью, сообщил, как он летом ее разгадывал и разглядывал, потом бросил на стол блокнот, приложил руку к сердцу и обратился к Панкратову:

— Всякое непочтение я глубоко переживаю, а напрасную обиду особенно. Советские люди относятся друг к другу с особенным уважением, указывают на недостатки, критикуют, но напраслины не возводят никогда. Если бы вы, Панкратов, сказали, что я плохой агроном, мне бы легче было, но вы оклеветали меня, сказали, что я и все, кто со мной был с умыслом занизили урожай, с целью воро-о...

По лицу Арефия Арефича пошли красные пятна, последнее слово застряло в горле. Он не мог выговорить его, беспомощно махнул рукой и сел. Потом повернулся лицом к окну, чтобы успокоиться.

— Вот, Панкратов, мы привели свои оправдания, — заключил председатель. — Теперь ты приводи свои доказательства.

Панкратов молчал. Он был потрясен упреком Арефия Арефича. Сидел, низко опустив голову. «Как я предполагал, что старик доймёт сильнее всех, так и вышло, — неотвязно вертелось у него в голове. — Чем бы это утешить его. Прощенья попросить? Старик-то хороший».

— Говори, Захар! — слышались голоса колхозников.

— На улице-то больно разговорчив, а здесь и язык у тебя отнялся.

В напряженной тишине показался чересчур громким голос председателя:

— Раз он не хочет говорить, не будем затягивать этот вопрос. На основании ревизии и свидетельства агронома я подам на него за клевету в суд, а там уже решат...

При слове суд Панкратов резко выпрямился на стуле:

— Игнат Стратоныч, у меня семья... Сын вот жениться просится...

— Сын, который пастухом, не в тебя, — заметил Герасим Иванович. — Хо-ороший парень. Он все читает да помакивает...

— Прости, Игнат Стратоныч, ты этого баламута, — обратилась Настасья Марковна к председателю. — У него же скоро

свадьба. Это ведь верно, что Лиза Новодашкова за Парфения замуж собирается.

— Любит наша Настасья Марковна свадьбы, — засмеялся Николай Артемьич.

— Что вы смеетесь, Николай Артемьич, — возмутилась Настасья. — Свадьба нешуточное дело.

— Ла-адно, — махнул рукой председатель. — Пусть свадьбу справляет...

Панкратов сорвался с места, приткнул на затылок шапку и быстро скрылся за дверью, но через мгновение дверь тихо отворилась и в притворе показалась его голова:

— Настасья Марковна, — громким шопотом позвал Панкратов. — Можно на минутку! Одно только слово сказать...

Настасья Марковна неспешно подошла к порогу:

— Я думал, что больнее, чем агроном, уколешь, а ты меня поддержала, — прошептал он. — Спасибо. Век не забуду!

— Ну, ну, хорошо, — отзывчиво ответила Настасья Марковна. — И впредь тебя поддержу, только будь ты в конце концов настоящим колхозником. Что ты сразу сорвался и побежал. Иди извинись хоть перед Арефием Арефьичем!

Захар переступил через порог в комнату, закрыл за собой дверь и снял шапку. В комнате все притихли. Захар сделал шаг вперед и остановился. Под ним скрипнула половица:

— Арефий Арефьич... Игнат Стратоныч... И ты — Настасья Марковна! Простите, что наболтал я напрасно на вас... Я и сам себе бываю не рад; намелешь, а потом стыдно станет. Теперь я буду воздерживаться...

— Воздерживайся, не говори зря, — ответил ему председатель. — Мы тебе худа не желаем, а потому и прощаем на этот раз.

Захар нахлобучил шапку и медленно вышел из комнаты.

Поздним вечером в избу Кленовых зашел Игнат. Настя сидела у стола и что-то шила; мать-старуха в печном углу сбивала масло. На столе рядом с самоваром горела лампа и ярко освещала голову Насти и кусок белой материи в ее руках. В углах избы притаились тени, и где-то там в тени тикали неутомимые ходики, напоминая, что время идет, несмотря на то, что вокруг ночь, тишина.

Прищуренным взглядом Настя взгляделась в Игната, удивилась, но скрыла свое удивление и, ответив на приветствие, снисходительно спросила:

— Какими это судьбами, Игнат Стратоныч?

— Зашел просто повидаться, — смущенно ответил Игнат и присел на стул у печки.

— Повидаться? В десятом-то часу вечера? Ты так-то на мое имя тень наведешь... Я ведь считаюсь, все-таки, вроде невесты...

И вот к этой невесте в полночь дядя приходит... Что люди-то скажут?

— Ничего не скажут, — растерянно ответил Игнат. — В деревне сейчас ни души; никто и не видел, что я сюда завернул.

— Увидят... Люди у нас глазастые...

— Ну и увидят, так не велика беда, — смелее заговорил Игнат. — Шьешь или вышиваешь?

— Вышиваю.

— Платье-то еще не сшила?

Настя вспыхнула и ответила не сразу.

— Ты что привязался ко мне с этим платьем? — с досадой спросила она. — Который раз спрашиваешь?

Игнат смешался и сбивчиво заговорил:

— Так надо его... сшить-то! Что тому крепдешину пропадать.

— Пропадет, другим премируешь.

— Не я премирую, а колхоз... Но нынче премии будут в другом виде. От правительства. Я бы премировал... Я бы на свои премировал, если бы разрешила. Всю бы раз десять кругом крепдешинном обмотал.

— Да с чего бы ты обмотал? Ну, с чего? С какой стати? — почти криком спрашивала Настя, скрывая свою радость и смущение.

— Да что ты на меня кричишь? — тихо и жалобно молвил Игнат.

— Как же на тебя не кричать... Со всеми людьми ты и умен, и все хорошо понимаешь, и каждое слово у тебя бывает по делу сказано, со всеми ты человек человеком, а со мной плетешь плетнем. Плетешь нивесть что.

— Плетешь, — горестно усмехнулся Игнат. — Поневоле будешь плести, когда — вот тут...

Он провел рукой около сердца и замолчал, словно какое-то сильное чувство сдавило ему горло. Старуха в углу уронила крышку с кастрюли и вздохнула. Ходики в напряженной тишине усердно принялись отсчитывать минуты молчания.

— Что «вот тут»? — нарушила молчание Настя. — Обо что ты запнулся?

— Запнулся... Поневоле запнешься, когда ты...

— А что я?

— Да ты не даешь слова сказать.

— Говори, сделай милость, слушаю. Ты сам ни тпру, ни ну... Ровно телега на сече: поедет-поедет, за пень заденет; только выволишь ее, она опять застрянет.

— Вот я и задел за тебя сердцем, зацепился...

— Поговорила-бы ты с ним, Настасья, по-хорошему, — строго сказала ей мать. — Видишь — человеку трудно, а обсказать он толком не умеет.

— Погоди, мама! — остановила ее дочь. — Так, стало быть, зацепился? И что же дальше? Отцепляться, что ли, пришел?

Это «отцепляться» Игнату показалось обидным и он с сердцем ответил:

— Отдыхать я сюда пришел! Вот и все! У себя дома я один, слова сказать не с кем. Я сюда и пришел, как в дом отдыха; вот здесь стану сидеть и отдыхать.

Игнат прислонился спиной к печке и сладко зажмурил глаза. Настя покосилась на него и тепло, примиренно проговорила:

— Успишь еще тут... На вот книжку вслух почитай, в ней интересные рассказы есть. — Она положила книжку на край стола. — Садись сюда к лампе, а то у печки-то темно.

Игнат пересел к столу и стал медленно, приглушенно читать.

— Громче читай! — повелительно сказала Настя.

— Стекла в окнах зазвенят.

— Пусть звенят. Маме вон, поди, не слышно.

— Слышно, все слышно.

— Все равно громче читай, — усмешливо проговорила Настя. — Голос у тебя хорош; все бы сидела да слушала.

— Правду говоришь? Смеешься ведь...

— Нешто приходилось тебе слышать от меня неправду?

— А чем хорош-то?

— Гром напоминает. Так и рокочет, так и рокочет...

— Насмешница ты...

— Хватит разговаривать, греми по книжке...

Мать Насти подошла к столу и потянулась за самоваром.

— Надо тебя чайком попойть за то, что хорошо читаешь.

— Я не хочу...

— Выпьешь чашечку, другую... И я с тобой попыю. Я ведь привередница, люблю чай пить с продолжением.

— Это как с продолжением? — заинтересовался Игнат.

— Сначала попыю немного для согрева, потом поделаю чего-нибудь, по прошествии подогрею самовар и продолжаю опять чаевничать.

С того вечера Игнат стал часто заходить сюда.

— Игнат Стратоныч! Добро пожаловать! Вечерний дом отдыха открыт. — Слова Насти звучали ласково и насмешливо. — Или опять насчет платья узнать пришел? Так не сшила я его еще, не сшила... И не собираюсь пока. Все не к чему. Хочу подождать большого праздника или большой радости... Проходите сюда, не стесняйтесь...

Игнат садился на стул у печки и жмурился, отдыхая.

— Ах, вы, Игнат Стратоныч, отдохнуть пришли? Я и забыла, что у вас здесь вечерний дом отдыха. Отдохните, отдохните, спокойной ночи.

— Я спать не собираюсь, — ухмылялся Игнат. — Я еще погреметь думаю...

— Погреми, погреми. Мама, где у нас книжка?

— Я ее утром на полицу положила.

Настя доставала книжку с полицы и подавала Игнату.

— Греми.

— Чай пили? — спрашивал он.

— Пили, но продолжения еще не было.

— Это хорошо, что я к продолжению поспел, — говорил Игнат, раскрывая книгу.

К годовому отчетному собранию в доме правления вымыли не только пол, но и стены, обмели потолки. На полу раскинули самотканые коврики, по стенам гирлянды веток.

Перегородка, разделяющая избу на две комнаты, снята, и от стены до стены, как в зрительном зале, расставлены стулья и скамьи. На другой перегородке, которая отгораживает уголок со столами председателя и счетовода, висит свежий номер стеновой газеты.

В одиночку и группами приходят колхозники и занимают места.

С Настасьей Марковной явились на собрание Шура Дымова, Сима Баранцева и Маша с Павлом. Шествие заключал Николай Артемьич, чисто выбритый, веселый, в шапке набекрень.

Колхозники занимают места. В первом ряду садится бригадир строительной бригады Кисельников, а рядом с ним члены ревизионной комиссии.

Все сильнее и сильнее гудит сдержанный говорок, изредка прерываемый взрывами смеха.

Изба большая, а под потолком горит только одна лампа, оттого в последних рядах стоит таинственная полутьма. Там остроголовит Николай Артемьич; Шура Дымова громко и восторженно хохочет.

На улице бушует февральская метелица, ветер бьет в окна так, что дребезжат стекла. С улицы приходит Герасим Иваныч, несет за железную дужку что-то обернутое платком, похожее на клетку.

— Герасим Иваныч жар-птицу поймал, — шутит молодежь.

— Ее самую, — говорит он, откидывая платок. — Давайте спичку.

Под платком оказывается лампа-молния. Он засвечает ее и вешает на полку в задних рядах. Там сразу стихает и говор и смех.

— Вот, Николай Артемьич, при свете и стыдно стало шутки шутить, — замечает Настасья Марковна.

Из-за перегородки выходят председатель и счетовод. Игнат сегодня в новом суконном костюме, при галстукке. С чувством собственного достоинства, неторопливо, спокойно он открывает собрание. В президиум избирают лучших колхозников. Игнат освобождает свое место и выходит из-за стола. Президиум по-

ручает вести собрание Николаю Артемьичу. Ему передается спокойствие и уверенность председателя колхоза, и он говорит толково, неторопливо и даже полностью произносит свое любимое «следовательно».

Игнат Стратоныч около часа отчитывается перед колхозниками.

— Девяносто тонн мы сдали государству, — говорит он в конце. — Выдали на трудодень по два килограмма зерна, по четыре — картошки. В окончательный расчет приходится на трудодни еще по восемьсот граммов зерна, а всего три килограмма без двухсот граммов. Это немного, товарищи, но вдвое больше прошлогодного.

— Денег мало, — слышится голос.

— Денег мало, — соглашается председатель. — Только рубль девятнадцать копеечек. Надо развивать подсобные отрасли хозяйства, денег тогда будет больше. Не забывайте еще, товарищи, что мы роздали восемь тонн зерна в качестве дополнительной оплаты. Это мы вознаградили тех людей, которые умело поднимали урожайность. Они не только выполняли указания, но и вносили в каждое дело свое: свой ум, свою инициативу... Значительное начисление за повышенную урожайность получила бригада нашего передового бригадира Николая Артемьича. Из звеньев больше всех превысило урожай звено Настасьи Марковны. Оно взяло первенство в соревновании со звеном Маргариты Дорофеевны, которое получило по двадцать центнеров с гектара. Так мы, товарищи, провели год: добивались хорошего урожая, повышали дисциплину труда и вели борьбу за новые достижения.

После выступления председателя ревизионной комиссии высказался Герасим Иваныч в том смысле, что, дескать, очень приятно слышать от ревизии сообщение о хорошем порядке, когда каждая копейка учтена и каждый килограмм хлеба сохранен.

Николай Артемьич взял слово и завел речь о «рубль девятнадцати копеечках». Он предложил расширить огород, раскинуть ягоду и завести пасеку.

Выступила бабушка Конева и надела на заведующего молочной фермой, который «не шьет, не порет». Тот самодовольно ответил, что у него и поголовье и удои в плане.

— Дальше плана надо двигаться, — закричали со всех сторон.

— У тебя все в плане, ты и доволен, а мы недовольны.

Попало и овчару. Его винули за малый настриг шерсти.

Маша Ладова, мило румянясь, сказала:

— Здесь правильно говорили, что надо не только указания выполнять, но и свой талант в каждое дело вкладывать. Вот заведующие фермами овцеводческой и молочной мало таланта вкладывали, оттого и виноватыми стали. Когда мы будем вно-

сильно от себя большое боление, тогда и дохода будет больше. Звеньев надо столько завести, чтобы в поле ни одного клена не оставалось без талантливого ухода.

— А что наша главная молчит, — спросила бабушка Конева, кивнув в сторону Настасьи Марковны, которая сидела в президиуме. — Следовало бы тебе, Настасья, слово молвить.

— Да я не знаю, что сказать, — покраснела Настя.

— Тебе ли не знать... Стыдись! С твоей головой стыдно молчать.

— Право не знаю. Вот, если с кем с глазу на глаз сцепиться, на это я мастерица, а на собраниях я еще ни разу не выступала. Сидела сейчас и все думала: о чем бы мне сказать? И решила, что обо всем уже сказали.

— А ты свой опыт передай, — подсказал Николай Артемич.

— Вот разве что опыт, — согласилась Настасья Марковна, поднимаясь со стула. Она вышла из-за стола и опять вернулась к своему месту.

— Раздумала? — засмеялись колхозницы. — Смелости лишилась?

— Нет, смелости я набралась, но чувствую, что в шубе я не говорю. — Она сняла шубу, тщательно свернула и положила на спинку стула. Вышла на ораторское место, опустила платок с головы на плечи и, смущаясь, заговорила:

— Что мы сделали своим звеном за лето? Вырастили много пшеницы. По двадцать восемь центнеров с гектара пшеницы взяли! Два раза ее подкармливали полностью и раз частично; пробороновали, три раза пропололи. Сделать это немудрено, все так могут ухаживать, только труда много требуется. Будущим летом мы своим звеном думаем взять по тридцать центнеров с гектара. И возьмем! «Ульяновка» мне очень полюбилась. Правда, страданий она мне, сами знаете, немало принесла. Я сначала ее не понимала, все ввысь тянула, а она не в солому пошла, а в зерно. Я думала, что все наши подкормки и прополки пропадут напрасно, а нет, они свое дело сделали. Пшеница все наши труды хорошим зерном оплатила. Нынче мы своим звеном берем на уход пятнадцать гектаров «Ульяновки». И другие, конечно, возьмут. Я теперь уверена, что в наших холодных местах эта пшеница привьется не хуже ржи, и мы добьемся того, что пшеничного хлеба у нас в колхозе будет вволю! Радостно то, что сорт пшенички, наконец, попался не робкий: выносит нашу зиму и наши весенние заморозки. Мы на днях смотрели свою пшеницу под снегом: хорошо себя чувствует она в гостях у зимы. И еще я присчитаю своему звену одно достижение: за лето мы приохотили к труду Лизу Новодашкову. Теперь эта девушка по всем статьям загляденье: и по виду, и по труду. В ее трудовую книжечку теперь и заглянуть приятно. Ну, что вам еще сказать? Сегодня у меня веселое настроение, как, наверно, и у всех

здесь. Так под это веселое настроение я вам еще сообщу, что мы нынче в своем звене выдали замуж Машу Ладову и, кажется, удачно... С нашей легкой руки они живут счастливо.

— В звене у вас еще много невест, — раздался женский голос. — Будет тебе еще с ними заботы.

— Не особенно много... Всех выдадим.

— Самой-то звеньевой надо замуж выходить, — встала бабушка Конева.

— Не обязательно, — скромно ответила Настя. — Самой звеньевой выходить не обязательно, — повторила она.

Игнат густо покраснел и низко опустил голову, чтобы скрыть волнение.

— Ваша звеньевая была уже замужем, — продолжала Настасья Марковна. — Хватит, пожалуй, с нее. Забыла, что еще хотела сказать...

— Вот что ты забыла осветить: Захара в работу втянули, — напомнила Шура Дымова. — Почти что перевоспитали...

— Перевоспитали? — переспросила Настя. — Захара невдруг перевоспитаешь. Не могу сказать, насколько он перевоспитался, но нынче все-таки работал, дополнительную получил и сейчас вместе с нами старательно собирает удобренья. Может, с этого он и пойдет и пойдет... Вот ум-то у меня какой: начала с урожая, а съехала на свадьбы. Чисто бабье соображение-то... Надо хоть подконец что-нибудь дельное сказать, чтобы не стыдно было на свой стул возвращаться. Сейчас мы своим звеном собираем удобренья и учимся. Два раза в неделю слушаем Арефия Арефича. Интересно! Даже Захар на эти занятия ходит. Прямо диво на него. Я призываю всех посещать эти беседы. Всем нам учиться надо. Вот уж теперь нельзя сказать, что плохо закончила речь. И начала я ее хорошо, только вот в середине малость попутала. И ведь какую длинную развела!.. Кажется, что целый век говорила. Самой на себя удивительно. Ну ладно...

Она махнула рукой, улыбнулась и пошла надевать шубу. Колхозники дружно похлопали ей.

Выступило еще несколько человек. Годовой отчет утвердили и выбрали председателем опять Игната Стратоныча.

— Для порядка хоть бы звеньевых-то премировали, — сказала бабушка Конева.

— Нынче им премии будут от правительства, — ответил Игнат.

— А от колхоза-то?

— От колхоза не вышло: рубль девятнадцать копеечек мы решили оставить в неприкосновенности. Вот в этом году давайте еще больше стараться, разживемся, выдадим рубля по три на трудодень, а на остальные всем передовикам премий накупим.

Николай Артемич закрыл собрание.

— Сколько на часах-то? — заговорили колхозники.

- Полночь.
- По домам расходиться что-то не хочется.
- Настасья Марковна, запевай!
- Запевать я погожу. Отодвигайте стулья, скамейки, председатель нам сыграет веселенькое.

Игнат принес из-за перегородки аккордеон, прочно уселся на стуле и спросил:

- Русскую, что-ли?
- Давай русскую, чтобы кровь сразу по жилам забегала.

Настасья Марковна, протори дорожку!

Аккордеон вдруг пронзительно взвизгнул, рассыпал по избе ворох мелких звуков и завел дробный, частый, неистовый русский мотив.

В середину круга вышла Настасья Марковна, чуть-чуть топнула и застыла на месте. Лихо развела руками, а потом крепче натянула на плечи пуховый платок, повела правой рукой и легко поплыла по кругу.

— Пушинка, — любуясь плясуньей, молвила бабушка Конева.

— Стружкой вьется, — восхищенно проговорил бригадир строительной бригады Кисельников.

На середину круга выскочил Николай Артемьич и пошел дробить вокруг Настасьи Марковны. И вон уже бочком-бочком пробирается в круг Герасим Иваныч, а его подбадривают со всех сторон:

- Смелее, старина!

А там в углу поспешно снимают с себя шубки Шура Дымова, Сима Баранцева, Маша Ладова. Бабушка Конева расстегнула одну пуговицу и опять застегнула, потом сразу расстегнула две и остановилась. К ней поспешили две старые подружки и потянули с нее пальто:

— Ты бывало первая плясунья была, стой за нас на кругу.

Бабушка Конева пригладила волосы, взяла в правую руку носовой платок и крикнула гармонисту:

- Игнат Стратоныч, пореже!

Игнат убавил россыпь звуков, и бабушка степенно пустилась по кругу медленной проходочкой, помахивая платком.

Всю ночь бушевала метель. Утром снег перестал, но ветер продолжать рвать и метать с прежней силой. Рассветало медленно.

Игнат вышел из дома правления и быстро пошагал вдоль улицы против ветра. По небу в неистовой гонке низко неслись то темносерые, то совсем черные облака, и оттого в деревне было полутемно. «Будто они в панике отступают откуда-то», — подумалось Игнату.

Продираясь сквозь порывы ветра, способные свалить человека с ног, Игнат дошел до середины Казаркина и решительно свернул к избе Кленовых.

Дверца палисадника была закрыта; за вьюжную ночь к дверце намело длинный сугроб снега, который тянулся от палисадника до самого крыльца.

Не разгребая сугроба, нельзя было открыть дверцу. Игнат подался назад и легко перескочил через нее с разбегу.

Настасья Марковна увидела его в окно и мысленно сказала себе: «Вот как! Опять через изгороди прыгать начал. А что ему? Он еще все парень. До войны не женился и теперь не торопится. Зачем это сегодня такую рань он к нам притопал?»

Она вспомнила светлый майский день, веселую группу казаркинской молодежи, любовные частушки под гармошку, юного Игната, прыгающего через изгородь прогона, и опять сказала себе: «Ведь видела тогда, что он любит меня. И нравился он мне, только сердилась все на него, что не умеет ухаживать. А с ним я была бы счастливее».

Игнат смело и шумно вошел в избу и от порога весело прогудел:

— Настасье Марковне — наше нижайшее!..

— Игнат Стратоныч!? — удивленно воскликнула она, будто только что увидела его. — По вечерам все к нам ходил, а нынче спозаранку припрыгал. Мы еще только встали, не успели и снег от избы отгрести.

— И чая с продолжением еще не было? — усмехнулся Игнат.

— По утрам мы пьем без продолжения.

— Спозаранку потребовалось, дела важные, Настасья Марковна! Платье-то новое сшила ли? — задиристо спросил Игнат.

Настя сделала большие глаза и уставилась на него сердито изумленным взглядом. Игнат смело встретил ее взгляд и беззвучно засмеялся.

— Ты что? — медленно и грозно заговорила она. — Сегодня с утра помешался, что ли? Когда ты кончишь меня этим платьем донимать? До каких пор ты будешь надо мной издеваться? Совсем было собралась уже шить, а теперь не стану! Вот тебе! Не стану и не стану... Нарочно не сошью!

— Сошьешь! — уверенно заявил Игнат.

— А я сказала, что не сошью.

— А я говорю, что сошьешь! — повысил голос Игнат.

Его уверенный голос привел ее в замешательство, и она то-ропливо и заинтересованно спросила:

— Почему ты уверен, что я сошью?

— Потому что на свадьбе в старом за стол не сядешь, — оgoroшил ее Игнат.

— На чьей это свадьбе?

— А ты не знаешь на чьей?! — резко и отрывисто заговорил Игнат. — Ты, наверно, не замечаешь человека, который вьется около тебя десять лет... Десять лет! В юности не замечала и теперь не хочешь замечать. Ты, может, в самом деле думаешь, что я всю зиму сюда ходил у печки отдыхать. Нет, по-ди, у меня дома печки-то... Или книжку интересную читать? У меня у самого книжек-то целый шкаф. Не отдых и не книжки, а сердце меня сюда влекло!

Настя тихо повернулась к нему спиной и тихо отошла в передний угол. Игнату показалось, что она печально поникла, и он сразу весь обмяк, ссутулился и тихо поплелся к двери. «Конечно. Не любит. — Словно ледяной водой охладила его эта мысль. — Если бы любила, встрепенулась бы вся... Живо бы сердцем ответила».

Настя медленно сдвинулась с места, повернулась и бессильно опустилась на ближайший стул. Она ухватила обеими руками за края сиденья и тихо позвала:

— Игнат! Иди сюда, сядь поближе!

Он вернулся от двери, взял стул и безмолвно присел напротив ее.

— И плетет, и плетет, — думая вслух, заговорила она. — И морочит, и морочит голову-то... Сколько вечеров здесь выси-дел и путем слова об этом не мог сказать.

— Я однажды вечером совсем было решил-ся об этом заговорить, а ты мне книжку в руки сунула и велела читать. А сегодня я решил пойти напропалую, думаю: была не была...

— Эко: была не была... Удалец какой! Пришел и с бухты-барухты понес околесицу про платье, про свадьбу... Парень — богатырь, и с хорошей головой, а вот нет толку поговорить путем о любви, поухаживать...

— Настюша, вот и беда-то моя вся в этом. Со всеми я смел и решителен, а вот перед любимой немею. Я бывало бы тебя никому не уступил, если бы ухаживать умел. Я все надеялся, что ты заметишь, сердцем моему сердцу ответишь, а ты больно ухаживанья любила.

— Я и теперь люблю, а ты не только не ухаживаешь, а разговариваешь со мной одинаково, что с Николаем Артемьичем, а я ведь женщина, за мной следует и поухаживать.

— Это со временем наладим. Теперь поговорим другом.

— Ну, что еще?

— Вот что: сегодня в утренней передаче по радио сообщили, что ты награждена за высокий урожай пшеницы орденом, а члены твоего звена: бабка Конева, Герасим Иванович, Шура Дымова и Маша Ладова медалями.

— Не может быть?!

— Вот еще... Как председатель говорю!

— Так надо бы об этом с первого слова сказать, Игнат. Ведь это самое главное! А ты приходишь и сначала пугаешь...

— Я не хуже тебя знаю, что это главное. И нигде я не путаю. Только вот с тобой...

— А со мной почему надо путать? Пришел и сразу бы сказал.

— А я вот пришел и сразу не сказал, чтобы ты не подумала, что из-за ордена сегодня так с тобой заговорил.

— Могла ли я подумать, когда у тебя самого их с войны нивесть сколько.

Настя подумала и лукаво добавила:

— А, все-таки, тебя это подогрело, раз ты именно сегодня пошел напрямки. Угадала?

— Смекалиста, а не угадала; да, да, не угадала! Меня подогрела радость за вас всех. Вот что меня подогрело! И я перед тобой осмелел. Если, думаю, она мне откажет, так я ухвачусь за эту спасительную радость и легче перенесу отказ. Сегодня надо колхозников собрать. Я им такое слово скажу, что они вместе со мной станут радоваться за своих товарищей.

— О! Как ты разговорился сегодня, совсем красноречивый стал.

— Я всегда красноречивый, когда общих интересов касаюсь, а вот, когда о своих заговорю, начинаю куковать... Еще ведь Николая Артемьича наградили. Теперь он не скажет, что его работу не ценят.

— Иди сообщи ему!

— Он слушал передачу-то, хотел вместе со мной тебя поздравлять идти, но я его не взял, чтобы не мешал мне объясняться.

— А тебя, объяснение ты мое горькое, тоже, наверно, наградили? — ласково спросила Настя.

— Нет, мне награждение не вышло. В твоем звене и во всей бригаде Николая Артемьича урожай хороший, а на всей-то площади еще низковат, вот и не вышло. В этом году на всей площади урожайность подыдем, тогда и председателю награждение будет. Но и сейчас очень хорошо: шестерых из нашего небольшого колхоза наградили; ведь это первый раз в жизни нашей деревни такая радость.

«А он ведь верно рад этому, — присмотревшись к нему, заключила Настасья Марковна. — У него хорошая душа».

Она встала. Игнат продолжал сидеть. Она подошла к нему, наклонилась и, крепко обхватив его плечи, припала головой к его большой курчавой голове.

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ

Лишь тёмная ночь да свистки паровозов...
— Да где ж ты сегодня, наводчик Морозов,
Ужель в тишине начинаешь стареть?

Неправда! Нам рано, товарищ, сесть.
Не для суеты нас на берег списали,
Недаром диспетчеры нас поджидали,
Не флотцам же, право, на месте сидеть!

Я знаю, ты снова тоскуешь в дороге,
И снова любимая где-то в тревоге,
Лишь топка клокочет, да в окна сквозит...

Ну что же! По нраву нам вечный транзит.
Тебе не прожить и недели в покое,
И мне по душе беспокойство такое!..

На клапан нажми,
Прогуди что есть силы,
Чтоб знал я, где полночь тебя захватила,
На трассе какой, у какого вокзала
Вот эта гроза на подъёме застала...

Я знаю твой груз — запломбирован он,
Помечен «Полтавой» твой каждый вагон.
Пропахли пшеницей сосновые доски...

... Всё дальше, всё глуше грозы отголоски,
Всё ближе рассвет...
Но я верю: не скоро
Для сердца остынут огни семафоров.
Лети! —
Ошибиться нельзя ни на волос...
Ты сможешь, Морозов! Я слышу твой голос.

ПОСЛЕ ОТБОЯ

Из роты в роту, следом за отбоем,
Проходит по казарме тишина...
Так что тебе не спится, старшина,
Ну что ещё не сделано тобою?

Или опять приснился грохот боя,
И в окна вновь взрывная бьёт волна?..
Ведь все же спят! Февральская луна
На окна льёт сиянье голубое.

Давным-давно казарма убрана,
И — на посту дневальный у порога...
Он бодрствует, он знает службу строго
И в срок тебя подымет, старшина.

Спокойно спи. Учебная тревога
Сегодня по полку отменена.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

— Пора, пора... — твердят грачи упрямо...
Кричите громче, вестники тепла!
Мне самому осточертели рамы,
И вата между ними не мила.

Весёлый гам ваш, верю, довод веский,
Чтоб всё простилось: мусор на полу,
Ковёр — трубой и комом — занавески...
А коли так —
Ходи быстрее, стамеска,
Греми сухой замаской по стеклу!

СЧЕТОВОД

По косогорам и по перелескам
Идет весна, о деле хлопоча...
И вот уже невидимой стамеской
Прошлась по зимним рамам сгоряча.

И сразу — настезь окна в сельсовете,
И в створках, — словно плавится стекло...

Бумагами шуршит весенний ветер,
И счетоводу спину припекло.

А он сидит,
Весь солнышком пронизан,
Торжественный
и тихий,
как герой...

... Приход весны!
Да, он давно записан
В одну из граф таблицы типовой.

Приход весны!
Да что вы, в самом деле,
Неужто — это новость на дворе?
Так вы и пробный выезд проглядели
У тракторного парка
на заре?!

Так загляните в книгу,
По заданьям
С карандашом пройдите с января:
Сюда весна пришла без опозданья...

... Синоптик!
Вы работали не зря,
Спасибо вам за сводки и за справки,
За то, что вы,
как и всегда,

точные.

Порадуйтесь, синоптик: все поправки
В рабочий план артели внесены.

Порадуйтесь! Ведь, право же, не мало
Хотя б того, что за окном весна:
День в день,

как ваша сводка предсказала,
В артель «Ударник» и пришла она.

А это значит — всё пойдет по срокам,
И каждая забота — в свой черед...

...Как именинник,
у раскрытых окон
Сидит на табурете счетовод.

От светлых дум
он сам сегодня светел,

Как солнышко...

А солнышко блестит,
Знай раскаляет пряжку на жилете,
И на очках оправу золотит.

В последний раз
колонки цифр сверяя,
За числами он ясно узнаёт
Своих друзей,
которых посевная —
Уж третий день, — как увела в поход.

Они с бумаги сходят, как живые,
Как наяву, перед столом встают —
Механики,
севцы
и звеньевые —
И говорят, и за собой зовут...

Но как уйдешь,
как выйдешь в день весенний.
Коль то и дело — сводки из бригад?
Землей и потом пахнут донесенья:
По горло нынче дела у ребят!

А как уйдешь,
Когда ты, как привязан
К столу
святым законом ремесла?..
А к этому прибавить —
С нефтебазы
Трехтонка с керосином не пришла...

А ко всему тому, —
Как угорелый,
Нет-нет — и затрезвонит телефон:
То что-нибудь не ясно зомотделу,
То просит председателя район...

А все ушли...
А ты один в ответе:
Всё знай, и всё продумай наперёд...
... На стареньком кленовом табурете
Сидит,
листая книги,
счетовод.

То погрузит,
то постучит на счётах,

То бросит всё... И слышно — за окном
О травопольных севооборотах
Овчарнице толкует агроном.

А та во всём, во всём ему перечит,
И знает всё, а просит повторить...
На то — весна,
а молодым при встрече —

Ну почему б
И не
Поговорить?
Ну почему
вдруг стать для них помехой, —
Шугнуть,
чтоб не мешали,
от окна?..

Ведь как-никак —
без девичьего смеха —
Хоть и весна, а всё уж не весна!

Ведь как-никак —
и мы были моложе,
И пусть давно,
но ведь и нас встречал
Взгляд милых глаз,
которых нет дороже...

А разве мы не пели по ночам?!
А разве мы, —
припомни-ка, ровесник, —
Гармонью не будили полсела,
Когда сквозь сумрак синеватый
Песня
Нас вдаль, как зачарованных, вела
За крутояр,
в простор лугов поёмных, —
За шаткий мостик, выгнутый дугой,
Где — только ночь,
да белый дым с черемух,
Схлестнувшийся с туманом над рекой?..

На то — весна,
на то и ночи в мае,
Так пусть, так пусть же девушка поёт!..
... Так думает,
про юность вспоминая,
И всей душой теплеет счетовод.

А день идёт... И память перерыта...
Стучат часы. И тихо веет сном.
Баланс подсчитан. И окно закрыто.
И с девушкой простился агроном.

Сплошным пожаром занялись обои —
Заполонил всю комнату закат...
А от посыльных нет и нет отбоя,
А сводки прибывают из бригад.

И в каждой — труд
и юности кипенье,

И цифры,
как живые,
говорят...

Землей и потом пахнут донесенья,
И в полный голос тракторы гудят.

И вдаль летит,
шумит весенний ветер,
И не смолкает песня за селом...

...Стоватный свет сияет в сельсовете.
И счетовод склонился над столом.

Н. МИХЕЕВ

НА ПРИВАЛЕ

Поднимались туманы вдали за селом,
И стонала земля после боя.
На коротком привале в лесу фронтовом
Отдыхали гвардейцы-герои.

Каждый молча о чем-то заветном мечтал,
Каждый думал о чем-то далеком;
Может, престо о доме своем вспоминал,
Может быть, о своей синеокой.

А за лесом над степью всходила заря,
Хорошо бы уснуть, да не спится.
— Ой, ты, парень, не вешай головушку зря,
Тосковать молодцу не годится.

Все пройдет, все поправится скоро опять,
Ты с победой вернешься до дому.
Снова встретит тебя поседевшая мать
В добрый час у калитки знакомой.

Встретит та, о которой грустишь ты сейчас,—
Ведь она тебя ждет не дождется.
Сколько счастья и радости будет у вас,
Сколько песен хороших найдется!

И как в сказке опять зацветет все кругом,
Словья засвистят по дубравам...
Никогда не померкнет над нашим жильем
Солнце правды, победы и славы.

ОХ И ПАРЕНЬ

Песня

К нам в деревню на побывку
Приезжал один моряк.
Погостил денечков пять
И отправился опять.

Ох, и парень, парень бравый,
На бушлате у него светит орден Славы.

Видно, храбро он сражался
Молодой моряк-герой.
Чьи-то письма получал
И кому-то отвечал.

Ох, и парень, парень бравый,
На бушлате у него светит орден Славы.

В тихий вечер на гулянье
Он спросил меня, как звать.
Но не знаю почему,
Не сказала я ему.

Ох, и парень, парень бравый,
На бушлате у него светит орден Славы.

Он уехал из деревни
И прощаться не зашел.
Он с собой за сотни верст
Сердце девичье увез.

Ох, и парень, парень бравый,
На бушлате у него светит орден Славы.

ПЕСНЯ ВОЕННЫХ СВЯЗИСТОВ

Весеннее солнце встает над страной,
И песня звенит голосисто
О подвигах армии нашей родной,
О славных военных связистах.

Припев:

Сильны, крепки, уверены,
В огне войны проверены,
Связисты присяге верны.

Мы ночью и днем
Стоим под ружьем,
На страже советской страны.

За светлую волю, за землю свою,
За счастье родимого края.
Связисты героически держались в бою,
Друзьям боевым помогая.

Припев.

Знамена победные в небо взвились,
Отбой протрубили горнисты.
К учебе вернулись, за книги взялись
Лихие герои связисты.

Припев.

А если враги вновь на нас нападут —
Ответ будет грозный, суровый.
Связисты без страха на битву пойдут,
Связисты к походу готовы.

Припев:

Сильны, крепки, уверены,
В огне войны проверены,
Связисты присяге верны.
Мы ночью и днем
Стоим под ружьем
На страже советской страны.

СЛОВО ФРОНТОВИКА

Пускай в округе люди говорят,
Что поседеть пришлось мне раньше срока.
Я защищал Москву и Сталинград,
Три раза ранен был в бою жестоком.

С тех пор прошло уже немало лет,
Но кажется порой, что где-то рядом
Гремит шрапнелью огненный рассвет,
С громовым треском падают снаряды.

Я слышу плач солдатских матерей,
Я вижу труп убитого ребенка.

Дрожит земля от залпов батарей,
На сотни верст вокруг дымят воронки.

Вот здесь был дом — сгорел, его уж нет,
Одна труба лишь чудом уцелела.
По пепелищу бродит хмурый дед,
Как будто ищет что-то между делом.

В полях — чертополох да лебеда
И не видать ни риги, ни овина...
Нет, не забыть мне это никогда —
Беды великой страшную картину.

Мы отстояли Родину свою,
Мы смело насмерть шли во имя жизни.
И в нашем вольном, радостном краю
Все ярче светят зори коммунизма.

Растут дворцы, заводы, города,
Встают из пепла села и станицы.
А в поле, где чернела лебеда, —
Стеной стоит высокая пшеница.

Я — агроном, я потерял покой...
От тяжести к земле колосья гнутся.
Гудят в степи комбайны день-денской,
Стрекочат жатки, песни раздаются.

Кругом кипит артельный дружный труд.
И не узнать нам погорельца-деда.
Его теперь мичуринцем зовут,
Он заложил в поселке сад Победы.

Мы строим жизнь, мы учимся, растем.
Но лютый враг за морем-океаном
Грозит цепями рабства и огнем,
Кровавых войн вынашивает планы.

Он покорить задумал целый свет,
Он все живое хочет сделать мертвым.
Нет, не допустим этого мы, — нет,
Убийцы в модных фраках из Нью-Йорка!

Нас миллионы, с нами весь народ,
Нам не страшны заморские громилы.
В борьбе растут и крепнут наши силы —
Великий Сталин нас ведет вперед!

ИВАН ОЗЕРОВ

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Перед станцией

солнца диск

Поднимается семафором.

Улыбается машинист:

С нами утро привез он в город.

Кто меня обвинит, что я

Полюбил суету вокзалов?

Я приехал в свои края, —

Так мне сердце мое сказало.

Хорошо на душе,

когда

Чуть позванивают медали,

А на них —

города,

города,

И свои и чужие дали.

Как мне Родина дорога!

Мир чужой для души был тесен.

Мы стремились

к своим берегам,

В край раздольных, родимых песен.

Мой товарищ! К тебе спешу.

Брат мой названный, ныне где ты?

Я на карту страны гляжу,

Я ищу у нее ответа.

Вижу!

Ты — у зажжённых доми,

Вижу: рубишь в Донбассе уголь,

Пятистенный возводишь дом, —
Как я рад за такого друга!

Мы вернулись в свою семью
И не ищем себе покоя:
Победили с тобой в бою,
Победим и в труде с тобою!

САДОВАЯ УЛИЦА

Здесь липы — сверстницы давно растут,
Пропитан воздух брагою медовой.
Я часто вечером бываю тут:
Ты не случайно названа Садовой.

Других имён тебе нельзя иметь;
Когда в цвету — ты мне ещё дороже,
А в сентябре

чеканных листьев медь
Ты разбросаешь под ноги прохожим.

Из общежития в мединститут
Здесь по утрам ходить студентам скоро.
И ты услышишь, как они поют
Про отчий край,
Про свой рабочий город...

Мы тут бродили все. И не однажды.
Вот снова ночь. Пора бы на покой.
Но по привычке мы всё здесь,
И каждый
Никак не налюбуется тобой!

Когда ж придет зима,
ты честь по чести
Метели и морозы принимай.
Мы будем и зимой с тобою вместе
И вместе встретим соловьиный май!

МАЛЯР

Может быть, и не имеет вида
Паренек, но он зато упрям,
Никогда не даст себя в обиду
Повидавшим виды малярам.

Сам подвесит на стальные тросы
Люльку,
Кверху устремится сам;
Как большой — закурит папиросу,
Струйку дыма пустит к небесам.

Вниз посмотрит — там кружатся
листья,
А вокруг него — простор ветрам.
Он берет своей махровой кистью
Первозданную лазурь утра

И наводит на карнизе колер,
У него веселая рука.
Видит он отсюда,
Как над полем
Медленно проходят облака.

Солнце расцвело над частоколом,
Весь родной поселок на виду:
Вон ребята
Возле новой школы
С пионерским знаменем идут.

Он уже их называет: «Дети...»
Сам подросток, а на диво всем
Был вчера его портрет в газете
Помещен на первой полосе.

Д.М. ПРОКОФЬЕВ

НАКАНУНЕ

Р а с с к а з

1

Лейтенант Соков вернулся с передовой продрогший и голодный. Он наскоро пообедал и, предполагая, что впереди у него много свободного времени, прилег отдохнуть. Сержант Васильев, коренастый, сильный парень, с выразительным лицом, накинул поверх одеяла свою шинель, спросил:

— Когда вас разбудить, товарищ лейтенант?

— Не надо будить... Я сам проснусь. Только предупреди ребят, чтобы не особенно шумели.

— Это я обеспечу... Отдыхайте.

Он еще раз поправил одеяло, шинель и пошел в комнату разведчиков, которая находилась через коридор, дверь в дверь. Оттуда доносился резкий голос Радюшкина, прерываемый громким смехом других бойцов.

— Отставить! — сказал Васильев.

Но не успел прикрыть за собою дверь, как в коридоре кто-то завозился, затопал ногами.

— А, чорт!.. — выругался сержант.

В коридоре, очищая с ботинок налипшую по дороге грязь, стоял высокий боец. Он был так туго подпоясан, что шинель на груди вздулась.

— Ты чего здесь топчешься? — строго спросил Васильев. — Тише, лейтенант отдыхает. Всю ночь не спал.

— Виноват, — сказал боец, вытягиваясь и приставляя ладонь к виску.

— Тебе кого надо?

— Его... товарища лейтенанта.

— Зачем он тебе?

— Начальник штаба вызывает...

Лицо Васильева сразу изменилось, приняло доброе выра-

жение. Он положил руку бойцу на грудь, вмяная шинель, и тоном примирения спросил:

— А не знаешь, по какому поводу?

— Не сказал, — важно ответил связной. — Только приказал сейчас же явиться...

Когда Васильев вошел в комнату лейтенанта, тот сидел на постели и с трудом надевал волглые сапоги.

— В общем — обеспечил?.. — сказал Соков, улыбаясь и глядя на сержанта.

«Рад, что начальник штаба вызывает, — подумал Соков. — Соскучились ребята по настоящей работе...»

Вот уже две недели, как разведчики пребывали в том относительно бездеятельном состоянии, когда от них не требовали особо важных заданий. После успешного прорыва немецкой обороны между озерами Веленце и Балатон, которую немцы называли неприступной линией Маргариты, наши войска быстро продвигались вперед. Пленных было много, и никто не нуждался в «языках». Разведчики ехали на машинах в общей массе всех родов войск, как самые обыкновенные пехотинцы. Им ничего больше не оставалось делать, как только утешаться надеждами: когда останутся войска, о разведчиках сразу же вспомнят, без них не обойдутся.

Так оно и случилось. Краснознаменная дивизия остановилась перед австрийским городом, в нескольких десятках километров от Вены, и для разведчиков немедленно нашлась «работенка». Но она сводилась преимущественно к наблюдениям за передним краем противника. А разведчики жаждали, по их словам, «настоящего задания».

Именно выражение этой жажды и заметил сейчас лейтенант Соков на лице Васильева.

Штаб дивизии помещался внизу двухэтажного, хорошо сохранившегося дома. Только в некоторых окнах высыпались лопнувшие стекла да был поврежден снарядом угол крыши. Скопанные листы железа погромыхивали от ветра. С улицы дом казался пустым. А между тем в нем шла напряженная жизнь. Сюда приходили и приезжали с различными донесениями, отсюда отправлялись в разные стороны порученцы и связные. Всех этих людей можно было видеть во дворе, но они бесследно исчезали, как только покидали двор с высокими воротами.

По едва уловимым признакам лейтенант Соков понял, что в штабе готовилось необычное дело. Порученцы и связные имели озабоченные лица, не задерживались ни одной лишней минуты, даже не закуривали, против обычного, на дорогу. И часовой, стоявший у входа в штаб, казался тоже другим: более подтянутым, почти недоступным.

Соков не ошибся. Завтра с утра дивизия должна была начать наступление на город. Она готовилась сделать свой очередной бросок вперед, чтобы оказаться, наконец, непосредственно

перед столицей Австрии — Веной, к которой на всех штабных картах были уже прочерчены красные стрелы.

Входя в штаб, Соков заметил, как часовой, смотревший прямо перед собой, сощурил глаза и шевельнул обветренными губами. На его лицо упали лучи солнца. Лейтенант поднял голову: в плотно затянутом облаками небе появились голубые просветы.

«Вот и погодка на нас работает», — с легким чувством подумал Соков.

Он постучал в неплотно закрытую дверь и, получив разрешение, вошел в кабинет начальника штаба. Не отрывая взгляда от подполковника, сидевшего за большим столом, на котором лежала раскрытая карта, Соков все же сумел заметить, что штукатурка на потолке потрескалась, стены голые, мебели не было, если не считать нескольких плетеных стульев, видимо, откуда-то принесенных сюда.

— Не дал я вам отдохнуть, — сказал подполковник, протягивая Сокову руку. — Ничего не поделяете, лейтенант. Срочное задание... от самого командира дивизии, — подчеркнул начальник штаба, желая сразу дать понять Сокову всю серьезность предстоящего дела.

— Я вас слушаю, товарищ подполковник, — сказал Соков, удивленный тем, откуда мог знать начальник штаба, что он был поднят с постели.

Вертя в пальцах карандаш, подполковник стал подробно излагать задание. Оно заключалось в следующем: с группой разведчиков лейтенант Соков должен был проникнуть ночью за линию фронта и с рассвета вести наблюдение «из-за спины противника» за его передним краем, за расположением огневых средств и сообщать обо всем этом по рации.

Подполковник приподнялся и ткнул карандашом в карту.

— Дивизия наступает здесь и здесь... Левее кладбища нас поддерживает соседняя часть. Вы должны, лейтенант, забраться куда-нибудь повыше, чтобы иметь хороший обзор. Позже будете двигаться впереди наступающих подразделений...

Некоторые детали начальник штаба повторял дважды, трижды, подходя к ним с разных сторон. Соков понял, как важно это задание, если подполковник, вечно занятый и ненавидевший многословие, так обстоятельно рассказывает ему о предстоящем деле.

— Своими данными, лейтенант, вы облегчите успех всей дивизии, — сказал в заключение подполковник. — Если никаких вопросов по заданию нет, — желаю вам успеха. А в девятнадцать ноль-ноль зайдите к полковнику.

Соков вопросительно поглядел на начальника штаба, желая и не смея спросить, по какому поводу вызывает его командир дивизии.

Тот понял значение его взгляда, пожал плечами:

— Ничего не знаю, лейтенант... Вероятно, хочет сказать от себя напутственное слово.

Соков отковырял и вышел из кабинета начальника штаба.

В коридоре он неожиданно столкнулся с лейтенантом Цветковым, начхимом полка. Они знали друг друга давно, со дня формирования дивизии. Но с тех пор, как Сокова перевели из полковой разведки в дивизионную, они встречались редко.

Цветков был в отлично сшитой шинели, с начищенными пуговицами и золотистыми негнушимися погонами. Соков поглядел на своего друга с выражением удивления, однако ничего не сказал. Они тепло поздоровались, и каждый из них подумал, что он рад этой неожиданной встрече.

— Что ж ты никогда не зайдешь? — сказал Соков, присаживаясь на подоконник и глядя на Цветкова снизу вверх. — Ведь бываешь же у нас...

— Да все как-то некогда, Виктор. То одно, то другое... Не успеешь вернуться — и опять в полк.

Почему-то оглянувшись, он тише сказал:

— Готовится большое дело, Виктор. Я еще вчера об этом догадался. Начхим дивизии хотел послать меня в армию, да я наотрез отказался. Осточертело составлять отчеты и акты на имущество. Опять в офицеры связи напросился к Горностаеву. Все-таки буду чувствовать себя при деле.

Он снова оглянулся и договорил:

— За последнее время у меня такое, Виктор, самочувствие, словно я к чему-то запаздываю.

Соков улыбнулся.

— С таким видом не опоздаешь, — сказал он, показав глазами на блестящие погоны и пуговицы. — Хоть сейчас на парад...

— Да, скорей бы, Виктор! Понимаешь, так хочется встретить нашу победу! Подумать только, Виктор... Цветков взмахнул рукой, намереваясь сказать что-то еще более значительное, но, взглянув на спокойно улыбающегося Сокова, опустил руку. — Увлекся, а у меня пакет. Ну, будь здоров, Виктор. Если скоро вернусь, непременно найду к тебе. Есть о чем поговорить...

— Заходи, может, застанешь.

— А ты что: на задание уходишь?

— Да.

— В ночной поиск?

— Нет. К немцам в тыл.

Цветков качнул головой и отвел глаза в сторону.

— Что ты? — спросил Соков.

— Ничего... Виктор. Желая тебе благополучно вернуться.

Он козырнул, потом пожал Сокову руку и побежал к выходу. Соков видел в окно, как Цветков отвязал лошадь, легко вскинул свое тело и, еще не успев опуститься на седло, рысью выехал со двора.

«Славный малый, но с причудами, — подумал о нем Соков. — Любит бенгальский огонек...»

Часовой стоял, привалившись спиной к стене, нагретой солнцем. Небо уже совсем очистилось, лишь кое-где по нему плыли легкие облака. Заслышав шум шагов, боец отделился от стены, вытянулся и придал лицу строгое выражение.

— Пригревает? — спросил Соков.

Часовой распустил складки лица, улыбнулся:

— Пригревает, товарищ лейтенант. Весна идет...

— Наша?

— Факт.

2

Вернувшись домой, лейтенант Соков прежде всего зашел в комнату разведчиков. Те сидели вокруг стола, чистили автоматы, набивали патронами диски. Соков постоял, посмотрел, словно ничего не понимая из того, что здесь происходило.

— Готовимся, товарищ лейтенант, — прервал молчание Радюшкин, многозначительно переглянувшись с товарищами.

— К чему? — спросил Соков.

— К заданию. Нам все уже известно...

— Откуда же это вам известно?

— По прямому проводу, товарищ лейтенант.

— Да-а... Ну, и народец у меня. На три аршина под землей видят!..

— Сказано же, товарищ лейтенант, — глаза и уши, — рассмелся Радюшкин, который всегда приходил в задорно-веселое состояние, как только начинали готовиться к выполнению какого-нибудь важного дела.

Радюшкин принадлежал к числу интересных людей. Детство и юность его были полны самых невероятных историй. С ним всегда что-нибудь случалось. Однажды он сорвался с высокого обрыва. И уцелел только потому, что, падая, он каким-то чудом успел ухватиться за вершину молодой, наклонно растущей березы и повис на ней. Играя в футбол, он упал и разрезал левую руку в том самом месте, где шупают пульс. Кровь ударила струей. Он не растерялся. Закрыв рану другой рукой и побежал к доктору, жившему на соседней улице.

Несчастья поджидали Радюшкина на каждом шагу. И все его внимание, казалось, было занято тогда только тем, как бы справиться с этими несчастьями, не дать им застать себя врасплох. А потом уже настолько привык ко всем неожиданностям, что махнул на них рукой, решив раз и навсегда, что справится со всем тем, что бы ни случилось с ним. Среди разведчиков он слыл за удачника. Ни одна поисковая группа, в которой участвовал Радюшкин, никогда не возвращалась без «языка». О нем давно бы уже рассказывалось немало историй среди молодых разведчиков, если бы не лейтенант Соков, который имел

неприятное свойство — мерить человека только той мерой, которую он заслужил.

— Получена ответственная задача, товарищи... — сказал лейтенант Соков, присаживаясь к столу. — Сегодня ночью уходим за линию фронта, в город.

— Мы так и предполагали, — сказал сержант Васильев. — Раз вызывает сам начальник штаба, а не начальник разведки, значит — задание не обычное, надо готовиться. Это уж верная примета, товарищ лейтенант.

В отличие от Радюшкина сержант Васильев становился тем молчаливее, чем сложнее и ответственнее было задание. Он казался более, чем обычно, сосредоточенным, собранным. Каждое движение его приобретало обдуманность и законченность. Эта особенность его очень нравилась лейтенанту Сокову, требовательному даже в мелочах, потому что считал, что разведчик с недостатками, со слабостями — это уже не разведчик.

— А сколько человек пойдет? — спросил нетерпеливо молодой разведчик Огурцов, не отрывая глаз от стола.

— Четыре человека.

В комнате стало тихо. Все застыли в ожидании. Кого же из них выберет командир взвода?

Соков отдельно сказал:

— Сержант Васильев — раз, Огурцов — два...

Сделав паузу, лейтенант перевел взгляд на Радюшкина. Тот не выдержал и сдавленным голосом произнес:

— Не томите, товарищ лейтенант. Скажите прямо!.. А то сижу и все думаю про себя, как Гамлет какой: быть или не быть? А я не привык к этому!..

Командир взвода улыбнулся.

— Радюшкин — третий... Ну, и четвертый — Мохов. Оружие все почистили? Патронов и гранат достаточно?

— Оружие почищено, — сказал, вставая, сержант Васильев, — патронов и гранат достаточно, товарищ лейтенант.

— Он уже обо всем позаботился... — подсказал Радюшкин.

— Очень хорошо.

Отдав все необходимые приказания, связанные с подготовкой к заданию, Соков пошел к себе в комнату. Он присел к окну и нетерпеливо распечатал переданное ему Васильевым письмо. Оно было от матери. Каждое письмо от нее всегда волновало Сокова. А это тем более, потому что он не получал от матери уже около месяца никаких известий. Впрочем, судя по штемпелю, письмо догоняло его по дорогам войны не менее двух недель.

Мать писала:

«Дорогой Витя! Сегодня получила от тебя сразу два письма, и весь день на душе, как праздник. От радости всплакнула. Первое письмо ты отправил из Румынии, а второе из Венгрии. Если вы так будете шагать, то, пожалуй, и войну скоро кончите.

У нас на фабрике и то все уже поговаривают, что весной-то окончательно добьем Гитлера проклятого.

Дома у нас все по-старому. Костя заканчивает десятый класс и ходит с надутыми губами. Просился в армию добровольцем, — отказали. Посоветовали пока учиться. А ему очень хочется уничтожить хотя бы одного фашиста. «Из-за них, — говорит, — люди не могут жить спокойно». Ты теперь не узнаешь его. Он совсем взрослый человек.

О себе ничего не буду писать. Все мои желания тебе известны. А на здоровье пока не жалуясь. И работаю успешно. План за февраль наша фабрика перевыполнила. Надеемся, что в марте будет еще лучше.

На этом и кончаю письмо. Береги себя. Крепко целую».

«Береги себя, — повторил с невольной усмешкой Соков. — Видимо, все матери пишут об этом своим сыновьям, хотя и знают, что мы так не поступим».

И он вспомнил недавно погибшего командира роты старшего лейтенанта Козырева. Это был человек большой отваги и благородного сердца. Он погиб в последние минуты боя за венгерский город Секешфехервар. Когда командиры роты засыпали землей, над его могилой прозвучало несколько выстрелов скромного салюта. Он был как запоздалый отголосок боя. Его слышали на большом расстоянии, потому что кругом уже стояла нерушимая тишина. Все собиралось и двигалось вперед. Соков сказал всего несколько слов над свежей могилой старшего лейтенанта и сел в машину с уже заведенным мотором.

«Ему, наверное, тоже писала мать, чтобы он берег себя...»

Соков положил письмо в полевую сумку и поглядел в окно. Широкая деревенская улица, размятая машинами и колесами тяжелых орудий, погружалась в сумерки. Он посидел несколько минут, потом встал и пошел в комнату разведчиков. Там было шумно, деятельно. Сержант Васильев укладывал в вещевой мешок полученные продукты, Огурцов зашивал зеленый ватник, Радюшкин неторопливо, поплеывая на брусок, точил финский нож, которым он обычно вскрывал консервные банки, резал хлеб и колот кусковой сахар. Сейчас он готовил его для других надобностей, потому что там, за линией фронта, куда они уйдут ночью как невидимки, может случиться такое, чего нельзя даже и предположить.

В комнату вошел запыхавшийся техник-радист из батальона связи. Увидев Сокова, он сказал с облегчением, ставя на стол радию:

— Получите, товарищ лейтенант...

— Надежная?

— Вполне. Сам проверял. С Алексеевым работал, это который будет вас принимать. Поэтично, надо сказать, придумано: «Весна». Разведчики весны... Очень хорошо придумано.

Проводив техника-радиста, Соков сказал разведчикам:

— Если будут спрашивать меня, — я скоро вернусь. Хозяин вызывает... Никаких дополнительных указаний не будет, — обратился он к сержанту Васильеву. — Отсюда выходим в двадцать один ноль-ноль.

— Понятно, товарищ лейтенант.

На улице совсем уже стемнело. На небе светили звезды. Но ветер не зatih. На крыше штаба погромыхивали измятые листы железа. Соков шел, прижимаясь к домам. Возле них было посуше. Проходя мимо одного двора, он услышал голоса.

— Теперь каждому ясно, что скоро конец. Вот возьмем этот город, а потом столицу Вену — и дальше идти некуда.

— Здесь где-то должны быть недалеко союзники...

— А вот освободим Австрию, свернем гитлеровцам окончательно голову, тогда и союзники покажутся.

— За большой стол да к готовому пирогу, значит?

— Выходит, что так...

«Везде о том же самом. У всех один разговор», — подумал Соков.

3

Командир дивизии, полковник Аверьянов, был криклив и внешне грубоват. Он не особенно утруждал себя подыскиванием выражений, когда «распекал» какого-нибудь офицера за плохое исполнение приказа, недостаточную решительность в бою или даже за незначительное упущение по службе. Высокий, широкоплечий, с атлетически развитой грудью, он стоял на чуть расставленных ногах и глядел на молчаливо стоявшего перед ним командира. Гордо откинув большую красивую голову, покрытую шевелюрой каштановых волос, полковник Аверьянов громко говорил:

— Ты не опускай глаза, не прячь свою совесть. Понимаешь? Ты не мне служишь, — народу советскому служишь. Вот скажи я, что ты не понимаешь этого, так ведь обидишься. А на деле-то выходит, — плохо служишь. Запоздал с атакой, не во-время поддержал соседа. Предупреждаю: об одном и том же не люблю дважды говорить. Сразу все взыщу. Ну, иди!..

Казалось, что других форм обращения со своими подчиненными полковник Аверьянов не знал. Поэтому молодые офицеры, недавно прибывшие в дивизию, побаивались его. Но все старые командиры, которые знали его достаточно хорошо, питали к нему не только уважение, но и самую настоящую любовь. Они ценили его ум и способности, разносторонние знания. Они отдавали должное тому, что всего десять лет назад Аверьянов был рядовым бойцом. До призыва в Красную Армию он работал грузчиком во многих волжских портах, так же, как его отец

и дед. Отбыв в армии положенное время, Аверьянов, однако, не вернулся на Волгу, остался на сверхсрочной службе. Окончил военное училище, получил звание младшего лейтенанта. Впервые отличился в районе озера Хасан. С несколькими бойцами держал двое суток высоту, на которую японцы бросали сотни солдат. Тогда его имя узнала вся наша страна. Перед самой войной окончил военную академию и в звании капитана принял батальон под Ельней, в самый разгар ожесточенного боя. Через год на Днестре он уже командовал полком, а Днестр перешел командиром дивизии.

Став полковником, Аверьянов остался по-солдатски простым, говорил прямо и резко, без каких бы то ни было недомолвок. Он был на редкость справедлив и ко всему внимателен. Придет к нему начальник наградного отдела со списком представляемых к награде. Он просмотрит список и, гневно поблескивая темными глазами из-под густых схлеснувшихся бровей, с удивлением спросит:

— А почему в списке нет Снегирева? Ты знаешь, что позавчера он поднял роту в атаку и выбил немцев из первой линии траншей? А? Не знаешь?.. Так сейчас же внеси в список, а потом приходи, подпишу.

Этот человек не знал покоя. Он успевал бывать в ротах иногда чаще, нежели командиры полков. Почти всех командиров рот он знал не только по фамилии, но и лично. Что же касается его отваги, то в дивизии ходили целые рассказы, в которых действительность перемешалась с выдумкой. Ему приписывались такие подвиги, которых полковник Аверьянов и не совершал. Но было много и достоверного. Так, при подходе к Южному Бугу наших войск гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Краснознаменная дивизия, сосредоточившись на отведенном ей участке, с рассветом нанесла немцам сильный удар и прорвала их оборону. Но продвигаться дальше ей помешало то обстоятельство, что соседняя дивизия все еще оставалась на месте. Тогда полковник Аверьянов выбросил, как говорили в корпусе, трюк. К полудню в расположение Краснознаменной дивизии прибыло три танка. Полковник Аверьянов сел в танк, на другие посадил дюжину автоматчиков и приказал танкистам «рвануть» на хутор, перед которым находилась соседняя дивизия и до которого от наблюдательного пункта Аверьянова было не более двух километров. Прошло с полчаса, и командиру корпуса вдруг позвонили из Краснознаменной, что полковник Аверьянов овладел хутором.

Позже, когда командиры дивизий встретились в корпусе, полковник Аверьянов сказал шутя:

— За тобой, полковник, небольшой должок... Когда думаешь расплачиваться со мной за подаренный тебе хутор?

Был и такой случай. Батальон, встретив сильный вражеский огонь, вынужден был залечь. Вдруг откуда ни возьмись появ-

ляется полковник Аверьянов. Слегка пригибаясь, подходит к сидящему в окопе командиру батальона и спрашивает:

— Почему лежишь? Почему не наступаешь?

Командир батальона в замешательстве говорит:

— Сильный пулеметный огонь, товарищ полковник.

Полковник Аверьянов стоит уже во весь рост и громко кричит:

— Какой огонь? Где он?

Командир батальона вылезает из окопа, смотрит перед собой и с изумлением замечает, что пулеметного огня действительно нет.

— Ты мне шарики не крути, — говорит полковник. — Я не люблю шутить, ты знаешь. А ну, вперед!..

Батальон продвигается вперед. Командир, встретившись с командиром соседнего батальона, говорит:

— Его немцы, что ли, бояться? То был страшный огонь, а пришел — и замолчали, отошли. Как нарочно!

Соков знал все это, знал и характер полковника, но, переступив порог комнаты, в которой находился командир дивизии, он почувствовал себя неподготовленным к разговору. Полковник сидел за столом и читал газеты. Увидев вошедшего лейтенанта, он весело сказал:

— Здравствуй, «язычник». Задание получил?

— Получил, товарищ полковник, — ответил Соков, стараясь понять, зачем вызвал его командир дивизии.

— Как думаешь: выполнимое?

— Невыполнимых заданий нет, товарищ полковник.

— Через кладбище решил идти?

— Да, — сказал Соков, а сам подумал: «Чего он меня спрашивает?»

— Ты думаешь, это облегчает вашу задачу?

— Нет, не облегчает, товарищ полковник, но там попросторнее... А если идти прямо в город, можно скорее обнаружить себя, и тогда будет сорвано задание.

— Молодец, лейтенант! — громко сказал полковник, так что Соков даже немного вздрогнул от удивления. — На войне нет легких заданий. Даже самое маленькое задание — тяжелое. И никогда, лейтенант, не старайся обойти трудности стороной. Вот чего боялся я услышать от тебя. Думаю: не ищет ли он для себя лазейку? Война на исходе, это каждый теперь видит. Так нельзя ли, мол, миновать острые углы? Побережься, так сказать... Теперь вижу, — нет. Гвоздь надо вбивать, лейтенант, до последнего удара!

Полковник покачался на стуле, спросил:

— Значит, задача ясна?

— Ясна, товарищ полковник.

— А ну, повтори...

Лейтенант Соков, продолжая стоять в положении «смирно»

и твердо выдерживая прямо направленный на него взгляд командира дивизии, повторил приказание, полученное им от начальника штаба.

— Это не все, — сказал полковник после минутного молчания.

Соков подумал, что же это такое он упустил?

— В бой не вступать.

— Вот! — с живостью подхватил командир дивизии. — Это самое главное. В драку не вязываться. Вас нет, — понимаешь? Действуйте абсолютно скрытно. Вы всё и всех видите, обо всем сообщаете по рации, а вас — нет. В этом главное, лейтенант!

Он говорил, с удовольствием оглядывая стройную подтянутую фигуру командира взвода, отважного и опытного офицера-разведчика, да к тому же хорошего радиста. Всякий раз, когда полковник встречал Сокова, его всегда приятно удивлял внешний вид этого молодого по годам лейтенанта с розовыми гладкими щеками и голубыми застенчивыми глазами. Даже ему, командиру дивизии, было непонятно, когда Соков успевал так внимательно следить за собой, почти все дни и ночи проводя на переднем крае.

Полковник слегка улыбнулся, покачался на стуле и вдруг совсем неожиданно спросил:

— Грубоват я? Правда?..

Соков не знал, что сказать. Полковник ответил за него:

— Правда. Этот недостаток я знаю за собой. Но и отказаться пока от него не могу. Нелегкую мы делаем работу. Иной раз и хотелось бы как-то помягче, лейтенант, а нельзя. Само дело не позволяет. Война есть война. Она всегда страшная. В душе-то слово мягким родится, а пока выйдет наружу — руганью станет.

Соков молчал, пораженный такой признательностью командира дивизии.

«Он сегодня совсем другой», — отметил лейтенант.

— Ты, кажется, учился в институте? — спросил командир дивизии.

— Так точно, товарищ полковник. В химико-технологическом...

— Это заметно: химики — народ аккуратный. Много ли недоучился?

— Полтора года.

— Ну, ничего. Скоро война кончится — и доучишься.

— Надеюсь, товарищ полковник..

Соков вспомнил о сегодняшнем письме матери и о смерти старшего лейтенанта Козырева. Это были две крайности, между которыми он теперь находился.

— Разрешите идти? — спросил лейтенант Соков.

Не ответив, полковник крикнул:

— Федя!

Переведя взгляд на Сокова, сказал:

— Опusti руку и садись... Ну, ну, чего там, — садись! — повторил он, заметив смущение лейтенанта.

В комнату вбежал боец, который встретил Сокова на крыльце. В темноте он не мог разглядеть его лица. Теперь же он увидел, что у ординарца невероятно веснушчатое лицо, которое можно разве только представить, — другого такого не встретишь.

— Дай-ка нам с лейтенантом что-нибудь закусить.

— С приложением? — спросил ординарец и вздернул бровями, точно хотел переместить их на середину лба.

— А как же?.. — весело отозвался полковник и, скосив глаза, посмотрел на ручные часы. — Непременно с приложением!

Федя быстро повернулся и, казалось, не выбежал из комнаты, а его как бы вытянуло в дверь.

— Лихой был автоматчик, — сказал полковник об ординарце. — Жизнь мне спас однажды... Сам же едва без руки через это не остался. Ему следовало бы домой ехать, а он из госпиталя вернулся в дивизию. Хочется, говорит, на месте увидеть нашу победу. Да еще в бой просился. Пришлось отказать...

Помолчав и посмотрев на дверь, за которой хлопотал Федя, полковник продолжал:

— Беда теперь с ранеными. Никто не хочет уезжать в тыл. Все хотят, как говорит Федя, на месте увидеть нашу победу. Сколько всего перенесли, а усталости как и не бывало. Прикажи только, — в огонь и в воду пойдут. За родину куда хочешь пойдут... И все вынесут. Герои, а не люди. Хоть каждому памятник ставь на века.

«Это он для меня говорит, — подумал Соков. — Беспочтется... А напрасно».

4

Полчаса спустя лейтенант Соков вышел от командира дивизии в состоянии легкого возбуждения, окрыленности. Он был счастлив, как может быть счастлив человек, который неожиданно становился в центре всеобщего внимания предстоящих событий, которые развернутся с наступлением утра.

Соков прошел прямо к разведчикам. Окна в комнате были завешаны плащ-палатками. На столе горела стеариновая свеча, поставленная в стакан. Сержант Васильев сидел за столом и дремал, подперев ладонями подбородок. Между пальцами торчала потухшая папироса. Зеленый ватник сверху был расстегнут и из-под левого отворота поблескивали два ордена. На лавке лежал Радюшкин с автоматом на груди. В углу на соломе, прикрытой плащ-палаткой, лежали Огурцов и Мохов.

Все это были простые, скромные парни, которых война заставила отрешиться от мирных привычек и понятий и выработать в себе другие навыки, связанные с дерзкой профессией разведчиков. Они спали, дожидаясь лейтенанта. Но спали тем особым сном, который встречается только у разведчиков да еще, может быть, у телефонистов. Они также видели сны, сладко похрапывали, шевеля губами... Однако они готовы были мгновенно подняться и пойти на любое задание.

Едва Соков переступил порог комнаты, как разведчики встали и обступили его. Над их головами еще витали прерванные сны, а они уже нетерпеливо ждали, что скажет им командир взвода.

— Все готовы? — спросил Соков.

— Готовы, товарищ лейтенант, — ответил сержант Васильев, поправляя пояс и застегивая верхние пуговицы ватника.

— Задача остается прежней. Только командир дивизии напомнил, чтобы никакой драчки. Строго-настрога предупредил... Введем постный образ жизни.

Неизменно веселый Радюшкин широко улыбнулся, понимающе подмигнув товарищам. Его улыбка отразилась на лицах других. Разведчики стояли перед лейтенантом, увешанные автоматами и запасными дисками. Карманы ватников и брюк отвисали от ручных гранат.

— Ничего себе, постный вид, — сказал Радюшкин.

Лейтенант Соков тоже улыбнулся, словно уже и сам начинал сомневаться в том, что сказал.

Он сходил в свою комнату, переделался в зеленый ватник, в котором было тепло, легко и удобно, повесил через шею автомат, а на пояс два запасных диска.

— Пошли, — сказал он разведчикам и первым шагнул с крыльца в темноту, которая с этой минуты стала их единственной хранильницей.

Ночь была полна звуков. Справа шла пулеметно-автоматная перестрелка, изредка там рвались мины, рождая гулкое эхо. В ослепительном свете взлетевшей ракеты разведчики увидели высокий дом, рассеченный бомбой и похожий на макет. Где-то горела нефть, — смрадные, едкие запахи стлались по земле.

Слева было тихо. Только шуршал в прошлогоднем бурьяне ветер. Здесь «ничейная» полоса значительно расширялась. Между противоположными линиями окопов было не менее трехсот метров. На окраине же самого города эти линии почти сходились.

До переднего края разведчики шли вдоль шоссе, бледно проступавшего в темноте ночи. Перед тем, как пересечь передний край, разведчики спустились в тесный блиндаж, покурнули в последний раз и пошли в сторону от шоссе, углубляясь на «ничейную» полосу. Разведчики шли по прямой, пересекая ого-

роды, обсаженные колючим кустарником. Направляющим в группе был сержант Васильев. Соков шел в середине чуть растянувшейся цепочки.

Когда на пути попадалась яма, болотце, образовавшееся после дождливых дней, или еще какое-либо препятствие, Васильев издавал легкий звук, похожий одновременно и на сонный крик птицы, и на скрип расщепленного и раскачиваемого ветром дерева, — словом, на все звуки, которые бывает слышно только ночью.

Разведчики уже достаточно углубились от своей передовой линии, когда на их пути оказался глубокий ров, на дне которого была вода. Сержант Васильев остановился, поджидая лейтенанта. Соков коснулся рукой его плеча, что означало — вперед. Скользя по влажной земле, с большой осторожностью Васильев стал спускаться первым.

Они выбрались на другую сторону рва, мокрые до колен. За голенища сапог натекла вода. Но переобуться не было времени. Не успели разведчики сделать и десяток шагов, как Васильев первым заметил бегущих немцев. Их было человек десять, почти неразличимых в темноте. Стуча сапогами, они пробежали мимо. Соков слышал, как один из них сказал другому:

— Осторожнее, Ганс, влево канава с водой. Не упали.

У Радюшкина перехватило дыхание от такой близости к немцам.

«Эх, чесануть бы их из автомата, и у ихнего повара лишние бы порции завтрака остались. Да вот — нельзя, постное поведение...» — почти с горечью думал Радюшкин.

Дальше разведчики шли след-в-след, низко пригибаясь и ежeminутно прислушиваясь к окружающему. Эти минуты, полные напряжения, сейчас казались самыми решающими. Удастся ли им проникнуть сквозь передний край немцев или им придется, при поддержке своих минометчиков, отступить, обозначая свой путь ракетами? И когда перед разведчиками оказалась каменная стена с чугунной решеткой поверху, каждый из них вздохнул свободнее. Передний край немцев остался позади.

«Кладбище, — подумал лейтенант Соков. — Значит, вышли правильно».

— Радюшкин, — сказал он предельно тихо, — пройди вдоль ограды кладбищем, посмотри, нет ли здесь ворот, или пролома? На все десять минут.

Радюшкин легко вскинул свое на вид мешковатое тело и исчез бесшумно, как тень. Ни одна ветка не хрустнула под его сапогами. А днем, дома, топает так, словно в его каблук залито по килограмму свинца.

Прошло десять минут, но Радюшкин не возвращался. Лейтенант Соков начинал беспокоиться, нетерпеливо поглядывая на ручные часы со светящимся циферблатом.

— Все в порядке, товарищ лейтенант, — послышался из-за ограды голос Радюшкина, — он был не сильнее, чем шорох ветра в кладбищенских деревьях. — Ни ворот, ни пролома нет... В двухстах метрах находится большой дом. Немцы сидят и ужинают... Им нехватает только пары моих гранат... — шептал Радюшкин, пока разведчики один за другим перелезали через ограду.

Теперь направляющим был Радюшкин, а замыкал цепочку сержант Васильев. Перебирались от холма к холму, от памятника к памятнику, останавливаясь и прислушиваясь к каждому звуку. Со стороны дома, о котором Радюшкин докладывал лейтенанту, доносились голоса, кто-то свистел там, мелькнул и погас лучик ручного фонарика.

Пока все шло благополучно. Разведчикам сопутствовала удача.

Но в конце кладбища с ними едва не произошло то, чего они должны были всячески избегать, что противоречило всему их заданию. В ту самую минуту, когда они готовились пересечь остаток кладбища, совсем неожиданно перед ними появился немец. Он шел прямо на них, с хрустом давя сапогами железные венки. Немец что-то бессвязно напевал. Избежать встречи с ним было невозможно.

«Придется снять», — решил Соков, хорошо понимая, какому риску он подвергает себя и свою группу.

В это время послышался голос другого немца, находившегося недалеко от того места, где лежали разведчики:

— Вилли опять хватил... Вот бродяга.

Это было больше, чем неожиданно, это опрокидывало решение лейтенанта. Малейшая оплошность, одно неточное движение — и все летело к чорту, все могло провалиться. Однако другого выхода не было. Вилли, как медведь, сам лез прямо на финский нож. Соков не видел, а чувствовал, что Радюшкин уже вытащил и приготовил для удара тот самый нож, который он точил в комнате, поплеывая на брусок. Еще одна секунда, и Радюшкин ловко и бесшумно бросится на немца, тот не успеет даже крикнуть.

— Вилли, бродяга, иди сюда, — позвал прежний голос.

Немец свистнул, рассмеялся чему-то и повернул в сторону от разведчиков.

«Пронесло», — с облегчением подумал Соков и рукавом ватника вытер со лба пот.

Спустя несколько минут, разведчики стояли перед небольшой площадью, которая отделяла их от города.

Ночной город не спал. Он только казался спящим. Огней не было, но по улицам ездил автомашины, повозки, гремя ошинованными колесами, отчетливо слышались тяжелые шаги невидимых в темноте гитлеровцев. Подсвечивая себе фонариком перед передним колесом, по площади проехал мотоциклист.

Собираясь на выполнение задания, лейтенант Соков предусмотрительно приказал каждому разведчику взять с собой по паре обмоток. И вот теперь они оказали большую помощь. Обернутые ими сапоги не стучали по асфальту.

Достигнув четырехэтажного дома с побитыми окнами, разведчики остановились под аркой, чтобы перевести дух и решить, идти ли дальше или расположиться где-нибудь на верхнем этаже этого углового дома? По противоположной стороне прошла группа солдат. Потом проехала огромная повозка, — на таких немцы доставляют к передовой патроны.

— «Языков»-то сколько, — шепнул Радюшкин Огурцову. — Я думаю, здесь сейчас можно такого зацепить, который всю империю свою знает.

Огурцов не ответил. Он думал о другом: скоро ли сможет снять со спины рацию, от которой у него давно взмокла гимнастерка.

Разведчики все так же бесшумно вошли в один из подъездов дома. Постояли, прислушались. Вверху было тихо, но из подвала слабо доносились голоса. Война входила в город, и все жители попрятались в бункеры.

Поднявшись на четвертый этаж, разведчики разместились в угловой комнате с выступом. Три нешироких одностворчатых окна давали возможность вести наблюдение за несколькими улицами.

Соков поглядел на часы. До рассвета оставалось меньше часа. И все же остаток ночи показался необычайно длинным.

Но вот робкий свет занимающейся зари проник в комнату, спящая темнота посерела, находившиеся в комнате вещи стали приобретать свои очертания. Здесь все оказалось разбросанным. Перина почему-то висела на спинке кровати, подушки сброшены на пол. Ящики стола выдвинуты.

Радюшкин, чтобы не сидеть без дела, принялся наводить в комнате порядок.

— Не пыли, — сказал Васильев. — Вот тоже забота... Пусть австрийцы сами наводят порядок.

Постепенно в комнате становилось светлее. Теперь обозначились и улицы, в конце которых были устроены перемишки из бревен и камней. Движение по городу не прекратилось. Так же ездили машины, повозки, спешили группы солдат. Слышалась пулеметная и автоматная россыпь, перемежающаяся редкими разрывами мин. Доносившиеся в комнату звуки были удивительно четкими и сильными, точно все они рождались внизу под окном.

Разведчики закусили на скорую руку хлебом и консервами. Лейтенант Соков включил рацию.

— «Стрела», «Стрела», — тихо стал выкрикивать он. — Я — «Весна», я — «Весна». Как меня слышите? Я — «Весна». Прием...

Лейтенант Цветков вернулся из полка только поздно вечером. Сдав лошадь ординарцу, он сейчас же отправился к Сокову, надеясь застать его дома. Если днем, в штабе, Цветков почувствовал перед ним просто неловкость, то теперь он испытывал нечто вроде долга перед своим товарищем и земляком. Узнав, что Соков уходит на очень важное и опасное задание, Цветков думал об этом всю дорогу. Он даже не удержался и, встретив командира полка подполковника Горносталева, рассказал ему, что лейтенант Соков сегодня ночью уходит в тыл к немцам.

— Командир дивизии знает, кого послать. Об остальном — излишне говорить...

Цветков понял, что имел в виду подполковник. Излишне говорить о том, что лейтенант Соков выполнит свой долг до конца. Не зная характера задания, Цветков достаточно хорошо представлял себе, какой опасности подвергнется его товарищ, находясь в самой гуще немцев. Город — это не лес глухой. Каждый дом похож на растревоженный улей. Малейшая оплошность, неосмотрительность, — и конец ему и всей группе разведчиков.

Он вспомнил взгляд Сокова, которым тот посмотрел на его повседневные погоны и светлые пуговицы.

«Наверное, дураком назвал меня, — подумал Цветков. — И поделом... В самом деле, разве это не мальчишество, не глупость — надеть прежде времени золотые погоны? К чему такая торопливость? Разве он, Виктор, не хочет праздника? Но я только жду этот праздник, жду как день рождения, а Соков терпеливо и настойчиво приближает его».

Лейтенант Соков мог бы работать у начхима дивизии, ему предлагали там должность, однако он отказался. Он предпочел быть разведчиком, от которого требовалось все, что имеет человек, в том числе и жизнь. Соков был трижды серьезно ранен, лежал в госпиталях. Кроме того, имел несколько, как он сам выражался, «царапин», которые залечивал на месте, в медсанбате. Он страдал той же привязанностью к своей части, которой страдают на фронте почти все бойцы и командиры.

Теперь, накануне победы, Соков вел себя так же смело и отважно, как и в первые дни боев на Дону.

«Надо срезать погоны и пуговицы, пришить полевые. В самом деле, нехорошо и глупо. И ни к чему это», — думал Цветков, отыскивая в темноте дом, в котором помещался Соков со своими разведчиками.

В доме он застал только двух бойцов. Они сидели за столом и «резались» в домино. Сокова уже не было. По словам разведчиков, он ушел со своей группой всего минут двадцать назад. Первым желанием Цветкова было сесть на лошадь и попы-

гаться догнать их, чтобы проститься с Соковым. Но потом передумал: ночь была темная, а какой дорогой пошла группа, ни он, ни находившиеся в комнате разведчики точно не знали.

Лейтенант Цветков вернулся в помещение штаба, где для связных была отведена небольшая комната. Одно окно было заложено соломой, сквозь которую с тихим шорохом проникал ветер. Он прилег на койку без матраца и долго глядел в потолок, тускло освещенный стоявшей на полу коптилкой. Он снова думал о Сокове, который был сейчас в городе, а может быть, только еще пробирался туда.

Потом Цветков заснул и увидел нелепый сон. Он шел, продираясь сквозь высокий и густой репейник. Головки репейника цеплялись за него, висли целыми гроздьями. Он сдирал их с себя, но они снова цеплялись. Ноги путались в стеблях, он ежеминутно спотыкался. Наконец Цветков устал, остановился, решил немного отдохнуть и привести себя в порядок. Вдруг он ясно услышал голос Сокова: «Пошли, пошли, сейчас некогда отдыхать». Цветков встал и опять пошел, продираясь сквозь кусты высокого репейника.

Ночью его разбудили и послали с пакетом в полк. Он ехал и сквозь еще неразвеянную дремоту думал о том, что, вероятно, от Сокова было получено какое-то очень важное сообщение. А рано утром, отправляясь вместе со всеми офицерами связи на командный пункт командира дивизии, свою ночную поездку он сопоставил в один ряд с другими фактами этой беспокойной ночи и придал им одно и то же значение. То, что первый батальон их полка был перемещен влево от кладбища, несколько артиллерийских батарей выдвинуто ближе к окраинам города, а справа подошла и встала, развернувшись в боевой порядок, новая механизированная часть, о которой днем даже не было и разговоров в штабе, — все это лейтенант Цветков приписывал таинственно-чудесным действиям своего друга Виктора Сокова, оказавшегося теперь в центре всеобщего внимания.

День обещал быть превосходным. В воздухе было тихо, свежо. Над землей висела голубовато-белесая дымка. Небо было удивительно глубоким. Чем выше, тем оно казалось прозрачнее и светлее, особенно в восточной стороне, где дрожала серебристо-яркая звездочка, точно искорка солнца.

«Как тихо, — подумал Цветков, — а через полчаса все будет гудеть и содрогаться от выстрелов».

И он снова вспомнил о лейтенанте Сокове, сопоставил с ним себя. Вот он, Цветков, идет на командный пункт командира дивизии. Ему никто и ничто не мешает остановиться и поглядеть на все более светящееся небо, на розовую полосу на востоке, на город, смутно проступающий сквозь голубоватую дымку. А вот Соков не может там сделать свободно и одного шага. Опасность неотступно следует за ним.

«Как сквозь репей продирается», — сравнил Цветков, вспомнив свой ночной сон.

Когда он пришел на командный пункт, находившийся на мельнице, там уже был командующий артиллерией подполковник Ласточкин, низкий, толстый, чисто выбритый. Он был одет в кожаное пальто, которое сидело на нем без единой складки, точно железное. Подполковник стоял на нижней ступеньке круто поднимающейся на чердак летницы и курил, с заметным наслаждением глотая дым. Цветков козырнул и вместе с другими офицерами связи прошел в небольшую пристройку, где, видимо, еще недавно помещалась контора мельницы.

Вскоре явился командир дивизии в сопровождении начальника штаба и начальника разведки. Полковник выглядел свежим и бодрым. Глаза весело светились из-под густых бровей. Он был в приподнятом, боевом настроении. Начальник штаба, наоборот, имел утомленный вид, хотя был, как всегда, строго заправлен, в начищенных до блеска сапогах.

При появлении командира дивизии подполковник Ласточкин сошел с лестницы, опустил по швам руки, молчаливо приветствуя его. Полковник знал эту особенность командующего артиллерией и тоже молчаливо протянул ему руку. Тот пожал ее, выжидая, что скажет первым командир дивизии. Подполковник был учтив, как бывают учтивы артиллеристы, которые знают, что без них ничего не начинается на фронте.

— Вы курите, — сказал командир дивизии, — а то еще рукав гимнастерки прожжете...

Поговорив с подполковником Ласточкиным об артиллерийских батареях, выдвинутых на прямую наводку, о том, как тот распорядился использовать подошедшую ночью механизированную часть, командир дивизии поднялся по лестнице на чердак, где стояла на треноге стереотруба. В дальнем углу сидел радист. Полковник поглядел на часы.

— От Сокова ничего нет? — крикнул он радисту.

— Пока нет, товарищ полковник...

На чердак поднялись начальник штаба и командующий артиллерией.

— Первый явился сюда, — сказал полковник начальнику штаба, показывая бровями на командующего артиллерией. — Все старается впереди быть. Поглядим вот, как он сегодня работает.

— Постарайтесь, товарищ полковник, — сказал командующий артиллерией, вытягиваясь и щелкая каблуками со шпорами.

— Ну, ну, ладно...

Он вторично поглядел на часы:

— Скоро начинаем...

— Туман мешает, — сказал полковник Ласточкин.

— Где? — рассмеялся командир дивизии.

— Над городом, товарищ полковник, — не смутившись, ответил командующий артиллерией.

— Это ничего. Этот туман быстро рассеется. Только было бы в голове ясно, артиллерийский начальник! — снова рассмеялся командир дивизии.

И обращаясь к радисту, спросил:

— Лейтенанта Сокова нет?

— Сейчас буду вызывать, товарищ полковник.

— Давай скорее, он мне нужен, — сказал полковник таким тоном, словно он приказывал вызвать человека, который находился где-то рядом.

Командир дивизии нагнулся, широко расставив ноги, и поглядел в стереотрубу. Город лежал в голубоватой дымке, словно в маскировочной сетке. Сохранившиеся стекла окон казались тусклыми. Крыши домов были темными от росы. Как из воды торчали столбы с оборванными проводами. Посреди города стояло какое-то мрачное здание с двумя конусообразными башенками, увенчанными железными петухами. «Видимо, ратуша», — подумал полковник. Вправо находилась церковь, дальше — небольшой бульвар.

Командир дивизии рассматривал город внимательно и придирчиво. Ему предстояло взять его, и он взвешивал, как это сделать наилучшим образом.

Самыми трудными минутами для полковника Аверьянова всегда были минуты ожидания. По его спокойному, сосредоточенному лицу никто не мог бы догадаться, что он чувствует, в сотый раз обдумывая одно и то же решение, принятое им самим. Ему всегда казалось, что сведения о противнике недостаточны, что он не знает полностью того, что ему следовало бы знать. Но он буквально преображался, как только начинался бой. Для него тогда как бы развязывались все узлы, сбрасывались все покровы, за которыми враг скрывал свои силы. Поэтому полковник всегда предпочитал спокойствию «драчку». Сегодня ночью он тоже приказал командиру полка, стоявшему на правом фланге, «прощупать», как он любил выражаться, немцев. Правда, большого результата это не принесло, но лишний раз подтвердило предположение полковника, что основной удар надо наносить не справа, а слева, со стороны кладбища где прошла группа разведчиков, возглавляемая лейтенантом Соковым.

— Вот что, начальник штаба, — сказал командир дивизии. — Батальон Грищука надо еще передвинуть влево. Там имеется глубокий овраг, и вот пусть-ка батальон Грищука обойдет этим оврагом кладбище.

Командир дивизии посмотрел вниз и крикнул:

— От Горносталева есть кто-нибудь?

— Так точно, товарищ полковник! — послышалось снизу и сейчас же появился лейтенант в ловко сшитой шинели, фуражке, с золотистыми погонами и начищенными до блеска пуговицами.

Полковник поглядел на начальника штаба, командующего артиллерией, словно приглашая их подвигаться вместе с собой, и спросил, обращаясь к лейтенанту:

— Что это ты такой светлый?

— Предчувствую, товарищ полковник...

Командир дивизии улыбнулся.

— Что ты предчувствуешь?

— Сегодня возьмем город.

Ему не понравилась эта самоуверенность лейтенанта, но смолчал. Только укоризненно поглядел на него. Начальник штаба понял значение взгляда командира дивизии.

— Сейчас получите приказание, — сказал он торопливо лейтенанту Цветкову, спускаясь по лестнице вниз.

Подполковник Ласточкин тоже подумал, что лейтенант елишком уж щеголевато выглядит в такой день, когда от каждого солдата и офицера дивизии потребуются большие напряжения сил. Город был сильно укреплен. На улицах сделаны перемычки из бревен и камней, с амбразурами для пулеметов; подвальные помещения домов также приспособлены для ведения боя. А он-то знал, что значит выбить противника из этих подвалов.

— Лейтенант, — крикнул подполковник Ласточкин с явной досадой, — ты предчувствие-то оставь при себе, а вот пуговицы и погоны смени, рано еще парады разыгрывать!

— Чего ты хочешь, — тихо сказал ему командир дивизии, — он же из полка Горносталева. А тот сам уже готовится к победе от самого Мохача. Как форсировал Дунай, так надел новую шинель и фуражку с лаковым козырьком. Всю войну, говорит, возил с собой. Ну, а за ним и все офицеры стали тянуться... К победе торопятся, понимаешь?..

Спустя две-три минуты, лейтенант Цветков пронесся мимо мельницы на маленькой рыжей лошадке, сверху казавшейся игрушечной. Увидев его, командир дивизии подумал: успеет ли лейтенант во-время доставить командиру полка донесение? Но когда он захотел еще раз посмотреть на лейтенанта, сидевшего на лошадке как-то взбоченившись, форсисто, тот уже скрылся за поворотом проселочной дороги, обсаженной деревьями.

«Прямо, как конек-горбунок», — с чувством удовлетворения подумал полковник, снова заглядывая в стереотрубу.

Конусообразные чешуйчатые башенки, увенчанные железными петухами, и острая колокольня церкви были уже освещены первыми лучами солнца. Потом ярко и розово засветились в верхних этажах стекла окон. Восходящее солнце как бы снимало с города наброшенную на него дымчатую сетку тумана.

— Встретились, товарищ полковник! — крикнул радист, весь просиявший, точно на него упали лучи солнца.

— Кто встретились? — спросил командир дивизии, не сразу поняв, о чем идет речь.

— «Весна» ответила. Говорит лейтенант Соков.

— А ну, майор, — приказал он начальнику разведки, — займись-ка с «Весной». Скажи лейтенанту, пусть передает все, что видит...

И вот потекли сквозь эфир, через крыши домов, через линию фронта странные слова, которые могли понять только несколько человек, находившихся на командном пункте дивизии. Орудия, минометы, огневые точки — все имело свое условное обозначение. И тот, кто не знал этого, ничего бы не понял, даже если бы и подслушал передачу лейтенанта Сокова.

— Хорошо, хорошо, — все больше оживлялся командир дивизии, довольный тем, что послал разведчиков. — Как мы и предполагали, — говорил он, обращаясь одновременно и к начальнику штаба и к подполковнику Ласточкину, — немцы сосредоточили свои силы в этом секторе, — показывал он на карте, энергично надавливая указательным пальцем, — надеются, что мы будем ломиться в закрытые ворота города. Ну, что ж, пусть надеются. А мы главный удар нанесем со стороны кладбища, даже несколько левее его. Вот предчувствие лейтенанта со светлыми пуговицами и сбудется.

Командир дивизии, взглянув на часы, сказал подполковнику Ласточкину:

— Давай, подполковник, начинай. Пускай свою машину...

Тихое, прозрачное утро вдруг сотряслось и раскололось от десятков артиллерийских батарей. К ним присоединились полковые пушки, тяжелые и средние минометы. Командир дивизии стоял и несколько минут слушал с таким выражением, точно проверял, нет ли в артиллерийской подготовке фальшивой ноты.

— Как работает?.. — спросил командующий артиллерией, хотя по всему было видно, что сам он очень доволен и не ждет какого-либо другого ответа.

Командир дивизии поглядел на полковника с таким же выражением, с каким он поглядел недавно на лейтенанта Цветкова, и так же смолчал.

— Что еще передает Соков? — спросил он начальника разведки.

— Сообщил, что видит две самоходных пушки. Встали на прямую наводку...

— Так, так, — нетерпеливо перебил его полковник, — а дальше?

Майор переглянулся с радистом.

— В чем дело? — спросил командир дивизии.

— Соков замолчал, товарищ полковник.. — он хотел сказать «на полуслове», да во-время сдержался.

— Как это замолчал? Что у них там такое?..

Радист оглянулся и почему-то сказал таким тоном, словно был в чем-то виноват:

— У них, кажется, бой идет, товарищ полковник...
— Ввязались-таки, — недовольно сказал командир дивизии. — Ох, уж эти мне разведчики. Все у них делается наоборот...

Он безнадежно махнул рукой.

6

У разведчиков же случилось вот что.

Когда лейтенант Соков передал командиру дивизии последние данные своих наблюдений, на лестнице послышались шаги. Это поднимались немецкие артиллерийские наблюдатели — унтер-офицер и два солдата. Дом был большой, комнат на четвертом этаже много, места хватило бы и нашим разведчикам, и немецким наблюдателям. Но последние, неизвестно почему, решили направиться как раз в ту самую угловую комнату, в которой находились наши разведчики.

Дежуривший в коридоре Мохов скользнул в комнату и бесшумно закрыл за собою дверь.

— Товарищ лейтенант, — сказал он тихо и сдержанно, — немецкие солдаты идут сюда с какими-то приборами...

Соков подошел к двери и повернул торчавший в скважине ключ.

— Будут ломиться, — молчать. Автоматы держать наготове.

— Рацию свертывать? — спросил сержант Васильев.

Лейтенант отрицательно покачал головой. Шаги были совсем уже близко. Потом они смолкли. Немцы остановились перед дверью. Соков показал руками, чтобы разведчики встали вдоль стен.

Немцы толкнулись в дверь.

— Заперто, — сказал один из них.

— А ну, постучи, — сказал повелительно второй, видимо, унтер-офицер.

В дверь застучали прикладом.

— Отпирайте!..

В комнате молчали. Лейтенант Соков поглядел на рацию, на метелочку антенны и подумал с сожалением о том, что он не успел передать полковнику местонахождение только что подошедших немецких самоходок. Сейчас штабной радист ищет его, выкрикивая «Весну» с такой настойчивостью, словно кто-то слишком соскучился по теплу, по яркому солнцу, по зелени деревьев, — по всему тому, что несет с собой людям весна. Но «Весна» молчала...

А в дверь уже неистово стучали прикладами. Казалось, вот-вот вылетят доски или не выдержит замок. Лейтенант Соков сказал по-немецки:

— Здесь дети...

— К чорту детей! — закричали за дверью. — Было же приказано... Убирайтесь в бункер! Слышите? Быстро, быстро открывайте!..

И опять громко, нетерпеливо застучали. Было ясно, что гитлеровцы не уйдут, они вломятся в комнату. Надо ввязываться в драку. Другого выхода не было. Соков повернул ключ и отскочил в сторону. Немцы ударили прикладом в дверь, — она широко распахнулась. И в тот же самый момент в комнате раздалась три коротких автоматных очереди. Унтер-офицер, уже шагнувший было через порог, остановился, дернул несколько раз головой и повалился поперек двери. Второй гитлеровец упал в коридоре. Третий, держась за бок, побежал. Сержант Васильев пустил ему вдогонку еще очередь. Однако немец уже успел достигнуть лестницы и с такой быстротой заработал по ней ногами, точно сверху вниз пустили колесо. Васильев подбежал к площадке и бросил гранату. Немец замертво упал на перила и заскользил по ним вниз.

Хотя кругом с неистовым грохотом рвались снаряды и мины, посылаемые нашими артиллеристами и минометчиками, и едва ли кто мог слышать автоматные очереди и взрыв ручной гранаты, тем не менее, здесь уже нельзя было оставаться. К немцам-наблюдателям могли придти другие солдаты.

— Ну, а теперь надо убираться отсюда, — сказал лейтенант Соков.

Разведчики спустились по запасной лестнице и оказались в каком-то другом дворе, маленьком и похожем на каменный колодезь, прикрытый куском голубого неба. Осмотревшись, они один-по-одному перебежали по двору и скрылись за дверью рядом стоящего дома. Противоположная дверь, которая вела на улицу, была закрыта просунутой в ручку толстой палкой. Низкое продольное окно, находившееся над дверью, было освещено солнцем. Сквозь него лучи падали к ногам разведчиков.

Сержант Васильев подошел к двери, чуть приоткрыл ее и сейчас же закрыл. Возле дома немецкие солдаты катили противотанковую пушку с тяжелым лафетом и невысоким щитком в виде трельяжа. Васильев подождал, пока мимо двери не прошуршали колеса на резиновых шинах, затем снова посмотрел на улицу и тихо сказал подошедшему лейтенанту Сокову:

— Артиллеристы... Пушки выкатывают.

Соков встал позади сержанта и поглядел в дверь через его голову.

— На прямую наводку выкатывают, — сказал Васильев.

Радишкин, стоявший с Огурцовым и Моховым возле лестницы, сказал, стараясь казаться перед своими товарищами неизменно веселым:

— Вот нам все соседей бог посылает... Ну, как же тут не оскоромиться?

Разведчики поднялись на второй этаж. Во всем доме стояла

нежилая тишина. Они толкнулись в одну дверь — заперта, в другую — тоже. Поднялись этажом выше. Там нашлась открытая квартира. Разведчики вошли в комнату, совсем не похожую на ту, которую они только что покинули. Здесь все стояло на месте, ничего не тронато. Можно было подумать, что хозяин вышел на минуту и сейчас вернется обратно. Даже папироса, лежавшая в пепельнице, казалась еще не потухшей: в комнате стоял запах табака.

— Вот люблю обстоятельных людей, — сказал Радюшкин, осмотрев комнату. — Даже занавесочки висят.

Лейтенант Соков стоял у окна и глядел на улицу сквозь тюлевую гардину, спускавшуюся от потолка до самого пола. Стекла потрескались, но не вывалились. При каждом взрыве снаряда или мины они издавали какой-то странный звук. Наша артиллерия начинала переносить огонь в глубину. Видимо, пехота готовилась к атаке. Поэтому немцы и подтягивали на прямую наводку свои противотанковые пушки. Ему хорошо было видно из окна комнаты, как немцы выкатили два орудия и поставили на перекрестке улиц. Туда же прокатили шестиствольный миномет, похожий на связку водосточных труб.

— Свяжись со «Стрелой», — сказал лейтенант Соков.

Их ждали нетерпеливо. Как передал радист, командир дивизии очень беспокоился о них. Он уже решил, что с ними случилось что-то непоправимо серьезное. Лейтенант Соков, не отходя от окна, развернул карту и сказал Васильеву:

— Передай «Стреле»: вижу две короткие брочки, квадрат шесть, влево. Скажите свое слово.

Не прошло и минуты, как на противоположной стороне улицы разорвался снаряд. Стекла в окне, возле которого стоял лейтенант Соков, посыпалась со звоном на пол, а тюлевая гардина плотно облепила его.

Радюшкин толкнул плечом Огурцова, показал глазами на лейтенанта и выставил большой палец. Огурцов понимающе кивнул головой. Соков сбросил с себя паутину тюлевой гардины и передал Васильеву необходимую поправку для артиллеристов.

Второй снаряд разорвался недалеко от немецких пушек. Из окна было видно, как орудийные расчеты плашмя попадали на тротуар. Третий снаряд угодила с непостижимой точностью: он разорвался перед самой пушкой. И когда рассеялся дым, Соков увидел, что пушка была без одного колеса, с измятым щитком и повернута стволом в обратную сторону. А вслед за ней была разбита и другая пушка. Они так и не успели выстрелить.

Лейтенант Соков подошел к рации и передал, что «брочек» уже нет.

— Нет, нет, — повторил он, — совсем нет.

Васильев, смотревший на лейтенанта, только сейчас заметил, что у него из-под волос выползла тоненькая струйка крови и спускается к левому виску.

— Приказано перебраться в девятый квадрат, — сказал он, вставая и показывая на карту. — Вот сюда...

— Значит, наши жмут, — сказал Огурцов.

— Жмут, это по всему видно, — подтвердил Радюшкин. — Пулеметный-то огонь совсем близко... Даже в комнате отдается.

— У вас кровь на виске, — сказал Васильев лейтенанту. — Может, перевязать?

Соков поглядел в зеркало и махнул рукой:

— Пустяки...

Девятый квадрат на карте — это небольшая площадь перед кладбищем, по которой ночью проходили разведчики, это несколько узких и кривых переулков и начало одной из главных улиц, ведущих к центру города, к тому дому с чешуйчатыми башенками и петухами, которые видел в стереотрубу полковник Аверьянов.

Но для лейтенанта Сокова девятый квадрат обозначал сейчас другое: движение вперед. Со своей группой он должен идти впереди наступающих подразделений, о чем говорил вчера Сокову начальник штаба.

В то самое время, когда разведчики спустились вниз, из подвала показались мальчик лет шести и старая женщина. Завидев разведчиков, женщина остановилась на лестнице с изумленным и испуганным выражением на лице. Губы ее слегка шевелились: она что-то шептала. Мальчик стоял на две-три ступеньки выше женщины и тоже смотрел на разведчиков. Но в его глазах не было ни страха, ни удивления. Они выражали всего лишь любопытство. Женщина хотела вернуть мальчика, видимо, боясь, как бы он не пошел к этим людям, неизвестно откуда взявшимся здесь. Еще вчера вечером к ним в бункер приходил квартальный староста и чество своего имени заверил, что русские в город не войдут. Но они вот стояли перед ней. Женщина инстинктивно пыталась протянуть руку, чтобы схватить мальчика за полу куртки, но каждый раз отводила ее, боясь, что это заметят русские солдаты в зеленых ватниках и с автоматами.

— Что, пацан? — сказал Радюшкин. — В подвал прячешься? Не бойся, мы тебя не тронем.

Он достал из кармана завернутый в газету кусок хлеба и протянул мальчику.

— На вот, это хлеб, дас ист брот.

Мальчик протянул руки, развернул бумагу и тут же стал есть солдатский хлеб. Женщина осмелела, поднялась к мальчику, надавила ему разведенными пальцами на голову. Мальчик поклонился.

Все это произошло очень быстро, и когда разведчики очутились в противоположном доме, из которого открывался вид на широкую улицу, ведущую к центру города, Радюшкин и сам не смог бы сказать с уверенностью, действительно ли он видел мальчика или это ему только показалось.

Едва лейтенанту Сокову удалось сообщить по радию то, что им было замечено, как батальон Кащенко уже прорвался на кладбище, Соков видел, как между памятниками и высокими крестами мелькали бойцы в шапках, но без шинелей. В разбитое окно донеслось дружное «ура», а вслед за этим — сильный звенящий выстрел из орудия. Снаряд с шелестом пролетел вдоль улицы.

Здесь разведчики были уже лишними. Они стали уходить к центру города. Перебирались как только могли. В одном месте им пришлось выбить раму в полуподвальном помещении, спуститься туда, а потом выбить вторую раму и уж только после этого оказаться на перекрестке двух улиц. В другом месте они наткнулись на группу немецких солдат. Пришлось вступить в бой.

Дело могло бы окончиться не в пользу разведчиков, потому что гитлеровцев было в несколько раз больше. Но те приняли разведчиков за автоматчиков, уже проникших в город, и отошли, опасаясь окружения.

— Да, веселая могла бы игра получиться, — заключил Радюшкин с нескрываемым, однако, сожалением.

Между тем, овладев кладбищем, наши бойцы просачивались все дальше и дальше в город. Сначала небольшими группами, а затем отделениями, взводами разливались они по кривым и тесным переулкам, по улицам, сбивая и отбрасывая пытавшихся удержаться немцев.

Лейтенант Соков также перебирался со своими разведчиками из одного дома в другой, продолжая вести наблюдение за противником и передавая все замеченное командиру дивизии. Ему удалось обнаружить и сообщить о том, что в сквере немцы сосредоточили довольно значительные силы с очевидным намерением предпринять контратаку. Через какие-нибудь десять минут эта группа была рассеяна и частично уничтожена огнем наших минометов и артиллерии.

Спустя некоторое время, когда лейтенант Соков вновь связался с радистом, чтобы передать командиру дивизии свои последние наблюдения, к его удивлению «Стрела» сообщила, что полковника нет и начальника штаба нет и что ему, радисту «Стрелы», тоже приказано «сматываться».

— Все пошли к вам, товарищ лейтенант, — сказал он открыто.

Из этого сообщения Соков понял, что свою задачу он уже выполнил.

7

Разведчики вышли на ту самую площадь, которая отделяет кладбище от города. По ней ехали свои машины, повозки. Кто-то старательно уже прилаживал к чугунному столбу фонаря до-

щечки с указанием подразделений, обозначенных то начальными буквами, то номерами, то фамилиями. На одной из них было написано величественно: «Левченко — пятый». Разведчики оставались, чтобы узнать, все ли на месте в деревне, из которой они вышли вчера вечером. Соков, с окровавленным виском, казался бледным, страшно уставшим. Рядом с ним стоял здоровяк Васильев, несколько раз пытавшийся взять у лейтенанта автомат. Но Соков не отдал его и только согласился перевесить ему на пояс автоматные диски.

— Вы не санроту ищете, товарищ лейтенант? — раздался сзади голос.

Соков оглянулся. Перед ним стоял боец, которого он где-то видел.

— Забыли, товарищ лейтенант, — сказал боец, — а я вас помню. — Вы когда-то у нас были, лечились. Я от подполковника Горносталева... в санроту служу. Если вам туда, садитесь, подвезу.

— Нет, спасибо, — сказал Соков.

— А то садитесь. Я как раз туда еду, начхима везу. Только что ранно...

— Начхима? — спросил удивленно Соков. — Лейтенанта Цветкова?

— Лейтенанта...

Соков приблизился к повозке. В ней действительно лежал Цветков. Это показалось почти невероятным. Цветков узнал Сокова и, чтобы дать понять это, — улыбнулся.

— Как, Виктор, дела? — спросил он тихо.

— Ничего...

— Значит, выполнил задание?

— Выполнил.

— А я беспокоился... Все думал, как-то он там среди немцев. Я заезжал к тебе вечером, да не застал. Хотелось пожелать удачи. — Он не решился сказать, что хотел проститься. — Я ночью сон нелепый видел. Продирался сквозь репей. И вот, видишь, не продрался, мина помешала, чорт бы ее побрал. Теперь я не увижу парада, а, может, и ничего не увижу. Ерунда какая-то, Виктор.

— Конечно, ерунда, — сказал Соков. — Дело не в параде...

— Нет, вообще ерунда получилась... На войне часто бывает наоборот.

— Ничего не наоборот, ничего не случится, — сказал Соков, лишь теперь поняв, о чем говорил Цветков. — Все обойдется, Сережа. Только держись...

— За воздух? — перебил Цветков и снова улыбнулся.

— За себя. Не падай духом. Это главное. Ты поправишься, и мы с тобой еще будем продолжать учиться.

— А вчера я так думал о тебе, Виктор. Да... Ну, а ты молодец... Ты везде продерешься...

— Не надо об этом, Сергей, это лишнее. Я зайду к тебе в санроту и мы поговорим с тобой. Вези, — сказал он бойцу.

На площадь выехала легковая открытая машина. В ней сидели командир дивизии и подполковник Ласточкин.

Полковник заметил идущих навстречу разведчиков.

— Видишь? — сказал он командующему артиллерией. — Орлы идут. Глаза мои... Если бы не они, твоим артиллеристам труднее было бы ориентироваться.

— Да, отличные ребята, — сказал подполковник Ласточкин.

Машина остановилась, остановились и разведчики. Полковник оглядел их и его крупные губы чуть тронула улыбка. У лейтенанта Сокова был в крови лоб, у сержанта Васильева забинтована кисть левой руки, у Радюшкина в нескольких местах порван зеленый ватник. В карманах уже не было гранат, а на поясах висели пустые диски автоматов. Даже по одному этому легко было догадаться, что разведчики провели день совсем не постным образом.

Лейтенант Соков шагнул к командиру дивизии, доложил о выполнении поставленной задачи.

— Спасибо, гвардейцы, — сказал полковник, выходя из машины, и пожал каждому руку.

Потом спросил у Сокова:

— Какую я поставил перед вами задачу?

— С группой разведчиков пробраться в тыл противника...

Командир дивизии остановил лейтенанта:

— Нет, я еще о чем-то особенно напоминал.

— В бой не вступать...

— Правильно!

Он провел рукой по пустым, звонко прогремевшим дискам и улыбнулся. Его улыбка передалась и подполковнику Ласточкину:

— Видишь, подполковник, приказание выполнено точно: в бой не вступали... — И он засмеялся уже совсем весело.

Полковник Аверьянов сел в машину и сказал, обращаясь к разведчикам.

— Ну, идите, отдыхайте. Скоро вы мне опять будете нужны. — И обращаясь к подполковнику, спросил: — Как ты думаешь? Придется их награждать?..

— Надо, товарищ полковник, — согласился командующий артиллерией.

Машина тронулась.

Лейтенант Соков проводил ее взглядом, повернулся и пошел в расположение штаба дивизии. За ним, позвякивая пустыми дисками автоматов, направились разведчики, уставшие, но бесконечно счастливые тем, что они сделали.

Н. СУСЛЕННИКОВ

СОРЕВНОВАНИЕ

Встало солнце.
Спозаранку
Мчит трехтонка на делянку.

Там безустали вокруг —
Топоров веселый стук.

— Эх, топорик, мой топор!
Расступись, сосновый бор.

К штабелям направил «Зиса»
Федор Шишлов — наш шофер.
— Нагружай, ребята, быстро —
Дорог нынче каждый час!

... А с высоких сосен искры
Осыпаются на нас.

Нагрузили воз. И Федор
Дал мотору полный газ.
Слышим голос:
— Дайте ходу —
Обгоню отца сейчас.

Это едет сын шофера,
Сын шофера — сам шофер.
— Жили мы с отцом без споров,
А сегодня — вышел спор.
Говорит он: нет в районе
Средь шоферов никого,
Кто догонит иль обгонит
Здесь, на вывозке, его.

Я ему в ответ:
— Посмотрим!
Говорю: — Такие есть!
Он кричит:
— Ну, кто? Который?
— Вот он — я. Имею честь...

Целый день идет сражение —
Нужен лес родной стране.
У двоих одно стремление:
Норму выполнить вдвойне.

То отец сбгонит сына,
То отца обгонит сын.
Чем закончится картина?
Должен первым быть один!

Мы считаем, мы гадаем,
Кто окажется сильней.
И того не замечаем,
Что работаем дружной.

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

ПУШКИН И ПАЛЕХ

Поэзия Пушкина оказалась для художников Палеха неиссякаемым источником тем и сюжетов. Образы пушкинских произведений возродились в линиях и красках палехских композиций. Среди них мы имеем такие шедевры, как «Бесы» И. П. Вакурова, «Лукоморье» Д. Н. Буторина, работы Н. М. Парилова по оформлению оперы «Золотой петушок» и т. д.

Один из крупнейших мастеров Палеха, Д. Н. Буторин, написал в своей автобиографии: «Двух великих художников слова избрал я — Пушкина и Горького. У них много красок. Когда читаешь, чувствуется картина».

Вначале великий русский поэт привлек палешан главным образом как сказочник.

Это было в 1925 году, на заре палехского возрождения, когда вчерашний ремесленник почувствовал себя художником.

Бывший иконописец, член палехской артели древней живописи, Дмитрий Буторин написал первый вариант «Лукоморья».

Композиция Буторина — это живописное воплощение пролога поэмы «Руслан и Людмила», где в немногих чеканных строчках уместились образы лучших народных сказок.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом...

Следуя за текстом, художник изобразил и дуб с русалкой, сидящей на его ветвях, и кота на золотой цепи. Рядом с котом, в центре композиции, нарисован косматый леший. Справа и слева расположены другие сказочные образы стихотворения: тридцать витязей прекрасных с морским дядькой, избушка на курьих ножках и т. д.

В более поздних вариантах «Лукоморья» появился и сам поэт, одетый в золотисто-алый кафтан и записывающий гусиным пером на длинном бумажном свитке сказки ученого кота.

Художник добросовестно старается передать своей кисточкой каждую подробность текста, иногда не без тонкого юмора.

Кот у Пушкина «ученый» — и Буторин изображает его в очках.

Д. Н. Буторин несколько раз повторял свою композицию, — то на папье-маше, то на холсте, и постепенно она становилась всё более реалистической и художественно-совершенной. Избушка на курьих ножках, вначале напоминая каменную беседку, заменилась русской бревенчатой избушкой «без окон и дверей», орнаментально-условное дерево в центре композиции приобрело черты подлинного дуба и т. д.

От пролога поэмы Буторин перешел к живописной разработке других мест «Руслана и Людмилы». Он создал композиции на темы: «Руслан и Рогдай», «Руслан и Черномор», «Бой с головой».

Отдельные сцены поэмы «Руслан и Людмила» изображали другие художники: Павел Парилов, И. М. Баканов, А. В. Котухин, Вл. Котухин, А. А. Дыдыкин, И. И. Зубков, А. Баранов, Г. К. Буреев. Если бы собрать эти работы, то, пожалуй, оказалось бы, что тонкая кисточка палехского читателя-художника воссоздала в миниатюрной живописи все основные эпизоды поэмы.

Прекраснейший мастер, один из зачинателей новой палехской живописи, И. М. Баканов написал миниатюру «Людмила в саду Черномора». А. Баранов создал композицию «Руслан у отшельника». А. Дыдыкин — «Ратмир у волшебного замка». И. И. Зубков живописал, как

Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несет:
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей . . .

В. Котухин дал миниатюру «Руслан и Черномор». П. Парилов — «Освобождение Людмилы». Молодому художнику П. Чалунину принадлежит композиция «Руслан и голова». Г. Мельников, тоже начинающий миниатюрист, иллюстрировал стихи:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями? . . .

Год за годом художники Палеха искали вдохновения в творчестве любимого поэта. Постепенно они иллюстрировали все сказки Пушкина. Самые сильные мастера приняли участие в этом деле.

«Сказка о рыбаке и рыбке» привлекла внимание И. И. Го-

ликова, И. П. Вакурова, И. И. Зубкова, А. В. Котухина, А. И. Блохина. Все они — каждый на свой лад — излагали сказку своими кисточками.

Заслуженный деятель искусств А. В. Котухин, композиции которого очаровывают декоративной пышностью и нарядностью, иллюстрировал начало сказки. Он нарисовал старика, тянущего невод с золотой рыбкой, и поодаль сидящую за прялкой старуху. Рядом — скалы, красивые сказочные деревья.

Иван Зубков — мастер со своим ярко выраженным творческим лицом, — как Буторин и Котухин, принадлежит к числу лучших сказочников Палеха. Он неоднократно иллюстрировал «Сказку о рыбаке и рыбке». Один из вариантов его композиции на эту тему хранится в Палехском музее. В центре композиции нарисованы действующие лица сказки, а вокруг пестрым венком легли различные сказочные сцены. Живопись Зубкова производит впечатление остроумного, живого, непринужденного повествования.

«Сказка о царе Салтане» нашла выразителей в лице Голикова, И. В. Маркичева, А. В. Котухина, В. Котухина, П. Л. Парилова, Вакурова, П. Д. Баженова и др.

Неподражаемый и неповторимый И. И. Голиков с виртуозным мастерством нарисовал, как

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком

и как царь услышал их речи. На другой голиковской композиции изображен седобородый Черномор со своими богатырями, выходящими из морской пучины на берег. Причудливые завитки волн сплетаются в какой-то прихотливый орнамент. Вдали встает сказочный город.

Другой представитель старшего поколения палехских живописцев, оригинальный художник, талантливый иллюстратор Пушкина И. В. Маркичев написал композицию «Три чуда». На поверхности тарелки нарисована диковинная белка, грызущая «орешки не простые», тридцать три богатыря с дядькой Черномором и красавица-царевна, у которой

Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.

«Царевну-Лебедь» написал и И. П. Вакуров. Образ князя Гвидона дали Вакуров, В. Котухин и П. Баженов.

«Сказку о попе и о работнике его Балде» разрабатывали Д. Буторин, М. Вакуров, В. Котухин. Иллюстрация Буторина, изображающая Балду с зайцем на руках и бегущего бесенка, ярка по краскам, реалистична по рисунку и овеяна тем юмором народных сказок, который искрится в сказке Пушкина. Иллюстрация вошла в юбилейное пушкинское собрание сочинений 1936 года.

В этом же издании помещена иллюстрация И. М. Баканова к «Сказке о мертвой царевне». Она радует глаз свежими красками. Художник нарисовал королевича Елисея, который вынимает из хрустального гроба пробужденную царевну; нарисовал деревья, горы, сказочное солнце и луну в виде человеческих лиц.

Говоря о палехских книжных иллюстрациях, необходимо еще назвать выпущенные издательством «Академия» книжки сказок Пушкина в художественном оформлении палешан. Дмитрием Буторинным была иллюстрирована «Сказка о попе и о работнике его Балде», И. И. Зубковым — «Сказка о рыбаке и рыбке», И. П. Вакуровым — «Сказка о золотом петушке».

Живописная разработка «Сказки о золотом петушке» особенно прославила Палех.

В миниатюре эту сказку, кроме Вакурова, раскрывали Иван Зубков, Иван Баканов и Николай Парилов.

Вакуров вместе с другими палешанами участвовал в творческой командировке в Армению, ознакомился с средневековой армянской миниатюрой. Это пригодилось ему в работе над «Сказкой о золотом петушке». Восточный колорит, который придан композиции художником, очень уместен здесь, особенно в изображении Шамаханской царицы, встреченной Додоном на пути к востоку.

Баканов дал две композиции. На одной — Шамаханская царица выходит из шатра навстречу царю Додону. На другой — сцена встречи возвратившегося в свою столицу Додона с звездочетом.

Н. М. Парилов в нескольких сценах, искусно размещенных на крышке небольшой коробочки из папье-маше, по-своему воссоздал пушкинскую сказку. Вся крышка шкатулки покрыта очень тонко выполненными миниатюрами. Это произведение относится к 1945 году.

В следующем, 1946, году, Парилов работал по оформлению оперы «Золотой петушок» для саратовского театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. За успешное оформление спектакля Н. М. Парилову была присуждена Сталинская премия второй степени. Эта награда была праздником для всего художественного Палеха, как новое подтверждение жизнеспособности многовековой палехской живописи.

Опыт работы для театра у Парилова, как и у других палешан, был и раньше.

В кинешемском театре им. А. Н. Островского есть декорации работы И. И. Голикова, неутомимого искателя новых путей для палехского искусства. Голиков работал и для московского Большого театра.

А в 1935 году палешане написали декорации, изготовили бутафорию, сделали эскизы костюмов к пьесе «Стенька Разин» для ленинградского этнографического театра. Декорации были

необычайно эффектны и оригинальны. Написанные на черном фоне, они переливались радугой красок, позолотой, лаком. В работе участвовали Маркичев, Д. Буторин, А. Котухин, Голиков и их помощники Н. Парилов и Г. Кротов.

По заказу Ивановского областного театра художники Палеха написали декорации для спектакля «Царь Федор Иоаннович».

Наконец, Н. М. Парилов оформлял спектакль «Сказка о царе Салтане» для ленинградского кукольного театра. По его эскизам были сделаны из дерева все сказочные персонажи спектакля.

Поэтому, когда в Палех пришел заказ на оформление оперы «Золотой петушок», товарищество художников приняло его без колебаний. Выполнить заказ взялся Н. М. Парилов.

Однако удача пришла не сразу: ей предшествовал период упорных творческих исканий.

Перед художником стояла сложная задача — дать в декорациях, костюмах и гриме ту сказочность, которой проникнута музыка Римского-Корсакова. Для достижения этой цели понадобилось привлечь богатства древней живописи, знанием которой так сильны мастера Палеха, — отразить в оформлении спектакля её нарядность и пышность.

Но этого было мало. Требовалось внести в работу тот восточный колорит, которым окрасил свою композицию Вакуров. Характер восточной живописи Парилов изучал по книгам и журналам, целыми днями просиживая в библиотеке и накапливая нужные материалы, чтобы потом творчески переработать их. Надо было создать выпуклые, психологически-выразительные образы сказочных персонажей. Надо было отразить и углубить в эскизах те элементы политической сатиры, которые содержатся в сказке Пушкина. Казалось бы, сатирический подход к вещам совсем не в манере палехской живописи. Но Парилов сумел показать, что кисточка народного живописца может превращаться и в острое оружие сатиры.

Эскизы Н. М. Парилова просматривались в республиканском комитете по делам искусств. Рисунок, изображающий царя Додона, вызвал одобрительный смех присутствующих. Сочетание важной осанки Додона с чертами старческого слабоумия и бесхарактерности было забавно. В таких же сатирических тонах были поданы образы и приближенных царя. Наоборот, образы простолюдинов, народа дышали теплотой, вызывали симпатию.

С большим вкусом художник оформил антрактный занавес спектакля. Его богатая декоративность соответствовала богатству музыки Римского-Корсакова.

Много времени и труда было потрачено художником на оформление оперы. Пять месяцев заняло изготовление эскизов. Это была самая трудная часть работы. Дальше дело пошло бы-

«стрее. Париллов с двумя помощниками, палешанами Буреевым и Куракиным, поехал в Саратов. Там они два месяца писали по эскизам театральные декорации.

Спектакль прошел с успехом. Художественное оформление оперы вызвало всеобщий восторг. О нем говорили и писали, как о большом достижении советского искусства. Так очарование пушкинской поэзии соединилось с очарованием палехской живописи не только на пластинке из папье-маше и в книжной иллюстрации, но и на театральных подмостках.

Рядом со сказками в палехской Пушкинниане стоят баллады. «Песнь о вешем Олеге» послужила темой для композиций А. И. Ватагина, Д. Н. Буторина, И. П. Вакурова. Ватагин на небольшой пластинке из папье-маше изобразил четыре эпизода «Песни»: кудесник предсказывает Олегу будущее, отроки уводят княжеского коня, змея жалит князя, дружина пирует на тризне. Композиция Ватагина, как и другие его работы, отличается строгостью рисунка, симметричным расположением фигур, тщательной разработкой темы.

Эти особенности мы находим и на другой композиции Ватагина «Воевода», иллюстрирующей пушкинский перевод из Мицкевича.

Баллада «Будрыс и его сыновья» дала материал для миниатюры Дмитрию Буторину.

Из поэм наибольшее отображение в творчестве Палеха нашли «Цыганы». Живописный образ Алеко дан в работах Д. Н. Буторина, А. Н. Буторина, П. Д. Баженова.

Интересна полная композиция Баженова. Обезумевший от ревности Алеко занес нож над склоненной Земфирой. Луна ярко озаряет их бледные лица, взвешенные волосы Земфиры, фигуру убитого цыгана, могильные кресты, шатры цыганского табора, деревья. Художник хорошо прочувствовал романтику поэмы и передал ее в своем произведении.

Миниатюры на сюжет «Цыган» писали также Г. К. Буреев, В. В. Жегалов. Гармонически-завершенная композиция «Бахчисарайский фонтан» написана И. М. Баженовым.

Иван Зубков дал иллюстрации к поэмам «Полтава» (Мэрия с Мазепой) и «Граф Нулин».

«Гавриилиада» разработана Баженовым. На поверхности пластинки расположено несколько миниатюр, передающих различные сцены поэмы. Даже простая, бескрасочная фотография работы Баженова пленяет прекрасным рисунком и композиционным мастерством.

Над раскрытием образов «Евгения Онегина» работали: И. И. Зубков, написавший миниатюру «Онегин и Татьяна», Д. Буторин («Дуэль Онегина с Ленским»), А. А. Дыдыкин («Сон Татьяны»).

Молодая художница Фаина Клюшкина написала две композиции на текст «Евгения Онегина». Одну — о зиме, на слова:

Идет волшебница-зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов.
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов.

и т. д.

Другую — о том, как

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

Почетное место в палехской Пушкиниане занимают драмы и в первую очередь «Борис Годунов». По следам Голикова, создавшего несколько эскизов к опере «Борис Годунов», пошел Д. Буторин, написавший эмоционально-насыщенную композицию «Выход Бориса Годунова». Другой Буторин — А. Н., является автором композиции «Сцена у фонтана».

«Русалку» иллюстрировали: И. Зубков («Пир у князя»), А. Дыдыкин и Д. Буторин.

С. Д. Солонин создал триптих «Каменный гость». Три миниатюры, размещенные на одной пластинке, соответствуют трем эпизодам пьесы. На одной миниатюре — Дон-Жуан и Донна Анна у памятника Командору, на другой — Дон-Жуан в покоях Лауры над телом убитого соперника, на третьей — финал пьесы: статуя Командора пожимает руку Дон-Жуану.

Лирика Пушкина тоже облекается в яркие краски палехских миниатюр.

Иван Маркичев написал миниатюру «Буря» на слова стихотворения «Ты видел деву на скале». Кисти молодой художницы Надежды Хомяковой принадлежит многоклейная композиция на текст стихотворения «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет»).

Стихотворение «Бесы» послужило темой для двух замечательных произведений, выполненных двумя лучшими художниками Палеха, — Иваном Голиковым и Иваном Вакуровым.

Темпераментный Голиков писал:

«Художник должен показать вихрь, который сметает старое».

И кажется, что во всех его работах бушует этот неукротимый пышноцветный вихрь. Он бушует и в «Бесах». Сквозь метель мчится тройка, в повозке сидит Пушкин. Выются тучи, вьется-вихрится снег, вздымаются гривы лошадей и покрывало на повозке. Чудится, что еще немного, и тройка тоже закрутится вместе с метелью. Композиция Голикова замечательна по мастерству рисунка, по богатству ярких и свежих красок.

И. П. Вакуров является одним из пяти палехских художников, получивших звание Заслуженного деятеля искусств. Мно-

го прекрасных произведений создал художник. Они отличаются искусным построением, изысканным рисунком, гармонией тонов и оттенков.

Написанная Вакуровым в 1935 году композиция «Бесы» по содержанию и изобразительности является жемчужиной палехской живописи, одним из самых высоких ее достижений.

На миниатюре Вакурова — вьюга, летящая тройка. В повозке — поэт и поднявшийся с кнутом в руке ящик. Кругом — снежные вихри и проступающие сквозь них призраки: Дантес с пистолетом, заломившая руки Наталья Гончарова, смерть, простирающая к поэту костлявые руки скелета и над всем этим лицо Николая Первого с холодным взглядом белесых глаз. В позе и выражении лица Пушкина — обреченность и страдание. Художник вложил в свое произведение глубокий смысл. Из иллюстрации к стихам Пушкина композиция переросла в самодовлеющее произведение искусства, в живописный рассказ о трагической судьбе поэта. «Бесы» — это враждебные Пушкину силы николаевской России.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Эти строки благодаря композиции палехского мастера зазвучали для нас с новой силой, приобрели новое значение.

Вакуров послал свою работу В. М. Молотову. В ответ получил теплое письмо, содержащее высокую оценку произведения:

„И. Вакурову.

Большое Вам спасибо за присланную мне Вашу художественную работу «Бесы» по Пушкину, в которой чувствуется и блеск таланта, и широкий общественный интерес художника. Эта работа найдет свое место на предстоящей пушкинской выставке.

Прошу передать привет и пожелание успехов всем тем художникам-палеховцам, работающим для того, чтобы своим трудом и искусством служить трудящимся Советской страны в их строительстве новой жизни.

В. Молотов.“

Тяготение палешан к пушкинской тематике выразилось и в иллюстрировании его прозы. Здесь можно указать на миниатюру Ф. А. Каурцева «Станционный смотритель», состоящую из трех самостоятельных картинок. В центральной части этого

триптиха изображена богатая комната, в ней ротмистр Минский и Дуня. Из-за узорчатой дверной портьеры в комнату робко входит станционный смотритель. На картинке слева нарисована летящая тройка; сзади почтовый домик. Ротмистр увозит похищенную Дуню из-под отчего крова. Слева — Петербург, «адмиралтейская игла», дворцы. Слуга Минского stalkивает с крыльца станционного смотрителя. Произведение Каурцева отличается стройностью компановки, изяществом линий.

Видное место в творчестве палешан занимает личность самого Пушкина.

И. К. Мызников, бывший иконописец-«личник», написал интересный, очень реалистический портрет поэта. Д. Н. Буторин — композицию «Пушкин и няня».

Пушкин одет в домашний халат. У него — задумчивое лицо, в одной руке — свиток, в другой — перо. Рядом, что-то рассказывая поэту, сидит с вязальными спицами в руках Арина Родионовна. По краям композиции — картины крепостной России: помещик с собакой, склонившиеся пред ним крестьяне, пахарь за сохой, пастух со стадом, помещицы палаты с колоннами, избы деревни, той деревни, о которой поэт писал:

„Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
С поникшею главой, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца“.

Художник показывает источники пушкинского творчества.

С работой Буторина роднится композиция А. В. Котухина «Пушкин», написанная в 1944 году. Это — шкатулка, расписанная со всех сторон. На крышке шкатулки изображен Пушкин среди крестьян. Поэт слушает их рассказы. По сторонам центральной миниатюры расположены десять «клеим» — картинок на темы пушкинских сказок, поэмы «Руслан и Людмила» и некоторых повестей.

Сюда же примыкает работа И. П. Вакурова «На смерть поэта» (1941 г.), предназначавшаяся для лермонтовской выставки и сейчас находящаяся в палехском музее.

Здесь названы далеко не все вещи, входящие в палехскую Пушкиниану.

Снова и снова вдохновляет великий поэт народных живописцев прославленного «села-академии». Творческое воссоздание пушкинских произведений в палехских лаках продолжается.

Ведущий художник второго поколения палехских мастеров Г. К. Буреев разрисовал письменный прибор из одиннадцати

предметов. Все они украшены миниатюрами на темы поэмы «Руслан и Людмила» (1947 г.).

Оригинальная композиция молодого художника П. Чалуни на «Руслан и голова» экспонировалась в Москве на выставке «Русские художественные лаки» в 1945 году. Работа нового палехского «пушкиниста» заслужила одобрительные отзывы. О ней писали. Фотоснимок с нее вошел в альбом лучших произведений лаковой миниатюры, изданный Институтом художественной промышленности. Чалунин получил почетную грамоту и премию.

К 150-летию со дня рождения Пушкина художники Палеха задумали дать ряд новых композиций на пушкинские тексты. А. В. Котухин работал над иллюстрациями к «Сказке о царе Салтане». Н. М. Париллов разрабатывал новый вариант композиции «Сказка о золотом петушке». Д. Н. Буторин и П. Чалунин раскрывали по-новому поэму «Руслан и Людмила». Пушкинские темы обдумывались и другими мастерами.

В конце 1949 года исполняется 25-летие существования Палехского художественного товарищества. В связи с этим юбилеем предполагается устройство выставки произведений Палеха. Два выставочных зала будут отведены исключительно для работ на пушкинские темы.

Велико и плодотворно влияние пушкинской музыки на работу палехских художников.

С годами оно не только не ослабевает, но все более усиливается, и золото пушкинской поэзии переливается золотом и драгоценными красками новых палехских композиций, посредством которых живописцы советского «села-академии» раскрывают творчество великого народного поэта в свете передовых идей нашего времени.

БОРИС НОВЛЕВ

СЧАСТЬЕ

Я знал о счастье по наслышке.
Как все вихрастые мальчишки,
Я ждал его, искал и верил,
Что к счастью не закрыты двери.

И я мечтал о нем, огромном;
А ночью, сдавшись снам на милость,
Я засыпал с желаньем скромным,
Чтоб это счастье мне приснилось.

Оно пришло ко мне в июне,
Когда покинул стены школы.
Из этих стен я вышел юный,
Жизнелюбивый и веселый.

В тот день все двери были — настежь.
Нас много шло дорогой жизни,
И всех нас ожидало счастье
В одном:
в служении Отчизне!

УТРО

Открыв окно, взглянула удивленно:
В саду покой разлит,
деревья сонны;
Край неба — розов, голубеет высь,
И золотом зари повит карниз
Какое утро!
Яблони и вишни,
Как девушки в весенних
платях пышных, —

Весь в белом сад.

Не бабочек ли стая
На ветки опустилась пролетая?
И ты, дивясь на эту красоту,
Кричишь в восторге:
«Мама! Сад в цвету!»

СЫНУ

Жизнь утверждая первым криком,
Ручонкой солнышко лови!..
Мой сын и сын страны великой!
Тебе пою слова любви.

Со мной поет у колыбели
Советская отчизна-мать.
В такой семье, малыш, тебе ли
Все счастье детства не познать!

Заботой, лаской и приветом
Дарит она своих детей.
Живи, расти достойным этой
Великой матери своей!

В. МАМУШИН

СКРИПАЧ

Мигнул прожектора зрачок.
Огни по сцене пробежали.
Он поднимает свой смычок,
Чтоб овладеть сердцами в зале.
И под искусною рукой
Рождаются такие звуки,
Что видишь рошу над рекой
И чувствуешь дыханье вьюги,
И тихий шорох камыша,
И даль без края и предела...
Не скрипка — русская душа
О Родине на сцене пела.
Упрямый юношеский рот,
На фраке орденские планки.
И вспомнил я:
 стрелковый взвод,
Концерт в прокуренной землянке.
Поставив в угол автомат,
Перчаткой снег стряхнув с шинели,
Играл Чайковского солдат,
И лица воинов светлели.
Скрипач умолк. Бойцы молчат.
А за стеной — снега чужие,
Но видит каждый из солдат
Поля далекие России.

И зал внимает, не дыша,
Сердцами скрипка завладела.
Солдата русская душа
О Родине любимой пела.

А. ПЕТРОВ

ТКАЧИХА ЕФИМОВА

1

Ранней весной тысяча девятьсот тридцатого года в ткацкой фабрике меланжевого комбината появилась новая работница. Низенького роста, худенькая, одетая в короткое платьице с поясом, девушка казалась подростком. У ней была легкая стремительная походка, но между станками молодая зарядчица ходила осторожно и с той неловкостью, которая свойственна всем новичкам.

Это была Зоя Ефимова.

Всего несколько дней тому назад она приехала в Иваново из глухой орловской деревни Верхний Ломовец, где она жила у приемных родителей. Она никогда раньше не видела фабрики и теперь все для нее здесь было ново. Зою поражали и светлые, просторные ткацкие залы, и широкие автоматические станки, с которых еще не успела сойти заводская краска и работа которых напомнила ей в первые минуты шумный ливень.

Все увиденное поразило девушку, но не вызвало у ней растерянности. Ефимова быстро огляделась, освоилась и вскоре уже чувствовала себя на новом месте так, словно проработала в шумной ткацкой много времени. Среди зарядчиц у ней появились подружки, и, сходясь у станков, она спрашивала, так ли она заряжает, правильно ли наматывает концы уточных нитей на пробки батарей? Не забывала спрашивать об этом и тогда, когда торопилась с подружками домой по раскисшему апрельскому снегу.

Спустя некоторое время между помощником мастера и ткачихой Розенцовой произошел разговор. Показывая глазами в сторону Ефимовой, помощник мастера спросил:

- Ну, как новенькая-то зарядчица?
- Проворная, — одобрительно ответила Розенцова.
- А старается?
- Совестливая девушка, очень старается.

Вскоре помощник мастера и сам убедился, как внимательно ко всему Ефимова. Она приходила в комплект задолго до смены и наблюдала за работой опытных зарядчиц, училась у них.

Но не только ради этого приходила Зоя в комплект раньше времени. Она старалась как можно больше «начистить» уточных початков, т. е. найти концы нитей в них, что позволяло ей потом быстрее зарядить на станках батареи. А это и было то самое, к чему она сначала стремилась: найти немного свободного времени, чтобы иметь возможность более внимательно присматриваться к работе ткачих.

Зоя никому не говорила о своем желании, может быть, просто потому, что не смела, но она очень хотела научиться работать ткачихой. И вот в свободное от своих обязанностей время она стала помогать ткачихам пускать станки. Больше всего Зоя привязалась в своем комплекте к Розенцовой. Это была высокая, полная, лет тридцати двух женщина. Она была опытна как ткачиха и хороша как человек. Она очень чутко, внимательно отнеслась к молодой работнице. Розенцова сразу поняла желание Ефимовой и сама старалась показать Зое, как найти оборвавшуюся нить основы, зарядить челнок, как повернуть ба-тан, чтобы он стоял правильно при пуске станка.

Участливое отношение со стороны опытного, старшего товарища, от сердца сказанное им слово, — какая это большая и окрыляющая сила! После коротких, почти мимолетных, но таких ободряющих бесед с Розенцовой Зоя почувствовала себя куда увереннее. Она впервые тогда решительно подумала о том, что добьется своего, будет ткачихой.

Но одного желания было еще недостаточно, и Зоя Ефимова не упускала случая, чтобы лишний раз узнать, как следует поступать в том или другом случае при работе на станках. В первое время ее особенно занимало, как это, дескать, так получается: поведет Розенцова рукой по ламелькам, тончайшим металлическим пластинкам, сквозь которые проходят нити основы, и вот уже найдена оборвавшаяся нить. Зоя старалась в точности повторить движение ткачихи, но рука ее ничего не чувствовала, кроме прохладного и зыбкого металла.

Однажды она спросила Розенцову:

— А в чем тут секрет?

Та усмехнулась и сказала:

— У тебя рука еще слепая...

— Как это? — не поняла Зоя.

— А так... Приучить надо руку, чтобы она чувствовала опустившуюся ламельку. Смотри вот... — и Розенцова подвела Зою к остановившемуся станку и показывала. Движение ее руки было свободным, изящным и безошибочным, словно и впрямь у ней руки были «зрячими».

Ефимова понимала, что своими расспросами она мешает работать Розенцовой, и всегда испытывала неловкость и смущение

ние. Ее худенькое лицо, освещенное мягким светом темносерых глаз, покрывалось ярким румянцем. Ткачиха замечала это и говорила:

— Ты не стесняйся, Зоя, спрашивай... Не смотри, что я занята. Я люблю, когда учатся. Сама была такая же любопытная. Да и сейчас еще к старым ткачихам присматриваюсь. Наше дело вроде и простое, если со стороны поглядеть, а на поверку-то очень даже сложным оказывается. Тут без сноровки ничего, Зоя, не сделаешь, не сработаешь хорошо.

Проникаясь к Розенцовой все большим уважением за ее внимательность, сердечную доброту и советы, Ефимова старалась приобрести как можно скорее эту сноровку. Теперь она все чаще помогала ткачихе, особенно тогда, когда видела, что ту начинало «трепать», когда ткачиха не успевала пускать станки. Все движения Ефимовой стали уверенными, точными и ходила она между станками легко и стремительно, без той осторожности, которая была у ней в первые дни работы.

Как-то после смены Зоя вышла из фабрики вместе с Розенцовой. В лицо дул холодный ветер. В воздухе кружились мелкие сухие снежинки. Они падали на землю и не таяли. И Ефимова подумала без сожаления: «Вот уже и осень». Розенцова поглядела Зое в лицо, посиневшее от холодного ветра, спросила:

— А чего ты, Зоя, не переходишь в ткачихи? Мне кажется, ты вполне справилась бы... Не хуже многих будешь работать.

— Может быть, еще рано?.. Стыдно будет, если не справлюсь. Другие по несколько лет работают зарядчицами.

— Ты на других не смотри... которые сзади. Ты вперед смотри. Пойди к мастеру и поговори с ним. Из тебя выйдет хорошая ткачиха.

— Очень было бы хорошо. Я давно об этом думаю. Да вот, если бы с вами по-руку работать, рядом, я бы тогда смелей была. А так и очень хочется, а все-таки немного боязно. Погодить бы еще...

— Конечно, первое время трудновато будет. Да ведь не без этого, Зоя. А в зарядчицах-то тоже многому не научишься. Иди, иди к мастеру и просись, а не то я сама о тебе поговорю!

И вдруг Зое показалось, что ветер как бы потеплел. Он сейчас уже не пощипывал лицо, а ласкал своим прохладным прикосновением. Одна снежинка села на щеку и сейчас же растаяла. Ефимова пришла домой, разделась и долго сидела перед окном, полная еще не испытанного ею чувства, близкого к счастью, хотя ничего особенного, кажется, и не произошло.

Сразу же после разговора с Розенцовой Зоя, однако, не решилась сходить к мастеру, а через несколько дней мастер сам вызвал ее к себе.

— Только не отказывайся, Зоя. Слышишь? — почти строго сказала Розенцова, безошибочно догадавшись, зачем вызывали девушку.

Зоя вошла в маленькую комнату, из которой дверь вела в другую комнату — начальника цеха. Увидев зарядчицу, мастер подозвал ее к столу, спросил:

— Ты знаешь, зачем я тебя вызвал?

— Нет, не знаю, — сказала Зоя, хотя и была уверена, что знает.

— Хочу поставить тебя на станки. Справишься?

«Только не отказывайся», — вспомнила Ефимова наказ Розенцовой и смело ответила:

— Справлюсь.

— Вот и договорились. Завтра с утра выходи в комплект Щипкова. Если будет трудно, почаще обращай к помощнику мастера. Человек он внимательный, не откажет... И ткачиха Майорова поможет тебе. Это одна из лучших наших ткачих.

Зоя почувствовала в словах мастера ту заботу, которую она встречала с первых же дней своего пребывания на меланжевом комбинате. И сейчас ее не просто переводили из зарядчиц в ткачихи, а как бы передавали из одних заботливых и ласковых рук в другие. Там у нее была советницей Розенцова, в новом комплекте будет Майорова. Кто она, что за человек, так ли внимательна и душевна, как Розенцова, — Зоя еще не знала. Но она уже верила, что и Майорова поможет ей в трудную минуту, и она найдет для нее в своем сердце хорошее, ободряющее слово.

2

И вот Зоя Ефимова — ткачиха, обслуживает двенадцать станков. Желание ее исполнилось, хотя девять месяцев, в течение которых она работала зарядчицей, не так уже и большой срок.

Трудно забыть тот первый день, когда Зоя встала за станки. Одно дело смотреть на работу ткачих, даже помогать им, и совсем другое дело стать хозяйкой двенадцати станков. Ее охватило сильное волнение, впрочем, вполне понятное и естественное. У Ефимовой было такое самочувствие, словно до сих пор ее кто-то поддерживал, а теперь она должна была идти самостоятельно. Да и станки в этом комплекте она совсем не знала. А на чужих, незнакомых станках даже хорошая-то ткачиха не сработает в полную силу.

«Первое время трудновато будет. Да ведь не без этого», — вспомнила она опять слова Розенцовой и сказала себе:

— Только не трусить, посмелее надо браться!..

Ефимова сделала над собой усилие, чтобы сразу же вспомнить все то, что она знала, что переняла от Розенцовой: приемы работы, осмотр станков, соблюдение маршрута.

Как сладко забилось у Зои сердце, когда она подбежала к остановившемуся станку, смело провела рукой по длинному ря-

ду ламелек, пригибая их, как траву, и безошибочно нашла оборванную нить основы. Она быстро надвязала ее, перекинула челнок в другую сторону, как это делала Розенцова, и отвела рычаг. Станок вздрогнул, точно живое существо, и заработал. Все это произошло настолько быстро, что Ефимова не сразу поверила в то, что сделала сама. Она положила на батан руку или для того, чтобы убедиться в правильности хода пушечного его станка, или для того, чтобы несколько умерить свою неожиданную большую радость.

Потом Зоя подходила и пускала второй, третий, десятый станок, но чувства, испытанные ею при пуске первого станка, остались надолго.

Во время обеденного перерыва помощник мастера Щипков спросил:

— Ну, как, Зоя?

— Хорошо, — сказала Ефимова, прикладывая ладони к пылающим щекам.

Щипков не понял ее.

— Я спрашиваю тебя, как работается?..

— А вот же я и сказала вам: хорошо!

Ему ничего не оставалось больше, как улыбнуться и с уважением поглядеть на эту низенькую и худенькую девушку с раскрасневшимся лицом и живыми темносерыми глазами.

Потом к ней подошла и села рядом на початочный ящик вернувшаяся из столовой ткачиха Майорова. Это была уже пожилая женщина с полным лицом и со спокойным взглядом больших глаз. В тоне озабоченности она спросила:

— Тебя как, девушка, звать-то?

— Зоя Ефимова.

— Давно работаешь ткачихой?

Зоя немного смутилась, точно почувствовала за собой какую-то вину.

— Сегодня первый день...

Майорова поглядела на нее с выражением не то удивления, не то недоверия.

— А кем ты до этого работала?

— Зарядчицей.

— Вот оно что!.. А я уж хотела подсказать тебе, что ты маршрут не выдержишь, бегаешь много. А в нашем деле каждая секунда ценится. Секунда к секунде, — а в конце месяца, смотришь, и выполнен план с большим превышением. А кто не умеет считать секунды, тому не быть хорошей ткачихой, Зоя. Так вот и запомни, дорогая!

Она встала, чтобы пойти к своим станкам, которые находились напротив станков Ефимовой. Она была, как выражаются на фабрике, «навстрешница». Одна восьмерка станков у них была даже «разбежная», т. е. Майорова и Ефимова обслуживали из этой восьмерки по четыре станка.

Зоя сказала:

— Вы, если что увидите, подсказывайте. Я не обижусь, — с простоватой, подкупающей доверчивостью договорилась она.

— Меня просить об этом не надо, — сказала улыбаясь Майорова. — Когда я замечу что-нибудь не так, я сама не промолчу, Зоя. У меня характер уж такой...

Первую смену Ефимова проработала с чувством глубокого удовлетворения. Вся смена прошла как в хороводе. Когда Зоя вышла из фабрики, с низко нависшего серого неба падали крупные снежинки, похожие на легкие кусочки расчесанного хлопка. Она подставила свое лицо навстречу этим снежинкам. Но они летели, как ей показалось, почему-то все мимо. Когда же она коснулась ладонями щек, то они были влажны.

Знакомая зарядчица, бойкая вертлявая девушка, обогнала Зою, но, оглянувшись, вдруг остановилась.

— Ты чегой-то, Зойка?

— А что? — спросила Ефимова.

— Да идешь и сама себе улыбаешься, как дурочка.

— Не знаю. Это тебе, верно, показалось, — спокойно ответила Зоя, выходя за ворота комбината.

«А, может, я и правда улыбалась», — подумала Ефимова, испытывая радость от того, что первый день ткачихой сработала хорошо.

Перед нею теперь открывался широкий и светлый путь к мастерству, к тем успехам в работе, которые сделают позже ее имя известным и почетным не только за пределами меланжевого комбината, но и за пределами города и области.

3

Уже в начале большого пути у Зои Ефимовой обнаружилась одна особенность. Она с неослабным вниманием продолжала присматриваться к работе других ткачих, особенно к работе Майоровой, у которой был многолетний и всесторонний опыт. На первый взгляд работа ткачихи кажется довольно простой. На самом же деле это очень сложная и тонкая работа. В ней много «секретов», которые понимает лишь сама ткачиха. Здесь многое зависит не только от знаний, но и от сноровки, от приобретенного за долгие годы навыка. Вот почему иногда так непохоже работают многие ткачихи, хотя они, может быть, и заканчивали одни и те же курсы техминимума. Поэтому Зоя и старалась перенять у рядом работающих ткачих все лучшее: у одной — одно, у другой — другое...

Однако в то же время у ней было много и разных историй, о которых без улыбки нельзя и вспоминать.

Однажды у станка слетел вожак. Ефимова подошла к помощнику мастера Щипкову и сказала:

— Иван Петрович, иди уделай станок.

— А что с ним случилось? — спросил Шипков.

Зоя на минуту замялась. Она не знала, как называется вожак. Чувствуя неловкость, она сказала:

— Упала какая-то палка...

Шипков улыбнулся:

— Что это еще за палка? Откуда она взялась в станке?

Он подошел к станку и только тогда понял, что слетел вожак.

В другой раз Ефимова подошла к помощнику мастера и сказала:

— Иди-ка, Иван Петрович, взгляни на станок, какая-то круглая штучка слетела.

— Опять палка? — спросил насмешливо Шипков.

— Нет, другое.

Оказывается, слетел покоточек.

Были истории и посерьезнее. Надо было снять со станка неработанный товар. Ефимова отпустила «разлуку», сорвала товар, а оставшийся конец его стала закатывать на валик. Вдруг валик подпрыгнул и прихлопнул руку к вальяну. Костяшки пальцев так заныли, что на глазах у Зои невольно выступили слезы.

Помощник мастера заметил это, подошел.

— Что, руку зашибла?

— Да.

— Сильно?

Зоя сморгнула, чтобы не показать помощнику мастера слезы.

— Нет, не сильно.

— А ты никогда больше не придержи валик сверху. Поняла? Его снизу надо держать.

Шипков нагнулся и показал ей, как это следует делать.

Тогда Зоя Ефимова отчетливо поняла всю необходимость учиться. Одних практических навыков явно было недостаточно. Она почувствовала неотложную потребность приобрести технические знания, чтобы не обращаться больше к помощнику мастера и не говорить со стыдливым смущением: «Иди-ка, Иван Петрович, взгляни на станок, какая-то круглая штучка слетела». Она должна так же хорошо знать станок, как и навыки работы. Может быть, именно это имела в виду Розенцова, когда говорила Зое, что у ней еще «слепые» руки?

Майорова же сказала ей более прямо:

— Тебе, Зоя, следует поучиться. Ткачиха ты ловкая, сметливая, но без учебы трудно будет. Впереди других не пойдешь, отставать будешь. Так и знай. Хороший ударник, Зоя, это тот, который учится, грамотой себе дорогу освещает.

Спустя некоторое время Ефимова записалась в кружок техминимума. Два раза в неделю после смены, если работала утром, или до смены, если работала вечером, Зоя бежала в тех-

нический кабинет, который находился тогда в вигоневом цехе. В кабинете стояли «мертвые станки», то есть не работающие, по стенам на стендах висели образцы хлопка, пряжи и ткани, — все, что получает и производит меланжевый комбинат. Здесь же висели всевозможные чертежи, диаграммы, рисунки отдельных деталей ткацких станков, прядильных и других машин.

В течение трех месяцев приходила Зоя Ефимова в этот технический кабинет, занимаясь в группе Звездиной, — она работает сейчас методистом в ткацкой фабрике. С того дня, как Зоя пришла на меланжевый комбинат, это был третий по счету человек, который оставил в ее душе заметный, памятный след. Курсы очень многое дали Ефимовой. Она основательно изучила все детали ткацкого станка, их взаимодействие. Лишь теперь она могла по-настоящему, по-хозяйски управлять станками.

Что это именно так, видно было по результатам работы последующих месяцев. Ефимова и до кружка техминимума всегда справлялась со своим заданием, а после него выработка еще больше повысилась. Она вышла в передовые ткачихи комбината. Поздравляя Зою с окончанием кружка техминимума, Майорова сказала:

— Я хочу, Зоя, вызвать тебя к первому мая на социалистическое соревнование.

— Ну, что ж: вызывайте, не откажусь, — ответила уверенно Ефимова, польщенная тем, что ее вызывает на соревнование такая опытная и всеми уважаемая ткачиха.

К первому мая фамилия Ефимовой была впервые занесена на доску почета. С тех пор прошло уже пятнадцать лет, а имя ее и по сей день не сходит с почетной доски. Но не тщеславие заставляло Зою Ефимову трудиться честно и самоотверженно, отдавая работе все, что она имела, вкладывая в нее свою душу. Она оставалась попрежнему скромной и тихой, даже застенчивой. На собраниях выступала редко. А если когда и выступит, то скажет всего несколько слов. Про нее кто-то однажды пошутил:

— А ведь это про нашу Зою сложена пословица: «тише воды, ниже травы». Она такая у нас и есть!

И, несмотря на это, все шире и шире росло уважение к ней среди работниц ткацкой фабрики, всего меланжевого комбината. Словно беспокоясь о том, что она может не оправдать все увеличивающегося уважения к ней, Зоя работала со все возрастающим упорством и мастерством, являясь примером для других ткачих.

4

Осенью Ефимовой предложили перейти во второй цех. Работавший там знакомый помощник мастера сказал ей:

— Слушай, Зоя... Переходи в наш комплект. С начальником

цеха я сам могу переговорить. А? Ты представь себе разницу: там работаешь на двенадцати станках, а здесь будешь — на тридцати шести. Ведь это же в три раза больше! Вот где покажешь свою работу!

Ефимова несколько смутилась от тона, которым были произнесены эти слова, но все же согласилась. Не прошло и недели, как она уже работала во втором цехе на тридцати шести станках. Правда, сорт был полегче: вместо тяжелого шевнота здесь работали так называемый сорт «каше», или трехцветку, но хлопот куда больше!..

Если бы помощник мастера сказал Зое все, что он знал о комплекте, то она, вероятно, и не согласилась бы перейти со своего комплекта, где она досконально знала все станки, умела замечать их «капризы» и повадки. К тому же, ей не хотелось расставаться со своей навстрешницей — ткачихой Майоровой, к которой она питала чувство благодарности.

Работать в новом комплекте было трудно. Трудно, собственно, потому, что комплект был разбитый, станки разлажены. Товар на них работался с повышенным процентом брака. Да и непривычно было Ефимовой первое время на новом сорте. Основы и уток — совсем другие. На шевноте нитки крепче, когда надвязываешь — не оборвутся. К ним уж привыкли руки. Смело действовала. А здесь нитки тонкие: чуть забудется, потянет посильнее — и нитка рвется. Опять надо надвязывать.

И день на второй — на третий Зоя Ефимова пожалела, что перешла сюда. Не столько потому, что работался незнакомый сорт, что теперь обслуживала вдвое больше станков. Нет, это бы ее не испугало. Она знала, что будут трудности, и, возможно, немаленькие.

Но ей показалось тогда, что невозможно привести в порядок разбитый комплект, наладить станки в ближайшее время. А тут еще Майорова зашла к ней и спросила:

— Ну, как, Зоя, привыкаешь?

А сама улыбается, прищуривает глаза, в которых посверкивают озорные искорки. Как опытная ткачиха, она сразу увидела, что трудно Зое. Но ждала, пока та сама скажет ей об этом.

— Помаленьку привыкаю... — сказала Зоя.

— Тогда ладно, работай... А я думала, ты по своему комплекту скучаешь. Значит, нет?

— По своему комплекту скучаю, — созналась Ефимова, — но отсюда уже не пойду...

«А все-таки она умная и самостоятельная девушка», — подумала Майорова с чувством восхищения и одновременно сожаления, потому что лишилась в своем комплекте такой замечательной соседки.

— Желаю тебе, Зоя, хорошо здесь работать, — сказала уходя Майорова. — Если к Октябрьской будешь вызывать ко-

го на соревнование, — вызывай и меня по старой памяти. Не откажусь. Не беда, что в разных залах работаем. Одна фабрика-то, один комбинат...

— А, может быть, вы начнете, а я откликнусь? Как весной...

— Нет, начинай теперь ты первой. У тебя тридцать шесть станков.

На этот раз Ефимова взяла социалистическое обязательство первой и вызвала на соревнование многих ткачих своего участка, а также и Майорову, которая считалась тогда одной из лучших ткачих первого цеха.

Когда Зоя говорила Майоровой, что с нового комплекта она уже не уйдет, она не совсем была тогда уверена в своих словах. Скорее всего ей просто было неловко признаться Майоровой, что она сама думала вернуться на старый комплект. Но вместе с тем Зоя верила, что пройдет еще некоторое время, и комплект все-таки наладят как следует.

И она не ошиблась. Постепенно комплект привели в хорошее состояние, станки отремонтировали и наладили. Простоев стало значительно меньше. Резко снизился брак. Работать стало значительно поспокойнее. И Ефимову, и ее сменщиц уже не «трепало», как раньше.

Да и сама Зоя настолько освоилась в комплекте, что каждый станок она знала как бы наизусть. Она могла заранее сказать, отчего мог остановиться тот или другой станок, по положению батана она уже видела, какая оборвалась нитка — основная или уточная. Всхлопывание станка Зоя определяла по едва уловимым признакам, и сейчас же обращалась к помощнику мастера за помощью.

Этому же Зоя старалась обучить и свою сменщицу Катю Архипову, которая еще не имела такого богатого и разностороннего опыта, как Ефимова, ставшая уже одной из лучших ткачих меланжевого комбината. Уже тогда у Ефимовой сказывалась ее замечательная черта — желание передать молодым ткачихам свой опыт, свои знания, воспитать из них замечательных тружениц, глубоко любящих и понимающих свою работу.

В отличие от некоторых, много лет проработавших на комбинате ткачих, которые стараются подыскать себе сменщицу, тоже наиболее опытную, хорошо справляющуюся с работой, Зоя Ефимова почти всегда брала себе в сменщицы как раз молодых ткачих, только что окончивших при комбинате школу фабрично-заводского обучения и еще не имевших практического навыка в работе. Помогая им советами и показом, часто оставаясь для этого на час-на два после смены, Ефимова добивалась со временем того, что выученицы ФЗО становились прекрасными ткачихами.

И что характерно: Зоя не старалась удерживать их возле себя. Наоборот, она советовала пойти в другой комплект, где были послабее ткачихи, чтобы уже передать им свой опыт, а са-

ма снова брала себе в сменщицы одну из девушек, недавно поступивших на комбинат. А сколько Ефимова обучила молодых работниц на краткосрочных стахановских курсах! Многие из тех, которые ныне являются прославленными ткачихами, обязаны заботам и вниманию Зои Ефимовой. Возможно, она считала это своим долгом не только потому, что комбинату нужны кадры, но и потому, что когда-то ее тоже учили люди прекрасной души и большого сердца. Она продолжала славные традиции, сложившиеся у нас в стране за годы сталинских пятилеток.

На сорте «каше» Зоя Ефимова проработала в одном и том же комплекте семь лет, до самой Отечественной войны. Больше миллиона метров наткала она для советской родины за это время. Не было ни одного месяца, чтобы Зоя Романовна не перевыполнила своего производственного задания.

Сколько было на этом семилетнем пути сделано Ефимовой подвигов! Они подчас мало заметны и похожи один на другой. Но сколько человеку надо иметь упорства и терпения, чтобы совершать эти, казалось бы, малозаметные подвиги? Зоя Романовна тогда была еще беспартийной. Но дело большевистской партии она всегда считала своим родным делом. Призывы партии всегда находили в ней самый живейший отклик. Во всех начинаниях Ефимова постоянно была в числе передовых. Весь свой ум, все силы большой души, всю теплоту благородного сердца она отдавала и отдает ради великого дела партии Ленина — Сталина, ради возвышения и процветания любимой Родины.

5

Началась Отечественная война. В первые же дни с меланжевого комбината в армию ушло много мужчин, чтобы отстаять честь и независимость нашей социалистической родины, завоевания Октябрьской революции. Уехали на фронт и кое-кто из девушек, прошедшие еще до войны курсы медицинских сестер. Станки в ткацкой фабрике перезаправили на новый сорт: вместо костюмного трико стали работать «хаки» — на брюки и гимнастерки воинам Красной Армии.

Помощник мастера коммунист Шашин добровольно поехал сражаться против гитлеровских захватчиков. На его место заступил Кудряшов, тоже хороший помощник мастера, замечательный наладчик станков. Он отличался удивительным спокойствием и уверенностью. Таких помощников мастера больше всего уважают ткачихи. Они не любят, когда помощник мастера подойдет к станку, что-то сделает наспех, а через пять-десять минут станок уже, смотришь, остановился.

Ефимова стала работать на двадцати четырех станках. Катя Архипова ушла работать на другой комплект, а сменщицей к

Зое Романовне поставили совсем молоденькую девушку Аню Грязнову, только что окончившую школу ФЗО. Нельзя сказать, что Аня была несерьезной и недобросовестной работницей. Но она была просто слишком еще неопытной по своей молодости. Она не успевала пускать станки, почему-то стеснялась пойти и сказать помощнику мастера, что надо проверить хорошенько и наладить тот или другой станок. Аня не думала о том, что после нее придется работать сменщице, что если она не потребует от своего помощника мастера устранить имеющиеся в станках недостатки, то сменщица потеряет напрасно много времени, пока будут налаживаться другим помощником мастера.

В первые дни Аня Грязнова думала только о своей работе, а что будет в другой смене — это ее как бы не касалось. Были случаи, когда Аня при доходе основной нити не надвизывала ее, а подгибала ламельку, эту тоненькую, как бумага, металлическую пластинку, чтобы не останавливался станок, хотя товар работал с браком, с так называемой близной, когда вдоль всего полотна отсутствует основная нитка.

Ефимова много и терпеливо показывала Ане, учила ее, как надо работает хорошо, добиваться высоких успехов в выработке безбрачной продукции. Для этого Зоя Романовна приходила на смену пораньше и обходила станки с переднего плана, по лицевой стороне, внимательно осматривая сверху и снизу полотна, — нет ли «близн», — потом обходила станки сзади, — нет ли закрепленных основ или каких-нибудь еще недостатков, которые надо сейчас же устранить.

Если же Зоя Романовна работала в утренней смене, она оставалась на час-на два после смены и занималась с Аней Грязновой. Спустя несколько месяцев она сделала из девушки хорошую ткачиху. Аня проработала с Ефимовой несколько лет, старалась ни в чем не отстать от своей наставницы, оправдать звание стахановки, показать, что она хорошо понимает нужды фронта и готова отдать этому все свои силы.

Рассказывая как-то о своей работе в годы Великой Отечественной войны, Ефимова выразила все это в нескольких словах. Она сказала с присущей ей краткостью:

— За войну мы не опустили руки, а работали еще лучше. Ничего не жалели. Только думали — скорей бы побили Гитлера и всех фашистов.

Ткацкая фабрика работала в две смены. Зоя Романовна обслуживала двадцать четыре станка. Это было самым высоким участием на меланжевом комбинате. Во многом приходилось отказывать себе. Трудно было с продуктами. За войну люди, кажется, впервые почувствовали, что такое морозы. Топлива не хватало, чтобы хорошо обогреть дома.

Но работали отменно, как никогда раньше. После смены нередко приходилось идти разгружать прибывшие на комбинат составы с хлопком, дровами, торфом. Всюду нужны были руки, а

подсобных рабочих нехватало. Придет, бывало, после такой разгрузки Ефимова домой, сядет прямо в пальто к столу, чтобы что-то закусить, да и заснет.

Дочка Валя подойдет к ней, тронет за плечо и громко скажет:

— Мама, обед разогрет...

Ефимова откроет неудержимо слипающиеся глаза, оглядится и, поняв, где она, заметит:

— А я не сплю, Валя. Я сегодня только что-то немного уснула.

За обедом она интересовалась успехами дочери в школе, расспрашивала, что она читает. Но как только ложилась в постель, так сейчас же засыпала.

6

Много было трудностей в те годы, но несмотря ни на что жизнь на меланжевом комбинате, как и повсюду в стране, была ключом. Люди жили широкими интересами. Это уже стало отличительным свойством наших советских людей: они всегда рассматривают свою работу с точки зрения интересов и нужд государства. Отсюда то постоянное стремление сделать как можно больше и лучше, отсюда постоянное желание — неустанно двигаться вперед.

С фронта приходили письма меланжистов — воинов Красной Армии, которые писали о своих подвигах, заверяли товарищей, работающих в тылу, что с честью выполнят свой священный долг перед родиной, перед большевистской партией и отстоят свою любимую страну, разгромят фашистские орды. Попутно с этим клятвенным обещанием фронтовики с прежним интересом расспрашивали о работе своих товарищей, справляется ли меланжевый комбинат со своим производственным заданием. Даже там, на фронте, может быть, в короткие минуты перед атакой, они чувствовали себя неразрывно связанными с меланжевым комбинатом.

Письма товарищей-фронтовиков зачитывались прямо в цехе, иногда вместе со сводками Совинформбюро, статьями центральных газет. И тут же писались ответы, где пожелания скорейшей победы и приветы перемежались с обязательствами, которые брали на себя те, которые подписывали письма. Это было выражением того единства, которое существовало в годы Великой Отечественной войны между тылом и фронтом.

В личной жизни Зои Романовны Ефимовой произошло большое событие: она вступила в партию. Она никогда не отделила себя от партии, от ее интересов и задач. И о вступлении в партию Зоя Романовна думала давно. Но она все как бы проверяла себя — достойна ли она носить высокое звание члена партии Ленина—Сталина.

Мало еще рассказано о героических делах труженников тыла в годы Великой Отечественной войны. А разве не кажется удивительным хотя бы тот факт, что люди, занятые многие часы на работе, озабоченные недостатками, все же находили время посещать школы, кружки, повышать свои общие и политические знания. Несмотря на то, что Ефимова нередко приходила домой с комбината чрезмерно уставшей и засыпала, сидя за столом, пока дочка подогревала обед, она же считала своим долгом, в дополнение ко всему, посещать еще кружок текущей политики. Она не хотела отставать от событий, происходящих в стране и во всем мире. Зоя Романовна, как каждый советский человек, как член партии, не могла довольствоваться только тем, что происходит в ее комплекте, цехе, на комбинате. Она хотела знать, чем живет вся наша великая страна.

А работа ее на станках была все так же неизменно успешной. Каждый месяц Ефимова работала с перевыполнением плана. И когда великий Сталин в своих праздничных приказах отмечал заслуги труженников тыла, это относилось и к Зое Романовне. Это о ее работе говорил в приказах Верховный Главнокомандующий, под чьим гениальным водительством Советская Армия уже громила врага за пределами нашей родины. Можно ли забыть то состояние радости, воодушевления, когда вся страна, прильнув к репродукторам, слушала с затаенным дыханием голос диктора, передававшего приказы товарища Сталина об очередных успехах наших доблестных советских воинов!

Работницы слушали, и глаза их блестели от выступивших слез радости. О мыслях и чувствах ткачих легко можно было догадаться по тому, как они после короткого митинга еще проворнее начинали ходить от станка к станку, как неуловимо быстро начинали мелькать их руки, надвигывая оборвавшиеся нити основ.

День победы над гитлеровской Германией застал Зою Романовну в санатории «Оболсуново», где она отдыхала. Весть об этом долгожданном событии пришла в их палату рано утром. Все моментально повскакали с постелей, стали обнимать друг друга. У Ефимовой никого не было на фронте, но и она не удержалась, чтобы не заплакать от такой большой радости. С первых дней войны с немецкими захватчиками Зоя Романовна верила непоколебимо, что победа будет за нами, что враг будет разбит. Она делала все для того, чтобы обеспечить и ускорить эту победу. Она готова была на все жертвы. Она жила одной мыслью — дать стране, фронту как можно больше отличной ткани.

Война победоносно закончена. Страна переходила к мирному строительству.

Девятого февраля 1946 года товарищ Сталин в своей исторической речи начертал великую программу нашего движения по пути к коммунизму.

В марте этого же года сессия Верховного Совета СССР утверждает пятилетний план восстановления и развития нашей страны. Партия и правительство зовут народ к новым трудовым подвигам. И советский народ с воодушевлением принимает за выполнение этого плана.

Среди передовиков социалистического соревнования послевоенной пятилетки в текстильной промышленности мы вновь слышим славное имя Зои Романовны Ефимовой.

7

В мае 1946 года по всей стране прозвучал голос орехово-зуюевской ткачихи Марии Волковой, которая взяла на себя обязательство выполнить свою пятилетку досрочно. Она призывала лучших текстильщиц страны последовать ее примеру. Первой, кто откликнулся на ее призыв, была прославленная ткачиха меланжевого комбината Зоя Романовна Ефимова. Зоя Романовна перед лицом всего коллектива обещалась выполнить свой пятилетний план в тридцать три месяца.

Почин Ефимовой нашел живой отклик среди текстильщиц области. Вслед за ткачихами обязательства стали брать прядильщицы, ситцевики.

В конце мая в Иванове состоялась областная конференция профсоюза текстильщиков. Среди делегатов этой конференции была Зоя Романовна.

В это же время в Москве проходило областное совещание стахановцев-текстильщиков. От москвичей была получена поздравительная телеграмма с приглашением прислать на конференцию гостей. Ивановцы откликнулись на приглашение и выбрали делегацию. В нее вошла и Ефимова.

Ивановцы прибыли на Московское областное совещание стахановцев, передали участникам его слова привета и обещание ивановцев высоко держать знамя всенародного социалистического соревнования. После конференции ивановцев пригласили в министерство, попросили их рассказать о своей работе, о тех трудностях, которые приходится преодолевать. А потом предложили съездить в Орехово-Зуево, на фабрику, где работает ставшая известной на всю страну ткачиха Мария Волкова.

Зоя Романовна, отправляясь в Москву, надеялась лично познакомиться с Марией Волковой, посмотреть на ее работу, перенять имеющиеся у ней производственные «секреты», сопоставить, так ли она делает у себя на меланжевом комбинате? Может быть, ей надо что-то улучшить, что-то изменить?

Утром ивановцы сели в специально поданный автобус, который покатился по гладкому асфальтированному шоссе, не заглушая шуршанием шин голоса пассажиров, продолжавших говорить всю дорогу о предстоящей встрече.

В Орехово-Зуеве ивановцев встретили очень тепло, как старых друзей, хотя никто из них и не знал друг друга. С фабрикой знакомил сам директор. Он был заметно взволнован неожиданным приездом гостей.

Марию Волкову делегаты-ивановцы застали как раз за работой. Пожав ей руку, Ефимова с повышенным интересом стала наблюдать за работой Волковой.

«Маршрут правильно соблюдает, — мысленно отмечала Зоя Романовна, — станочки все на ходу, скоростные моменты, видать, отличные, все приемы правильные. И сама аккуратная...»

После окончания смены ивановцы собрались в кабинете директора фабрики. Туда же пришли лучшие стахановцы, в числе их была и Мария Волкова. Началось взаимное знакомство друг с другом, расспросы. Завязалась оживленная беседа. Орехово-зуевцы хотели знать, как работают ивановские ткачи, ивановцы старались расспросить как можно подробнее своих новых друзей об их работе. Сама собой эта встреча вылилась в совещание по обмену опытом работы.

Прощаясь с Ефимовой, Мария Волкова сказала:

— Я обязательно побываю в Иванове и приеду на меланжевый комбинат, посмотрю, как вы работаете.

И она сдержала свое слово.

В июле в Иванове проходило областное совещание стахановцев текстильной промышленности. На него-то и приехала знатная ткачиха страны Мария Волкова. Она и Зоя Романовна встретились как давно уже знакомые подружки. Они обе сидели в президиуме совещания. Перед ними в огромном зале Большого драматического театра сидели лучшие люди фабрик Ивановской области, собравшиеся сюда для того, чтобы решить, как успешнее бороться за выполнение послевоенной сталинской пятилетки.

В перерывах совещания Ефимова много говорила с Волковой, рассказывала о меланжевом комбинате и приглашала ее к себе. Зоя Романовна с гордостью и скрытой радостью уже заранее предполагала, что Марии Волковой очень понравится меланжевый комбинат. Сама она дорожит честью и славой комбината, хотя бы уже по одному тому, что она проработала на нем шестнадцать лет.

— После совещания обязательно приеду, — отвечала Волкова на все приглашения Ефимовой.

Случайно, нет ли, но Мария Волкова появилась на комбинате в то самое время, когда Зоя Романовна работала.

«На меня посмотреть хочет, — подумала Ефимова, — на мою работу.»

Меланжевый комбинат произвел на знатную ткачиху страны именно то самое впечатление, на которое и рассчитывала Зоя Романовна. Волковой понравилось все: и огромные залы ткацких цехов, и обилие естественного света, падавшего сквозь застекленную крышу, и сами первоклассные автоматические

станки. На этот раз Ефимова управлялась со своими станками, кажется, с еще большей легкостью и быстротой. Она понимала, что по ней представительница орехово-зуевских ткачих будет судить о других работницах меланжевого комбината. И кто хотя бы немного понимал в работе ткачих, тот непременно сказал бы, поглядев на работу Зои Романовны, что это отличнейшая ткачиха.

Ефимова добилась своего: Мария Волкова уезжала с самыми лучшими впечатлениями о меланжевом комбинате и его людях. Она увидела, что здесь умеют прекрасно работать, здесь есть чему поучиться другим ткачихам. Зоя Романовна слушала во время прощанья этот лестный отзыв дорогой гостьи и была искренне рада за свой родной комбинат, за его людей, за завоевавших комбинату громкую славу. И только о себе не подумала Ефимова. Ей не позволила это сделать врожденная скромность, скромность человека, который меньше всего думает о том, что им уже сделано, а больше о том, что он еще должен сделать.

8

После областного совещания стахановцев, после встреч с Марией Волковой Зоя Романовна как-то более отчетливо поняла, что она занимает теперь такое место, откуда ее видно повсюду. Следовательно, она должна работать еще лучше. Для Ефимовой очень характерно одно обстоятельство: она никогда не работала рывками, один месяц хорошо, другой плохо. Она противница такого скачкообразного движения. Если просмотреть данные о ее работе по месяцам за много лет, то мысленно нарисованная линия будет не волнообразная, а почти совершенно прямая с неизменным движением вверх.

Эта особенность отличает Ефимову от многих ткачих, даже опытных, работающих на комбинате уже помногу лет. Взять хотя бы ее сменщицу Веру Анфиногенову. Хороша ткачиха, слов нет. У ней и опыт большой, и знания технические солидные, не один раз руководила краткосрочными стахановскими курсами. А вот если сравнить ее работу с работой Зои Романовны, то показатели у последней все же лучше.

Может быть, Ефимовой создают какие-то особые условия? Может быть, ее станки лучше ремонтируют, лучшие заправляют основы? Нет, у ней все то же самое. Больше того: именно Ефимовой поручалось не раз освоить новый сорт ткани, испробовать в работе малоклейные основы. Это она, Ефимова, первой осваивала так называемую «одноритку», о которой будет рассказано несколько ниже.

Так что с Ефимовой обычно больше спроса бывает, нежели с других ткачих. И тем не менее она постоянно идет впереди других. В чем тут дело? В чем секрет работы Ефимовой?

Собственно, трудно ответить на этот вопрос коротко, одним словом. Ответ заключается во всей ее работе.

Уже было сказано о том, как старательно в свое время Зоя Романовна перенимала у каждой ткачихи все лучшее, самое ценное, что они имели в своем замечательном, многолетнем опыте. Но кроме этого у нее имеется еще одно драгоценное свойство, которое, может быть, и стало решающим в ее неизменных успехах. У Ефимовой ко всему какой-то, если можно так выразиться, исследовательский подход. Она не просто хотела отлично работать, она, кроме того, стремилась знать, что надо сделать, чтобы изменить приемы работы, увеличить выработку, улучшить качество ткани, которая сходилась с ее станков.

Зоя Романовна как бы мысленно разлагала все приемы труда на их составные части и подсчитывала, на какой прием и сколько уходит времени, где можно сэкономить такие дорогие секунды. Очень большое внимание она уделяет так называемым скоростным моментам, т. е. неустанно вырабатывает в себе умение, как можно быстрее завязать узел на оборвавшейся основе, завести нитку в галево, пустить станок. Зоя Романовна добивалась и добивалась самых быстрых и безошибочно точных движений, доведенных буквально до совершенства.

Если взять и сравнить скоростные моменты Ефимовой со скоростными моментами других ткачих, то всюду, на любом приеме она затрачивает на несколько секунд меньше. Если же учесть, что ткачиха в течение смены делает тысячи всевозможных движений, то этих секунд наберется очень много. А сбереженное время — это прежде всего лишние метры костюмной ткани.

Вот что говорит обо всем этом сама Зоя Романовна:

— Скоростные моменты надо вырабатывать самой. За тебя этого никто не сделает. Можно, конечно, и нужно перенять опыт у других. Но этого мало. Надо всегда стремиться умножить этот опыт. А без наблюдения за своей работой, без ежедневной проверки самой себя этого сделать нельзя.

Такое правило Ефимова выработала когда-то для себя. Этому она учит и молодых ткачих, пришедших из школы ФЗО, которым по-прежнему уделяет много времени и в качестве руководителя стахановских курсов и в порядке практической помощи, как это было с Аней Грязновой и другими девушками, которых она брала к себе сменщицами.

Ефимова требует и от самой себя и от других высокосоциального отношения к своему делу, никогда не довольствоваться достигнутыми успехами, а всегда искать что-то новое, стремиться вперед. У нее беспокойный характер, она ищущий человек. Ее мысль постоянно работает над тем, как она сделала сегодня и что нужно для того, чтобы завтра сделать еще лучше.

Свои станки Зоя Романовна знает в совершенстве. И не во-

обще, а каждый в отдельности, все их капризы и повадки. Подходя к остановившемуся станку, она по положению батана видит, какая оборвалась нитка — уточная или основная. Больше того, она уже заранее знает, что могло случиться с тем или другим остановившимся станком.

Как-то весной 1947 года Ефимова, рассказывая о своей работе, о себе молодым ткачихам, которых она обучала на краткосрочных стахановских курсах, сказала:

— Только и думаешь о том, как бы лучше сработать. Придешь домой, а сама план на завтра наводишь. Меня совесть замучит, если вдруг затреплет...

Зоя Романовна была одета в темнокоричневый сатиновый халат. Узенькие манжеты плотно облегли запястья рук с маленькими, очень подвижными пальцами. Она то опускала руки глубоко в карманы, слегка приподымая плечи, то жестикулировала ими, точно старалась сделать более понятными и доходчивыми свои слова, без того уже простые, полные сердечной теплоты.

Одна из девушек спросила:

— А это что значит — «затреплет»?

Ефимова объяснила.

Это специфическое словечко ткачих. Оно обозначает то, когда сразу останавливается несколько станков. Работница не успевает их пустить, как уже останавливаются другие. И так в продолжение всей смены. Тогда ткачиха на вопрос сменщицы — «как работалось?» — сокрушенно говорит:

— Ох, и трепало же меня сегодня!

А вот с Зоей Романовной этого не бывает. Ее не «треплет». Разве уж когда привезут с неправильной намоткой пряжу. Но даже и в этом случае она не растеряется. Что же касается даже малейших неисправностей в станках, то она никогда не смолчит, а потребует от помощника мастера, чтобы тот немедленно их устранил. И пусть Зоя Романовна никогда не горячится, не кричит, но от ее мягко сказанных слов и постоянно веселого и лучистого взгляда темносерых глаз помощнику мастера не будет легче. Она заставит его сделать все так, как считает нужным. В этом отношении она очень требовательна. Нужно сказать, что и помощник мастера Кудряшов всегда идет ей навстречу, на совесть ремонтирует и налаживает станки.

Большое значение Ефимова придает и взаимопомощи работниц, обслуживающих в течение суток одни и те же станки. Что такое сменщица? Для некоторых это иногда просто знакомая ткачиха, с которой встречаешься один раз в день. Для Зои Романовны сменщица — это тот самый человек, который передает ей станки, как эстафету. Сменщица может работать, не особенно заботясь о том, в каком состоянии она оставит станки после себя. Придет сменщица, а станки не все в порядке. Пока помощник мастера наладит их, пройдет немало минут. А потерять

напрасно десять-пятнадцать минут — значит недодать стране какое-то количество метров костюмного трико.

Ефимова совсем иначе относится к своим сменщицам. Она сдает Вере Анфиногеновой станки так, как сдают боевую вахту: в полном порядке. К этому же она приучает и другую сменщицу — Нескребину, молодую ткачиху, недавно окончившую школу ФЗО при меланжевом комбинате. Верная своей традиции, Зоя Романовна опять взяла себе в сменщицы совсем еще малоопытную девушку, рассчитывая сделать из нее хорошую ткачиху. Чтобы помочь сменщице, Ефимова каждый день приходит на работу минут за тридцать-сорок до начала смены.

Я уже говорил, что отличительная черта Ефимовой как ткачихи состоит в том, что она умеет не только сама отлично работать, но и научить так же работать других. Поглядеть на Зою Романовну — скромная женщина, лишнего слова не скажет, всегда очень уравновешенная. Но, вместе с тем, в ней скрыта большая сила, которая невольно передается окружающим. Ефимова умеет увлечь за собой других на тот же широкий стахановский путь, которым идет она сама, ткачиха-коммунистка.

9

Трудясь над выполнением взятого на себя обязательства — закончить свою пятилетку в тридцать три месяца, Ефимова попрежнему продолжает уделять большое внимание подготовке молодых кадров. Она неустанно занимается обучением ткачих.

В этом отношении она щедра и бескорытна. Весь свой замечательный опыт Зоя Романовна передает тем, кто завтра встанет на самостоятельную работу, на самое высокое уплотнение, чтобы так же трудиться во славу нашей социалистической родины, как трудится вот уже девятнадцать лет сама Зоя Романовна.

Последняя ее выученица — Нескребина, которая является теперь ее сменщицей. Нескребина только что пришла тогда из школы ФЗО меланжевого комбината. Ее поставили в один комплект с Ефимовой, но обслуживала она наполовину меньше станков, чем Зоя Романовна, — двенадцать станков. Ефимова начала присматриваться к ее работе. Девушка еще не имела опыта. Но по каким-то едва уловимым движениям Зоя Романовна нашла в ней нечто, близкое себе. Такой она была сама в молодости.

И не дожидаясь, когда девушка обратится за советом, она подошла к ней первой и сказала:

— Ты слышишь, всхлопывает станок?

— Слышу.

— А чего же ты его пускаешь? Ведь он долго не работает... Да еще браку наделает...

Нескребина промолчала.

— Ты заявила помощнику мастера, что у тебя всхлопывает станок?

— Нет, — сказала девушка.

— Вот и напрасно. Ты побольше требуй с помощника мастера. Небойсь, дружбу никогда не потеряешь, если станешь требовать... А работать лучше будешь, план выполнять еще выше. Не забывай, ты — комсомолка, тебе стыдно от хороших ткачих отставать. Не стесняйся, чувствуй себя на работе хозяйкой!

Это едва ли не самое любимое ее выражение — «чувствуй себя на работе хозяйкой», потому что именно такой Зоя Романовна является сама. Она ни перед чем не остановится, если этого требуют интересы дела. Все имеющиеся претензии к помощнику мастера она выскажет сейчас же, не откладывая на завтра. А если почему-либо тот оставит без внимания ее просьбу, Зоя Романовна поставит об этом в известность сменного мастера, а то и начальника цеха.

С той же прямотой и заботой о деле Ефимова как-то сказала Нескребиной, заметив, что та к концу смены стала плохо заботиться о станках, надеясь на свою сменщицу:

— Так работать я тебе не дам. Ты должна оставлять после себя все станки на ходу. Какие получаешь, такие и сдавай... Я уже говорила тебе об этом. Зачем говорить дважды об одном и том же?

Но она же, Ефимова, спустя примерно месяц сказала Нескребиной:

— Слушай, переходи на двадцать четыре станка.

Девушка удивилась:

— Я не справлюсь, Зоя Романовна.

— Справишься, — уверенно заявила Ефимова.

— Вот уж поработаю с полгода...

— Можешь, конечно, и через полгода. Это дело твое. Но вот я предлагаю тебе переходить сейчас. Бояться нечего... Я тебе помогу.

— Да ведь трудно будет, Зоя Романовна, — с радостью и все еще с опаской проговорила девушка.

— Конечно, трудно. А как же? Особенно первое время. Но ведь легкого-то ничего нет в жизни. Сначала все кажется тяжело, а потом освоишься, привыкнешь — и все будет хорошо!

Нескребина стала сменщицей Ефимовой.

Редко кто из старых, наиболее опытных ткачих с такой заинтересованностью относится к молодым ткачихам, только что пришедшим на меланжевый комбинат, кто уделяет так много времени и сил подготовке кадров, кто не держит весь драгоценный опыт при себе, а щедро отдает другим, как это делает Зоя Романовна. Хотя именно ей, работающей на самом высоком у-

лотнении, руководство фабрики поручает освоение новых сортов ткани.

Так, например, было с «однониткой», о которой следует немного рассказать.

10

Обычно в тканье применяется крученая нитка. С прядильных машин прядильной фабрики ровница идет в тростильно-крутильный отдел. Там ровницу перематывают на большие катушки, причем по две нитки сразу. Потом из этих двух ниток на крутильных машинах делают одну, крученую. Лишь после этого, пройдя такой длинный и сложный путь, крученая пряжа идет уже в ткацкую фабрику в качестве основы или утка.

У «однонитки» путь значительно короче и проще. Прямо с машин прядильной фабрики, минуя тростильно-крутильный отдел, она поступает в ткацкую. Уже из этого видно, что экономичность «однонитки» довольно большая, поскольку сокращается процесс повторной крутки. Но «однонитка» имеет и еще одно очень важное преимущество. Тростильно-крутильный отдел часто лимитировал ткацкую фабрику, не успевал выдавать потребное количество готовой к производству пряжи. Как можно было избежать этого? Собственно, выход один: расширить тростильно-крутильный отдел, построить новое помещение, привезти дополнительные машины. Но все это требовало больших денежных затрат.

А тут все устранялось само собой. И не только не надо никаких дополнительных затрат, но даже получалась большая экономия государственных средств. Оставалось только опробовать в работе эту «однонитку». Лабораторные испытания показали, что она должна работать. Однако решающее слово принадлежало ткачихе.

На чьих станках надо было заправить основы из «однонитки»? Руководство ткацкой фабрики решило, что лучше всего это, конечно, сделать на станках Ефимовой. Справиться с этим новым делом могла только лучшая ткачиха.

И вот в гнезде Ефимовой на четырех станках заправили новые основы из «однонитки». Они были проклеены, как обычно — в четырехпроцентном растворе. Но если это достаточно для крученой нитки, то эта проклейка оказалась низкой для «однонитки». Основы то и дело рвались. Зоя Романовна не успевала надвязывать оборвавшиеся нити основ и пускать станки. Ее «трепало» всю смену. Как ни была она ловка и опытна, но не смогла все же в первое время освоить «однонитку».

Эти четыре станка были капризны, они требовали к себе беспрестанного внимания, отвлекали от других станков, которые также нуждались в обслуживании.

«О них все руки обобьешь...» — иногда с досадой думала Зоя Романовна.

Опытна Ефимова, быстры ее руки, но и она вначале потеряла уверенность в успех дела. Кто знает: удастся ли когда-нибудь освоить эту «одноритку»? Может быть, попытают, попытают, да и забудут о ней? А, может, этот подъем просто очень крут для нее? Она не справляется при четырех станках. А что же будет, если запросят «однориткой» все двадцать четыре станка?

И не сдержавшись, Зоя Романовна как-то подошла к мастеру и сказала:

— Иван Игнатьевич, перезаправьте четыре станка на старый сорт. Не идет эта «одноритка».

Черненко поглядел на нее своими большими темными глазами и только улыбнулся, давая понять, что «одноритка» — не его прихоть и даже не начальника цеха.

— Надо постараться, Зоя Романовна...

— Стараюсь, да все что-то не получается.

— Должно получиться.

Ефимова не могла не поверить мастеру. Раз он говорит, значит, в самом деле, должно получиться. Но неудачи и последующих дней не могли не сказаться на душевном состоянии Зои Романовны, которая в эти месяцы работала с одной мыслью — как бы с честью выполнить свое обязательство, взятое не только перед меланжистами, но и перед всей страной, перед великим Сталиным.

Ей казалось, что если она так же и дальше будет «экспериментировать», то она наверняка не сдержит свое слово. А что может быть более тяжелым для человека, который не сдержал свое же, от сердца сказанное слово?

Спустя неделю Ефимова снова попробовала заговорить с мастером о том, нельзя ли снять «одноритку». Черненко словно ждал этого вопроса. Он перебил Ефимову и как можно убедительнее сказал:

— Нельзя, Зоя Романовна. Понимаешь — никак нельзя! Надо осваивать. Дело трудное. Это мы все понимаем. Сам ищем, за что бы такое тут зацепиться. Но дело это должно пойти, Зоя Романовна.

И Ефимова продолжала работать на четырех станках «одноритку» с поразительным для этой маленькой женщины упорством. А в это же самое время мастер Черненко и начальник цеха Кудряшов ломали головы над тем, как уменьшить обрывность основы на станках, запрошенных «однориткой».

Первое, что напрашивалось само собой, это надо усилить проклейку основ. Предложили вдвое крепче сварить шлихт. Попробовали. Основы получились как струны. Они стали значительно крепче, но потеряли свою обычную эластичность. А поскольку нити основы стали грубее, то между уточинами образуются

некоторое пространство при пролете челнока, они не так плотно ложатся одна к другой, и батану приходится прибывать уточные нити к опушке ткани с очень большой силой. Получается, как говорят специалисты, «большой прибой». Это значит: батан уже коснулся опушки ткани и прибил очередную уточину, а колечатый вал все еще продолжает провертываться и досылать вперед батан, который, упираясь в ткань, также двигает ее вперед, натягивая в этот момент нити основы с такой силой, что многие из них не выдерживают натяжения и лопаются. Ткачиха не успевает справиться с обрывами.

Значит, надо было искать какой-то другой выход. И вскоре нашли его. Здесь основательно потрудились мастер Черненко. Чтобы уменьшить «прибой», он переставил одну очень важную часть станка — скало, изменив несколько «игру» этого скала, которая теперь позволяла нитям основы не так сильно натягиваться. И это сразу значительно понизило обрывность на станках, заправленных «однониткой».

Прошло два-три месяца, и Зоя Романовна Ефимова вспомнила о всей этой истории, как об очень давнишней. А когда тот же Черненко как-нибудь мимоходом напоминал ей о том, как она просила перезаправить станки прежним сортом, Зоя Романовна, застенчиво улыбаясь, говорила:

— Может, и говорила и просила, да теперь уже не помню, Иван Игнатьевич.

Теперь на всех двадцати четырех станках Ефимова работала «однонитку» и план выполняла не ниже, чем всегда — на сто тридцать и больше процентов. Вслед за ней, по протоптанной и выверенной ею дорожке, «однонитку» стали заправлять и на станках других комплектов. Так Зоя Романовна и в этом случае явилась примером и образцом для остальных ткачих меланжевого комбината.

11

Наступил сентябрь 1948 года. Ефимова работала с неизменным успехом, стараясь увеличивать выработку из месяца в месяц хотя бы на несколько процентов. В ткацком деле это сделать не так-то легко, где все уже, кажется, выверено и испытано.

Зоя Романовна ревностно присматривалась к собственной работе. Приближался срок выполнения обязательства — в тридцать три месяца закончить свою пятилетнюю норму. Первого октября она должна будет рапортовать коллективу меланжистов, области, всей стране о том, как она сдержала свое слово. Поэтому, чем меньше оставалось дней до конца сентября, тем все больше Ефимова испытывала нетерпение, тем сильнее охватывало ее волнение.

Но Ефимова опередила, оказывается, самое себя. Развязка

наступила раньше, чем она ждала ее. И это так удивило Зою Романовну, что она сначала даже не поверила. Слишком уж это известие было неожиданным.

Девятого сентября Ефимову вызвали в партийное бюро ткацкой фабрики. Ничего не предполагая, она спокойно и привычно зашла в комнату. Но уже по одному взгляду, которым встретила ее секретарь партбюро Коробова, Зоя Романовна поняла, что случилось что-то очень важное, необычное.

— Ну, Зоя Романовна, разреши поздравить тебя первой, — сказала несколько торжественно Коробова.

— А что такое? — спросила Ефимова.

— Через два дня ты заканчиваешь свою пятилетку.

— Верно ли это?.. — сказала Зоя Романовна, чувствуя, однако, как сердце ее подхватила и понесла куда-то волна горячей радости. — Я весной очень беспокоилась... Столько времени потеряла с этой «однориткой». Думала, что не уложусь в срок, не сдержу свое обещание.

И она впервые рассказала Коробовой о случае, который произошел с ней полгода назад. В Иваново приезжала съемочная группа кинохроники. Она снимала достопримечательности города текстилей, воздвигнутые за годы сталинских пятилеток прекрасные фабрики, жилые дома. Но прежде всего, конечно, эта группа кинохроники снимала лучших людей, прославленных стахановцев послевоенной пятилетки.

Побывала съемочная группа и на меланжевом комбинате, Кто-то уже успел шепнуть Ефимовой, что ее «будут снимать на картину». Зоя Романовна всплеснула руками и едва не проследилась: станки, заправленные «однориткой», стояли.

— Мне так было стыдно, так стыдно, — рассказывала Ефимова секретарю партийного бюро, улыбаясь мягко и спокойно, словно это было с кем-то другим. Прошедшее с тех пор время значительно сгладило остроту чувств. — Люди пришли снимать работу, а у меня станки стоят. Вот тебе, думаю, и лучшая стахановка! Как же она, дескать, выполняет свою пятилетку, если у ней станки стоят? Сильно я тогда наволновалась... Так было стыдно!

Прошло два дня. Они были такими же, как все. Зоя Романовна выходила в ночную смену пораньше, осматривала станки, проверяла полотна, основы, узнавала у сменщицы, как та работала смену, все ли в порядке. Потом принималась сама за работу, забывая о мыслях, вызванных разговором с секретарем партийного бюро Коробовой.

Ничего особенного не замечала Ефимова и во взглядах своих сменщиц, ткачих-соседей, помощника мастера Кудряшова. Все было самым обычным. И Зоя Романовна решила, что Коробова немного поторопилась ее поздравить, что контора, видимо, дала неверные сведения.

«Конечно, еще рано», — думала Ефимова.

Но отхлынувшая было волна радости ударила в сердце с новой силой. Спустя примерно час после начала вечерней смены Зоя Романовна заметила, что мимо ее комплекта прошли вместе мастер, начальник цеха и заведующий ткацкой фабрикой. Вскоре они вернулись, постояли, что-то говоря друг другу на-ухо, и ушли.

Помощник мастера спросил:

— Зачем они приходили?

Ефимова пожалала плечами:

— Не знаю, Михаил Павлович.

Она догадывалась, но боялась еще сказать об этом Кудряшову.

Вскоре принесли стол, покрытый красной материей, устали его неизвестно откуда появившимися цветами в глиняных горшочках. Теперь уже все понимали, что произошло что-то важное, большое.

— Подожди, — обратился помощник мастера к Ефимовой, — да это не тебя ли уж собираются чествовать? Стол-то поставили возле нашего комплекта. А?..

Зоя Романовна вся вспыхнула, опустила влажно блеснувшие глаза и согласно мотнула головой. Слов она произнести не могла.

А кругом становилось все более торжественно. Прошло еще несколько минут — и вот в дверях цеха показалось знамя министерства, которым был награжден меланжевый комбинат за отличную работу. Знамя несли по проходу неторопливо, важно, и красный бархат, освещаемый спускающимися с потолка большими электрическими лампочками, то вспыхивал ярко и радужно, то казался строгим и темным.

Знамя поставили возле стола и развернули полотнище так, что его было видно издалека. Вскоре приехали секретарь обкома партии, горкома, представители других организаций. Станки установили. В огромных залах ткацкой фабрики стало удивительно тихо, как-то непривычно тихо.

На митинг собрались не только рабочие ткацкой фабрики. Сюда, к станкам Ефимовой, пришли и рабочие отделочной фабрики, приготовительного отдела, шлихтовки.

Зоя Романовна стояла возле развернутого знамени, слушала речи выступавших товарищей, часто произносивших ее имя, и с некоторым смущением думала:

«А что я сделала такого, чтобы так говорить обо мне? Честно работала — вот и все. Ну, пораньше приходила на смену, осматривала лишний раз станки, побольше спрашивала с помощника мастера, не сдавалась, когда трудно было, не опускала руки. А разве так же не может работать каждая ткачиха? Конечно, может. И уже многие работают... А скоро их будет еще больше.»

Ее раздумье прервал чей-то голос:

— Выступи, товарищ Ефимова, скажи, как ты добилась таких успехов. Первой в области закончила свою пятилетку...

— Больно уж я говорить-то не мастерица, — чуть слышно отозвалась Зоя Романовна.

— Ничего, ничего, скажи, как умеешь. Хорошо выйдет.

Ефимова оглядела стоявших перед ней ткачих и только сейчас заметила, что сотни глаз обращены на нее.

— Так вот, товарищи, — сказала Зоя Романовна, опять оглядывая весь огромный зал, наполненный людьми, пришедшими сюда прямо от работы, — свое обещание я выполнила. Я дала слово нашему вождю товарищу Сталину кончить свою пятилетку в тридцать три месяца. И не оконфузилась: кончила пятилетку на двадцать дней раньше срока. Нелегко это мне досталось. Прямо скажу. Но почему я удостоилась такой вот чести? — она поглядела на знамя министерства, на стол президиума, украшенный цветами, и снова на всех присутствующих на митинге рабочих. — А потому, товарищи, что я жила только одной мыслью, одним желанием отмечала свою работу — с честью выполнить свое обязательство, дать нашему народу как можно больше ткани.

Ефимова помолчала минуту и договорила:

— Легко у меня сейчас на душе, светло как-то... И еще лучше работать хочется, товарищи.

Она проговорила это значительно тише, но как только закончила, в зале точно пустили станки, — раздались дружные, громкие аплодисменты. Почти смолкнув, они вдруг загрохотали снова. К Ефимовой подошла работница комбинатского радиоузла и протянула ей букет цветов. Зоя Романовна взяла цветы, хотела поблагодарить женщину от всего сердца, но, как и во время разговора с помощником мастера, ничего не могла сказать. В горле дрожали слезы, вызванные неповторимым волнением, радостью и счастьем.

Когда кончился митинг и все стали расходиться по своим рабочим местам, Зоя Романовна пошла по комплекту, пуская станки, с такой легкостью, точно она уже не шла, а летела. Ей показалось, что она вся стала какая-то легкая и проворная, как никогда раньше. Ефимова чувствовала себя так, как в самый большой праздник: она сдержала слово, данное родине, великому и любимому Сталину.

Выполнено обещание, но работа, упорная повседневная работа, продолжается, и Зоя Романовна, преданнейшая дочь советской отчизны, попрежнему идет в первых рядах стахановцев — героев послевоенной сталинской пятилетки.

ПО РОДНОМУ КРАЮ

Б. КРАСОВ

ШУЙСКАЯ ГАРМОШКА

Поздний вечер. Томительная тишина. В окнах колхозных изб огоньки.

Неожиданно раздается тягучий звук. Кажется, кто-то вытаскил из кармана звонкую дудочку, свистнул в нее для пробы, прислушался. Хорошо звучит, приятно. И вот дудочка опять заиграла. К ней присоединилась другая, третья...

Что такое?

Да это гармошка! Голосистая шуйская хромка. У нее каждый пищик поет, как волшебная дудочка.

Над разливыми переборами гармошки взвывается вдруг тонкий пронзительный голос девушки:

На гармошке алый бантик
Ты зачем развязывал?

Девушка делает паузу, в течение которой гармошка играет, настойчиво спрашивая: «Зачем, зачем, зачем?»

Голос девушки вновь взвывается и звучит строго, укоризненно:

Мы гуляли с тобой тайно,—
Ты зачем рассказывал?

Укор, очевидно, адресован самому гармонисту. Руки его неуверенно скользят по ладам, гармошка издает нескладные звуки. В эту минуту в группе парней и девушек не слышно ни говора, ни смеха, будто они вместе с певицей осуждают гармониста.

Гармонист справился с минутной растерянностью, рванул гармонь, растянув ее до отказа, заиграл вновь неторопливо и уверенно.

В певучие звуки гармошки вплетается голос другой девушки. Эта довольна собой и своим любимым:

Я любила — любить буду
Желтые ботиночки

Девушка на минуту смолкает, а гармонь в это время твердит: «Буду, буду-у...»

Девушка весело допевает частушку:

Я любила — любить буду
Шофера в кабиночке.

— Коля, чувствуй! — усмешливо кричат девушки колхозно-му шоферу. — Чувствуй и не забывай.

Переклики и смех молодежи, напевы гармошки заглушает сильный волевой голос третьей девушки:

Завлеку так завлеку
Пускай походит за реку.

«За реку, за реку-реку»... — продолжает гармошка и допевает вместе с задорной девушкой:

За реку да по мосту.
Пускай походит попусту.

Парни что-то отвечают, девушки смеются, гармонь смолкает на некоторое время.

Во скольких избах-читальнях и колхозных клубах, красных уголках и в деревенских домах на вечерках играет каждый вечер шуйская гармонь?

Откуда взялась она, кто смастерил этот легкий и певучезвонкий инструмент, под звуки которого веселятся, поют и пляшут?

Гармошка давно вошла в быт и стала одним из самых распространенных и любимых инструментов нашего народа. Над усовершенствованием, над приспособлением его к своему вкусу много потрудились музыкальная народная мысль и создала гармошки саратовские, ливенские, череповецкие, вятские, фесовые, бологойские, касимовские, елецкие.

Все они отличаются друг от друга различными тонами, которые издает гармошка при сжиме и разжиме меха. Сжимая мех, сдавливая в нем воздух, который, выходя из инструмента, заставляет звучать язычки, или, по иному, голоса, гармонист слышит одни звуки; растягивая мех, заставляя инструмент вбрасывать воздух в себя, музыкант приводит в колебание комплект других язычков в клавишах и слышит другие звуки. Следовательно, один и тот же пищик при стягивании и растягивании меха подает два разных голоса. Так были прежде устроены гармошки.

На такой гармошке очень трудно выучиться играть. Чрезвычайно расчетливо надо сжимать и разжимать мех.

Народная мысль долго работала над тем, чтобы сделать этот инструмент проще и доступнее. В результате этого, постепенно видоизменяясь, пройдя многие промежуточные стадии, гармошка превратилась в хроматическую.

Хроматизм в музыкальном понимании слова — термин, обозначающий восходящее или нисходящее движение голоса по по-

лутонам. Хроматическая гамма использует в постепенном движении все двенадцать полутонов. Хроматическая гармошка имеет полутоны и созвучия музыкального строя, тогда как прежние гармошки имели пяти-или семиступенный звукоряд.

Особенность хроматической гармошки в том, что голоса ее при сжиме и разжиме меха звучат одинаково. В гармошках старого лада каждый пищик пел двумя голосами, выполнял, так сказать, двойную нагрузку из-за того, что их было мало. У хромки же достаточно звуков, и у нее каждый лад поет одним присущим ему голосом.

На хроматической гармошке легче выучиться играть, и звучит она разнообразнее и мелодичнее. Знаменитые наши баяны, на которых можно исполнять сложные и трудные музыкальные произведения, имеют хроматический строй.

Шуйская гармонная фабрика выпускает хромки полубаянно-го типа: небольшие — четырехпланочные и побольше — шести-планочные.

Мастер сборочного цеха Иван Воробьев отдал гармонному делу сорок лет своей жизни. В его руках побывали многие тысячи гармошек. Он знает великолепно все эти саратовки с колокольчиком, череповки, ливенки, вятки, фесовки, бологойки, касимовки... Но особенно хорошо знает и высоко ценит шуйскую хромку.

— Между нашей хромкой и гармошкой прежнего строя разница, по-моему, такая же, как между сохой и плугом, — говорит старый мастер. — Соху все время надо в руках на весу держать, а плуг на повозке идет, его только направляй. Так и на нашей хромке проще, легче играть. Не задумывайся о том, в какую сторону мех идет, стягивать или растягивать надо его, а знай следи только за звучанием голосов.

На окраине Шуи стоят белые длинные корпуса гармонной фабрики. Над этой фабрикой не высятся трубы, не тянутся кося дыма. Здесь требуется тепло только для обогрева помещения.

В визге механических пил, в стуке молотков и штамповальных станков, в скрежете рашпелей и напильников рождается гармошка.

Сначала гармонная фабрика покажется вам большой столярной мастерской. Из хороших сортов фанеры в первом цехе изготовляют остова гармошки. Два ящичка, соединенные мехом, — это уже гармошка, но пока еще немая, безголосая.

Мех делают из картона; в глубокий угол каждой складки гофрированного меха вставляют лайку. Затем мех покрывают цветистым ситцем, верхние и нижние острые уголки укрепляют металлом, хребтики меха оклеивают дермантином для прочности. К тому же блестящие уголки и строгие полоски дермантина на хребтиках придают гармошке своеобразную красоту.

Дальнейшая задача мастеров — наполнить звуками эту красивую гофрированную коробку.

Раньше здесь выпускали планки целиковые. На одной большой планке помещали весь комплект голосов. Потом шуйская фабрика перешла на более совершенный и простой — кусковой способ изготовления планок. Теперь для каждого голоса изготавливают особую планку, что очень умно и удобно. В случае порчи планки, не надо снимать с нее всю систему голосов и переносить на другую планку (так было при целиковой), а стоит изъять только один кусок и заменить его новым.

В каждой планке, вернее, в каждом куске планки, два проема! Два! Это надо запомнить. Запомним и отправим ее из механического, где она только изготовлена, в планочный цех, самый многолюдный и кропотливый. Планочным цехом заведует Михаил Сидоров. В тридцать шестом году он окончил промышленно-музыкальный техникум в Ленинграде. Он получил специальное образование, чтобы посвятить свою жизнь гармонике. Он учился не для того, чтобы хорошо играть на гармошке. Он учился хорошо делать ее.

— Наша работа детальная, — говорит он, имея в виду массу мелких деталей, из которых состоит звуковая часть гармошки. — Штамповкой нельзя добиться полной точности, а поэтому проемы в них растачивать на конус приходится нам, работникам планочного цеха. Кроме этой расточки, планку (она представляет из себя пластинку металлическую, шириной в два пальца) шлифуют и на ее концах просверливают отверстия для шурупчиков.

Затем в точно расточенные на конус проемы планки здесь же вводят язычки, которые, колеблясь от воздуха, будут подавать голос. При сжиге меха воздух пойдет в один язычок, при разжиге — в другой, но звук в том и другом случаях будет одинаковый, тогда как в гармошках старых систем был разный.

Что такое язычки? Это кусочки тонкой стали, закрывающие собой проемы в планках. На язычки идет дорогая ленточная сталь холодного проката разных размеров и различной толщины. На мелодию, например, употребляется сталь в одну треть миллиметра толщиной, на контр-октаву в полмиллиметра. Каждый язычок сначала притачивают, а потом счищают, добиваясь той тонкости, которую требует тональное назначение его в голосовом ряду гармошки.

Путем этой счистки на станке с наждаком язычку придается еще не особенно точная тональность. В довершение всего стальной язычок присоединяют к планке, а потом немного его отцепляют, чтобы он мог свободно колебаться. Планка в сочетании с язычком стала голосом, или, как иногда говорят, пищиком, и покинула планочный цех, перешла в следующий.

А в следующем цехе работает только один человек, известный всей Шуге баянист Дюжев. Он придает язычкам уже более точное звучание. Никаких расчетов и измерительных приборов для определения звучания этих язычков не существует.

Единственный аппарат точности, мера и контроль звучания — человеческий слух.

Планка с двумя язычками здесь носит производственное название — кусок. На каждом куске два язычка — два голоса. По норме старый шуйский баянист должен настроить за смену двести двадцать кусков, а настраивает восемьсот или одну тысячу шестьсот язычков. Слух баяниста-виртуоза до того изощрен, что настройщик, один раз тронув язычок, определяет — так ли он звучит, а если не так, то одним-двумя движениями, точными касаниями напильника придает голосу то звучание, которое определено ему поступенной тональностью звукоряда.

Настройщик работает, не выпуская напильника из руки. Напильник снует по стальным язычкам почти беспрерывно.

— Это мой метод и достижение, — говорит настройщик. — Тысячи раз положить на стол и взять со стола напильник — большая напрасная трата времени. Я это время сохраняю для полезной работы.

Готов остов гармошки. Он блещет зеркальной полировкой деревянных частей; цветет яркими цветами ивановского ситца, которым оклеен картонный мех, сияет металлическими уголками. Готовы и голоса: планки отполированы, проемы расточены на конус, язычки прикреплены и настроены. И все это готовое поступает в сборочный цех.

Мех, соединяющий полированные деревянные ящички и составляющий вместе с ними одно целое, — тело гармошки. Планки с язычками, голоса, занимающие каждый свою ступень в многообразной хроматической гамме, — душа гармошки. В сборочном цехе соединяется душа с телом гармошки. На планки с язычками здесь наклеивается ленточка лайки. Готовые куски прикрепляются к деревянной планке ящичка (их привинчивают крошечными шурупчиками) и системой хитро изогнутых пружинок мастера соединяют их с клапанами. Гармонист нажимает клавиши, клапаны открываются, мех втягивает в них воздух. Воздух устремляется в проемы планок, вырывается из них, ударяется в стальные язычки, они, вибрируя, звучат, поют разными голосами, гармошка играет...

Но на этой гармошке рано играть, она еще не готова. Правда, она играет, но неособенно совершенно, а поэтому и отправляется третий раз в настройку за окончательной и совершенной точностью звучания. Каждый настройщик (теперь уже настраиваются не отдельные куски, а весь звукоряд, все хроматические гаммы, восходящие и нисходящие в целом) испытывает голоса гармошки в отдельном кабинете. Ему не должны мешать никакие посторонние звуки.

Нет сомнения, подумаете вы, что в этих кабинетах настраивают гармошки самые знаменитые шуйские баянисты. Но мы знаем, что настройщики роялей не являются знаменитыми пианистами, а между тем замечательно имеют настраивать инстру-

менты. Так и настройщики гармошек. Некоторые из них посредственно играют на гармошке, а другие совсем не умеют. Они, конечно, могут выучиться играть на гармошке, но не хотят. И в этом нет ничего удивительного. Можно подумать, что они не любят свою профессию. Нет, они ее любят, но ведь и любимая работа утомляет. Меньше, но утомляет, и человеку хочется отдохнуть. Настройщик отдает на работе всю душу звукам, певучим голосам гармошки, а в быту он отдыхает от них, набирается свежести музыкального восприятия.

Настройщики имеют великолепный слух, хорошо знают и слышат все звуки и созвучия гармошки, моментально замечают малейшую фальшь и устраняют ее. Если голос берет высоко, его надо понизить. В таком случае настройщик немного стачивает инструментом, называемым шаберочком и похожим на толстое шило, конец язычка. Если же звучание требуется повысить, настройщик стачивает, на этот раз уже напильником, задний конец стального язычка.

Настройщик следит и за лайкой, которая прикрывает язычок. Если она смялась, плохо прилегает, отлепилась, голос не будет правильно звучать. Мастер настройки выправляет лайку или заменяет испорченную новой, язычок начинает звучать в положенном ему тоне.

Завершена и окончательная настройка. Гармошка готова? Нет еще. Товар продается «личиком», а поэтому гармошка отправилась из кабины настройщика в полировочный отдел, где ей должны придать шик и блеск.

Полировщик, не торопясь, с особенным умением и тщательностью накладывает на ее деревянные бока несколько слоев самого лучшего лака, и гармошка приобретает великолепный вид. В ее блестяще черные или темнокоричневые бока можно глядеться как в зеркало. Полировка придает инструменту красоту и предохраняет его деревянные части от непогоды и действия времени.

Вот теперь уже звонкоголосая, прочная шуйская гармошка совсем готова. Ее приятно взять в руки. Она красива, легка, удобна. На ней можно играть все, начиная от частушечного мотива и кончая симфонией Чайковского.

Долго будет жить шуйская гармошка и доставит людям много, выражаясь языком специалиста по музыке, мажорных и минорных минут, что целиком зависит от настроения гармониста и его внимательных слушателей. Погибнуть она может только от огня или от воды. Если не сгорит и не утонет, то будет служить гармонисту всю жизнь и послужит еще его сыну.

Спрос на шуйскую гармошку исключительный. Ее любят везде. В годы Великой Отечественной войны вся продукция Шуйской гармонной фабрики шла в Советскую Армию. Переливы шуйской хромки слышались тогда в госпиталях, на дорогах войны, в освобожденных городах, деревнях и селах Польши,

Венгрии, Болгарии, Югославии, Чехословакии, на улицах поверженного Берлина. Она, шуйская хромка, легко выносила лагерную и окопную жизнь и вместе с советскими солдатами совершала гигантские марши и в жару, и в непогоду, и в дожди, и в снегопады.

Теперь вся певучая продукция Шуйской гармонной фабрики идет в магазины. Шуйскую хромку покупают культурно-просветительные учреждения, рабочие, колхозники и служащие всех советских социалистических республик. Ее можно встретить и в Узбекистане, и в Карелии, и на Камчатке, и на Сахалине, и на Курильских островах.

Звуки мелодичной шуйской гармошки льются и будут с каждым годом все шире и шире разливаться на необъятных просторах нашей любимой Родины!

И. ЖМУРИН

ТЕЗА

В тени кудрявых прибрежных ив отдыхает маленький винтовой пароход или вернее сказать — теплоход. Он только что вернулся с низовьев Тезы и готовится в обратный путь. Время его отвала — полдень.

С берега по узким мосткам спускаются пассажиры и занимают в общей каюте места. Последним по мосткам проходит парень в замасленной спецовке. Ни на кого не обращая внимания, он спускается в люк. Под полом он брякает ключами; двигатель вдруг чихает, урчит, будто сердится, что его лишают покоя и, наконец, нехотя начинает тутукать на холостом ходу.

Пароходство на малых реках — это не то, что на больших; тут особый стиль, нравы и обычаи.

Вскоре вступает на борт еще человек. Этот постарше и побоищее машиниста. Он проверяет у пассажиров билеты, откидывает на пристань мостки, снимает чалку... Вскоре оказывается, что это не только контролер и матрос, но и капитан. Вот он входит в свою маленькую рубку, в которой тесно даже одному, кладет руки на штурвальное колесо и повелительно бросает в латунную рубку:

— Вперед до полного.

И судно, имеющее на борту тридцать пассажиров (оно переполнено до отказа), пускается вниз по Тезе реке. Остаются позади корпуса шуйских фабрик, лесной склад, пригородные поселки и огороды. Но вот крутой поворот реки, и Шуя совсем скрывается из глаз.

Теплоход то и дело кренится, круто изворачиваясь на поворотах. Река петляет, делает замысловатые изгибы, словно для того, чтобы как можно больше показать своих красот. Милая река, приветливая, светлая. Она то покажет дубовую рощу, залитую солнцем, то деревню, утопающую в садах, то живописный холм, похожий на блюдо, перевернутое вверх дном, то дачу с десятками загорелых пионеров на берегу.

Река Теза берет свое начало в двенадцати километрах от

Волги, из Козловского болота, недалеко от города Плеса. Протекает она на протяжении ста семидесяти километров и впадает в реку Клязьму немного ниже села Холуй. В Тезу впадают небольшие реки нашей области: Нозога, Вондога, Лемешок, Молохта, Сеха, Тюних, Сальна, Посна, Парша, Мардас, Внучка, Люлех.

В древних актах об этой реке есть такая пометка:

«Русло имеет много окаменелых (ископаемых) вещей и дубовых дерев. По берегам реки есть железные и чугунные руды».

По Тезе когда-то росли большие дубовые леса. Дубы старели, падали, разливами воды их сносило в реку. Есть места на реке, где все дно как бы вымощено стволами. Они представляют сейчас большую ценность. По крепости и красоте, которую приобретает такой дуб при отделке, краснодеревщики сравнивают его с черным деревом. На реке Мокше, например, протекающей по Пензенской области, существует целое предприятие, добывающее эту древесину со дна реки. В этом предприятии занято 450 человек, что говорит о серьезной и широкой постановке дела. Мебельщикам нашей области на это следует обратить внимание: Теза не менее богата мореным дубом, чем Мокша. В нашей области много предприятий, производящих мебель. Они могут найти на дне Тезы драгоценную древесину для своих изделий.

Теза судоходна от устья до Шуи, на протяжении девяноста километров. Выше Шуи она разбивается на четыре заболоченных русла. В 1948 году проведены изыскательские работы в верховьях реки. Геодезисты областного проектного треста сделали свыше тысячи промеров с целью того, чтобы выбрать наиболее глубокое русло и определить размер предстоящих работ для организации судоходства до села Дунилова. От Шуи до Дунилова два десятка километров.

С лугов веет легкий ветер, пропитанный запахами свежего сена. Вдали виднеются сизо-синие стога. На узких отмелях свистят кулики. Бекасы дружными стайками пересекают невозмутимую поверхность реки и скрываются в низинах.

Деревни стоят у самой воды. С теплохода видны улочки, проулки и сквозь широкие окна убранство в избах.

Река тиха, ласкова, оттого деревни так близко и прижались к ней.

Там и сям сидят дачники с удочками.

— Клюет ли? — спрашивают пассажиры.

Рыбаки отвечают по-разному: один недовольно машет рукой, другой показывает большой палец, третий торжественно приподымает полное рыбой ведро.

Пассажиры давно покинули свои места и поднялись на крышу, которая являет собой палубу на этом маленьком судне. Вон колхозницы, возвращающиеся из Иванова и Шуи, окружили цыганку с девочкой лет трех. Девочка русоволосая, у нее синие

глаза, она совсем не похожа на мать. Цыганка подробно рассказывает женщинам, как она влюбилась в тракториста, добилась его любви, вышла за него замуж и теперь живет счастливо, имеет детей, работает в колхозе. Одна из колхозниц торопливо поднимается и говорит цыганке:

— Заслушалась я тебя, чуть свою деревню не проглядела.

Она подходит к рубке и говорит капитану:

— Высади меня вон там, где мальчик стоит.

Капитан согласно кивает головой и направляет свое судно к берегу. Минуты через две мальчик принимает уже из рук матери узел, и она сама легко спускается на мягкий луг. Глубина реки у берега ничтожная, но осадка у нашего корабля невелика, он плоскодонный, и оттого «мели ему ничо чем».

— Малый задний!.. — командует капитан.

Теплоход медленно пятится от берега.

— Полный вперед! — слышится властный голос капитана, и теплоход устремляется вниз по течению.

Впереди раздается пронзительный свисток. Эхо визгливо перекачивается в лугах и перелесках. Навстречу идет буксир «Южа».

Этот, хоть и мал, как и наш, но по всем статьям пароход: у него и труба с хвостиком черного дыма и колеса с мириадами жемчужных брызг, а у нашего ни трубы, ни колес.

«Южа» — низенький буксир, окрашенный в темножелтую краску, с колесами за кормой. Он тащит за собой семь барок, а между тем каждая из них в полтора и в два раза больше его.

Наш теплоход, уступая «Юже» дорогу, прижимается к самому берегу и бредет по отмели молча (нашему и свистнуть нечем), а «Южа» гудит и гудит, будто ей все еще мало места на реке.

И вообще нашему кораблю что-то не посчастливилось встреча с «Южей». Выбравшись на стрежень, он потерял ход. Двигатель внутреннего сгорания, притаившийся где-то под полом, потерял искру, чихнул и мирно почил. Теплоход сначала медленно двигался прямо по течению, потом попал на боковую струю и потянулся к берегу.

Капитан поскучал, поскучал и от нечего делать начал с механиком через латунную трубку неторопливый разговор:

— Димочка, — снисходительно и насмешливо заговорил капитан. — Как ты там себя чувствуешь?

Ответ механика до нас не доходит, но, судя по выражению лица капитана, было сказано что-то смешное. Капитан рассмеялся и продолжал:

— Наш крейсер к бережку направляется. Заночевать, видно, тут хочет. Может быть, и ты там постельку раскладываешь?! Что?

Пассажиры стали тревожно переглядываться между собой и придирчиво посматривать на капитана. Ночевать тут у низ-

кого пустынного берега они не имели желания. Вот уже некоторые сокрушенно качают головами, другие перешептываются...

Механик, очевидно, что-то ворчал невнятное, но капитан хотел слышать нечто определенное и продолжал:

— Что? Что? Не будем ночевать? Докажешь? Хорошо, будем ждать доказательств.

Капитан скрестил руки на груди и сел на какое-то высокое сиденье в своей рубке.

Пассажиры притихли и погрузнели. Что теперь делать? Высаживаться и разводиться на ночь костры? Берег-то здесь луговой, вокруг ни одной деревни не видно. Вот положение.

Прошло минут десять. Двигатель вдруг чихнул. Все прислушались. Переглянулись. Взгляды оживились надеждой. Двигатель чихнул еще явственнее и затукал. Пассажиры повеселели. Капитан встал и спросил в латунную трубку:

— Решил здесь не ночевать? — В его голосе слышалось и начальственная снисходительность и прощение. — Хорошо! Тогда малый назад!

Капитан быстро вертел штурвальное колесо, а теплоход медленно пятился от берега. Потом капитан лихо скомандовал: — Полный вперед!

И наш легкий корабль стремительно ринулся вперед.

И опять мы любимся берегами красавицы Тезы. Вон деревня стоит на высоком холме почти под облаками. Долго мы плывем и без малого через час опять видим эту же деревню на высоком холме. Тут, оказывается, река делает завиток километров на десять.

Русло вскоре выпрямляется. Часа через полтора мы приближаемся к Хотимлю. Это старинное село, раскинулось на пологом берегу Тезы.

Около небольшой сельской церкви, под старыми густолиственными березами покоятся останки дедушки, бабушки, дядей и теток Антона Павловича Чехова по матери.

На околице Хотимля Теза теряет свою волю, упираясь в плотину шлюза. Хотимльские колхозники поставили на своей родной Тезе гидростанцию. Дома колхозников и все общественные здания не только в Хотимле, но и в окрестных деревнях осенью и зимой бывают ярко освещены. Летом с помощью электричества колхозники молотят, сортируют зерно.

В Хотимле Теза приводит в движение еще вальцовую мельницу. После войны она была капитально отремонтирована и полностью восстановлена. Производительность этой мельницы 15—20 тонн зерна в сутки. Хотимльская вальцовая мельница размалывает зерно на обойную и сортовую муку. Сюда — на берег Тезы, съезжаются помольщики Южского, Шуйского и Савинского районов.

Теплоход входит в шлюз и становится невидным со стороны села. Сверху, со стены шлюза деревенские девочки пред-

лагают пассажирам землянику, цветы, молоко, огурцы. Но вода в шлюзе накапливается, теплоход поднимается все выше и выше и вот уже стоит теперь на виду у всего Хотимля.

Тезинский водник быстро открывает ворота шлюза, и на гребне высокой волны, словно с водяной горки, теплоход скатывается в реку и быстро устремляется вперед.

Ослепительная сетка зноя колышется над полями. Дубовые и березовые рощи дремлют на холмах. Плакучие ивы, как зеленые шары, скатились к реке и нижние ветви опустили в воду, будто подпираясь ими. Впереди теплохода колхозники вброд переходят Тезу. «Вот и сидеть нам тут на мели», — мелькает в мыслях, но наше судно, не сбавляя даже хода, лихо минует этот перекат.

Вон виднеется поодаль от берега деревня Фофаново. Немногие знают, что здесь родилась и провела детство и раннюю молодость мать Антона Павловича Чехова — Евгения Яковлевна.

Плывем час, другой. Река становится шире, берега ниже, чаще встречаются леса. Огромными массивами они уходят вдаль.

На опушке глухого бора белеют ставежи отесанных бревен и длинные поленницы березовых дров. У деревянных мостков грузят лесом барки. Приткнувшись к широкому боку одной из барок, дымит пароход, который носит имя реки — «Теза». Он точно такого же типа, как и «Южа». Поодаль от ставежей горит костер. Из его жаркого пламени то и дело выглядывает округлый бок большого котла. Легко догадаться, что в нем готовится артельный ужин.

На лесных опушках часто виднеются костры рыбаков. Они вышли на ночную ловлю. Над рекой поднимается вечерний туман. Река здесь, очевидно, распадается на несколько рукавов: полосы тумана тянутся и прямо, и в ту сторону и вот в эту... В какую из этих полос тумана вести это юркое судно? В пяти метрах от борта ничего уже не видно. И пассажиры оттого невольны проникаются уважением к этому безмолвному человеку, который уверенно держит штурвал и ведет теплоход сквозь туман так уверенно, как будто умеет пронизать взглядом эту серую завесу.

Мы долго плывем в тумане.

— Тихий! — раздается в сонной тишине голос капитана.

Задремавшие пассажиры открывают глаза, смотрят и ничего не видят: туман скрыл все окружающее.

— В чем дело? — спрашивают они соседей.

— К Холую подходим.

Теплоход резко сбавляет ход и медленно вливается в шлюзы. На всю окрестность слышится густой напряженный шум воды. Здесь еще шлюз и еще гидростанция, построенная совсем недавно. За шлюзом мелькают яркие электрические огни. Там — село Холуй Южского района.

От шлюза, где пассажиры выходят на берег, до Холуя два километра. Мы идем берегом. Время — десять часов вечера.

Старик в легкой лодочке с одним веслом плавает по реке и оставляет на своем пути красные огоньки баканов.

Речная прохлада приятно смягчает духоту летнего вечера. Дома окутываются темнотой, теряя резкость своих очертаний.

Белый туман с реки старается пробраться в улицы. Где-то в проулке тренькает балалайка. С реки доносятся всплески и визг: там резвятся купальщицы.

Не близок путь от областного центра до Холуя: тридцать километров по железной дороге и десять часов плавания на тезинском корабле.

Темно. Хоть и мелькают огни, но лицо Холуя трудно рассмотреть. Мы его увидим завтра.

Ночью мы просыпаемся от шума. В комнате вдруг становится светло. Мы выглядываем в окно и видим: пароход ведет барки с хлопком для Южской фабрики. Он проходит так близко от дома, в котором мы ночуем, что кажется, вот-вот заденет мачтой за крышу.

Утром осматриваем Холуй. Бродим по узким, сжатым до крайнего предела садами и огородами, улочкам и переулкам, ищем главную улицу и не находим ее. Главной улицы нет в селе. Вместо ее вдоль всего села проходит река. Бульвар на набережной, разводной мост через Тезу, дома с мезонинами делают Холуй похожим на небольшой городок.

В конце села стоит обширное здание. В главном зале его сидят за мольбертами десятки художников. В зале много света и воздуха.

Сколько здесь готовых и полуготовых полотен. Какое здесь разнообразие красок и настроений. «Рожь» Шишкина, «Над вечным покоем» Левитана, «Украинская ночь», «Лунная ночь на Днепре» Куинджи и прочее.

Здесь изготавливают сотни копий с картин известных художников. Копии исполняют мастерски, и они находят большой сбыт; их покупают для украшения комнат.

Самые же одаренные художники Холуя овладели искусством миниатюры. Они пишут, как и палешане, на шкатулках из папье-маше. Первым проложил здесь путь к миниатюре Сергей Александрович Мокин. Его уже нет в живых, но его работы «Сказка о царе Салтане», «Строчей», «Дети социализма», «Отдых стахановцев» помнятся до сих пор.

Замечательны миниатюры Константина Васильевича Костерина по своей гармоничности и яркости колорита, по свежести образов и разработке пейзажа.

Третий замечательный мастер-миниатюрист Василий Дмитриевич Молев хорошо умеет видеть советскую жизнь, любит ее и находит для изображения действительности радостные сочетания красок.

В миниатюрах Палеха есть элемент условности. Миниатюры Холуя реалистичнее. Вот перед нами палехская шкатулка. Среди невиданных зарослей Иван-царевич с Еленой Прекрасной мчатся на сером волке. Низко висит месяц, низко рассыпаны звезды, а неба нет. Может, его нет оттого, что побег совершается ночью. Но если палехская миниатюра изображает ясный день, даже самый яркий и солнечный, небо все равно не будет изображено. На палехских миниатюрах никогда нет ни неба, ни далей, все происходит на фоне черного лака. Таковы особенности палехского стиля. Мастера Холуя, наоборот, всегда тщательно выписывают небесный свод, облака, дали; больше пишут на темы современности и людей изображают в реалистических тонах.

В Холуе есть художественная школа, которая выпускает новые кадры художников.

На одной из тихих улиц Холуя несколько обширных домов занимает строчевая артель. В ней заняты почти все женщины села, искусные строчечницы и вышивальщицы.

Так искусством живописи и вышивки живет это отдаленное село.

Художники хотят на прощанье угостить нас ухой. Таков уж здесь обычай — побаловать приезжих гостей свежей рыбой из Тезы.

Вечером они собираются за огородами, на берегу реки. Откуда-то появляется на берегу большой невод.

Самые страстные любители рыбной ловли лезут с неводом в воду, другие, надеясь на верный улов, разводят большой костер.

Рыбаки долго заводят невод, долго вытягивают его. Помогать им бросаются все, кто оставался на берегу. Долго выбирают невод. Бесконечно тянутся его мокрые петельки. С них падают пламенные капли. В отсвете большого костра они кажутся брызгами огненной массы. Вот уже невод суживается, скоро конец ему, а рыбы все нет и нет. Потом в самом конце его, словно в мешке, целая куча рыбы, крупной и мелкой. Чиста вода в Тезе и много рыбы в ее заводях.

Через несколько дней мы покидаем Холуй. С парохода хорошо видно это село, с красивой рекой, протекающей на месте главной улицы. Утро. Радостное солнце поднимается над Холуем, освещая вековые деревья, сады, дома и светлые струи мирной Тезы.

Посреди села пароход останавливается, ждет, пока разведут мост, потом на тихом ходу минует его.

В восьми километрах ниже Холуя Теза впадает в Клязьму.

СТАТЬИ

П. КУПРИЯНОВСКИЙ

(кандидат филологических наук)

А. М. ГОРЬКИЙ И ИВАНОВЦЫ

Заметки и материалы

О литературных связях М. Горького с ивановцами написано немало. Особенно хорошо рассказано об этом в книге Дм. Семеновского «А. М. Горький. Письма и встречи», изданной в 1938 году в Иванове и в Москве. Опубликованы письма Горького к Д. Семеновскому, М. Шошину и М. Маркову. Частично известно о его переписке с нашими земляками писателями Д. Фурмановым, Е. Вихревым, Н. Колоколовым.

Существует также большое количество статей и материалов на тему «Горький и Палех», которые раскрывают огромную работу Горького о народном палехском искусстве и рассказывают о его встречах с палешанами.

Однако в местной краеведческой литературе еще не было попытки учесть и представить в наиболее полном виде связи великого писателя с нашей областью. Многие забыты, многое рассыпано по малодоступным изданиям.

Внимательное ознакомление с библиографической литературой о Горьком и, главное, с местной печатью позволяет значительно расширить число его корреспондентов-ивановцев и извлечь из забвения ценные материалы, имеющие не только краеведческое значение.

Настоящие заметки и материалы и ставят перед собой именно эти цели.

1. ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. ГОРЬКОГО С ИВАНОВЦАМИ — НАЧИНАЮЩИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

«Никогда еще в России не было такого количества молодежи, пишущей стихи и прозу; можно сказать, что страсть к литературе приняла характер эпидемии». Так писал А. М. Горький в 1927 году в статье «Заметки читателя».¹

¹ М. Горький, „Литературно-критические статьи“, 1937 г., стр. 294.

Эта «эпидемия» литературно-художественного творчества явилась результатом Великого Октября, который раскрепостил народные таланты и дал им возможность свободно развиваться и приобщаться к культуре. Сотни и тысячи молодых литераторов справедливо увидели в Горьком своего учителя в жизни и литературе. Вот почему нескончаемым потоком идут к нему письма и рукописи романов, повестей, рассказов, стихов.

Помощь начинающим писателям Горький считал своим долгом художника и гражданина. Он высоко ценил малейшую крупицу зарождающегося дарования и своими советами стремился всемерно его развить. Далеко не все из обращавшихся к Горькому стали потом профессиональными литераторами. Многие дальше «пробы пера» так и не пошли, но, пройдя сквозь горьковскую школу воспитания, они глубоко поняли великое назначение литературы и навсегда сохранили любовь к ней. Вместе с тем, среди людей, посылавших на суд Горькому свои первые робкие опыты, мы найдем немало и таких, которые позднее стали видными советскими писателями, внесшими большой вклад в сокровищницу советской литературы. Не будет преувеличением сказать, что среди крупных советских писателей немного найдется таких, в литературной судьбе которых в свое время Горький не принял бы участия.

Глубоко патриотическая работа Горького по воспитанию и выращиванию молодых писательских кадров на благо родной советской литературы представляется поистине колоссальной. Но мы еще не знаем эту работу во всем ее объеме, во всех ее деталях.

Поэтому каждый новый факт из деятельности Горького вносит какую-то свою черточку в его неповторимый облик — облик великого писателя, мудрого наставника и замечательно человека.

1

18 июня 1941 года в кинешемской районной газете «Приволжская правда» появилась статья заведующего клубом артели «Приволжанка» Л. Маклашина. Статья называлась «Письма и встречи».

Напечатанная в самый канун Великой Отечественной войны, она прошла незамеченной. Между тем и статья и особенно приведенные в ней большие отрывки из письма Горького представляют несомненный и значительный интерес.

Л. Маклашин обратился к Горькому в 1930 году. Вот как он сам рассказывает об этом в упомянутой статье «Письма и встречи»: «Прочитав в Иванове рассказ Горького «Коновалов», я и мой товарищ решили написать письмо его автору. Письмо написали большое. Начиналось оно так: «Хотим быть такими же, как Ваш Коновалов...» Вместе с письмом были отправлены

стихи и мой рассказ «Торфмейстер» — на просмотр. Через три недели мы получили ответ...»¹

Быстрота, с которой ответил Горький начинающим писателям, и сам ответ свидетельствуют о необычайной чуткости Горького к людям. Об этой же чуткости и отзывчивости говорит и другой факт: когда Л. Маклашин и его товарищ В. Зеленин написали Горькому, что у них нет необходимых книг, то он тотчас же прислал эти книги.

В числе присланных книг, как сообщает мне Л. Маклашин, была книга Горького «О литературе» и ряд брошюр с докладами на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.

В своем письме Горький останавливается на рассказе Л. Маклашина «Торфмейстер» и предупреждает автора о сложности писательского труда.

«Рассказ ваш, — пишет Горький, — имеет одно весьма определенное достоинство: он написан грамотно. Если я не ошибаюсь — у вас, как будто, заметна способность к литературной работе, но сказать это решительно не могу, потому что рассказ не дает мне этого права. Дело в том, что вам «обоим по 19 лет», а в этом возрасте у подростков ломается голос и трудно определить — баритоном или басом запоют они года через три, лет через пяток...»

Л. Маклашин и В. Зеленин, совершившие ряд путешествий по стране, в своем письме к Горькому делились с ним своими путевыми впечатлениями. Горький этим заинтересовывается. Указав конкретно на недостатки рассказа, он советует отложить его в сторону и предлагает описать путешествие в лодке от Кинешмы до Казани или рассказать о путешествии от Иваново-Вознесенска до Солигалича.

В заключение Горький советует начинающим писателям: «Старайтесь писать как можно проще, в бодром и веселом духе; захочется посмеяться над собой — посмейтесь. Опишите наиболее характерные встречи, беседы, пейзажи. Пишите так, как будто пишете для хороших ваших друзей... Привет, путешественники!»

Но Горький не ограничивается чисто «техническими» советами и практическими указаниями. Он выдвигает перед начинающим писателем большие мировоззренческие вопросы, ставляет его на правильный жизненный путь, учит его прежде всего честно, хорошо работать. Делает это Горький удивительно тактично, без назидательности, умело используя образ Коновалова, на которого хотели походить юноши.

«Вы, ребята, пишете мне: «Хотим быть такими же, как ваш Коновалов», т. е. людьми, вечно ищущими счастья и не находящими себе постоянного места на земле. Написали вы это потому, что вам «обоим по 19 лет» и у вас не было времени серьезно подумать о человеке и его месте на земле. Так как вы оба

¹ «Привольская правда», г. Кинешма, 1941 г., № 141, стр. 2.

метите в литераторы, я обязан указать вам, что выражение «постоянного места» употреблено вами неправильно: планета наша Земля есть именно постоянное место пребывания людей от рождения до смерти, искать его — нет смысла, оно у нас под ногами.

Вместо «постоянного» вам следовало сказать: прочного или удобного, заметного места. По существу этой вашей фразы скажу следующее: вам, людям 30-х годов XX века, нет никакого смысла подражать в чем-либо Александру Коновалову, человеку второй половины XIX века, человеку неплохому «по натуре», но «несчастному», жалкому, больному алкоголизмом. По болезни своей он и не искал в жизни прочного или удобного места, чувствуя, что личная его жизнь не удалась, да уже и никогда не удастся ему. Был он человек по характеру своему пассивный, был одним из множества людей того времени, которые, не находя себе места в своей среде, становились бродягами, странниками по «святым местам» или по кабакам. Если бы он дожил до 1905 года, он одинаково легко мог бы стать и «черносотенцем», и революционером, но в обоих случаях — ненадолго. Вот каков герой, которому вы хотите подражать.

Единственное ценное его качество вы не заметили. Качество это — любовь к работе. Работать он действительно любил, работал честно, чистооплотно, в тесто не плевал, как это делали многие другие пекари, обремененные тяжелой работой по 14—16 часов в сутки.

Любовь к работе,¹ честное отношение к ней — это качество социально высоко ценное, и вот в этом вам следует подражать Коновалову. Тем более следует, что теперь у нас рабочие — единственные законные хозяева своей страны, и какое бы дело ни делал каждый из них — он работает на себя и только для себя, для своего государства. Очень многие из рабочих еще не понимают этого и жалуются, ропщут, что жить трудно. Разумеется, трудно жить в недостроенном доме, а еще того труднее в государстве, которое строится на совершенно новых началах, как никто, нигде и никогда еще не пытался строить жизнь. Есть только один способ скорее достичь более легкой и удобной жизни, это — работать честней, добросовестней, аккуратней, понимая, что всякий труд у нас имеет общегосударственное значение и приносит пользу только рабочим...».

Горьковская характеристика Коновалова, которую мы находим в письме к Л. Маклашину, несомненно, должна быть учтена исследователями творчества Горького. Она вносит новые, весьма существенные штрихи в толкование этого образа автором.²

¹ В публикации газеты «Приволжская правда» ошибочно напечатано — «к родине».

² Сравни статью «О пьесах». — М. Горький, «О литературе», 1937, стр. 160.

Очень живо и актуально звучит в письме мысль Горького об «общегосударственном значении» труда в нашей стране.

В заключение несколько слов об адресате горьковских писем. Леонид Константинович Маклашин родился в 1911 г. В настоящее время он живет в Кинешме и работает на заводе имени Фрунзе. «Литературу люблю попрежнему», — пишет мне Л. Маклашин.

На поставленный мною вопрос, что побудило его обратиться со своими стихами и рассказом к Горькому и что ему было известно о Горьком, Л. Маклашин ответил: «К 1930 г. мне было известно, что Горький ведет большую переписку с начинающими писателями, на письма их отвечает аккуратно, детально анализирует рассказы и стихи. Читал я «Челкаша», «Буревестника», «Песню о Соколе» и другие произведения Горького. Знал также его биографию».

Впервые о своей переписке с Горьким Л. Маклашин сообщил в статье «Письмо великого учителя», напечатанной 18 июня 1937 г. в газете «Вперед» (г. Загорск, Московской области). Письмо Горького опубликовано там в более полном виде по сравнению с публикацией «Приволжской правды».

Копии с некоторых писем Горького в свое время Л. Маклашиным были отправлены в архив Горького. Оригиналы писем, согласно его словам, «за время войны исчезли».

2

Забота А. М. Горького о начинающем писателе, внимательное и требовательное отношение к нему ярко сказались и в его письмах к другому ивановцу — Н. А. Орлову.

Николай Орлов рос и учился в Иванове, затем окончил военную авиационную школу в Ленинграде.

«Стремление к литературной работе, которое я почувствовал еще в Иваново-Вознесенске, за интересной летной работой, стало еще сильнее», — пишет Н. Орлов в статье «Помощь»¹.

Свои стихи и очерки Н. Орлов помещал в военных газетах «Красный черноморец», «Красный Балтийский флот» и «Красная звезда». Не терял он связи и с родным городом.

В 1928—1929 годах Н. Орлов состоял членом местной литературной группы «Атака». Его стихи очень часто печатались в ивановской комсомольской газете «Юный текстильщик». Большинство из них посвящено военно-морской теме.

Однажды Н. Орлов свои стихи послал на консультацию в московский журнал «Октябрь» и ленинградский журнал «Рефлекс». Ответы, полученные из этих журналов, автора не удовлетворили, тем более, что они противоречили один другому.

¹ «Рабочий край», 1932 г., № 216, стр. 4.

«И вот, — рассказывает Н. Орлов, — тогда я решил обратиться к Алексею Максимовичу. Переписал несколько стихов и вместе с небольшим письмом послал в Сорренто (в Италию) Горькому.

Зная дальность расстояния и наученный месячным ожиданием ответа из Москвы и Ленинграда от наших литконсультаций, я предполагал, что ответ от М. Горького придет не раньше, как через 2—3 месяца. Каково же было мое удивление, когда я на двадцатый день после отправки письма получил ответ от Горького».

Горький в своем ответе настойчиво советует молодому автору учиться у классиков русского стиха — Пушкина, Лермонтова и других. Он предостерегает его против увлечения фокусами формального порядка и заставляет думать о тех, кому адресованы стихи, — о читателях-рабочих, которые дорожат в поэзии искренностью и естественной красотой.

Стихи Н. Орлова о полете на аэроплане, которые упоминает М. Горький в своем письме, напечатаны в газете «Юный текстильщик» за 19 декабря 1928 года (№ 98), стр. 3.

Вот это первое письмо А. М. Горького Н. Орлову:

«Стихи у вас — сырые, в них много небрежного, недоделанного и неясного. Но чувствуется дарование и вам следует отнестись к нему серьезно.

Надо учиться. Учиться следует у хороших мастеров стиха, у стариков таких, как Пушкин, Лермонтов и т. д. Внимательно прочитав старых, вы увидите, чего нехватает современным молодым, что они взяли от старых поэтов и чего добились сами. Понять это — легко. Понять это вам необходимо, если вы серьезно хотите писать стихи и не можете отказаться от этого.

Стихи о полете на аэроплане очень удались вам. Но зачем вы так фигурно расставили строки? Лишнее это. Читатели наши — простые хорошие рабочие люди, их внешними фокусами не тронешь, им нужна красота, искренность, хорошее, полновзвучное слово.

Всего доброго.

А. Пешков.

25. II. 29.

Горький не ограничился тем, что ответил Н. Орлову письмом. Он внимательно прочитал стихи и сделал на полях много заметок. Автор, переработав стихи согласно этим заметкам, снова послал их Горькому и получил от него вскоре следующий ответ:

«Стихи — не плохие. Вы бы послали их в московскую красноармейскую прессу.

По поводу слова «ситец», «ситцевый» я указал вам, что частое повторение одного и того же слова, как бы оно ни было

приятно лично вам, — читателю должно наскучить. Ведь стихи-то вы пишете не только для себя, а и для читателя.

Также не всегда уместно и повторять первую строфу в конце стихотворения.

Всего доброго.

А. Пешков.

29. III. 29.

Вспоминая о том значении, которое имели для него письма и указания Горького, Н. Орлов в цитированной выше статье заявляет: «Если я сейчас пишу гораздо больше удовлетворяющих меня стихов, я знаю, что в этом мне помог Алексей Максимович, как помог сотням других начинающих писателей».

Письма М. Горького Н. А. Орлову опубликованы в газете «Горьковская коммуна», 1940 г., № 139, стр. 2. Здесь же напечатано стихотворение Н. Орлова «Письма из Сорренто».

3

Третий адресат М. Горького — Ананий Федорович Яковлев (род. в 1910 г.), работавший в момент получения письма учителем в селе Пеньки, Кинешемского района.

Если Л. Маклашин и Н. Орлов, посылая свои произведения Горькому, хотели знать его мнение об этих произведениях и ждали от него советов и указаний, то А. Яковлев в своем письме к Горькому ставит вопрос шире: он хочет знать, в чем заключаются общие для всех молодых писателей недостатки и каковы пути их преодоления. Сам Яковлев ни стихов, ни рассказов не писал, но художественную литературу любил, особенно Горького. Тов. Яковлев регулярно читал также редактируемый Горьким журнал «Литературная учеба», где в 1930 г. печатались горьковские «Письма из редакции», посвященные разбору произведений молодых авторов. Все это и натолкнуло его на мысль обратиться с интересующим его вопросом именно к Горькому.

Перепечатываем ответ Горького, опубликованный в кинешемской газете «Приволжская правда», 1930 г., № 199, стр. 1:

«Вы, товарищ, спрашиваете: «Чего нехватает нашим молодым писателям», для того, чтобы книги ихние «брали за живое». И, затем, говорите, что, по-вашему, одним недостатком «выучки» эту «нехватку» едва ли можно объяснить.

Выучек — две, одна — лыко драть, другая — лапти плести. Лыко драть — значит: копить материал, уметь видеть, слышать; уметь чувствовать за всякого другого человека и «праведного» и грешного, уметь найти в хорошем — плохое, в плохом человеке — хорошее, человечье. Лапти плести — уметь

расположить материал так, чтоб всякая мелочь на месте была, а лишнего — ничего, чтоб все било и в нос, и в глаз, и в лоб читателя.

Вот это и есть техническая, литературная выучка и дается она — с трудом, как всякая выучка: агронома, доктора и т. д. Я, вот, пишу скоро 40 лет, а не могу сказать, что умею писать так, как хотел бы, выучки-то все-таки нехватает. И не мало, среди литераторов, есть людей, весьма много переживших, видевших и слышавших, рассказывают они об этом — хорошо, а пишут — плохо.

Выучка, техника, — великое дело, товарищ, без нее мы бы и теперь сохой землю ковыряли и одевались в звериные шкуры. А, вот, выучились трактором пахать, из дерева шелк делаем.

Нет, товарищ, надобно учиться всегда, всему; надобно напрягать все силы для того, чтобы больше знать, все знать. В старину говорились, что «познание умножает скорбь» — в этих словах есть правда, но — не вся. Горько и тягостно познание, когда видишь, что люди живут тяжело и плохо, но — великая радость знать, что они понимают, а многие уже и поняли, что надобно жить лучше и работать для того, чтобы всем лучше жилось.

Молодые писатели — молоды, это тоже недостаток их, но вы знаете, это — проходит. Торопятся они, небрежно работают, часто портят свой материал, да и язык родной, русский плоховато знают, а писатель должен отлично знать свой язык. Вон, как Пушкин, Гоголь и др. отлично знали его.

Будьте здоровы, товарищ.

Всего доброго.

М. Горький».

15. II. 30 г.

Публикуя ответ Горького А. Яковлеву, редакция газеты сделала такое примечание: «Ввиду громадного интереса трудящихся к вопросам пролетарской культуры, печатаем письмо полностью. Пользуемся случаем послать горячий привет М. Горькому».

Кроме этого письма, А. Яковлев получил от Горького еще одно письмо как ответ на вопрос о недостатках воспитания в школе тех лет. А. Ф. Яковлев сообщает мне: «Я спрашивал о том, почему в нашей школе недостаточно... воспитывается чувство патриотизма, в частности, на конкретных исторических примерах. А. М. Горький указывал в ответе, что необходимо действительно в этом направлении строить учебно-воспитательную работу. Содержание передаю по памяти, так как оригинал письма затерялся при моих переездах, связанных с профессией (землеустроитель), о чем очень сожалею».

В настоящее время А. Ф. Яковлев работает заведующим районным отделом сельского хозяйства в г. Солигаличе Костромской области.

И. М. ГОРЬКИЙ И ГАЗЕТА „РАБОЧИЙ КРАЙ“

В конце 1918 года со страниц Иваново-Вознесенской газеты «Рабочий край» местные поэты и писатели обратились к А. М. Горькому с письмом, в котором указывали на потребность издавать в Советской России хороший литературно-художественный журнал.

Так в трудных условиях гражданской войны начались отношения маленького отряда нарождающейся советской литературы с ее родоначальником, организатором и учителем.

С революцией в бывшем безуездном городе Иваново-Вознесенске, а теперь центре «красной губернии» начался невиданный культурный подъем. Показателем этого подъема была группа своих советских писателей и поэтов, которые работали много и плодотворно.

Д. Н. Семеновский вспоминает: «На ивановском Парнасе встретились деревенские парни, кухаркины дети, бывшие солдаты, старые и молодые рабочие. Собирались в нетопленной комнате, поэты грелись кипятком с сахарином, читали стихи. В стихах было немало сора, но попадались и крупинки золота. Продукция кружка шла в газету «Рабочий край»...¹

Горький с большим вниманием следит за деятельностью поэтов, объединившихся вокруг газеты «Рабочий край». Переписку с ним ведут М. Артамонов и, главным образом, Д. Семеновский, информируя его о литературной жизни в Иванове и посылая ему свои произведения и произведения своих товарищей: Жижина, Семина, Дмитриева, Барковой и других. Ответы Горького тут же становятся достоянием кружка поэтов, а иногда и читателей, так как газета придает большое значение слову великого пролетарского писателя.

Сообщая об ответе М. Горького на обращение ивановцев создать журнал, «Рабочий край» пишет:

«Находя, что это письмо Горького небезынтересно для всех, кто искренне любит русскую художественную литературу и кто дорожит каждой строчкой лучшего из современных мастеров слова, приводим некоторые выдержки из этого письма:

«Издание текущей художественной литературы я налаживаю. Будем издавать ее сборниками. Это, вероятно, скоро осуществится...»

¹ Дм. Семеновский — «А. М. Горький. Письма и встречи», изд. «Советский писатель», 1938 г., стр 81.

Далее газета приводит другое важное место из горьковского письма: «Надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть»¹ («Литературные новости» (Письмо Максима Горького) — «Рабочий край», 1919 г., № 1, 1 января, стр. 1).

24 апреля 1919 года (№ 88) «Рабочий край» печатает статью «Революция и частушка». В частушках, собранных в Иваново-Вознесенской и Владимирской губерниях и опубликованных в этой статье, ярко отразились настроения и мечты широких народных масс, освобожденных Октябрем.

В некоторых частушках отражено расслоение в деревне, классовая борьба между бедняками и кулаками, вопрос о женском равноправии и т. д.

Горький, всегда с особым вниманием относившийся к фольклору, как к голосу народа, узнав из письма Семеновского об этих частушках, проявляет к ним живейший интерес. Передавая содержание письма Горького Семеновскому, редакция газеты пишет: «Интересует Горького и новейшее народное творчество. Он хочет прочесть тот номер «Рабочего края», где напечатаны частушки о революции. Мы рады осуществить желание дорогого всей новой Руси писателя».²

Здесь же газета сообщает о планах Горького издавать в Петрограде журнал «Завтра». «Горький просит для предполагаемого журнала стихов наших иваново-вознесенских поэтов, сгруппировавшихся около «Рабочего края». Писатель заинтересовался их творчеством.

Он хорошо отзывался о Семине и особенно о Жижине, стихи которого, по выражению Горького, «свидетельствуют о его таланте».

Вскоре поэты кружка при «Рабочем крае» начали издавать альманахи и отдельные сборники своих стихов.

Горькому были посланы коллективные сборники «Крылья свободы» и «Красная улица». В 1919—1922 гг. вышли отдельными изданиями стихи М. Артамонова, А. Барковой, И. Жижина, Д. Семеновского. С некоторыми из этих книжек Горький был тоже, несомненно, знаком. Так, согласно свидетельству М. Артамонова, свой сборник «Земля родная» (1919 г.) он послал Горькому еще в рукописи. Хорошо знал Горький стихи Семеновского, заинтересовал ими А. Блока, пытался в 1919 году издать их в Петрограде книгой, но помешал этому бумажный кризис.

Во время одного из своих посещений Ленина, Горький рассказал ему о деятельности иваново-вознесенских поэтов. После этого Ленин передал библиотекарю Кремля записку следующего содержания:

¹ „Рабочий край“, 1919 г., № 1, стр. 1.

² „Рабочий край“, 1919 г., № 118, стр. 3.

«Прошу достать (комплект) «Рабочий край» в Ив.-Вознесенске (Кружок настоящих пролетарских поэтов). Хвалит Горький: Жижин, Артамонов, Семеновский. 28—1—1921 г.»¹

В этой записке следует обратить внимание на то обстоятельство, что Лениным подчеркнуто слово «настоящих». Повидимому, Горький в беседе с ним отделял творчество поэтов «Рабочего края» от высшей и трескучей поэзии пролеткультовцев, которые претендовали тогда на монопольное право называться пролетарскими писателями и поэтами, хотя на это не имели никакого права. Против вредных идей Пролеткульта Ленин неоднократно выступал в конце 1920 г. Поэтому его заинтересовала деятельность именно «настоящих пролетарских поэтов», как характеризовал ивановцев Горький.

В ноябре 1921 года, в связи с резким обострением болезни, Горький, по настоянию Ленина, уезжает лечиться за границу, сначала в Германию, потом в Италию. Но и за границей Горький не забывает поэтов «Рабочего края». Он переписывается с Д. Семеновским, предлагает ивановцам вступить в связь с русским книгоиздательством в Берлине.

Как вспоминает Семеновский, «предложением поэты не воспользовались, так как можно было печататься и дома, но Алексею Максимовичу за память остались благодарны».²

В 1928 г. страна праздновала 60-летний юбилей со дня рождения и 35 лет творческой деятельности своего любимого писателя. Это вызвало печатание большого количества материалов и воспоминаний о Горьком, поток писем и приветствий к нему. «Рабочий край» уделяет Горькому очень большое внимание. На его страницах печатаются интересные «Воспоминания о Максиме Горьком» М. А. Багаева, иваново-вознесенского революционера, одного из организаторов и активных деятелей Северного рабочего союза (1928, №№ 72—74), приветственное письмо рабкоров и писателей с приглашением приехать в Иваново (№ 75), отзывы о его произведениях читателей и т. д. № 6 Литературного приложения к «Рабочему краю» был целиком посвящен Горькому: здесь опубликована часть его писем Семеновскому и другие материалы.

Возвратившись 28 мая 1928 года в СССР, Горький задумывает совершить поездку по родной стране. 1 июня в «Рабочем крае» печатается сообщение из Москвы о том, что Горький «хочет быть всюду и обязательно — в Ив.-Вознесенске». В связи с этим «Рабочий край» от имени редакции и иваново-вознесенской ассоциации пролетарских писателей посылает следующую телеграмму:

«Москва — «Правда» — Горькому. Алексей Максимович! Бесконечно рады приветствовать Ваш приезд в СССР. Ивано-

¹ «Правда», 1927 г., № 17.

² Дм. Семеновский, «А. М. Горький. Письма и встречи», стр. 84.

во-вознесенские рабочие будут рады видеть своего любимого писателя в Иваново-Вознесенске. Не теряем надежды на Ваш приезд».¹

Замысел Горького побывать в Иваново не осуществился, но его интерес к городу революционных ткачей, развернувшему бурное социалистическое строительство, был значительным: об этом говорят и некоторые из печатаемых ниже материалов.

Горький попрежнему внимателен к сотрудничающим в «Рабочем крае» литераторам: он помогает начинающему тогда писателю М. Шошину, и одобрительно отзываясь о стихотворных фельетонах Семеновского, которые тот печатал в течение многих лет под псевдонимом К. Васин. В 1930 г. в предисловии к книге Семеновского «Земля в цветах» он писал: «Фельетоны Семеновского в «Рабочем крае» беспощадно бьют все, что нужно бить словами правды, и всех кого следует бить».²

В свою очередь газета «Рабочий край» постоянно информирует своих читателей о Горьком и часто перепечатывает его статьи. Она не ограничивается, например, официальными сообщениями о поездках Горького по СССР в 1928 и 1929 годах, а печатает ряд статей своих собственных информаторов: «О чем говорил Горький на торжественном заседании Нижегородского горсовета 7 августа (1928, № 184), письмо из Саратова «Максим Горький на Волге» (1929, № 196) и письмо из Ростова-на-Дону «М. Горький на Сельмашстрое» (1929, № 201).

На страницах «Рабочего края» вплоть до 1936 года публикуется целый ряд горьковских материалов — преимущественно его писем отдельным лицам, коллективам и учреждениям обширной тогда Ивановской области: письма М. Шошину и Д. Семеновскому, школьникам г. Вязники, рабочим костромской типографии «Красный печатник», колхозникам села Губцева. Все эти письма зарегистрированы или в основном своде или в дополнительном списке известного библиографического труда С. Д. Балухатого и К. Д. Муратовой «Литературная работа М. Горького» и частично вошли в историко-литературный обиход.

Однако среди напечатанных в «Рабочем крае» горьковских материалов есть и такие, которые не учтены в специальной литературе о Горьком.

Большой интерес представляет запись беседы сотрудника газеты «Рабочий край» с Горьким. Беседа эта состоялась 12 октября 1928 года, в день отъезда Горького в Сорренто (отъезд был вызван состоянием здоровья).

Делясь впечатлениями о встрече с Горьким, корреспондент «Рабочего края» пишет: «Он все читал и все помнит: название комсомольской газеты, свою статью о крестьянах, фамилию

¹ «Рабочий край», 1928 г., № 124, стр. 1.

² М. Горький, «Несобранные литературно-критические статьи», 1941 г., стр. 124.

поэта Семеновского. И не только фамилию. Он расспрашивает, как расходятся книги Семеновского, что делает поэт, о чем пишет, как живет...»¹

В августе 1928 г. в №№ 186, 193, 199 «Рабочего края» было проведено обсуждение вопроса о том, как показывать наши достижения. Несомненно, обсуждение этого вопроса было вызвано статьей М. Горького «О наших достижениях», помещенной в газетах «Правда» и «Известия» за 1 июля. В этой статье Горький говорит о необходимости издавать журнал очерков «Наши достижения». Идею издания журнала «Наши достижения» он развивает в многочисленных публицистических выступлениях этого года. Не обошел Горький темы о новом журнале и в беседе с сотрудником «Рабочего края». Повидимому, его очень волновало то, какой отклик вызовут его предложения и его идеи, и он внимательно следил даже за периферийной печатью, в том числе и за дискуссией в «Рабочем крае». Любопытный факт: Горький являлся подписчиком всех трех ивановских газет: «Рабочего края», «Юного текстильщика» и «Смычки». Это показывает, насколько тесно он был связан с жизнью своей родной страны, находясь за границей.

Горький интересовался грандиозным строительством, которое развернулось в годы первой сталинской пятилетки в Иванове, он просил присылать ему материалы о «Красной Талке» и особенно о Меланжевом комбинате, а ивановских писателей приглашал сотрудничать в журнале «Наши достижения». В январе 1929 года вышел в свет первый номер этого журнала и вскоре в нем были напечатаны очерки М. Шошина, а затем Д. Семеновского.

Второй из воспроизводимых ниже документов — письмо М. Горького членам литературного кружка профессионально-технической школы г. Покровска (теперь — г. Энгельс). Письмо Горького членам этого же кружка на тему о том, кого можно считать пролетарским писателем, широко известно: оно было опубликовано 21 апреля 1928 года в центральных газетах, а потом неоднократно перепечатывалось и цитировалось. Настоящее письмо до сих пор не числилось как опубликованное.

1. А. М. ГОРЬКИЙ — „РАБОЧЕМУ КРАЮ“

(Беседа с сотрудником газеты)

В день своего отъезда за границу Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) имел продолжительную беседу с сотрудником «Рабочего края».

Как показывать достижения

Горький знаком с обсуждением в нашей газете вопроса о том, как показывать наши достижения.

¹ „Рабочий край“, 1928 г., № 239, стр. 1.

На вопрос, следует ли показывать работу отдельных строителей социализма, или ограничиться показом работы целых коллективов, Горький дал следующий ответ:

— Личность, — сказал он, — воспитывается коллективом и через коллектив выдвигается. Она все время подвергается воздействию коллектива. Коллектив воспитал и продолжает воспитывать личность.

Но ограничиться показом работы коллектива, отгесняя отдельных людей на задний план, — нельзя. Творческая работа масс выявляется через воспитанную им личность. В СССР множество талантливых, творчески деятельных людей. Показывать их во весь рост, отмечать их работу — первейшая задача советской печати. Можно и должно выпячивать работу отдельного человека, как бы скромна эта работа ни была, если эта работа делается хорошо.

Горький напишет свои впечатления

На вопрос, в какой форме Алексей Максимович предполагает написать о Советском Союзе, Горький ответил:

— Было бы смешно, если бы я, пробыв в СССР несколько месяцев, сразу бы стал писать роман о Советской России. Я напишу свои впечатления, то, что я видел и слышал, и то, что я обо всем этом думаю.

На вопрос, почему Горький не побывал в Иваново-Вознесенске, Алексей Максимович объяснил, что товарищ его, с которым он собирался приехать, не смог отлучиться из Москвы. Горький надеется в мае 1929 года снова быть в СССР и дал обещание непременно приехать в Иваново.

А. М. очень интересуется нашим строительством и просил прислать ему подробные материалы, в частности, о «Красной Талке» и особенно о «Меланжевом комбинате».

Горький просил включить его в число подписчиков «Рабочего края», «Юного текстильщика», «Смычки».

По вопросу о дискуссии, имевшей место в «Юном текстильщике» в связи с помощью, оказанной тов. Горьким Хапаеву, А. М. сообщил, что следил за этой дискуссией...¹

О журнале „Наши достижения“

В заключение Горький обращает внимание на важность журнала «Наши достижения», который будет выходить под его редакцией. На вопрос, зачем освещать достижения на страницах нашей печати отдельно от освещения недостатков, А. М. ответил, что видел в СССР не только достижения, но и отдельные недостатки. О недочетах в нашей работе он не раз говорил

¹ Письмо М. Горького А. Хапаеву опубликовано в газ. «Юный текстильщик», 1928 г., № 34, стр. 3; письмо М. Горького редакции газ. «Рабочий край» опубликовано в этой газете 1928 г., № 120, стр. 2. Оба письма в библиографической литературе о Горьком не зарегистрированы.

с руководителями нашего строительства, но недочеты эти никак ни в какой мере не заслоняют гигантского нашего роста.

— Вы не знаете Европы, — сказал А. М., — там все до того непрочно, запутано, так чувствуется тупик, что СССР представляется совершенно другим миром. Здесь совершенно ясна цель работы, смысл строительства, здесь каждая сделанная вещь — путь к социализму.

Горький нисколько не проглядел затруднений, нами переживаемых, и серьезных опасностей, которые перед нами стоят.

«Но в конце концов есть история, — сказал А. М., есть объективный ход вещей, а история работает за вас».

Журнал «Наши достижения» должен отразить именно этот непрерывный рост наших сил. Надо сосредоточить информацию, разбросанную на страницах печати, в одном месте, как бы устраивать ежемесячный смотр.

(Таков смысл беседы с Горьким о новом журнале. А. М. будет просматривать весь материал журнала, который ему будет посылать в Сорренто)...

Прощаясь с сотрудником, Алексей Максимович осведомился о работе ивановца-поэта т. Семеновского и просил передать привет иваново-вознесенским рабочим и сотрудникам «Рабочего края».¹

2. ПИСЬМО М. ГОРЬКОГО ЧЛЕНАМ ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА ПОКРОВСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Отвечаю на ваше письмо; раньше ответить не мог.

На мой взгляд — в слове «совесть» — весть — производное от старославянского глагола «ведать», знать. Понятие совесть образовалось, наверно, по тому же закону, который действовал при образовании понятий со-житие, со-единение, со-гласие.

Таким образом, первоначально понятием совесть обозначалось совместно всем родом выработанное, принятое и утвержденное, как правда, знание — ведение — о чем-либо социально-полезном, что скрепляло взаимоотношения рода. Отсюда, мне кажется, совершенно ясно значение совести, как правила поведения, установленного согласно и совместно коллективом, всеми членами рода для каждого из них. Род, наслаиваясь на род, образовал более широкий коллектив — народ, а, вместе с этим, понятие — «совесть» расширялось, углублялось до понятия «народной совести». Но, как Вы знаете, народ не есть целостное, равноправное, он еще в глубокой древности разъединился на жрецов, воинов, торговцев, рабов, и у каждого из этих экономически разобщенных коллективов должна была выработаться своя совесть, цель которой ясна: укрепление и защита прав каждого из коллективов.

¹ «Рабочий край», 1928 г., № 239, стр. 1. (Перепечатаваем с небольшими сокращениями.— П. К.)

В законодательстве салических франков и в «Русской правде» наказания за убийство различны, глядя по тому, кто убит: свободорожденный или раб. Разумеется, за убийство раба наказывали гораздо легче, за убийство свободорожденного — суровее. И чем более широко развивалось классовое общество, основанное на частной собственности и борьбе за власть, тем более легко дробилась «народная совесть», тем больше являлось различных групповых правд, «моральных традиций». Над всеми разновидностями совестей возвышался бог, в лице представителей на земле — жрецов, пап, епископов. Они не только не протестовали против власти меньшинства над большинством, но сами лично были рабовладельцами. Автор «Катехизиса», митрополит Филарет, защищал крепостное право. В творениях церковников и философов-идеалистов вы найдете неисчерпаемое количество примеров именно хитрости, с которой люди оправдывают угнетение человека человеком, войны и всяческую мерзость современной вам жизни, которая ведет людей к вырождению, культуру — к гибели.

Ваш пример Бориса Годунова, так же, как пример Лэди Макбет, Раскольникова и многие другие, — все это превосходно с точки зрения искусства, художественной правды и необходимости напомнить человеку, что он — не зверь, он не должен убивать ради укрепления своей власти, ради удовлетворения зоологического эгоизма. Шекспир жил в эпоху церковной инквизиции и ужасающих религиозных войн, при Шекспире герцог Альба сжег на костре свыше 30 тысяч фламандцев. Пушкин жил в годы покорения Кавказа, Достоевский не поднимал голоса против русско-турецкой войны. Мы только что пережили четыре года самой отвратительной и преступной бойни (имеется в виду мировая империалистическая война 1914 — 1918 гг. — П. К.) и, кажется, мы накануне другой, еще более гнусной, разорительной и кровавой, которую затевает группа международных хищников ради укрепления своей власти...

Всего доброго.

А. Пешков.

Сорренто, 20 ноября 1928 г.¹

¹ «Рабочий край», 1928 г., № 287, стр. 3. (Перепечатываем с небольшим сокращением. П. К.).

И. АЛЕКСЕЕВ

О РАБОТЕ С НАЧИНАЮЩИМИ АВТОРАМИ

(Вместо консультации)

Темы стихов начинающих авторов многообразны. Счастье созидательного труда в стране социализма — этот мотив звучит в стихах все более часто, становится преобладающим.

«Революция по Родине промчалась — стал свободным, светлым весь наш труд», — пишет работница А. Кучерова. Советский человек, по ее мнению, не может сбиться с верного пути, потому что он несет в своем сердце «яркий огонек от лучей кремлевских красных звезд». Этому человеку День Победы дорог не только как напоминание о бессмертном подвиге советского народа, но и как день, вернувший ему радость мирного труда, неомраченное солнце.

Всех в деревне поздравляя
С торжеством большого дня,
Солнце шло не уставая,
Всюду золотом звеня.

Этими словами начинает свое стихотворение о Дне Победы (1947 г.) А. Барашков. Он так и называет его «Солнечный день». Фронт упоминается здесь, но теперь это слово окружено тем же сиянием радости:

В стороне, над горизонтом,
Стал сгущаться красный тон,
Словно шло оттуда с фронта,
Войско с тысячью знамен.

От великой победы на фронте — к великому созидательному труду на очищенной от врага родной земле. Вместо грохота пушек — звон топоров, стук молотков, огромная радость жизни — весна победы.

Большинство начинающих писать стихи хочет и любит учиться. Учиться им необходимо. Многие из них не умеют видеть, на-

блюдать, не отличают поэтическое от непоэтического, необходимое от лишнего. У них слабо развиты языковое чутье и литературный вкус, они мало и поверхностно читали. Но нельзя отмахиваться от таких авторов кратким и невразумительным ответом: «Стихи очень слабы. Не пойдут». Это было бы неуважением к советскому человеку. Надо помнить, что побуждения громадного большинства авторов, берущихся за стихи, — самые благородные. Вот одно из многих таких же по характеру писем в редакцию областной газеты:

«Я прекрасно знаю, что мое «творчество» под заголовками «Лес нужен людям везде и всегда, как воздух, пища, вода» и «Борьба за лес» не представляют художественной ценности. Прошу сообщить мне, стоит ли в дальнейшем терять время на стихи. Вдруг они окажутся, сверх моего ожидания, полезными и нужными. Уведомьте меня об этом, если найдете нужным».

Авторы, подобные этому тов. К. из Южского района, сами знают, что их стихи слабы. Им надо указать конкретно, чем слабы стихи и чем эта слабость объясняется, сказать, что надо делать, чтобы результаты были лучше.

Но для тов. К. стихи еще, повидимому, не стали жизненной потребностью, влечение к ним не стало неодолимым.

Те же, для кого стихи — потребность, с повышенной чувствительностью относятся ко всем оттенкам ответа из литконсультации. Обычно они нуждаются в большой помощи литературного грамотного человека, понимают это и очень просят помочь им.

Письмо Николая С. (Гаврилово-Посадский район) очень типично в этом отношении.

«Дорогая редакция! — пишет он. — К 30-летию ВЛКСМ я написал небольшую поэму «Друзьям-комсомольцам», которую вам и посылаю. Если она подойдет для печати, то опубликуйте в вашей газете «Рабочий край», если нет, то дайте ответ и указания на ошибки, чтобы я мог ее проработать».

Несколько о себе. Я учусь в десятом классе. Мне 18 лет. Пишу уже 3 года. За это время я написал около тысячи стихотворений, три поэмы... Пробовал свои силы и в прозе, написал рассказ...

Конечно я молод, без ошибок не обходится, поэтому я обращаюсь к вам за помощью. В случае удачи и неудачи напишите ответ. Очень прошу».

Николай С. находится в лучшем положении, чем В. К-в из Ивановского района. Первый кончает десятилетку, у второго образование едва ли выше начального. В. К-в очень хотел бы читать побольше, но живет он далеко от библиотеки.

«Мне бы очень хотелось прочесть о том, — пишет он, — что нужно знать при писании стихов, чтобы они были безупречны. Сейчас же сочиняю их, едва зная размер. А ведь охота-то смертная. Так бы и написал что-нибудь хорошее!»

Людей, что-нибудь понимающих в области стихов, нет. А есть так такие, которые, когда я читаю им свои стихи, только хвалят. Меня это не удовлетворяет. И как мне выйти из этого положения, не придумая».

Авторов, подобных Николаю С. и В. К-ву, много. Работать они хотят и могут.

Помимо того, сплошь и рядом бывает так, что человек может писать стихи и три, и пять, и больше лет все еще с «непрорезавшимися» поэтически глазами. И, когда кто-то или что-то поможет его глазам «прорезаться», совершается «чудо»: человек, не обнаруживавший поэтического чутья, начинает видеть и показывать мир поэтически. Это значит, что инстинктивно он давно тянулся в эту сторону, но до сих пор работал вслепую, главным образом потому, что не встретил квалифицированной помощи.

Бывает, наконец, и так, что автор, уже печатавший неплохие стихи и как будто имеющий самые благоприятные условия для развития, вдруг заболевает каким-то литературным художником, вступает в полосу кризиса. И не всегда тем, к кому он обращается, удается объяснить себе и ему, в чем же тут дело. Все это говорится к тому, что не следует раньше времени справлять рождение поэта, как не следует раньше времени хоронить его. Тем, кто помогает начинающим «становиться на ноги», надо, по возможности, воздержаться от аттестаций, ограничивая свою задачу повышением литературной грамотности своих подшефных.

Что особенно важно для пишущего?

Побольше видеть, внимательно присматриваться к жизни, к природе. Прислушиваться к языку народа, постоянно накапливать впечатления. Больше читать художественной литературы. Вдумчиво, медленно, изучающе читать. Осваивать опыт мастеров слова, тем самым развивая и обогащая свой язык. Непрестанно учиться, расширять свои знания и особенно политический кругозор. Быть взыскательней к своей работе, чаще зачеркивать написанное, искать все лучшего и лучшего — самого точного, яркого и необходимого слова. Общаться с литературной средой.

Общение с литераторами больше всего остального способствует быстрому росту литературной грамотности пишущего и развитию его способностей. Это общение настраивает его, «заводит», заставляет соревноваться. Тем, кто лишен этого непосредственного общения с литературной средой, необходим литературный советчик, консультант.

С литературными советчиками у нас не очень благополучно. Обычно консультируют преподаватели литературы, газетчики, писатели. Но официальной должности консультанта нет ни при областной газете, ни при Ивановском отделении Союза писателей. А между тем консультация — дело временами

очень тяжелое. Нельзя отказаться от чтения рукописи только потому, что она написана карандашом на серой бумаге. А рукописей, неряшливо и нечетко переписанных, большинство. Уж только прочесть такую рукопись большого объема — подвиг. Поэтому трудно найти энтузиастов литературной консультации. Обычно эта работа воспринимается тем, кто ее ведет, как тяжелое бремя. Понятно, что это идет не на пользу качеству консультации. И часто ответы на письма со стихами являются лишь отписками.

Не оказывает надлежащей помощи начинающим авторам и средняя школа. Не секрет, что преподаватели литературы, особенно в периферийных школах, подчас сами плохо разбираются в стихах, не чувствуя вкуса к этой работе, и чаще всего советуют автору послать стихи «в газету». Не случайно школьные литературные кружки с так называемым «творческим уклоном» очень редки и быстро распадаются. Исключение составляют кружки, которыми руководят преподаватели, пишущие сами. А между тем нормальнее всего именно в школе получить начинающему автору свое первое поэтическое крещение. Участие в стенной газете, рукописном журнале, если их редактирует внимательная и умелая рука, разбор стихов на собраниях литературного кружка — все это прекрасные средства воспитания будущего поэта.

Чего хотят начинающие авторы от литературного советчика? Правдивой оценки их сочинений, или, как они любят выражаться, «беспощадной критики», строгого, пронизательного, доказательного разбора своей продукции и указаний, как работать дальше.

Они требуют «беспощадной критики» потому, что советская действительность приучила их видеть в критике и самокритике первое условие роста, движения вперед. Они требуют ее и потому, что сами чувствуют, но не всегда могут определить недостатки своих стихов.

Каковы эти недостатки? Их много. Часто стихи неконкретны, в них нет живого ощущения предметов, они оторваны от жизни, не прикреплены к месту и времени. Неумелая композиция, растянutosть стихов, бедность и бледность словаря, неряшливый синтаксис и просто синтаксическая неграмотность — все это может быть обнаружено в стихах без больших усилий. Даже в стихах тех авторов, которые уже начали печататься или уже подошли к этому.

Приведем примеры: вот первая строфа стихотворения «Июнь» А. Барашкова, упомянутого выше:

Позалегли, дымя росой,
Июньские луга.
Дорога жметя к перелеску,
Согревшись, спят стога.

На первый взгляд здесь все кажется благополучным. Но это — недоработанная строфа. Глагол «позалегли» явно требует пояснительного слова, обстоятельства места. «Дым росы» для июньских скошенных лугов мало характерен, надо было поискать более яркий признак. Далее автор говорит о согревавшихся стогах. Почему стога согрелись? Ведь роса не греет, наоборот, от нее холодно. Остается одно объяснение: сено было заложено в стога плохо просушенным и согрелось, или «сгорелось», как говорят в деревне. Значит, работа была небрежной, плохой, и, значит, эти строки о стогах в данном случае неуместны, неудачны.

А вот отрывок из стихотворения о Пушкине, написанного студентом педагогического института:

Мундир жандармский за тобой, как тень,
Всю жизнь, как призрак синий, брезжил
В тиши лесов, полей и деревень.
Он вновь с тобой . . . Он из пороши снега
Стеклою окном сторожит твой гроб.
Он и от трупа ждет еще побега,
Забвеньем целя в твой арабский лоб.

Здесь масса нелепостей и неточностей. Во-первых, жандармские мундиры были не синего, а голубого цвета. Во-вторых, непонятно, почему жандармы следили за Пушкиным только в деревне (в тиши лесов, полей и деревень). В-третьих, мундир не может смотреть стеклянными «оком» или «целить в лоб». В-четвертых, предок Пушкина по материнской линии был не араб, а арап, — так называли в старые времена негров. Наконец, очень плохо выражение «забвеньем целя в лоб», — надуманное, фальшивое. «Пороша снега» — это тоже неудачно, нечто вроде выражения «масло масляное».

И, наконец, остановимся на стихотворении «Весна» тов. Г., автора более опытного.

Несказанной любовью горячи,
Пахнув теплыню, снега дни проходят.
И, может быть, поэтому грачи
Крылатый разговор над пашнями заводят.

А на заре, в предутреннюю рань,
Шумит набухший почками березник.
И сквозь иглиц запутанную ткань
Пробьется, вспыхнув огоньком, подснежник.

Темнеет бор, густые брови сдвинув,
Вдали чернеет неподвижный пруд,
И по стране, зеленый плащ раскинув,
Идет весна, неся желанный труд.

С утра до ночи трактор — за селом,
За хмельными колхозными садами,
Укладывает в строй душистый чернозем
Подстриженными ровными рядами.

И на полях изнеженную шаль,
На землю сочную, созревшую, как гроздь,
Сбивая рос шлифованный хрусталь,
Неудержимым ливнем хлынет дождь.

Дымок пыльцы забрезжит над сосной,
И все кипит в моем родимом крае.
И хорошо крылатою весной
О золотом напомнить урожае.

Стихотворение написано небрежно, сколочено плохо. В нем трудно прощупать руководящую мысль. Если она скрывается в последних двух строках, то надо признать, что формулировка ее малограмотна. Может быть, и хорошо «крылатою весной о золотом напомнить урожае», но кому и зачем следует напомнить об этом?

Понятно, что, поскольку в стихотворении нет ясно осознанной идеи, строфы его сцеплены между собой лишь внешне, очень слабо, не нанизанные на один стержень, они «вихляются». Эта расшатанность в «скреплениях» и бессвязица свойственны стихотворению в целом и почти каждой строфе в отдельности.

Достаточно посмотреть на последнюю строфу: она отражает особенности построения всей вещи. Смыслового единства в строфе нет. Здесь строки первая, вторая и третья никак не связаны друг с другом по смыслу. А третья с четвертой связаны лишь формально, так как они вместе не выражают ясной мысли.

Автор в первой строке берет для сказуемого глагол будущего времени: «Дымок пыльцы забрезжит над сосной». Это когда-то будет. «И все кипит в моем родимом крае». А это уже есть, «кипит» — глагол настоящего времени. В последних же строках сказуемое выражено глаголом неопределенной формы, и там опять-таки говорится о чем-то, что не связано ни с первой, ни со второй мыслью. Одним словом, мысли связываются друг с другом по принципу: «В огороде лебеда, во Киеве — дядька».

Союзы «и» в этой строфе и других выступают не в своей обычной функции, а просто «затыкают дыру» в строке. Грамматическим выражением разлада и бессвязица в стихотворении как раз и является «разнокалиберность» глаголов и употребление союзов в несвойственном им значении. Читатель при желании легко проследит это сам на протяжении всего стихотворения.

В стихотворении нет ни одной вполне удовлетворительной строфы. Создается впечатление, что автор, написав его, ни разу написанное не прочел и в написанное не вдумался. Иначе он увидел бы, что у него крылаты и разговор грачей и весна, поэтому читатель перестает понимать этот эпитет. Что нельзя ставить рядом «темнеет лес» и «чернеет пруд». Что «полей изнеженная шаль» — это что-то плохо выдуманное, а не увиденное. Что когда идут первые дожди, до первых рос еще далеко. Что фраза «Идет весна, неся желанный труд», утверждает, что до прихода весны труда или не было, или он был нежеланным. Что ткань не может быть запутанной. И т. д.

Во всем стихотворении и запоминается только огонек подснежника. Это стихотворение у тов. Г. — не из лучших, но, очевидно, и не из худших, иначе он его не предложил бы для печати. Тов. Г. может работать, но ему мешают две вещи: нетерпимое отношение к чужим стихам и некритическое к своим собственным. Возможно, это — следствие того, что автор долгое время «варился в собственном соку». В последнее время общение с другими литераторами принесло ему существенную пользу.

Недостатки стихотворения «Весна» типичны для стихов многих других молодых авторов. Над искоренением их надо много поработать.

В самом г. Иванове работа с начинающими, плохо ли, хорошо ли, но ведется. Все чаще мы видим новые фамилии под стихами и в «Рабочем крае» и в «Ивановском альманахе».

Но таких фамилий могло быть значительно больше, а качество стихов молодых авторов могло быть значительно выше, если бы работа с начинающими велась более планомерно, целенаправленно, вдумчиво.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ОЖИВШИЕ ПРЕДАНИЯ

На обложке книги новых сказов Михаила Кочнева¹ нарисована девушка, которая радостно протянула руки навстречу сказочной птице, освещенной лучами солнца.

Художник И. Т. Колочков весьма удачно вскрыл в этом рисунке творческий замысел автора книги, отчетливо намеченный в посвящении, которое адресовано матери писателя, «с малолетства породнившейся с песнями веретена и челнока»:

Твоя спина не разгибалась
От непосильного труда,
И только в сказке все сбывалось,
О чем мечтала ты тогда...
Ушли те годы безвозвратно.
И вновь бесправно не быть.
Прими, родимая, обратно
Мечты серебряную нить.
Через твои воспоминанья
Она, как солнца луч, прошла,
И в сердце ожили преданья,
Что ты из ткацкой принесла.

«Оживить преданья», бытовавшие в рабочей среде, из воспоминаний и легенд человека труда уловить «мечты серебряные нити» и передать все это в форме сказа — вот к чему стремится Михаил Кочнев.

Большинство сказов Кочнева тематически связано с дореволюционной эпохой.

Они рисуют жизнь, быт, борьбу и думы прях, ткачих, набойщи-ков, челночников, лошальщиков и людей других профессий.

Естественно, что о светлой доле и свободном радостном труде рабочий человек в то время мог только мечтать. Однако, осмысляя свою жизнь, в преданиях он закреплял не только мечту, но и обстановку реальной жизни с ее картинами жестокой эксплуатации и попытками стихийного или осознанного революционного протеста. В соответствии с этим в сказах Кочнева мы встречаемся и с элементами фантастики, близкой по своему духу к русской народной сказке, и с реалистическими зарисовками.

Питаясь из истоков рабочего фольклора и русской народной сказки, сказы Кочнева вместе с тем не являются простой записью или обработкой произведений устного народного творчества. Они — результат творческого труда их автора.

Сам жанр сказа и то идейно-художественное оформление, которое он получает в советской литературе, вызваны к жизни нашей социалистической действительностью.

¹ Михаил Кочнев, «Сорок веретен», Сказы, Ивановское областное издательство, 1948 г.

Основоположник советской литературы А. М. Горький, выступая на Первом всесоюзном съезде советских писателей, отметил, что литература прошлого почти не исследовала «роль трудовых процессов» в жизни человека. Тема труда не была этой литературой затронута в достаточной степени. И это понятно: нельзя было воспевать и славить труд полным голосом, так как этот труд был рабским, подневольным, каторжным.

Правда, «поэзия земледельческого труда» в классической русской литературе нашла все же некоторое отражение. Вспоминаются стихи Кольцова и Некрасова, сцена косьбы в «Анне Карениной» Л. Толстого, очерки «Крестьянин и крестьянский труд» Г. Успенского. В очерке «Поэзия земледельческого труда» Г. Успенский писал о «нравственной многосодержательности» крестьянского труда, но он, как и другие писатели-классики, не смог передать поэзии овладения природой, пафоса подчинения природы человеку, т. е. в конечном счете не смог раскрыть труд как творчество.

Поэзия производственного труда осталась вне поля зрения литературы критического реализма. Картины фабрично-заводской жизни писатели прошлого рисовали мрачными красками, сравнивая, например, завод с образом кровожадного бога, постоянно требующего человеческих жертв (повесть А. И. Куприна «Молох»).

Что в дооктябрьской реалистической литературе господствовали именно эти краски, а не иные, для этого были свои исторические причины: а именно, как уже отмечалось выше, изнурительные, непомерно тяжелые, эксплуататорские условия труда на капиталистическом производстве. Эти условия мешали талантливому русскому народу развернуть все свои творческие силы. И все же, несмотря на это, русские люди сумели достичь великодушного мастерства в самых различных отраслях производства, в том числе и в текстильном, сплошь и рядом опережая заграничных мастеров, оставляя их позади себя в искусстве труда.

Народ восхищался теми людьми, которые понимали труд как творчество. В своих преданиях, сказах он поэтизировал «мастеров своего ремесла», «умельцев», «искусников»; отважных искателей нового. Но люди этого типа не стали героями литературы. Исключением до некоторой степени можно считать лишь героя сказа Н. С. Лескова «Левша».

Следует заметить, что жанр рабочего сказа, в котором мотив мастерства занимает исключительное место, находился в явном пренебрежении у дореволюционной академической науки о фольклоре: она не оставила нам даже записей рабочих сказов. Это пренебрежение связано вообще с крайне отрицательным отношением буржуазно-дворянской фольклористики к рабочему фольклору, как якобы явлению «низкого сорта».

После Великой Октябрьской социалистической революции вековое народное творчество зажило новой жизнью, и рабочий фольклор занял в фольклористике и в сознании писателей достойное место.

Обращаясь к советским писателям, Горький настойчиво учил: «Начало искусства слова — в фольклоре». Он указывал, что литература социалистического реализма основным героем «должна избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда». «Мы должны выучиться понимать труд, как творчество», — говорил Горький.

Начиная с романа Ф. Гладкова «Цемент» и так называемых «производственных романов» периода первой пятилетки вплоть до наиболее крупных произведений последних дней («Далеко от Москвы» В. Ажеева и др.), тема труда советского человека находит свое воплощение в нашей литературе как одна из ее ведущих тем.

Примечательно, что в советской литературе происходит как бы реабилитация профессий. Все профессии почетны, ибо труд на благо народа, в любой из его форм, в нашей стране стал «делом чести, делом славы, делом доблести и героизма» (И. В. Сталин). В связи с этим, понятны интерес и любовь советского человека к традициям своей профессии, своего производства, к исторически сложившемуся своеобразию своей области, своего края и т. д. Здесь следует искать причины развития в советской литературе жанра сказа.

Зачинателем этого жанра в советской литературе является П. П. Бажов, своими сказами заново открывший для нас целую чудесную страну — горнозаводской Урал с его оригинальным бытом и замечательными рабочими-мастерами, людьми с «живинкой в деле».

Михаил Кочнев в своем творчестве, несомненно, примыкает к той линии советской литературы, которая так блестяще начала «уральским сказочником» Бажовым.

«Сорок веретен» не первый сборник сказов Кочнева. В 1946 и 1948 годах вышли его книги «Серебряная пряжа» (два издания: в Москве — в издательстве «Советский писатель» и в Иванове) и «Расписной узор» (в издательстве «Московский рабочий»). Все эти книги посвящены ивановскому «ситцевому царству», которое выглядит у Кочнева многоцветным, сказочным, полным народной энергии и творческих сил.

«Тогда еще крестьянский хомут висел на шее у народа. Но и в те поры меж Волгой и Клязьмой славилась добрая мастеровщина». Так начинается сказ «Шелковые крылья», первый в рецензируемой книге.

Нелегко жилось «доброй мастеровщине». Реалистически, во всей своей жестокой правде, встает перед нами в сказах Кочнева неприглядная жизнь дореволюционных ткачей. Старая ткачиха Алена Даникова за свой долгий век соткала столько, что «если бы все сотканное разложить по земле белым покрывалом, то оказалось бы земли мало!» Но «стала Алена стара — больше хозяину не нужна... Хоть кормись христовым именем» (сказ «Сорок веретен»). Спальные сараи при фабриках, прозванные клоповниками («Горностайкин след»). Адский, изнурительный труд 10—12-летних детей («Полянкин куст», «Сорок веретен» и другие сказы). Все это типичные картины социального быта рабочих-текстильщиков.

Типичны в сказах и тупые, жадные купцы, фабриканты и прочие «власть предержащие», которые создали этот невыносимый для рабочих и для их мастерства быт.

Крепко запомнил челночник Степан предсмертный наказ своего отца: «Люби труд. Все, что имеем, трудом рождено. Всякое дело человеком славится». Долго и упорно работает Степан над усовершенствованием челнока, вкладывая в труд все свое «умельство» и светлую мечту. Наконец ему удается сделать челнок-летунок, который «ткет за десятерых, а сказывает на всю мануфактуру». Но мануфактурщик недоверчиво, свысока отнесся к русскому мастеру и не поставил новые челноки на станках. А в это время, выведав секрет и присвоив изобретение Степана, открыл в Петербурге торговлю новыми челноками фирма немца Фогеля-Могеля...

Сказ «Челнок-летунок», один из лучших в книге, дает исторически верную картину того, что русская буржуазия, русские фабриканты в массе своей были заражены рабской болезнью низкопоклонства перед заграничным и пренебрежительно относились к русскому народу, не верили в его природный ум, смекалку и изобретательность. Рассказывает об этом Кочнев без публицистического нажима, в своей обычной сказочной манере, утверждая моральную победу героя. Естественно звучит заключение, вложенное в уста рассказчика:

«Славились челноки-летуники на ткацких. Тут все поняли, что Степан znamenитый челночник.

Степанов челнок — светлый бок и ткал и небылицами всех забавлял. От него, знать, и пошли все веселье историйки по нашим ткацким. Но при царе да фабрикантах все-таки и челнок-летунок не принес ткачам радостной жизни. Принесла счастье Октябрьская революция».

В сказах Кочнева утверждается торжество рабочего-мастера в морально-этическом плане. Хищники, стяжатели, подобно Кривде в русской народной сказке, социально и морально разоблачаются, терпят поражение.

Такова судьба жадного купца Небурчилова («Камень шептун»), лицемерного фабрикантика Мусорыча («Полянкин куст») и других отрицательных персонажей.

Страсть к наживе уродует даже неплохого от природы человека, опустошает его душу, превращает в отвратительное существо. Бесславно гибнет набойщик Игнат, который «доброе мастерство променял на дешевый

посул», стал угождать хозяину, работая линочную дешевку. В противоположность ему Денис Потапыч твердо помнит нравственный закон человека труда: «Мастерство и золото на одни весы не кладут». И сама природа в лице сказочного кузнеца становится на сторону правдивого мастера Дениса. Кузнец, узнав историю падения Игната, подводит итог его жизни в таких словах: «Жил, да помер до срока — всего и проку». А Денису он положил под фартук на счастье нового светлячка, «чтобы светил мастеру в его мастерстве, чтобы постоянно вперед манил человека».

Не случайно и название этого превосходного сказа — «Бунт красок». Сама природа бунтует против несправедливости, она действует заодно с «умельцем», который превыше всего оберегает честь своего ремесла и помогает другим найти «свое зернышко в деле».

По этому же принципу построен и сказ «Дорогой перевоз», в котором показано, как страсть к деньгам толкает удалого Вахромея на антинародное дело. Но победу одерживает не он, а другие, кто помогает революционеру-большевику Кузьме Кленову и его правому делу. Тщетны призывы Вахромея: «Выручай, Волжанка!...» «Бушует Волга. Ветер еще злей. Так и прыгают волны через борта... Швыряет лодку, словно щепку, с волны на волну, колотит о льдины...»

Связывая труд рабочих-текстильщиков с природой, Кочнев стремится поднять этот труд на высоту поэзии, романтизировать его, подчеркнуть его могущество, его творческий характер.

Поэзию, романтику труда олицетворяет собой фантастический образ чудесного мастера, который в сказах Кочнева персонифицируется в образах Полянки, Волжанки-служанки, Мечты-Сказовны, горностайки, кузнеца-удальца и других сказочных персонажей.

В природе мастер находит для себя источник творческого вдохновения, но отношение его к природе не только лирично, но и активно. Он смотрит на нее как создатель, сквозь призму своей трудовой деятельности.

Подыскивая рисунок для узора на скатерть, рисовальщик Логин обращает свои взоры на волжский пейзаж: «За косячатым окном зеленел волжский берег, вольная матушка-Волга, синее небо, отары белых облаков гуляют по небу. Логин порисует, порисует да поглядит в оконце» («Камчатная скатерть»).

Но мастер не простой копировщик роскошных красок природы. Его труд, его краски осмысленные, и понятна гордость набойщика Дениса Потапыча, который «бьет чекменем да приговаривает: «Весна-красна, хозяйка лугов, хороши твои цветы — спору нет, а мон, пожалуй, лучше. Вот придет черная сарафаница осень — и поблекнет твой наряд, а моим одуванчикам и розам не страшны ни вьюги, ни белые снега. Вот какие мои цветы — вдоль миткалевой версты» («Бунт красок»).

Большое место в сказах Кочнева занимает мотив протеста рабочих людей против социального гнета и несправедливости.

В сказе «Камчатная скатерть» героями выступают участники пугачевского восстания. Автору удалось хорошо показать не только тонкое мастерство в работе героев, ткущих камчатную скатерть со сложным узором, но и дух вольнолюбия и человеческого достоинства, который в них живет. И все же, поскольку этот сказ претендует на историчность, на наш взгляд, не следовало участников пугачевского движения делать более сознательными, нежели они были на самом деле. Явным анахронизмом кажется, например, то место письма «крестьянского сына» Балабилки и его товарищей, где говорится: «Нам с царями дружить не с руки». А как же тогда объяснить их дружбу с Пугачевым, который, стоя во главе антикрепостнического движения, выступал под именем царя Петра III?

Сказы «Фабрика в саквоже», «Сорок веретен» и «Огюльджан—шелковая коса» отражают революционную борьбу рабочих и частично захватывают период гражданской войны.

Радость освобожденного труда — вот какое чувство испытывают прежде всего рабочие с приходом Октября. «Впервые нынче-то по всем заводам, фабрикам невозбранно прошла мастерца Полянка, всем умения своего полной мерой дала: и на фабриках-то теперь молодые пряжи хотят

прясть каждым новым веретеном за сорок старых веретен, а ткачихи желяют ткать каждым новым челноком за сорок старых челноков». (Сорок веретен).

Ивановские рабочие-текстильщики сделали не только свой труд свободным, но и, отправившись во главе с Фрунзе в Среднюю Азию, освободили от тяжелых оков труд хлопкоробов и шелководов («Огюльджан — шелковая коса»).

Последние три сказа сборника — «Кузьмич — печеклад», «Полк перед девушкой» и «Самое большое богатство» — призваны воспеть красоту нового социалистического труда.

Кочнев, повидимому, осознает, что при изображении явлений современности жанр сказа должен претерпеть некоторые изменения. Но нельзя сказать, что пути обновления жанра намечены им удачно. Сказ «Полк перед девушкой», по существу, построен на замысловатом новеллистическом сюжете. В сказе «Самое большое богатство» — вторая его часть сбивается на памфлет и, резко дисгармонируя в стилистическом отношении с первой частью, плохо вяжется с жанром сказа.

Лучше написан сказ «Кузьмич-печеклад». Образ старого мастера, с радостью почувствовавшего, что он во время войны «пригодился хоть в малом деле», нарисован автором с большой любовью и выразительностью. Странной, однако, выглядит в его речи какая-то «языковая чересполосица». На стр. 161 подряд идет следующее:

«— Да перестань ты, голубушка, солнышко мое, Пашенька. Куда я ходил? Где был? Это дело общественное. Хоть один раз в жизни, но не послушаюсь твоих инструкций, хоть ты на меня протокол составляй. Послушай лучше, что нам добры люди скажут. Зачем пожаловали, товарищи воины Красной Армии?

Те ему свою заботу доложили. Почесал затылок Кузьмич.

— Ах, робяты, что мне гребтится ныне, знать, к плохой погоде. Эва в трубе-то гуляет ветрило. Ну, да так и быть!»

В языке рассказчика тоже иногда встречаются непродуманные слова и словосочетания, которые воспринимаются, как чуждые его языковой стихии: «гребень гнева», «кровоподтек», «смету вбухали в расход», «отара овец» и др.

Но в целом язык сказов Кочнева меткий, живописный, звучный, далекий от стилизации и орнаментальности. Писатель опирается на языковые богатства народного творчества, на классический русский язык, в меру использует местный речевой колорит. И все-таки жаль, что в книге нет словаря этих местных речений.

Книга «Сорок веретен» свидетельствует, что Михаил Кочнев успешно работает в избранном им жанре сказа. Хотелось бы, чтобы он продолжил трудную, но вместе с тем важную работу по освоению в этом жанре нашей социалистической действительности.

В. Павлов.

О ПОВЕСТИ ДМ. ПРОКОФЬЕВА „ВЫСОТА“¹

В степи под Сталинградом — высота, которую нужно взять и которой овладевают наши бойцы в трудных боях. «Одиннадцать раз немцы приближались к траншее. И все одиннадцать раз откатывались обратно... Со дна траншей вновь поднимались наши бойцы и вели убийственный огонь. Они как бы воскресали из мертвых». (Стр. 162).

¹ Дм. Прокофьев, «Высота». Повесть, Ивановское областное государственное издательство, 1948.

Авторский замысел, разумеется, не сводился к рассказу об этой отдельной операции. «Высота» в повести Прокофьева имеет не только прямое и буквальное значение; это не только холм в сталинградской степи, похожий на «большую птицу», которая только что опустилась, не успев сложить раскнутые крылья». Речь идет о моральной высоте, на которую поднимаются советские люди, о высоте героического подвига. «Мезенин глядел перед собой широко открытыми, блестевшими от солнца глазами и взволнованно думал о том, что с такими людьми, как его бойцы, он может взять любую высоту». (Стр. 206).

Большое достоинство книги Прокофьева — ее серьезность, то чувство ответственности, с которым повесть написана. Автор понимал, что героическая тема обязывала его к тому, чтобы изображать своих героев во весь их рост, обязывала к суровому и мужественному реализму.

Д. Прокофьев не замалчивает тех трудностей, которые нужно было преодолеть на путях к победе. Ощущение самой победы, ощущение торжества выражено в повести гораздо слабее.

У нас были произведения, в которых о трудном, тяжелом, страшном на войне было сказано не меньше, а значительно больше, чем в повести Прокофьева. Но там за напряжением следовала такая кульминация, которая возмещала все трудное и тяжелое. (Например: переход в наступление в книге Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда»). Здесь же (хотя операция закончилась успехом — высота взята) ощущение тяжести преобладает.

Почему так получилось?

Я упомянул о книге Некрасова. Некрасова упрекали в том, что события на том участке боев, который изображен в его книге, недостаточно связаны с грандиозной перспективой всей сталинградской битвы. С еще большим правом тот же упрек может быть адресован Прокофьеву. Место действия книги Некрасова — сам Сталинград; наступление, о котором говорится в заключительных главах, — наступление по всему фронту. А в повести Прокофьева остается неясным, какое значение имеют описанные им бои во всей сталинградской эпопее, как они соотносятся с операциями более крупного масштаба. Если бы Прокофьев смог показать эту связь, смысл происходящего расширился бы глубже и отчетливее: вот ради чего нужно было взять эту высоту, вот ради чего были принесены эти жертвы, вот что — в широком, фронтовом масштабе — зависит от исхода боев на данном участке. И тональность повести тогда существенно изменилась бы.

«— Сил у нас, товарищи, достаточно, чтобы отбросить отсюда немцев и оказать помощь защитникам Сталинграда». (Стр. 59). Это слишком общо сказано. Если бы можно было конкретнее представить эту ситуацию, многое в повести изменилось бы.

Тут играет роль одно обстоятельство. Издали «видно огромное тускло-багровое зарево... То продолжал гореть Сталинград» (стр. 45); время действия, как указывает автор — лето; ясно, что речь может идти только о лете 1942 г., и тут же говорится о наступлении. «Ведь это же событие, товарищи. Наступаем! Великое это дело — наступление!» (Стр. 59). Естественно возникает вопрос — какое наступление, куда, какие были его итоги и т. д. Читатель помнит, разумеется, что решительный поворот в Сталинградской битве наступил значительно позднее. То, о чем рассказывает Прокофьев, происходило до этого перелома. И это не могло не сказаться на тоне повести. То, что должно было бы быть «кульминацией», оказалось за пределами книги.

«Тяжесть», о которой я говорю, зависит также и от манеры повествования, в котором не хватает собранности, лаконизма, динамики. Сцены атаки, например, даны как бы «замедленной» съемкой, с психологической детализацией, явно навеянной Толстым: «не оглядываясь и не замечая бегущих неровной цепью бойцов, Юрий Бычков почему-то старался не терять из виду энергично работающих ног младшего лейтенанта. На тактических

занятиях он всегда обгонял командира взвода, но сейчас образовавшееся между ними расстояние не сокращалось. И забыв на мгновение о всем, что происходило вокруг, Бычков подумал:

«Неужели я не догону его?»

И он побежал еще быстрее, все так же ничего не замечая, кроме мелькавших перед его глазами сапог младшего лейтенанта» (Стр. 82). И дальше: «Вдруг одна нога Плехотникова на какую-то долю секунды повисла в воздухе, затем медленно опустилась, точно встретила препятствие, и он повалился на землю. Не понимая, что произошло, Бычков обогнал младшего лейтенанта и оглянулся. Командир взвода лежал вниз лицом без движения, только пальцы правой руки, откинутой вперед, судорожно подергивало, будто нащупывая выпавший пистолет.

Бычков вернулся к Плехотникову, перевернул его вверх лицом и только теперь понял все, не успев даже ужаснуться тому, что произошло. Плехотников был мертв. Немецкая пуля прошла у него между бровей» (Стр. 82—83).

Разумеется, «толстовский прием». У Толстого такой психологический анализ внутренне связан с установкой на «срывании всех и всяческих масок», с отношением к войне, и т. д. Здесь этот метод представляется неорганическим.

Изложение отяжелеет также многочисленными отступлениями. Вот, например, Мезенин вспоминает о том, как поздней осенью 1941 года он встретился с Климовым: «На нем была новенькая шинель, пригнанная по косточке, малиновые треугольники на воротнике обшиты ярко-золотистым кантом. Дымчатого меха трехх был надет слегка набок... Он вошел в избу вместе с густым клубом пара...» (Стр. 91). Ведь это не воспоминание; когда читаешь о таких подробностях, как «вошел вместе с клубом пара», думаешь: для автора не столь важно было воспроизвести, как в данный момент Мезенин вспоминает о Климове; он просто считал нужным «подробно описать», как в свое время состоялась эта встреча. (А ведь есть же разница между самой встречей и воспоминанием о ней). Таких неоправданно «подробных» описаний в повести довольно много, и они замедляют действие.

Автор основательно поработал над характерами своих персонажей. Среди удавшихся т. Прокофьеву образов следует упомянуть о комиссаре Веретеникове. Любопытно: его обрисовке автор уделал меньше места, меньше «подробностей», чем главному действующему лицу — Мезенину, а образ получился удачней. Очевидно, не всегда «подробности» улучшают картину.

Мезенин должен восприниматься как очень хороший командир, но хотелось, чтобы это в большей мере было подтверждено поступками, действиями; а положение Мезенина таково, что в повести он, пожалуй, больше переживает, чем действует.

Несколько нарочито придана некая «деревенская ограниченность» бойцу Чудину. Действующие лица сурово упрекают его за то, что он думает о своем колхозе. А ведь можно и думать о своем колхозе и тем не менее очень хорошо воевать.

Встречаются стилистические неполадки. «Капитан, хрустя травой, тяжело опустился на постель» (Стр. 21). «Хрустеть травой» говорится обычно совсем в другом смысле: о жующей лошади. «Небо такое неизмеримо большое, которого он никогда не видал дома» (70). Нужно было бы «какого», а не «которого». «Окатила Силантьеву спину с высовывающимися позвонками» (78). Они «выдаются», они заметны под кожей, но это не значит, что они «высовываются». «Основное выражение, которое заметил Бычков на лице комиссара, было выражение озабоченности» (139). «Мускулистое лицо» (140). Мы говорим о «лицевых мышцах», но «мускулистое лицо» — так не говорят. И т. д.

Повесть Прокофьева имеет свои достоинства, но она могла бы быть более яркой, сильной и действенной.

В. Александров.

ПОЭЗИЯ, ИДУЩАЯ В НОГУ С ЖИЗНЬЮ ¹

Поэтическое творчество старейшего ивановского поэта-текстильщика А. Н. Благова отличается исключительной простотой, ясностью мысли, свежестью образов и народностью языка. Его стихи, идущие от сердца, поймет каждый, кто любит свою Родину, свой народ, кто ценит труд и видит в нем источник духовного и материального богатства человека.

Трубящиеся нашего текстильного края хорошо знают своего поэта — потомственного ткача, выходца из народа, стихи которого часто появляются на страницах областной газеты и в литературных альманахах. Тем отраднее факт выхода в свет нового сборника стихов Благова, выпущенного Ивановским областным государственным издательством.

В этот сборник вошли стихи и поэмы, написанные в послевоенный период (1945—1948 гг.); они составляют три раздела: «Родная земля», «Прочитаю детям» и «Поэмы».

Первый раздел «Родная земля» объединяет девятнадцать стихотворений на различные темы. Он открывается стихотворением «Счастье», написанным автором в день великой победы героического советского народа над гитлеровской Германией. Вздохованно выражает поэт свои радостные чувства, сроднившие в этот день весь советский народ, потому что

..В один порыв сливаются сердца:
Людским восторгам нет сегодня краю,
Людскому счастью не видать конца.

В последующих стихах читатель шаг за шагом знакомится с послевоенным периодом жизни советского народа. Поэт идет в ногу с современностью, чутко откликаясь на все события, происходящие в нашей стране. И это — несомненное достоинство творчества Благова.

В 1947 году все народы Советского Союза с гордостью отмечали славное 800-летие Москвы. Благов пишет стихотворение «Привет тебе, наша столица», в котором восхищенно раскрывает прекрасный, вечно юный облик древнего города — сердца советской земли.

Не мог обойти поэт и такое знаменательное событие в жизни нашей страны, как всенародные выборы лучших людей в государственные органы власти. В стихотворении «9 февраля» он высказывает сокровенные мысли и чувства, с которыми трудящиеся шли на избирательный участок голосовать за своих кандидатов.

Глубоким чувством гражданственности проникнуты стихотворения «Ленин—Сталин» и «Первый депутат», посвященные великим вождям революции.

Значительная часть стихов первого раздела отражает жизнь текстильного города. В стихотворении «Иваново» перед глазами читателя встает дореволюционный заштатный городишко, в котором

...у закрытых накрепко ворот
И в летний зной и в позднее ненастье
Голодная толпа работы ждет,
Покорно ждет, как милости, как счастья.
Лачуги ветхие, особняки..
И в самом центре — мусорная свалка.

Тяжек был каторжный труд рабочего-текстильщика, беспросветна была его жизнь в те мрачные годы.

Цена труда — ничтожные гроши.
Тюремный мрак да плети для рабочих.
Зато не в меру пухли барышни
Куваевых, Бурылиных и прочих.

¹ А. Благов, Стихи и поэмы, Ивановское областное государственное издательство, 1948 г.

Но пришел семнадцатый год, и в освобожденной от капиталистического рабства России

Не стало ни богатых, ни тюрьмы;
Страна пришла к своей заветной цели.
Неузнаваем город наш родной,
Сверкающий чудесными дворцами;
Среди кварталов новой семьей
Громады фабрик встали перед нами.

Разительно сопоставление нового социалистического города, где хозяевами жизни стали трудящиеся, с прежним захудалым Иваново-Вознесенском — этим пасынком капитализма. И недаром, видя, как вокруг шумит трудовой прибой, поэт восклицает:

Так пусть работа спорится, и в ней
Пусть не хладеет пыл соревнования:
Поможем строить родине своей
Мы коммунизма солнечное зданье!

Мысли поэта часто обращаются к лучшим людям производства. Он воспевает могучий стахановский труд, возвеличивающий нашу отчизну, укрепляющий ее мощь. Его вдохновляет замечательная работа ткачей и прядильщиков в новых, просторных и светлых корпусах социалистических предприятий.

По прядильным цехам
Мне отрадно пройти,
С ними дружбу веду, как бывало,
Чтобы верное слово
Для песни найти,
Чтобы песня правдиво звучала.

(«Хозяйка машин»).

И поэт всегда находит это верное слово; в его песнях, как в зеркале, отражается правда нашей прекрасной созидательной жизни.

Не ограничиваясь описанием труда и быта рабочих-текстильщиков, А. Н. Благов пишет цикл стихов на колхозную тематику. Как истинный патриот, он не может быть равнодушным к жизни колхозной деревни. В этих стихах мы видим красочные поэтические описания родной русской природы и нашей светлой колхозной действительности.

Ярко рисуя картину колхозного изобилия, восхищаясь плодами трудов неутомимых тружеников социалистических полей, поэт видит прочное единство в деятельности города и деревни ради общего блага своей Родины.

Сердцу песня будущая снится,
Весь живу я думою одной:
За труды и славу больше ситца
Дай колхозам, город мой родной!

(«В деревне»).

Благов воспевает труд лесорубов, видит в будущем цветущие колхозные сады, радуется обильному урожаю на широких артельных полях. Особенно тепло стихотворение «Привет землякам», посвященное колхозникам Комсомольского района.

Среди этого цикла обособленно стоит только стихотворение «Пастух». Оно написано «вне времени» и никак не связано с жизнью современной колхозной деревни.

По роще птицы зазвенели.
Зарею утро расцвело.
Пастух, играя на свирели,
Выводит стадо за село...

Когда с вечернею прохладой
Над речкой шепчется ольха —
В один кружок сберется стадо,
Заслыша голос пастуха.

Подобные идиллические картинки можно встретить и в пасторальной поэзии XVIII века. Слово «доярка», употребленное в конце стихотворения, не спасает его: оно все равно остается отвлеченным и далеким от колхозной действительности.

Второй раздел книжки автор посвящает детям-школьникам. В этих стихотворениях выражена горячая любовь прожившего большую жизнь человека к юному, подрастающему поколению. Здесь, наряду с описанием картин природы и детских забав, есть стихи, имеющие большое воспитательное и познавательное значение («Красная Талка»).

Советские школьники, выросшие под ясным небом своей свободной отчизны, не видевшие жестокой капиталистической эксплуатации и горькой нужды, какую довелось пережить их отцам и дедам, узнают многое и из третьего раздела сборника, в котором напечатаны две поэмы — «Детство» и «Первые зори».

Поэма «Детство» носит автобиографический характер. В ней получило наиболее яркое выражение стремление автора к поэтической простоте. Доходчивым стихом нарисовал поэт безотрадную картину жизни дореволюционного русского крестьянства, которое изнывало в жестокой кабале кулаков-мироедов. Лирически даны здесь описание близкой сердцу каждого из нас русской природы. Прочитав эту поэму, наша молодежь невольно сопоставит далекое тяжелое детство поэта со своим — светлым и радостным.

В поэме «Первые зори» читатель видит боевой революционный путь иваново-вознесенских ткачей, которые под руководством партии большевиков, поборов все невзгоды и испытания, пришли к великой победе Октября. От всей души радуется поэт за свою прекрасную Родину, где

...Как жизни свободной основа,
Не померкнут под солнцем веков:
Слово Ленина,
Сталина слово,
Дело партии большевиков!

От всей книжки А. Н. Благова веет жизнеутверждением, оптимизмом. Нашей литературной молодежи есть чему поучиться у Благова, а читатель — будь то рабочий, колхозник, интеллигент или школьник — с удовольствием и с благодарностью прочтет доходчивые и ясные стихи поэта.

Л. Кудрин.

„ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО“

Воспоминания старого большевика, иваново-вознесенского рабочего Федора Никитича Самойлова вышли в свет в новом, дополненном издании, что убедительно говорит о том, что книга наша своего читателя, отвечает его запросам и требованиям. И действительно, исключительно богатая по своему фактическому содержанию, пропитанная духом большевистской принципиальности, яркая по изложению — книга «По следам минувшего»¹ стала необходимой самым широким слоям наших советских читателей.

Особую ценность представляет она для нас, ивановцев. Без серьезно-го, глубокого изучения этой книги нельзя обойтись никому, кто захочет

¹ Ф. Н. Самойлов, „По следам минувшего“, с предисловием Ем. Ярославского, Госполитиздат, 1948 г.

изучить жизнь и быт иваново-вознесенских рабочих, изучить героическую деятельность Иваново-Вознесенской большевистской партийной организации.

Автор проводит своего читателя «по следам минувшего», но проводит не как беспристрастный летописец, а как суровый обвинитель мира рабства и насилия, мира беспросветной нищеты и угнетения, сам испытавший всю горечь бесправия, всю тяжесть безрадостного подневольного труда и голодной жизни рабочего.

Описывая кошмарное прошлое самодержавно-капиталистической России, автор учит читателя ненавидеть угнетателей и еще сильнее любить наше свободное счастливое время.

**

Книга т. Самойлова охватывает большой и важный исторический период — от 80-х годов прошлого века до февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. В этот период в России появились первые марксистские кружки; в этот период В. И. Ленин и И. В. Сталин закладывали первые марксистские организации, подготовили и создали подлинно-революционную партию рабочего класса, которая с боями привела его к победоносной Великой Октябрьской социалистической революции.

Жизненный путь т. Самойлова — это типичный путь рабочего-революционера в царской России.

Родился т. Самойлов в бедняцкой крестьянской семье, бившейся в беспросветной нужде на неплодородном нищенском земельном наделе.

«Основным занятием семьи, — пишет т. Самойлов, — было, конечно, крестьянское хозяйство. Но прокормить всю семью крестьянским трудом нельзя было, хлеба своего нехватало; приходилось поддерживать хозяйство заработками на стороне, отец, а позднее и мать, являлись главными работниками, поддерживавшими семью своими заработками на фабрике.» (Стр. 14). Но жалкий заработок на фабрике не мог спасти разоряющегося крестьянского хозяйства.

Постоянная нужда, стремление вырваться из кабалы мироедов заставляли бросать земельный надел, идти в город и там искать средства к существованию.

Так из деревни уходили многие миллионы крестьян, непрерывно пополнявшие резервную армию труда в городах.

Это было время усиленного развития капиталистических отношений в деревне, время, о котором В. И. Ленин писал: «Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата».¹

Так была выброшена из деревни в город и семья Самойловых. Но жизнь в городе для трудящихся была не легче деревенской. Если в деревне маломощного крестьянина давил, закабалял кулак, то в городе он становился жертвой эксплуатации капиталиста, высасывавшего из рабочего все силы, платившего за многочасовой тяжелый труд жалкие гроши.

«Наш общий заработок (отца, матери и самого автора воспоминаний) составлял 32—33 рубля в месяц... из этого заработка 7—8 руб. уходило на квартиру... остальное шло на питание и одежду...»

Полуголодное питание и тяжелые условия фабричного труда подкашивали силы; душная, пыльная, вонючая улица наводила тоску». (Стр. 36—37). Изнуряющая работа, беспросветная жизнь, отсутствие какого-либо культурного отдыха (театров для рабочих не было, а книги городской библиотеки для них были недоступны) — такова безрадостная картина жизни и бы-

¹ В. И. Ленин, Собр. сочинений, т. 3 стр. 148.

та иваново-вознесенских пролетариев конца прошлого и начала нынешнего столетия, рисуемая т. Самойловым.

Изнуряющий труд за гроши, полуголодное существование в тесных каморках заставляли рабочих задумываться над социальными вопросами, искать причины и виновников варварской эксплуатации, искать выхода из этих условий.

Ответ на эти вопросы давали книги и статьи В. И. Ленина, большевистские газеты и листовки, распространяемые среди рабочих, революционная агитация, проводимая большевиками, призывавшая рабочих к организованной борьбе против их угнетателей.

Под влиянием большевистской пропаганды и агитации передовые рабочие вставали на путь классовой борьбы, становились членами большевистской партии.

Таким путем шли все передовые иваново-вознесенские рабочие, этим путем шел и Ф. Н. Самойлов — в 1903 г. он стал членом партии большевиков. Нельзя без волнения читать страниц, в которых автор с исключительной теплотой рассказывает о большой, кропотливой, полной опасности работе иваново-вознесенских большевиков в подпольных условиях.

Распространение прокламаций, массовки в лесах, собрания на конспиративных квартирах, занятия в нелегальных кружках по ночам, когда после долгого рабочего дня, укрываясь от полиции, рабочие готовились к борьбе, изучали революционное учение Маркса, Энгельса, Ленина.

И все это происходило в условиях жестоких полицейских преследований, избиений казаками, арестов, тюрем. Но ничто не могло сломить веры в правоту рабочего дела, ослабить волю к борьбе. Несокрушимая вера в неизбежную победу над врагом давала силу рабочим-большевикам преодолевать все трудности, уверенно идти в бой самим и вести за собой рабочий класс.

Огромная работа партии по организации и воспитанию закалила передовых иваново-вознесенских рабочих, сделала их подлинными ленинцами, и к славной стачке лета 1905 г. они пришли политически-сознательными, опытными революционерами.

Исключительно интересны страницы воспоминаний т. Самойлова, посвященные описанию подготовки и хода стачки 1905 г.

Будучи членом нелегального городского комитета партии и депутатом Совета рабочих депутатов, автор находился в центре всех событий, знал и видел многое, чего не знали и не видели рядовые участники событий.

Ф. Н. Самойлов рассказывает о том, как партийная организация подготавливала всеобщую стачку, а в последующем руководила ею, как организовывала собрания на Талке, превратившиеся в своеобразный университет по революционному воспитанию масс, и т. д.

Партийная организация во главе с М. В. Фрунзе, Ф. Афанасьевым, Дунаевым и др. руководила повседневно работой Совета уполномоченных, «который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России».¹

Троцкистско-бухаринские фальсификаторы истории в свое время потратили немало сил и труда на доказательство того, что Иваново-Вознесенский Совет уполномоченных, созданный бастовавшими рабочими-текстильщиками, был не советом, прообразом будущей власти трудящихся, а обычным стачечным комитетом, который только руководил забастовкой.

На основании личных воспоминаний и архивных документов т. Самойлов убедительно опровергает это клеветническое утверждение, указывая на те функции, которые выполнял Совет уполномоченных: обсуждение требований рабочих к фабрикантам, решение о введении восьмичасового рабочего дня; требование к властям — закрыть все винные лавки на все время стачки; создание рабочей милиции; обращение представителей царской власти к Совету за разрешением опубликовать постановление и т. д.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 57.

«Популярность стачки и авторитет Совета рабочих депутатов росли с каждым днем и распространялись далеко за пределы города. К нам в Совет поступали разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев. Важно отметить, что в Совет поступали жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и различного сельского начальства. Так, например, шуйские крестьяне прислали ходок с жалобой на незаконные действия лесничего. Другие десять ходок-крестьян просили дать указание: «как отобрать землю и земских начальников уничтожить». Обращались с Советом крестьяне Муромского и других уездов». (Стр. 81).

На заседаниях Совета всегда активно участвовал М. В. Фрунзе.

Из приведенного видно, что Совет уполномоченных был не обычным стачечным комитетом, какие создавали рабочие во время забастовок, а органом власти рабочих, охватившим своим влиянием не только Иваново-Вознесенск, не только многие города и поселки Владимирской губернии, но, что особенно важно отметить, и крестьянское население ряда уездов, обращавшееся к нему за помощью и за советом.

Летняя стачка 1905 г. в Иваново-Вознесенске не только самый героический момент в жизни и борьбе против самодержавия и капитализма ивановских рабочих, но и один из самых драматических.

Во время стачки против рабочих, как всегда, единым фронтом выступили буржуазия и царские власти, пытавшиеся преследованиями, арестами, расстрелом на Талке, голодом, выбрасыванием из квартир сломить сопротивление рабочих, заставить их подчиниться «законному порядку», бесправию и эксплуатации фабрикантов.

Голодали сами рабочие, голодали их дети и родители старики, но это не сломило стойкости и уверенности рабочих в необходимости продолжать борьбу.

В этом исключительная заслуга большевистской партийной организации, которая возглавляла это мощное движение, провела огромную политическую работу по классовому воспитанию рабочих, вооружала их марксистско-ленинскими идеями борьбы, уверенностью в конечной победе рабочего класса.

Именно поэтому все попытки буржуазии и царских властей расколоть единство рабочих оказались обреченными на провал. Стачка была прекращена только тогда, когда Совет уполномоченных вынес специальное решение о ее прекращении.

Яркими штрихами рисует т. Самойлов руководителей большевистской организации и летней стачки.

«Накануне стачки (за неделю или две) в Иваново-Вознесенск приехал для работы партийный профессионал Михаил Васильевич Фрунзе. Он был командирован Московским Комитетом партии. Фрунзе сразу же вошел в состав Иваново-Вознесенской группы Северного комитета партии и вместе с Афанасьевым стал во главе руководства городской партийной организации. Михаил Васильевич проживал в Иваново-Вознесенске нелегально, постоянной квартиры не имел и ночевал то в одном, то в другом месте у товарищей, одевался он под слесаря. Носил сильно потертую блузу, сверху поношенный темный пиджак и такие же брюки и выглядел заурядным рабочим-металлистом». (Стр. 82).

Вот портрет Е. Дунаева, любимого оратора иваново-вознесенских ткачей во время летней стачки 1905 г.: «на собраниях и в переговорах с властями особенно часто выступал рабочий Евлампий Дунаев. Он пользовался огромной популярностью среди бастующих. Говорил он простым языком, понятным широкой рабочей массе, к вопросам подходил умело и освещал их толково и понятно.

Выглядел он как самый заурядный рабочий: худощавый, среднего роста, одетый всегда в синюю поношенную блузу или такого же цвета простую рубашку. Своей ясной и простой речью он внушал рабочим особое доверие; они чувствовали, что это свой человек.

Власти считали Дунаева одним из видных главарей забастовки и прини-

малы все меры к его аресту, но вследствие хорошей конспирации им это не удавалось». (Стр. 75).

И после окончания стачки большевистская организация Иваново-Вознесенска, завоевавшая огромный авторитет, продолжала вести большую агитационную работу среди текстильщиков.

Жестокие удары наносило царское правительство Иваново-Вознесенской организации большевиков. От руки черносотенцев пали ее выдающиеся работники: Афанасьев, Лакин, Генкина, Косяков. На каторге умер И. Уткин («Станко»), от руки палача погиб К. Козуев.

Но тяжелые потери еще сильнее сплачивали ивановских большевиков, на место погибших вставали сотни, тысячи новых борцов с самодержавием и капитализмом.

Повествуя о годах реакции, наступивших после поражения революции 1905 г., т. Самойлов рассказывает о том, что иваново-вознесенские большевики, следуя указаниям В. И. Ленина, применяли иные формы борьбы, по-прежнему возглавляли рабочий класс.

«С начала 1906 г. в Иваново-Вознесенском районе усилилась безработица, приняв большие размеры. Партийный комитет поручил члену партии Д. И. Шорохову организовать безработных. В конце мая или в начале июня Шороховым было созвано в лесу собрание группы безработных. Избрали делегацию для отправки к полицмейстеру с требованием организовать общественные работы». (Стр. 143).

Это мероприятие партийной организации обеспечило работой на все лето несколько сот рабочих, что имело большое значение для укрепления и расширения влияния партии среди широких рабочих масс.

Следующим важным мероприятием партийной организации было то, что она «пришла к выводу необходимости создания профсоюзов». Несмотря на всеческие препятствия властей, было создано профессиональное общество рабочих ситцепечатных фабрик Иваново-Вознесенска (председателем союза ситцепечатников был Ф. Н. Самойлов), а вслед за ним профсоюз ткачей и прядильщиков, союз торгово-промышленных служащих и, наконец, профсоюз металлистов. «Профессиональные союзы широко использовались партийной организацией в целях политического революционного воспитания рабочих масс». (Стр. 146).

Постоянная крепкая связь с широкими массами способствовала сильному росту партийных рядов. Партийная организация Иваново-Вознесенского района в это время (1906 г.) насчитывала в своих рядах до 5000 человек. Для того времени это была мощная партийная организация.

Партийные большевистские организации создавались и работали не только в городах, но и в деревнях, что тогда было исключительно важным явлением, опровергающим хвастливые и живые утверждения эсеров о том, что, якобы, крестьянство идет только за ними.

«В конце лета 1906 г. создались чисто крестьянские социал-демократические ячейки в Васильевской волости, Шуйского уезда, и в Парской волости, Юрьевецкого уезда. Обе организации имели свои подпольные типографии, выпускавшие немало листовок; проводили кампанию бойкота 1-й Государственной думы». (Стр. 132).

Усиление реакции, сопровождавшейся полицейским террором и злобным наступлением капиталистов на рабочий класс, не могло не отразиться и на положении рабочих и большевистской организации Иваново-Вознесенска.

Власти перешли в наступление; профсоюзы закрыты, почти все руководители партийной организации: М. В. Фрунзе, Дунаев, Морозов и др., арестованы. Передовые рабочие изгонялись с фабрик.

«В конце 1909 г. или в начале 1910 года Иваново-Вознесенская партийная организация некоторое время существовала без городского объединяющего центра. На большинстве предприятий вели работу разрозненные партийные ячейки, ушедшие в глубокое подполье... Черносотенные организации торжествовали свою победу и всячески издевались над измученным в неравной борьбе рабочим классом». (Стр. 189).

Но и в этих немверно-трудных условиях уцелевшие от арестов Ивано-вознесенские большевики продолжали работу.

«Восстановить городской комитет и объединить под его руководством существовавшие на ряде предприятий партийные организации было трудно, отчасти, потому, что в Ивановскую организацию проникли провокаторы. Все же летом 1910 г. была предпринята по инициативе вернувшейся из ссылки Л. А. Варендовой серьезная попытка восстановления городской социал-демократической организации. Было устроено несколько собраний, на которых решили возобновить партийную работу.

26 сентября того же года по инициативе Ивано-Вознесенских и Кинешемских товарищей в Кинешме состоялась районная партийная конференция. Но конференция была целиком вся арестована». (Стр. 190).

С началом нового подъема рабочего движения рабочие текстильщики, руководимые большевистской организацией, снова выступили на борьбу...

В октябре 1912 г. т. Самойлов, как кандидат партии большевиков, был избран депутатом в IV Государственную думу, но связи с родным городом и с рабочими он не порвал, приезжал в Ивано-Вознесенск для отчетов о работе в Думе и для налаживания партийной работы.

Как известно, В. И. Ленин и И. В. Сталин через депутатов — рабочих большевиков широко использовали думскую трибуну для борьбы с паризмом и буржуазией, для борьбы за интересы рабочего класса. Тов. Самойлов рассказывает о том, как В. И. Ленин и тов. Сталин руководили работой думской фракции, принимали самое ближайшее участие в ее текущей работе, давали директивы по всем важнейшим, обсуждаемым в Думе вопросам.

Помощь рабочим депутатам оказывалась не только руководством, но и тем, что многие произносимые ими в Думе речи были написаны В. И. Лениным.

Большевики-депутаты с честью выполнили возложенные на них партийные поручения.

В начале первой мировой войны вся думская фракция большевиков на совещании с представителями местных социал-демократических организаций в Озерках была арестована.

«Суд приговорил всех депутатов к лишению прав и ссылке на поселение в Восточную Сибирь.

Царское правительство обвиняло большевистских депутатов Государственной думы в «государственной измене».

На суде выяснилась картина деятельности думских депутатов, которая делала честь нашей партии. Мужественно вели себя большевики-депутаты перед царским судом, превратив его в трибуну для разоблачения захватнической политики царизма».¹

Ко времени работы в Государственной думе относятся встречи автора с воспоминаний с В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

«Первая моя встреча с товарищем Сталиным, — пишет тов. Самойлов, — произошла в феврале 1913 г. в Петербурге.

Однажды утром, войдя к тов. Бадаеву, я увидел молодого худощавого человека, высокого роста, лет тридцати, с веселым, симпатичным и сильно располагавшим к себе лицом. Это был товарищ «Коба», как мы звали тогда товарища Сталина...

В беседе были затронуты вопросы нашей работы как в Думе, так и на местах, в подпольных партийных организациях.

Держался тов. Сталин скромно и просто. Тем не менее из первой же беседы с тов. Сталиным было ясно, что это один из особо выделяющихся руководителей нашей партии» (стр. 238—239).

¹ История ВКП(б), «Краткий курс», стр. 164.

Встреча с В. И. Лениным произошла за границей, куда автор в 1914 г. выехал на лечение по вызову Ильича.

«Владимира Ильича до того времени я еще никогда не видел, и предстоящая встреча с вождем нашей партии вызывала у меня некоторую робость. Мне представлялось тогда, что Владимир Ильич должен быть каким-то особо-строгим и требовательным руководителем. Но когда Владимир Ильич приехал и я с ним встретился, то сразу понял, что я ошибся в своих предположениях. С первых же слов нашего разговора Владимир Ильич произвел на меня впечатление простого русского человека. Все в нем просто: и его наружность, и даже костюм, жесты при разговоре, и только глаза Владимира Ильича показались мне какими-то необыкновенными, в них горел какой-то особый огонек, который порой, казалось, пронизывал меня насквозь. После того, как Владимир Ильич подробно осведомился о состоянии моего здоровья, я приступил было к рассказу о положении наших партийных дел в России, но он, как и Надежда Константиновна, очень скоро остановили меня словами: «вам много говорить подряд вредно. Расскажите постепенно, не спеша».

Стараясь ободрить меня, Владимир Ильич говорил: мы постараемся вас вылечить во что бы то ни стало, только не падайте духом.

Вскоре я выехал в Швейцарию... провозжая меня на вокзал, Владимир Ильич крепко наказывал, чтобы я писал ему о ходе лечения, а находившимся в Берне русским эмигрантам-большевикам Владимир Ильич написал, чтобы они как можно скорее и лучше устроили меня на лечение». (Стр. 266—267).

Через несколько лет, в апреле 1917 г., в Петрограде на собрании большевиков, участников Всероссийского совещания и солдатских депутатов, т. Самойлов снова встретился с Владимиром Ильичем.

«Т. Ленин сразу узнал меня, остановил и забросал вопросами: как перенес ссылку, как здоровье, лечусь ли у кого? Как и тогда в первую встречу в Кракове, Владимир Ильич участливо всматривался в меня своими внимательными пытливыми глазами, как бы ища на моем лице следы перенесенных страданий.

Я ответил Владимиру Ильичу, что перенес ссылку не плохо, чувствую себя удовлетворительно и готов взяться за работу. Но Владимир Ильич, не дав договорить мне, сказал: нет, нет, вам еще надо основательно подлечиться...» (Стр. 386).

В этих кратких зарисовках В. И. Ленин и тов. Сталин показаны не только как создатели и вожди нашей партии, но и как люди огромной чуткой души, окружающие трогательной заботой и вниманием своих товарищей по партии, соратников по борьбе с врагами рабочего класса.

Мы остановились только на отдельных, наиболее важных моментах книги т. Самойлова «По следам минувшего».

Написанная активным участником революционного движения в Иваново-Вознесенске, эта книга является серьезным источником для каждого, кто хочет ознакомиться с историей рабочего движения, с героической деятельностью большевистской организации Иваново-Вознесенска в дореволюционные годы.

Горячо рекомендуем эту книгу самым широким слоям наших читателей.

М. Ефимов.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

32

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ал. Козлов — Любовь к земле. Очерк	3
Д. Семеновский — Мастериче льна. Песня о льне. Доярка. Ткачиха. Стихи	15
М. Кочнев — Труд и песня. Два поколения. Очерки. ✓	19
И. Мартьянов — Анне Львовне. Памятник Ленину. Стихи	34
М. Шошин — Шумит пшеница. Повесть	57
Владимир Жуков — Вечный транзит. После отбоя. Грачи при- летели. Счетовод. Стихи	137
Н. Михеев — На привале. Ох, и парень. Песня военных связи- стов. Слово фронтовика. Стихи	143
Иван Озеров — На своей земле. Садовая улица. Маляр. стихи	147
Дм. Прокофьев — Накануне. Рассказ	150
Н. Суслеников — Соревнование. Стихи	179
Д. Семеновский — Пушкин и Палех. Очерк	181
Борис Иовлев — Счастье. Утро. Сыну. Стихи	191
В. Мамушин — Скрипач. Стихи	193
А. Петров — Ткачиха Ефимова. Очерк	194

По родному краю

Б. Красов — Шуйская гармошка. Очерк	221
И. Жмурин — Теза. Очерк	228

Статьи

П. Куприяновский — А. М. Горький и ивановцы	235
И. Алексеев — О работе с начинающими авторами	251

Отзывы о книгах

В. Павлов — Ожившие предания	258
В. Александров — О повести Дм. Прокофьева „Высота“	262
Л. Кудрин — Поэзия, идущая в ногу с жизнью	265
М. Ефимов — „По следам минувшего“	267

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание (mirrored text, likely bleed-through from the reverse side of the page)

Редколлегия: Г. И. Горбунов, М. Х. Кочнев, П. В. Куприяновский, Д. Н. Семеновский, М. Д. Шошин (отв. редактор).

Подп. к печ. 16/VIII-1949 г. КЕ—02132. Печ. л. 17^{1/4}. Уч.-изд. л. 17,8.
В печ. л. 43776 тип. зн. Тираж 5000 экз. Цена 9 руб.

Ивановская типография областного издательства при облсполкоме,
Типографская, 4. Заказ № 4442.

ЭБФ

9 руб.

